

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Правительство Алтайского края
Совет по вопросам реализации государственной национальной политики при
Правительстве Алтайского края
Алтайский государственный университет
Институт гуманитарных наук
Краевое автономное учреждение «Дом народов Алтайского края»
Ресурсный центр по развитию гражданских инициатив и содействию
интеграции народов и культур в Алтайском крае
Алтайская краевая общественная организация психолого-социального
сопровождения и охраны здоровья «Позитивное развитие»

СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И РАЗВИТИЕ ЭТНОКУЛЬТУР В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сборник материалов

XI Международной конференции

2023

ББК 60.542.15-26

М 695

Редакционная коллегия:

С. Г. Максимова, О. Е. Ноянзина, Д. А. Омельченко

М 695 Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве: сборник материалов международной научной конференции / отв. ред. С. Г. Максимова. – Вып. 12. Том 1. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та., 2023. – 316 с.

ISSN 2410-1583

В издание включены материалы XI Международной научной конференции «Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве», прошедшей 8-12 июня 2023 года в Алтайском государственном университете при поддержке Федерального агентства по делам национальностей, Правительства Алтайского края, Совета по вопросам реализации государственной национальной политики при Правительстве Алтайского края, а также материалы секции «Межнациональные и межконфессиональные отношения, международная миграция и безопасность в трансграничном пространстве стран Центральной Азии и Большого Алтая» Международной научно-практической конференции «Евразийская интеграция в новых условиях: особенности и перспективы», организованной 19-21 апреля 2023 г. Российской академией наук, Федеральным научно-исследовательским социологическим центром, Институтом демографических исследований РАН, Научным советом «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при Отделении общественных наук РАН.

Сборник предназначен для представителей органов законодательной и исполнительной власти в сфере социальной и национальной политики, специалистов комитетов по делам молодежи, некоммерческих организаций, ученых, преподавателей, аспирантов и студентов, а также всех лиц, интересующихся проблемами социальной интеграции и этнической безопасности.

ББК 60.542.15-26

Издание подготовлено и опубликовано в рамках реализации государственной программы Алтайского края «Реализация государственной национальной политики в Алтайском крае».

ISSN 2410-1583

- © Правительство Алтайского края, 2023
- © Краевое автономное учреждение «Дом народов Алтайского края», 2023
- © АКОО ПССОЗ «Позитивное развитие», 2023
- © Алтайский государственный университет, 2023
- © Ресурсный центр по развитию гражданских инициатив и содействию интеграции народов и культур в Алтайском крае, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ	3
Абдуллаев С.Н., Абдуллаева Г.С., Каракол (Кыргызстан) ПРИМЕНЕНИЕ СЕМИОТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ЭТНОКУЛЬТУР	7
Абдуллаев С.Н., Абдуллаева Г.С., Каракол (Кыргызстан) ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ВЕКТОР ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	11
Аманжолова Д.А., Москва (Россия) ДРУЖБА НАРОДОВ И СОВЕТСКИЙ НАРОД: ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ГИМНА СССР.....	16
Артюхин М.И., Пушкевич С.А., Минск (Беларусь) ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РАМКАХ ЕАЭС В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID- 19	23
Байбосунова Г.У., Бишкек (Кыргызстан) ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КЫРГЫЗСКОГО ОБЩЕСТВА И ЕЕ ИНТЕГРАЦИЯ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ).....	29
Бендрикова А.Ю., Синенко Е.А., Барнаул (Россия) ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ ВУЗОВ	34
Бобунова М.А., Курск (Россия) ТЕРМИНЫ СВОЙСТВА В КУРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ	43
Бобчак С.В., Владивосток, Третьякова О.С., Абакан (Россия) ИССЛЕДОВАНИЕ СИМВОЛИКИ НАЛИЧНИКОВ ДОМОВ СЕЛА ПОДСИНЕГО.....	49
Бокаева А.К., Нурсултанова Л.Н., Астана (Казахстан) РАЗВИТИЕ КАЗАХСКО-УЗБЕКСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....	53
Боркошев М.М., Кочкорова Г.А., Кызыл-Кия (Кыргызстан) ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ НРАВСТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ УЧАЩИХСЯ К ОКРУЖАЮЩЕЙ ПРИРОДЕ В ПРОЦЕССЕ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСКУРСИИ	59
Ван Сяюй, Жалсанова Б.М., Чита (Россия) СТИЛЬ ДРАКОНА В КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ	66
Гао Сюйсян, Цзинань (КНР) КИТАЙСКО-РОССИЙСКОЕ МУЗЫКАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	68

Грицких Н.В., Рыбак Н.С., Иркутск (Россия) СОВРЕМЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ТРЕНДОВ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНАХ.....	73
Дыгало Е. (Воронеж, Россия) ЭТНОКОНТЕНТ В СМИ И СОЦСЕТЯХ КАК ФАКТОР ПРОДВИЖЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ОБРАЗА СИБИРИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ	88
Егорова М.М., Владивосток (Россия) ОСОБЕННОСТИ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЯКУТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В АСПЕКТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	101
Егунова В.А., Владивосток (Россия) РАЗРЕШЕНИЕ КОНФЛИКТОВ МЕЖДУ ТРУДОВЫМИ МИГРАНТАМИ И МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ.....	106
Замараева З.П., Пермь (Россия) СОЦИАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	109
Злобина Ю.И., Барнаул (Россия) ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ О РУССКИХ: ДИНАМИКА ВОСПРИЯТИЯ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ КИТАЙЦЕВ.....	117
Камчыбек уулу Мырзабек, Бишкек (Кыргызстан) СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД В СОЦИОЛОГИИ К ПОНЯТИЮ «САМОПОНИМАНИЕ».....	126
Каплун О.Ю., Ильченко Е.И., Владивосток (Россия) МИГРАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ	134
Красильникова О.С., Кемерово (Россия) РЕЦЕПЦИЯ ЧУЖОГО В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА (ОПЫТ КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)	137
Максимова С.Г., Омельченко Д. А., Ноянзина О.Е., Барнаул (Россия) РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ.....	142
Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А., Барнаул (Россия) АДАПТАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНЫХ РЕГИОНОВ АЛТАЯ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА	153
Лазаренко Э.С., Бишкек (Кыргызстан) ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ФЕНОМЕНА МАХАЯНЫ В КЫРГЫЗСТАНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	160
Марков А.А., Гаврилова А.С., Санкт- Петербург (Россия) ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ: СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ В НОВОЙ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ	168

Матвеевко М.В., Владивосток (Россия) СМЕРТНАЯ КАЗНЬ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ	174
Моисеева А.Ю., Владивосток (Россия) ТЕХНИКИ И МЕТОДЫ УЛУЧШЕНИЯ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ	178
Московкина Е.А., Барнаул (Россия) ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ.....	183
Мохорова А.Ю., Демидов В.П., Долженкова Е., Погодин С.Н., Санкт-Петербург (Россия) ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫХ СИСТЕМ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА	189
Ноянзина О.Е., Максимова С.Г., Барнаул (Россия) ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОМИНИРУЮЩИХ ТИПОВ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В АЛТАЙСКОЙ ГОРНОЙ СТРАНЕ	194
Омельченко Д. А., Максимова С.Г. Барнаул (Россия) ЭТНИЧНОСТЬ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ: ВЗАИМОСВЯЗИ И РАЗЛИЧИЯ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧНОГО РЕГИОНА РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ.....	205
Осипова Е.Н., Барнаул (Россия) ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛЮДЕЙ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА	214
Потапова Ю.В., Маленова А.Ю., Маленов А.А., Потапов А.К., Омск (Россия) СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЖИТЕЛЕЙ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ РАЗНОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ.....	219
Саютина И.П., Барнаул (Россия) ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ.....	222
Сидоренко И.О., Барнаул (Россия) КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕТЕРМИНАНТ ПРИВЕРЖЕННОСТИ ПРОФЕССИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ	230
Сун Цзяцзя, Вэньчан (Китай /Россия), Дмитриева Л.М., Барнаул (Россия) ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОДОНИМОВ ОСТРОВА ХАЙНАНЬ	235
Сытых О.Л., Барнаул (Россия) ТРАНСЛЯЦИЯ ЗНАНИЯ И ОПЫТА КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУР	241
Умурзакова Г.К., Джалал-Абад (Кыргызстан) ТРАДИЦИИ КЫРГЫЗОВ И ИХ ПРОБЛЕМЫ В НОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ XXI ВЕКА.....	252
Чжан Мяо, Жалсанова Б.М., Чита (Россия) СТИЛЬ ЛОЛИТЫ КАК СПОСОБ САМОВЫРАЖЕНИЯ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ КИТАЯ.....	258

Чжан Юньфэй, Барнаул (Россия/Китай) ТОПОНИМЫ «КУНЬЛУНЬ», «ТЯНЬ-ШАНЬ» И ПОКЛОНЕНИЕ БОГУ КИТАЙЦЕВ	266
Чжао Шуай, Жалсанова Б.М., Чита (Россия) СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО КИТАЯ НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА СУНЧЖУАНСКИХ ЖИВОПИСЦЕВ.....	272
Чуканова Т.В., Барнаул (Россия) ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	275
Шакен Б., Астана (Казахстан) ПОНЯТИЕ И СПЕЦИФИКА КАЗАХСКОЙ РЕПАТРИАЦИИ	284
Шаукенова З.К., Курганская В.Д., Алматы (Казахстан) ВЗАИМОВЛИЯНИЕ КУЛЬТУР НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАХСТАНА) ..	295
Щербакова О.С., Барнаул (Россия) БАЛЛАДНЫЕ ПЕСНИ В ЭТНОКУЛЬТУРЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ.....	302
Щукина Р.И., Пермь (Россия) РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ИНТЕГРАЦИИ ЕВРАЗИЙСКИХ НАРОДОВ	306
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	314

ПРИМЕНЕНИЕ СЕМИОТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ЭТНОКУЛЬТУР

Абдуллаев С.Н., Абдуллаева Г.С., Каракол (Кыргызстан)

Аннотация. В статье описывается возможность интерпретации культуры как системы культурем. Культуремы являются моделями знаков. Асимметрия сторон знаков обуславливает развитие культуры. Такие процессы активны в ситуации межкультурного взаимодействия. Вариации и развитие культурем можно видеть, в частности, на примере распространенного на пространстве Евразии праздника Сабантуй. Авторы рассматривают этнические культуры как системы культурем. Такие единицы имеют двусторонний характер. Формальная сторона тесно связана с содержанием. Если такая связь нарушается, мы имеем дело с явлением асимметрии. Асимметрия часто является причиной развития этнических культур. В процессе исследования этнических культур исследователи могут строить модели. Такие модели помогают увидеть этнические культуры в виде автономных систем.

Ключевые слова: этническая культура, система, модель, асимметрия.

APPLICATION OF A SEMIOTIC APPROACH TO THE STUDY OF ETHNIC CULTURES

Abdullayev S.N., Abdullayeva G.S., Karakol (Kyrgyzstan)

Abstract. The article describes the possibility of interpreting culture as a system of culturemes. Culturemes are models of signs. The asymmetry of the sides of the culturemes determines the development of culture. Such processes are active in the situation of intercultural interaction. Variations and development of culture can be seen, in particular, on the example of the Sabantuy holiday, which is widespread in Eurasia. The authors consider ethnic cultures as systems of culturemes. Such units are bilateral in nature. The formal side is closely related to the content. If such a connection is broken, we are dealing with the phenomenon of asymmetry. Asymmetry is often the cause of the development of ethnic cultures. In the process of studying ethnic cultures, researchers can build models. Such models help to see ethnic cultures in the form of autonomous systems.

Keywords: ethnic culture, system, model, asymmetry.

Целью данной статьи является применение элементов модельного подхода к изучению этнических культур в контексте межкультурного взаимодействия в условиях зарубежья. Изложение будет вестись на примере татарской этнической культуры как одной из распространенных этнических культур на евразийском пространстве. В

данном случае мы будем подразумевать под культурой то, как люди мыслят, и что они создают. Всякая культура стремится к системности [6]. Это обстоятельство усиливается глобальным характером культурных связей [5, с. 114]. Культурные процессы, на наш взгляд, обнаруживают определенные закономерности, которые можно обнаруживать, осмыслять и использовать в конструктивном плане. Определенный интерес такие закономерности вызывают в аспекте взаимодействия культур. В этой работе мы обращаемся к семиотическому подходу в изучении татарской культуры в условиях реалий современного Кыргызстана. Это дает возможность подойти к объекту исследования системно, а также разнообразить репертуар методов изучения современной татарской культуры [4, с. 176]. Одним из значимых понятий для нас служит понятие культуры. Под культурой мы понимаем единицу национальной культуры, имеющую знаковую природу. Культура содержит две стороны, формальную, или обозначающую, и содержательную, или обозначаемую. Другими словами, культурой можно считать отдельные автономные элементы культуры, а саму культуру в целом можно интерпретировать как систему культуры. Мы предполагаем возможность моделировать культуру, т. е. идентифицировать и изучать их модели, представляя последние специальными формулами, в которых отражаются формальная и содержательная стороны культуры [3].

В данном случае мы намерены рассмотреть знаковую для татарского этноса культуру – праздник «Сабантуй». По существу, данная культура может считаться в определенном смысле и культурным кодом татарского народа. Сложившиеся прочные традиции сабантуя как внешняя сторона будней татарского народа передают атмосферу праздника-передышки после завершения весенних полевых работ. В условиях Иссык-Кульской области, служащей «визитной карточкой» современного многонационального Кыргызстана, сабантуй проводится в городских условиях. Кроме того, сам праздник испытывает влияние творческой природы местного межкультурного диалога. Разнообразные стратегии такого взаимодействия ведут к ситуации асимметрии модели культуры.

Когда мы говорим об асимметрии культуры, можно отметить достаточно распространенное в русской речи изменение смысла в обозначаемом: один из лексико-семантических вариантов лексики «сабантуй» в повседневном употреблении часто используют в смысле «пирушка, торжество». Асимметрию знака на примере татарского языка в условиях зарубежья можно также усмотреть в трансформации

обозначаемого рассматриваемой нами культуремы именно как следствие межкультурного диалога. В Кыргызстане на одном из исыккульских сабантуев в 2018 году со сцены было сделано замечание о том, чтобы правильно различали исконное татарское написание и произношение названия праздника – «Сабантуе», т.е. «праздник плуга». Многолетняя традиция совместного с другими этносами проведения праздника постепенно отразилась в рецепции названия праздника. В условиях реалий города Каракол Исык-Кульской области сегодня праздник отмечается и воспринимается скорее как не «Сабантуе (праздник плуга)», а как «Дуслыктуе (праздник дружбы)». Но он вполне вписывается в череду многочисленных сабантуев, проводимых в Татарстане, России и зарубежье. В данном случае, как представляется, важно подчеркнуть, что речь идет о культуреме именно одной татарской культуры, точнее, о ее варьировании и несомненном обогащении содержания. Поэтому формула модели **{{(обозначающее): (обозначаемое)}}** содержит указание на две стороны культуремы как знака.

В том случае, когда мы моделируем межкультурное взаимодействие, в формулу модели вводятся еще два компонента – комбинаторный и прагматический. Следовательно, здесь речь идет уже о нескольких культурах. Протекающие при этом процессы мы однозначно квалифицируем как развитие и обогащение культурем. Так, например, известное блюдо «азу по-татарски» в результате взаимодействия с местными кулинарными традициями создало свой дополнительный вариант «гүрүч азу», т. е. *рисовое азу*.

Модель межкультурной коммуникации можно приложить к случаю с варьированием культуремы «сабантуй». Комбинаторный аспект модели подразумевает зону взаимодействия и взаимовлияния татарского и других этносов в Прииссыккулье. Прагматическая сторона модели позволяет осмыслить возможности обогащения и совершенствования сабантуйных традиций. Перед нами конкретный пример семиозиса и осмысления порождаемых новых смыслов культурологического знака.

Помимо динамики культурных процессов, являющихся значимыми для развития этноса в нынешнее время, мы посчитали нужным указать на публично-дипломатический характер описываемых процессов. Дело в том, что носители татарских культурем в Кыргызстане, как и представители других энических групп, объединяются в общественные объединения, которые являются институционально оформленными. Они входят в Ассамблею народа Кыргызстана [1, с. 120-125]. На начальном этапе функционирования

этой массовой общественной организации этногруппы фокусировались на задачах сохранения родного языка и культуры. С течением времени акцент перешел на проблемы развития культуры и использование механизмов публичной дипломатии [2, с. 204]. Причем национально-культурные сообщества работают над позитивным имиджем своей культуры, имея в виду адресатов и в Кыргызстане, и за его пределами.

Таким образом, подводя итоги, можно выделить специальный аспект в развитии элементов татарской культуры на примере Сабантуя. Обращаясь к понятиям семиотической науки, мы можем рассматривать популярный национальный праздник в качестве культурыемы. В основе процессов варьирования знаковой природы данной культурыемы лежит ее ассиметрия. Она может быть в значительной мере обусловлена межкультурным взаимодействием на территории Кыргызстана. Следовательно, допустимо, на наш взгляд, говорить, во-первых, о развитии Сабантуя как культурыемы в унисон изменениям в реальной жизни и, во-вторых, рассматривать указанные конкретные итоги межкультурного диалога в качестве проявлений актуальной сегодня публичной дипломатии.

Литература

1. *Абдуллаев С.Н., Абдуллаева Г.С.* Народные ассамблеи: моделирование устойчивого развития полиэтничного общества // Человек. Культура. Образование. 2020. №1 (35). С. 120-131.
2. *Абдуллаев С.Н., Абдуллаева Г.С.* Потенциал публичной дипломатии // Семиозис и культура: современные культурные практики.-Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2021. С. 196-206.
3. *Абдуллаева Г.* Модельно-правовые вопросы этнокультурализма. Саарбрюккен, 2016. 76 с.
4. *Абдуллаева Г.С.* Семиотический подход к моделированию этнокультурализма // Вестник МУК. Бишкек. 2020. №1 (40). С. 175-182.
5. *Кочергин А.Н.* Культура как система // Вестник Томского государственного университета. 2008.№ 1 (75). С. 109-116.
6. *Уайт Л.А.* Избранное: Наука о культуре; перевод с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 960 с.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ВЕКТОР ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Абдуллаев С.Н., Абдуллаева Г.С., Каракол (Кыргызстан)

Аннотация. Настоящая статья является результатом осмысления этнокультурных процессов в Кыргызстане. Авторы описывают интеграционные процессы на примере этнокультурных сообществ татар и уйгуров Кыргызстана. Они являются членами массовой этнокультурной организации – Ассамблеи народа Кыргызстана. Авторы применяют термин «когезия» для обозначения интеграционных процессов в Кыргызстане и на пространстве Евразии. Для научного изучения деятельности этнокультурных общественных объединений авторы используют метод моделирования. Модель этнокультурных акторов евразийской интеграции имеет четыре аспекта. Особенно актуальным является комбинаторный аспект модели. Этот аспект изучает процессы когезии и границы культур на пространстве Евразии. Этнокультурные ресурсы евразийской интеграции являются примером публичной дипломатии.

Ключевые слова: этнокультурный, интеграция, когезия, модель, евразийский

ETHNO-CULTURAL VECTOR OF EURASIAN INTEGRATION

Abdullaev S.N., Abdullayeva G.S., Karakol (Kyrgyzstan)

Abstract. This article is the result of understanding the ethno-cultural processes in Kyrgyzstan. The authors describe integration processes using the example of the ethno-cultural communities of Tatars and Uighurs of Kyrgyzstan. They are members of a mass ethno-cultural organization – the Assembly of the People of Kyrgyzstan. The authors use the term "cohesion" to denote integration processes in Kyrgyzstan and in the Eurasian space. For the scientific study of the activities of ethno-cultural public associations, the authors use the modeling method. The model of ethno-cultural factors of Eurasian integration has four aspects. The combinatorial aspect of the model is particularly relevant. This aspect studies the processes of cohesion and the boundaries of cultures in Eurasia. The ethno-cultural resources of Eurasian integration are an example of public diplomacy.

Keywords: ethnocultural, integration, cohesion, model, Eurasian

Под межэтническими отношениями в данном случае понимаются разнообразные социокультурные отношения в социуме между различными этническими группами. В современную эпоху они стали более активными, в силу чего возросла значимость исследований по вопросам культурного пограничья [4, с. 108].

Обращаясь к межкультурным отношениям, мы прежде всего будем основываться на признаке их институциональной оформленности или неформальности. В первом случае объектом нашего внимания будут институционально оформленные отношения, акторами которых выступают юридически зарегистрированные татарские национально-культурные сообщества. Во втором случае мы будем затрагивать отношения в широком смысле между представителями этнических групп.

Институционально оформленные отношения в Кыргызстане ассоциируются с массовой общественной организацией – Ассамблеей народа Кыргызстана (АНК) [1, с.120-131]. Члены АНК позиционируются как реальные представители того или иного этноса. Причем, де-факто в рамках одной этнической группы может быть организовано несколько юридических лиц. Так обстоит дело и с кыргызстанскими татарами. В разных городах, Бишкеке или, например, Караколе, одновременно существуют несколько сообществ. Всемирный конгресс татар рекомендует юридически самостоятельным организациям выходить на аналогичную по статусу организацию «Туган тел», потому что она «входит в АНК». С такой позицией многие не согласны, поскольку по определению АНК объединяет весь народ Кыргызстана, и многие этнокультурные сообщества в регионах, с одной стороны, входят в местные отделения АНК, а, с другой стороны, напрямую связаны со Всемирным конгрессом татар, миссия которого заключается в работе с татарами всего мира. Если смотреть на татарские этнокультурные сообщества глазами других этносов Кыргызстана, то многие отмечают такую особенность татарских организаций, как несменяемость их лидеров. В то же время, например, у сообщества уйгуров Кыргызстана «Иттипак» руководитель переизбирается каждые четыре года.

Этнокультурный исследовательский центр «Ренессанс» на протяжении многих лет занимается исследованием вопросов материальной и нематериальной культуры. При изучении вопросов бытования этногрупп в Прииссыкулье здесь применяется метод моделирования межкультурной коммуникации [2; 3].

В общественном дискурсе государств-партнеров СНГ применительно к этнокультурным организациям часто употребляется термин «модель». Так, Ассамблея народа Кыргызстана именуется моделью единства и согласия. Казахской моделью межэтнического согласия называют процессы гражданской интеграции. Ниже под моделью мы будем понимать семиотическое видение структурно-функциональной природы этнокультурных ассоциаций (ассамблей

народа/народов) в качестве акторов публичной дипломатии. В семиотической этнологии и публичной дипломатии модель этнокультурализма интерпретируется в качестве двусторонней знаковой сущности [2, с. 35]. В подобном понимании модели в ее составе отражены типовые формальные и содержательные аспекты деятельности, например, Ассамблеи народа Кыргызстана. В настоящей работе мы расширяем свое понимание модели и вводим в ее состав еще два компонента: комбинаторный (компонент, отражающий вопросы взаимодействия и интеграции) и прагматический. Таким образом, наше представление модели в качестве теоретического конструкта можно показать следующим образом.

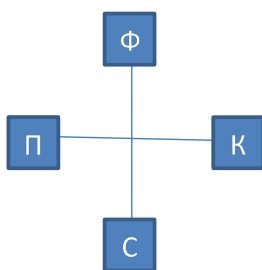

Рисунок – Модель ассамблеи народа / народов.

Используемые символы означают: Ф – формальная сторона модели, подразумевающая такие внешние атрибуты как национальная одежда, архитектура, кухня и др.; С – содержательная сторона модели (обычаи, менталитет, ценности и др.); К – комбинаторная сторона модели, фокусирующаяся на взаимоотношениях и контактах между народами (например, смешанные браки, перевод художественных произведений, культурные форумы, праздники и мероприятия и др.); П – прагматическая сторона модели (искусство, культура, образование и др.).

Модель ассамблеи народа/народов мы называем многомерной. Мерой для нас выступают аспекты, факторы и инструменты, при помощи которых мы постигаем природу интересующего нас социально-культурного института.

Такая модель содержит четыре стороны: внешне-формальную (особенности архитектуры, одежды, кухни); содержательную (обычаи, традиции, ценности); комбинаторную (совместные праздники, смешанные браки, торговля); прагматическую (положительное и отрицательное при межкультурном взаимодействии). В этой связи представляется логичным различать поле национальной культуры и

сферу межкультурной коммуникации. В первом случае моделируются лингвокультураны как двусторонние единицы описания, а во втором применяется вышеуказанная четырехсторонняя модель, предполагающая межнациональное взаимодействие. Лингвокультураны отдельными авторами понимаются в качестве комплексных межкультурных единиц описания лингвокультурологического поля, представляющих собой «диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного и предметного) содержания» [5, с. 15-16].

В широком смысле (не обязательно институционально оформленные) отношения между культурами Кыргызстана можно толковать в контексте противопоставления «интеграция : изоляция». Интеграционные процессы можно назвать социальной когезией, условием возникновения ситуации культурного пограничья. В условиях Иссык-Кульской области Кыргызстана допустимо говорить о двух видах средств социальной когезии: бинарных и общих. Примером бинарных отношений могут послужить объединения татар и башкир. Примером отношений общего типа можно назвать совместные праздники, смешанные браки, общие проблемы (ковид, охрана окружающей среды), общие культурные ценности и др.

Приведем пример возникновения межкультурной этнолингвокультураны в ситуации культурного пограничья. В период становления города Каракол сюда прибыли переселенцы из Поволжья – татары и Восточного Туркестана – дунгане. Вместе с русскими, киргизами, уйгурами они строили новый город. Татары и дунгане жили в нижней части города. У них существовал обычай на ужин заносить соседу одну порцию приготовленного на сегодня блюда. Однажды соседи-татары через детей передали соседям-дунганам бульон с лапшой (*аш*). А соседи в тот день приготовили блюдо из крахмала и вытянутого теста (*лаңфуң*). Они решили смешать два блюда, щедро добавив при этом домашнего уксуса. Получилось новое блюдо – *ашляңфу*, которое стало сегодня брендом города Каракол.

Вопросы трактовки межнациональных отношений в качестве ресурса для воспитательных стратегий в образовании возникают при обращении к проблематике социальной когезии. Это происходит потому, что ориентиром здесь служит предотвращение таких негативных проявлений в обществе и образовании, как межнациональная рознь и противопоставление языков и культур [7, с. 304].

Итак, вопросы евразийской интеграции возникают при обращении к проблематике социальной когезии. Сразу же отметим, что главной задачей, наверное, при этом служит вопрос сохранения этнокультурной идентичности татар. В регионе, к сожалению, имеется живой пример утраты такой идентичности: прииссыккульские калмыки сегодня практически утратили свою идентичность. Следовательно, вопросы сохранения ядра этнокультурной идентичности должны быть всегда в поле нашего зрения. Применительно к языку ориентирами здесь, очевидно, все-таки призваны служить нормы современного татарского литературного языка, который, тем не менее, должен постоянно развиваться и обогащаться. В этой связи, думается, можно подумать над проблемой реконструкции (возрождения) «комбинаторного» потенциала этнических культур. Метод моделирования позволяет экстраполировать модельные процессы на уровень Ассамблеи народов Евразии. Это обусловливается изоморфизмом формального устройства и содержания уставной деятельности многочисленных этнокультурных сообществ на пространстве СНГ и Евразии.

Литература

1. *Абдуллаев С.Н., Абдуллаева Г.С.* Народные ассамблеи: моделирование устойчивого развития полиэтничного общества // Человек. Культура. Образование. 2020. №1 (35). С.120-131.
2. *Абдуллаева Г.* Модельно-правовые вопросы этнокультурализма. Саарбрюккен, 2016. 76 с.
3. *Абдуллаева Г.С.* Семиотический подход к моделированию этнокультурализма // Вестник МУК. Бишкек. 2020. №1 (40). С. 175-182.
4. *Андреева А.А.* Пограничье в контексте идей культурно-исторической эпистемологии // Вестник КалмГУ. 2017. № 35 (3). С. 108-114.
5. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология в новой парадигме гуманитарного знания XXI века: от теории к практике // Изучение и преподавание русского языка в разных лингвокультурных средах. М.: РУДН, 2019. С. 8-17.
6. *Кочергин А.Н.* Культура как система // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 1 (75). С. 109-116.
7. *Шаймарданов Р.Х., Хужиэхматов Ә.Н.* Татар милли педагогикасы. Казан: Мәгариф, 2007. 399 б.

ДРУЖБА НАРОДОВ И СОВЕТСКИЙ НАРОД: ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ГИМНА СССР

Аманжолова Д.А., Москва (Россия)

Выполняется по проекту ИРН АР14871932 Аудиовизуальные сюжеты социальной истории и культурной памяти казахстанского общества (конец XIX – нач. XXI вв.)

Аннотация. Проблемы гражданской консолидации и межэтнической интеграции советского общества представляют существенный интерес в контексте актуальных задач социального развития многонациональной России и стран Евразии. Амбивалентный характер идейно-политических и социально-культурных практик, которые разрабатывались и использовались в 1920-1940-е годы в СССР, подтверждает сложность процессов перехода народов страны от традиции к модерности. Интернационализм и братство народов стали важнейшим фундаментом советского нацистроительства, всего комплекса идеологической, образовательной, пропагандистской, социальной и культурной работы. В предвоенный период наряду с тезисом о дружбе народов утверждается концепт «советский народ», хотя анализ взаимосвязи и существования интеграционных процессов в многонациональном обществе лишь намечался. Репрезентация новых социально-культурных смыслов и ценностей сопровождалась их семантическим наполнением, приобретая особое значение в годы Великой Отечественной войны. В этом плане в ряду государственных и культурных символов особое место занимает гимн СССР, что подтверждает история его создания в 1943 году.

Ключевые слова: советская национальная политика, гимн СССР, межкультурная интеграция, дружба народов, советский народ

FRIENDSHIP OF PEOPLES AND THE SOVIET PEOPLE: FROM THE HISTORY OF THE CREATION OF THE USSR ANTHEM

Amanzholova D.A., Moscow (Russia)

Abstract. The problems of civil consolidation and interethnic integration of Soviet society are of significant interest in the context of the urgent tasks of social development of multinational Russia and the countries of Eurasia. The ambivalent nature of the ideological, political and socio-cultural practices that were developed and used in the 1920s and 1940s in the USSR confirms the complexity of the processes of transition of the country's peoples from tradition to modernity. Internationalism and the brotherhood of peoples became the most important foundation of Soviet nation-building, the whole complex of ideological, educational, propaganda, social and cultural work. In the pre-war period, along with the thesis about the friendship of peoples,

the concept of the "Soviet people" was approved, although the analysis of the relationship and essence of integration processes in a multinational society was only outlined. The representation of new socio-cultural meanings and values was accompanied by their semantic content, acquiring special significance during the Great Patriotic War. In this regard, the anthem of the USSR occupies a number of state and cultural symbols, which is confirmed by the history of its creation in 1943.

Keywords: *Soviet national policy, anthem of the USSR, intercultural integration, friendship of peoples, Soviet people*

Дискуссии вокруг концепта «советский народ» и проблем межкультурной интеграции советского полиэтничного общества занимают заметное место в современном историографическом пространстве. В них участвуют и отечественные, и зарубежные историки, имеющие нередко полярные позиции в оценке характера, масштабов, хронологии и существа процессов гражданской консолидации в СССР [1, 9, 10, 11, 12]. Само понятие «советский народ» в официальной повестке первой половины XX в. предполагало социально-политическую консолидацию, прежде всего единство рабочих и крестьян, создавших государство советов, что не отменяло, а совмещалось с не менее важным и постоянно поддерживаемым дискурсом о равенстве и дружбе народов. Поликультурное наполнение советского гражданства было реальностью, которая имела историческую почву и постепенно прочно утверждалась в массовом сознании при обращении к понятию «советский народ». Особый смысл гражданская консолидация общества приобрела в годы Великой Отечественной войны, когда массовый патриотизм представителей всех народов страны обеспечил всемирно-историческую по значимости Победу над нацизмом.

Межнациональной солидарности власть и общество уделяли большое внимание, что нашло отражение не только в методах идеологии и пропаганды, но и в социокультурных практиках, имевших разнообразное воплощение в каждом регионе советской федерации. К примеру, в приветственном письме к Сталину 530 участников митинга в честь 20-летия Якутской АССР 6 сентября 1942 г. активно использовались политически важные понятия, отражавшие амбивалентный характер концептуальных подходов власти к развивающейся культурно сложной общности: «советские люди», «братство между народами», «советский народ», «якутский народ» [4, л. 61-70].

Между тем в 1943 г. коренной перелом в ходе войны, перемены во внутривнутриполитической жизни и международном положении

продиктовали необходимость в обновлении государственной символики, важнейшее место в которой занимал гимн СССР. До этого времени его роль исполнял «Интернационал». Работа над подготовкой гимна началась весной 1943 г. в специальной Комиссии. Как объяснял в июне 1943 г. А.С. Щербаков, «Интернационал» должны петь те, кто еще не разрушил старый мир, а «от гимна требуется больше, слова его должны жить минимум десятилетия, а, может, и даже наверняка, и сотни лет. Музыка должна быть доходчивой, выразительной. Народ будет петь его в радостях и в горестях. Гимн должен войти в кровь народа» [3, с. 844-845]. Понятие «народ» здесь прямо подтверждало гражданское единство советского общества. К октябрю 1943 г. Институт марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) подготовил для Президиума Верховного Совета СССР справку о судьбе «Интернационала» в репрезентации советского строя. Как государственный гимн он официально не утверждался, распространившись «бытовым путем». В качестве «международного гимна» его опубликовала «Правда» уже 5 марта 1917 г., а 10 марта в передовице «Красное знамя» главный орган печати большевиков указывал: «Такое же значение, как «Красное знамя», имеет песня «Интернационал». ...Ее поют европейские рабочие, должны петь и мы, при всяких пролетарских выступлениях. Мотив песни – родной мотив для рабочих всех стран.

...Русская революционная армия должна обучиться хоровому пению 'Интернационала'» [7, л. 7-8, 12]. Первое хоровое исполнение «Интернационала» состоялось на общем собрании гласных районных дум Москвы 27 октября (9 ноября) 1917 г., а после установления советской власти – 28 (15) ноября 1917 г. на первом торжественном заседании ЦИК советов и 21 декабря на объединенном заседании СНК, ЦИК, Петроградского городского и районных советов. Инициатива превратить «Интернационал» в национальный гимн принадлежала М.Н. Покровскому. При закрытии 1-го Всероссийского съезда по просвещению 4 сентября 1918 г. он предложил: «Теперь у нас нет национального гимна. Пусть же революционный Интернационал будет нашим национальным гимном». Как вспоминал один из участников, «под мощные звуки международной революционной пролетарской песни делегаты покинули съезд» [7, л. 7]. Понятно, что эта песня стала актуальным воплощением революционного оптимизма и надежд на всемирную победу коммунистического проекта.

Теперь «Интернационалу» предстояло оставаться лишь партийным гимном, а ставшая воплощением советскости песня В.И. Лебедева-Кумача и И.О. Дунаевского «Широка страна моя родная»

по стилистике и лиризму не могла претендовать на статус гимна, несмотря на торжественный характер. Как указывала Комиссия, «Гимн должен отразить следующие темы: 1. Победа рабочего класса в нашей стране и торжество власти трудящихся. 2. Братство и дружба победивших в борьбе народов Советского Союза. О партии упоминать не следует, так как гимн является всенародным, национально-беспартийным. Гимн должен быть немногословен, не более четырех куплетов, но сильным и выразительным по своему содержанию» [3, с.845]. Это, как и фундаментальное значение общегосударственного символа, объединяющего многонациональную страну, предопределило привлечение к конкурсу на создание текста и музыки представителей разных республик.

Рефреном большинства текстов стали социальное единство и этнокультурная солидарность граждан СССР. Среди 96 вариантов текста гимна СССР, принятых к рассмотрению, тема братского союза народов была положена в заглавие 7 текстов: «Свободен народов союз стоязыкий» – последний из 7 вариантов стихов М. Голодного на музыку Иванова-Радкевича и стихи С. Михалкова «Свободных народов союз благородный» на 3 варианта музыки Г. Эль-Регистана и один на музыку Д. Шостаковича, «Созвездием славы сверкают гербы» П. Германа. Наиболее активно продвигал идею гражданского единства советских людей С. Кирсанов. Он предложил 11 вариантов, в т.ч. с такими характерными названиями, в одном из которых значился «советский народ»: «Своей исконной землею народ, владей», «Народ советский, землей счастливой владей навеки» (это было 1-е трехстишие, в третьем говорилось также: «Пусть год от года живет свободно союз народов!»), «Мы – граждане Советского Союза». В последнем варианте были обозначены опорные точки общественного сознания – Москва как объединитель СССР, непобедимость советских людей, державность и союз народов, солидарность и доблесть рабочих и крестьян в труде и бою, сакральный характер земли как исторического наследия и величие советских вождей. Кирсанов писал, в частности:

«Народу отцы завещали:

- Навеки

Землею владей!

И создали Ленин и Сталин

Державу советских людей!

Да славится содружество народов -

Большая равноправная семья!

Трудящимся пашен и заводов

Дороже жизни –

Советская Земля!».

Аналогичные формулы положил в основу своих стихов П. Слетов («Слава народу великому, слава» на муз. Степанова и Шишова). Приоритет надэтнической общности советских людей отстаивали национальные авторы: дагестанский поэт, лезгин С. Стальский (1869-1937) («Одна на свете есть страна» на муз. Д. Кабалева), казахский поэт и литературовед Х. Жумалиев (1907-1968) («Необъятная могучая страна»), казахские поэты А. Тажибаев (1909-1998) и А. Токмагамбетов (1905-1983) («Мы великий народ той победной страны» и «Мы светлую, новую долю свою»). Центральное место в смысловом ряду авторов текстов для гимна страны заняли консолидирующие понятия: «наш народ», «народов союз стоязыкый», «Союз великий», «Родина, братским воспетая хором», «наша Держава», «народ наш благородный», «Слава народу великому, слава» и др.

История создания гимна освещена в исторической и культурологической литературе. 14 декабря 1943 г. был утвержден окончательный вариант Гимна СССР (музыка А.В. Александрова, слова С.В. Михалкова и Г.А. Эль-Регистана) [7, л. 23-27, 89-90; 2, с. 228-229; 3, с. 852-853]. Поэты и композиторы, участвовавшие в конкурсе, получили премии от 4 до 32 тыс. руб., победители – по 100000 руб., что соответствовало Сталинской премии I степени. Переводы на языки народов СССР (а также иностранные языки) были осуществлены при участии республиканских писательских коллективов в марте 1944 г.

Повсеместное исполнение Гимна началось в марте 1944 г. Его пропаганде, разучиванию и внедрению в массовое сознание на фронте, в тылу и на оккупированных территориях придавалось огромное значение. Это было весьма актуально, поскольку общественные настроения были весьма противоречивы. Трагические события войны, тяжелейшие морально-психологические и культурные испытания, наряду с социальными и экономическими тяготами, не могли не отразиться на отношении людей к политическим переменам. Это отчетливо показывают сообщения о политических настроениях на местах, представленные в Управление пропаганды и агитации ЦК партии в мае 1943 г.: в Свердловске на Уралмашзаводе в 36 цехе «кто-то пустил слух, что пение "Интернационала" запрещено. Раздались голоса: "Что же теперь, "боже царя" будем петь?». Многих волновало: «Будем ли петь "Интернационал"?» Нередко звучали высказывания, что роспуск Коминтерна и отказ от «Интернационала» – уступка союзникам. Возврат к отдельным досоветским политическим практикам порождал недоумение, отражая и результативность советской политико-

воспитательной системы, и многозначный смысл социальных новаций, скрепляющих прошлое и настоящее: «Сначала погоны, потом попы, а теперь и Коминтерн» [8, л. 2-4].

Потребность научного анализа динамики и существования этносоциальных процессов в годы войны обнажила противоречия в представлениях ведущих ученых о соотношении «классового» и культурного/гражданского=советского в сложносоставном сообществе. Русский патриотизм в качестве основы идеологической работы требовалось совместить с продолжающейся поддержкой этнокультурной самобытности и гражданского патриотизма, независимо от национального происхождения. На известном совещании историков в 1944 г. отмечалось: «мы недостаточно изучаем историю советского периода ... Надо больше заниматься историей народов нашей страны и, в особенности, историей советских национальных республик». А.С. Щербаков констатировал: главное – «какие идеи воспринимаются массой – от этого зависит все». Не случайно в готовившихся затем тезисах «О некоторых недостатках и ошибках в научной работе в области истории СССР» А.А. Жданов выделил разделы «Национализм порождает империализм» и «Патриотизм порождает интернационализм», используя понятие «советский народ» как уже довоенную реальность: война стала «генеральным испытанием всех материальных и духовных сил советского народа, явилась также генеральным испытанием крепости дружбы народов СССР» [5, л. 121,123; 6, л. 48-91, 77].

В условиях войны, как и после ее окончания, общество приобрело новый героический и трагический опыт межкультурных коммуникаций, пересекающихся этносоциальных общностей, конфликтов и компромисса. Советский народ, как историческая культурно сложная реальность, приобрел осязаемые черты и получил международное признание не только и не столько благодаря идейно-политической практике и официальной риторике, сколько вследствие сложного взаимодействия социальных технологий, адаптивных кросскультурных практик, множества подвижных, разноуровневых групповых и индивидуальных модерностей, которые обретались в рамках реализации советского национального проекта и на основе предшествующего исторического опыта. История создания гимна СССР отчетливо демонстрирует это.

Литература

1. *Варнавский П.* Советский народ: создание единой идентичности в СССР как конструирование общей памяти (на материалах Бурятской АССР) // *Ab Imperio.* 2004. № 4. С. 239-262.
2. Музыка вместо сумбура: композиторы и музыканты в Стране Советов. 1917–1991 / Сост. Л.В. Максименков. М.: МФД, 2013. 860 с.
3. «Мы предчувствовали полыханье...» Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941 – сентябрь 1945 г. Документы и комментарии. Т. 2, книга 1 / рук. колл. Т.М. Горяева, сост. В.А. Антипина, З.К. Водопьянова (отв. сост.), Т.В. Домрачева. М.: Политическая энциклопедия. 2015. 892 с.
4. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 106.
5. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 244.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 222.
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 217.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 181.
9. «Советская нация» vs «советский народ»: к вопросу о проблематизации наднациональной идентичности // *Новое прошлое.* 2022. №4. С. 176-220.
10. *Суни Р.* Советское и национальное: единство противоречий // *Советские нации и национальная политика в 1920– 1950-е годы.* М.: РОССПЭН, 2014. С. 17-40.
11. *Тишков В.А.* Национальная идентичность и духовно-культурные ценности российского народа. СПб.: СПбГУП, 2010. 36 с.
12. *Эннкер Б.* «Советский народ», режим и сталинская конституция 1936 года: исследовательские подходы и теоретическая рефлексия над некоторыми вопросами политической истории Советского Союза. // URL: http://perspectivia.fafalter.de/content/publikationen/shdp/ennker_narod (дата обращения: 11.06.2014).

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РАМКАХ ЕАЭС В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID- 19

Артюхин М.И., Пушкевич С.А., Минск (Беларусь)

Аннотация: Представлен анализ состояния и основных тенденций развития внешней трудовой миграции в рамках Евразийского экономического союза за период 2014-2021 гг. Показано влияние пандемии COVID – 19 на процессы внешней трудовой миграции, в частности, на экспорт и импорт рабочей силы.

Ключевые слова: внешняя трудовая миграция, трудовые мигранты, рынок труда, Евразийский экономический союз, COVID – 19

MAIN TRENDS IN EXTERNAL LABOR MIGRATION WITHIN THE EAEU IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC

Artyukhin M.I., Pushkevich S.A., Minsk (Belarus)

Abstract: An analysis of the state and main trends in the development of external labour migration within the framework of the Eurasian Economic Union for the period 2014-2021 is presented. The impact of the COVID-19 pandemic on the processes of external labour migration, in particular, on the export and import of labor, is shown.

Keywords: external labour migration, labour migrants, labour market, Eurasian Economic Union, COVID – 19

Развитие внешней трудовой миграции населения на постсоветском пространстве во многом определяется процессом межгосударственной интеграции новых независимых государств. В настоящее время созданы такие межгосударственные интеграционные образования, как СНГ, Союзное государство России и Беларуси, Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС). В рамках этих интеграционных союзов идет процесс формирования общего рынка труда и единого миграционного пространства. Договор о ЕАЭС, подписанный главами государств в Астане в конце 2014 года, выводит данное направление сотрудничества новых независимых государств на качественно новый уровень. В соответствии с договором о создании ЕАЭС в странах-участниках этого интеграционного объединения трудовым мигрантам из России, Беларуси, Казахстана, Киргизии и Армении законодательством обеспечиваются равные права на трудоустройство, оплату труда и предоставление других социально-правовых гарантий. Благоприятные правовые и социальные факторы трудоустройства и защиты прав трудящихся-мигрантов из стран-

участниц ЕАЭС во многом способствуют динамичному развитию трудовой миграции в рамках этого интеграционного союза.

Как видим из данных рисунка 1, после вступления в силу договора о ЕАЭС в 2015 г. по сравнению с 2014 г. наблюдается значительный рост численности трудовых мигрантов из стран ЕАЭС, въехавших в Российскую Федерацию с целью трудовой деятельности. Так, в 2015 г. по сравнению с 2014 г. численность трудовых мигрантов из Казахстана выросла на 19,3%, или на 11329 чел., из Армении – на 35,7%, или на 69451 чел., из Беларуси на 0,3%, или 229 чел., из Кыргызстана на 37,9%, или 140776 чел. В последующие годы высокий уровень трудовой миграции из стран ЕАЭС в Россию сохранился. Так, по сравнению с показателями 2015 г. в 2021 г. численность трудовых мигрантов из Казахстана, временно работавших в России, выросла в 2,3 раза (с 70073 чел. до 163938 чел.), из Беларуси – в два раза (с 86463 чел. до 174500 чел.) (рис. 1).

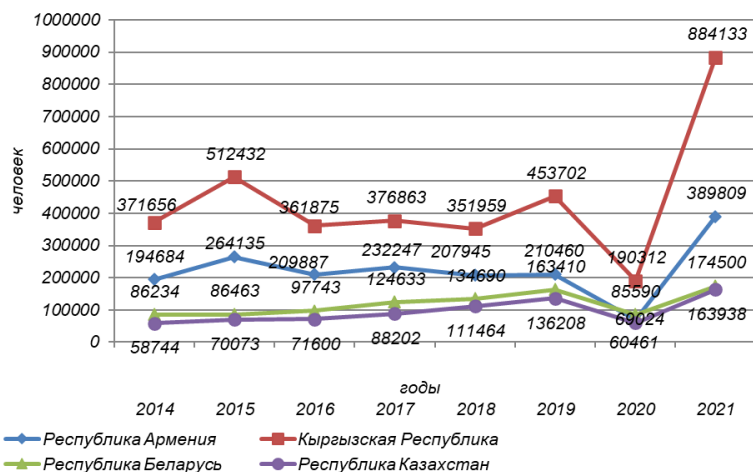

Рисунок 1 – Динамика численности трудовых мигрантов из стран ЕАЭС, въехавших в Российскую Федерацию за 2014-2021 гг., чел. [сост. по 1].

Анализ данных рисунка 1 показывает, что всего за 2015-2021 гг. в России временно работали 6283758 трудовых мигрантов из стран ЕАЭС. Доля Беларуси в общей численности трудовых мигрантов из стран ЕАЭС, работавших в России за этот период, составила 13,8 % (867029 чел.), Армении – 25,2% (1583507 чел.), Казахстана – 11,2% (701946 чел.),

Кыргызстана – 49,8% (3131276 чел.). Причем следует отметить, что за период 2015-2021 гг. численность временных трудовых мигрантов из Беларуси, временно работавших в Российской Федерации, увеличилась в два раза с 86463 чел. в 2015 г. до 174500 чел. в 2021 г.

Достаточно представительной страной по объемам внешней трудовой миграции в рамках ЕАЭС является Республика Казахстан, которая, как и Россия, выступает как донор, так и реципиент трудовых мигрантов из стран этого экономического союза. Миграционная статистика Департамента трудовой миграции и социальной защиты Евразийской экономической комиссии показывает, что всего за период 2015-2021 гг. в Казахстане временно работали 214886 трудовых мигрантов из стран ЕАЭС. Доля Беларуси в общей численности трудящихся иммигрантов, работавших в Казахстане за 2015-2021 гг., составила 3,2%, или 6899 чел. (рис. 2).

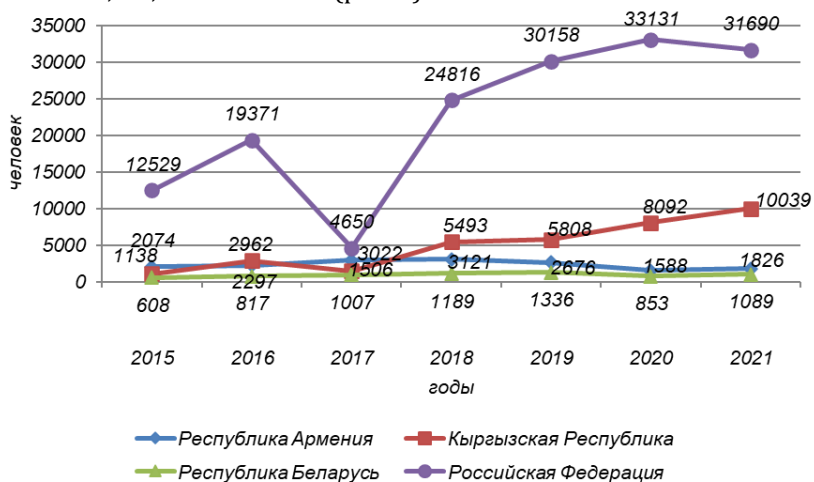

Рисунок 2 – Динамика численности трудовых мигрантов из стран ЕАЭС, въехавших в Казахстан за 2015-2021 гг., чел. [сост. по 1].

Как свидетельствуют данные рисунка 2, за период 2015-2020 гг. из Беларуси в Казахстан в 2015 г. въехали 608 трудовых мигрантов, в 2018 г. – 1189, в 2019 г. – 1336. В последующие годы наблюдался ощутимый спад – в 2020 г. въехало 853 мигранта, в 2021 г. – 1089 чел.

Беларусь в рамках ЕАЭС в большей мере выступает как страна-донор, чем как страна-реципиент трудовых мигрантов из стран этого экономического союза. Как видим из данных рисунка 3, в странах ЕАЭС за период 2015-2021 гг. временно работали 873831 трудовых мигранта

из Беларуси. В то время как за этот же период в Беларуси временно работали только 33618 трудовых мигрантов из стран ЕАЭС. Отметим, что Российская Федерация является основным потребителем белорусских трудовых мигрантов. В Российской Федерации за период 2015-2021 гг. временно работали 867313 белорусских трудовых мигрантов, что составляет 99,2% от общей численности белорусских трудовых мигрантов, работавших в странах ЕАЭС за этот период (рис. 3).

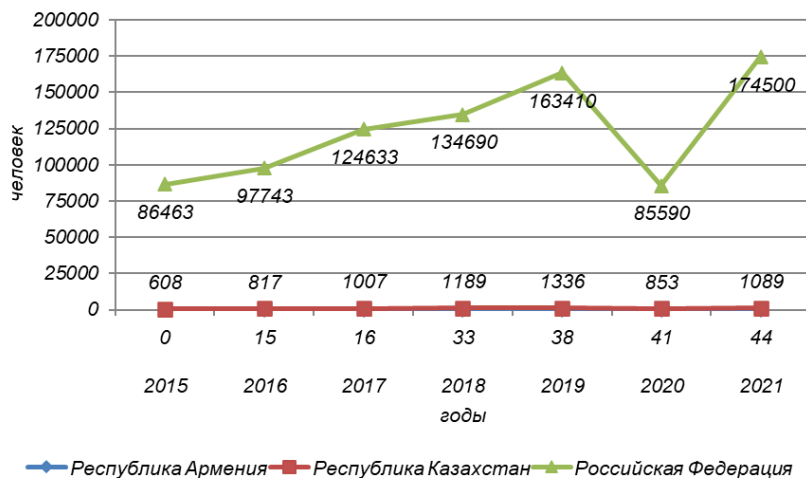

Рисунок 3 – Динамика численности белорусских трудовых мигрантов, въехавших в страны ЕАЭС за период 2015-2021 гг., чел. [сост. по 1].

Беларусь как страна-реципиент рабочей силы характеризуется в рамках ЕАЭС следующими показателями. За период 2015-2021 гг. в Беларуси временно работали 33618 трудовых мигрантов из стран ЕАЭС. Причем доля России в общей численности трудовых мигрантов, работавших в Беларуси за этот период, составила 80,9%, или 27183 чел., Армении – 7,9%, или 2650 чел., Казахстана – 9,4%, или 3145 чел., Кыргызстана – 1,8%, или 640 чел. Рисунок 4.

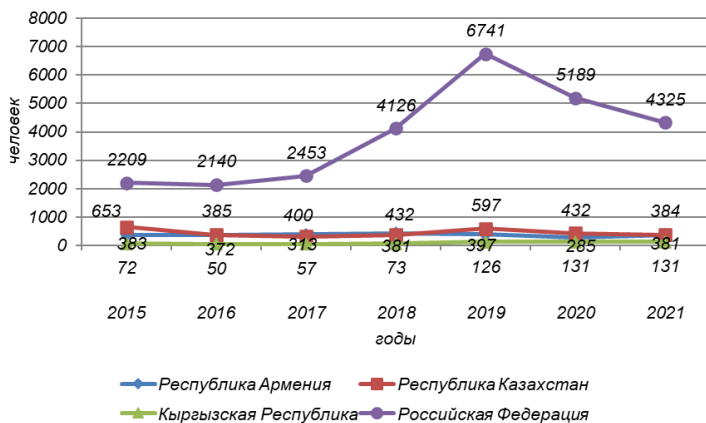

Рисунок 4 – Динамика численности трудовых мигрантов из стран ЕАЭС, въехавших в Беларусь за период 2014-2020 гг., чел. [сост. по 1].

На процессы внешней трудовой миграции в рамках ЕАЭС большое негативное влияние оказала пандемия COVID – 19. Если сравнить показатели по экспорту и импорту рабочей силы в рамках ЕАЭС за 2019 г. и 2020 г., то наблюдается ощутимое сокращение как импорту трудовых мигрантов, въехавших в страны ЕАЭС с целью временной работы, так и по экспорту рабочей силы. Так, в Казахстане экспорт рабочей силы в страны ЕАЭС сократился более чем в два раза, в Армении – почти в три раза, в Кыргызстане – в два раза (табл. 1).

Таблица 1 – Влияние пандемии COVID-19 на внешнюю трудовую миграцию стран-членов ЕАЭС, чел. [сост. по 1].

Страна	2019 г.		2020 г.		2021 г.	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт
Российская Федерация	40728	963780	42173	405387	39889	1612410
Республика Казахстан	136868	39978	60956	43664	164395	44644
Республика Беларусь	164784	7861	86484	6037	175633	5221
Республика Армения	213533	3937	70897	3962	392016	3998
Кыргызская Республика	459643	...*	198540	...*	894310	...*

*Нет данных

В Беларуси под влиянием пандемии COVID – 19 в 2020 г. по сравнению с 2019 г. численность трудовых мигрантов из стран ЕАЭС сократилась на 1824 чел., или 23,2%. А численность белорусских трудовых мигрантов, работавших в странах ЕАЭС, уменьшилась на 78300 чел., или 47,5%. Так, если в 2019 г. в России временно работали 163410 граждан Беларуси, то в 2020 г. – 85590 чел. (сокращение в 1,9 раза). Вместе с тем в 2021 г. ситуация с внешней трудовой миграцией в рамках ЕАЭС стала выправляться. Так, экспорт рабочей силы в ЕАЭС в 2021 г. по сравнению с 2020 г. вырос с 459050 чел. до 1666243 чел., или в 3,6 раза. В Казахстане экспорт рабочей силы вырос в 2021 г. по сравнению с 2020 г. в 2,7 раза, в Беларуси – в 2 раза, в Армении – в 5,5 раза, в Кыргызстане – в 4,5 раза. Импорт рабочей силы в Россию из стран ЕАЭС вырос за тот же период в 4 раза. В Беларуси в 2021 г. по сравнению с 2020 г. численность трудовых мигрантов из стран ЕАЭС сократилась на 816 чел., или на 13,5%. А численность белорусских трудовых мигрантов, работавших в странах ЕАЭС, увеличилась на 89149 чел., в 2 раза. Так, если в 2020 г. в России временно работало 85590 граждан Беларуси, то в 2021 г. – 174500 чел. (рост в 2 раза).

Литература

1. Сведения о численности граждан государств-членов Евразийского экономического союза, въехавших в страну (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация) для осуществления трудовой деятельности за период с 2012 по 2022 год / Евразийская экономическая комиссия, Департамент трудовой миграции и социальной защиты – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/c0b/PDF-Svedeniya-o-chislennosti-trudyashchikhsya-za-2012_-2022-gg.pdf – Дата доступа: 31.03.2023

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КЫРГЫЗСКОГО ОБЩЕСТВА И ЕЕ ИНТЕГРАЦИЯ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Байбосунова Г.У., Бишкек (Кыргызстан)

Аннотация: В данной статье рассматриваются трансформация этнокультурных ценностей кыргызского общества в евразийском пространстве, изменение и интеграция этнокультурных ценностей под влиянием глобализации и экономических связей. Выделяются положительные и отрицательные моменты, отмечается неизбежность, диалектичность и слабая управляемость этнокультурных процессов. Законы общества должны диалектично развиваться и подчиняться законам природы. Автор подробно рассматривает трансформацию этнокультурных ценностей кыргызов в процессе интеграции разных культур в евразийском пространстве.

Ключевые слова: этнокультура, глобализация, информатизация, межкультурные связи, общество, евразийское пространство, интеграция

TRANSFORMATION OF ETHNO-CULTURAL VALUES OF THE KYRGYZ SOCIETY AND ITS INTEGRATION IN THE EURASIAN SPACE (PHILOSOPHICAL AND CULTURAL ANALYSIS)

Baibosunova G.U., Bishkek (Kyrgyzstan)

Abstract: This article examines the transformation of ethno-cultural values of Kyrgyz society in the Eurasian space, and the change and integration of ethno-cultural values due to globalization and economic ties. Positive and negative aspects are shown, it is noticed that integration process is inevitable and completely beyond human control. All happens dialectically. the laws of society evolve and obey the laws of nature. The author examines in detail, with examples, the transformation of ethno-cultural values of the Kyrgyz, in the process of integration of different cultures in the Eurasian space.

Keywords: ethnoculture, globalization, informatization, intercultural relations, society, Eurasian space, integration

В современном мире процесс глобализации расширяет свой охват, вследствие которого возникает интеграция этнических культур. Как известно, глобализация есть неизбежный процесс в истории человечества, и что в нем наблюдаются положительные и отрицательные аспекты. На сегодняшний день можно видеть много положительных моментов влияния глобализации на общество, например, в таких сферах общественной жизни как экономическая

свобода, уровень жизни (сравнительно), социальные условия, стандарты массового потребителя в духовной и материальной культуре. Происходит расширение границ между различными культурами, возникает открытость локальных культур.

Одним из важных вопросов глобализации является интеграция различных этнокультур в одну «глобализированную» культуру. В нашем глобализированном обществе проживают множество различных этносов, объединенных по некоторым признакам в семейства различных культур. Под обществом мы понимаем группу людей с общими интересами, целями, признаками и функциями деятельности. А под этнической общностью понимается группа людей, объединенных по признаку конкретного этноса, народа. Что касается этнической культуры конкретного исторического общества, то она есть культура того или иного этноса, проживающего на определенной территории. Таким образом, всех нас – этносов, проживающих в евразийском пространстве, связывает общая территория. Именно эту общую территорию, в которой различные этносы объединяют транспортные и воздушные пути, экономические и социокультурные связи, мы условно называем «евразийским пространством».

В связи с усилением глобализации развиваются экономические связи, транспорт, средства коммуникации, т.е. происходит расширение культурных контактов, заимствование культурных ценностей, миграция людей из одной стороны в другую, что дает нам интеграцию отдельных этнокультур в одну мировую культуру.

Экономика является основным катализатором всего происходящего, поскольку евразийское пространство – (СНГ, ШОС, ОДКБ, ЕАЭС) – есть основная идея и точка опоры трансформации этнокультурных ценностей различных сообществ. С трансформацией и интеграцией этносов соответственно происходит и трансформация этнокультурных ценностей.

Если взять, например, связь кыргызов на постсоветском пространстве с русскими, казахами, узбеками и другими народами ближнего зарубежья, то можно легко обнаружить связь их культур, общность во владении и использовании ими русского языка как мирового языка межнационального общения, поскольку существует историческое единство между ними, связанное с историческим прошлым советской эпохи. В XXI веке трансформация этнокультурных ценностей между народами СНГ происходит резкими темпами. При этом между этнокультурами, проживающими на определенной территории, всегда происходила интеграция.

Этнокультурные связи можно наблюдать, к примеру, в такой сфере, как кулинария: борщ, боорсок, плов, – мы видим интеграцию в повседневной культуре. Интеграция была и советское время между народами, но сейчас в эпоху глобализации возникают тревожные тенденции, поскольку молодое поколение считает, что это все блюда их народа.

Можно еще привести несколько примеров, связанных, скажем, с языковой культурой – билингвизмом, с этнокультурными ценностями и т.д.

Исторически так сложилось, что мы (одно или два поколения) как бывшего Союза, так и СНГ, ШОС и т.д., привыкли осознавать себя как одно целое, коммуникация между нашими культурами осуществлялась в едином порядке.

Но есть другая сторона. Глобализация приводит к унификации культур, что вызывает «боязнь» и потребность народа в самоутверждении и самосохранении «своего» этнокультурного.

С философско-культурологической точки зрения глобализация представляет собой диалектический процесс. Интеграция и дифференциация, конфликты и сотрудничество, универсализация и партикуляризация не исключают друг друга, а являются взаимно предполагающими тенденциями развития. В ходе глобализации некоторые идеи и структуры современной жизни действительно распространяются по всему миру. В то же время культурные особенности отдельных народов на фоне глобальных процессов приобретают все более резкие очертания или вообще впервые осознаются как таковые. Глобализация – не автоматический процесс, который завершится бесконфликтным и идеальным миром. Она таит в себе как новые возможности, так и новые риски, последствия которых для нас могут быть более значимыми, чем во все предыдущие эпохи [1, с. 2].

Кыргызский народ испокон веков был и есть толерантным и готовым приветствовать другую культуру, ценности и т.д. В евразийском пространстве происходит трансформация этнокультурных ценностей кыргызского общества и интеграция этой культуры в данном пространстве.

Современная культура кыргызов способствует развитию и формированию у личности убежденности в ценности своей этнокультуры, толерантности по отношению к другим этнокультурам, желание к содействию и культурной интеграции. Взаимодействие этнокультурных ценностей приводит к появлению общих черт. В особенности формируются формы общего самосознания, основанного

на длительном хозяйственном, культурном взаимодействии, политических связях, в то же время безусловной важностью обладает сохранение народами самобытности своей национальной культуры.

В культурологии интеграция определяется как процесс урегулирования логических, эмоциональных, эстетических значений с культурными нормами и реальным поведением людей, как выявление функциональной взаимозависимости между разными элементами культуры.

Большинство этносов демонстрируют свою культуру, доказывают свое самоопределение и самоутверждение в условиях массовой глобально-технической цивилизации.

В нынешнем кыргызстанском обществе тоже заметны некие изменения этнокультурных ценностей по причине интеграции с другими культурами, граничащими с Кыргызской Республикой, в первую очередь, в экономической сфере.

В кыргызстанском обществе на данный момент человек все больше базируется на таких этнокультурных ценностях, как человеческий капитал (духовное развитие, саморазвитие, поиск), ценность этнокультурных различий, принятия и осознания богатства множества различных других этнокультур.

В истории кыргызского народа на формирование базовых этнокультурных ценностей оказывали влияние разные исторические события, такие как: мифологическое мировоззрение, принятие ислама, кочевничество, присоединение кыргызов к России, пребывание в составе СССР, разрушение СССР, глобализация, евразийское пространство, технологизация. В истории кыргызского народа, да и многих государств бывшего СССР, после развала Союза, наверное, был самый-трудный момент, когда экономический кризис потянул за собой духовную сферу, когда капитализм продиктовал чуждые для кыргызстанского общества ценности, и людям трудно было сделать выбор. Кыргызстанское общество адаптируется к капитализму, причем настолько умело, что отдельные его личности выходят на мировой рынок. Постепенно процесс глобализации охватывает кыргызстанское общество. Но есть особенность в этнокультурных ценностях кыргызстанского общества, и здесь важно подчеркнуть свободолюбие, толерантность сознания кыргызского народа. Эти ценности были всегда и передаются из поколения и в поколение.

Основа этнокультурных ценностей та же, но она трансформируется ввиду различных исторических событий в жизни этноса.

В евразийском пространстве все больше приобретает актуальность способность человека этнокультуры воспринимать чужую культуру, способность к критическому мышлению.

В условиях развития дикого рынка и стихийного накопления первоначального частного капитала со стороны новоявленных нуворишей и криминальных элементов на постсоветском пространстве и, в частности, в Кыргызстане, актуальным является, относительно к нынешнему поколению и этносам развивающихся стран, образ бесправного человека. Такой образ воплощен в персонаже произведения великого писателя Ч.Т.Айтматова «И дольше века длится день» – манкурта. Человека, который был пленен и превращен в бездушное рабское создание, полностью подчиненное хозяину и не помнящее ничего из предыдущей жизни. В переносном смысле слово «манкурт» употребляется для обозначения человека, «потерявшего связь со своими историческими, национальными корнями, забывшего о своем родстве». В этом значении слово «манкурт» стало нарицательным. В русском языке появились неологизмы «манкуртизм», «манкуртизация», «деманкуртизация».

Почему поднятая нами проблема является актуальной? Поскольку в условиях глобализации, многие этносы, этнокультуры, этнокультурные ценности универсализируются или принимают общие стандарты, ориентируясь под глобально-техническую цивилизацию, в обществе появляются такие «стандартные» манкурты. Манкурт сегодня – современный, владеющий техникой человек, которому безразличны исторические, национальные связи и корни, который полностью зависим от техники (в данном случае имеются в виду телефоны, гаджеты, компьютеры с играми), от материальных благ. Именно техника и материальные блага (хозяева) диктуют, подчиняют себе манкурта. Сам человек постепенно превращается в роботоподобное существо, в связи с чем и отдельные этнокультуры поднимают такую проблему. Еще в начале 2000-х годов были первые признаки трансформации этнокультурных ценностей в евразийском пространстве.

Постлиберальной цивилизации не нужен человек, творящий культуру, отдающий предпочтение духовным ценностям, верующий, любящий свою родину и национальную культуру. Она нуждается в человеке-космополите, человеке-машине по производству и покупке товаров [2, с. 2]

Под лозунгом демократии и глобализации происходят трансформация этнокультурных ценностей в обществе, универсализация общества, стираются грани между этносами.

Таким образом, интеграция национальных культур в евразийском пространстве тесно связана с эпохой глобализации. Положительными сторонами интеграции являются сохранение многообразия и развитие этнокультурных ценностей, которые благоприятно влияют на развитие мультикультурного сознания в обществе, переопределение норм, образцов, форм культуры в конкретном сообществе, а также цивилизации в целом, формирующих особенное мировоззрение, умение жить в мире, согласии, уважении и любви друг к другу.

Литература:

1. *Волова Л.А.* Этнокультурная интеграция в условиях глобализации культуры// Вестник ПГУ. Пятигорск. 2018 г
2. *Изергина Н.И.* Теория органической демократии И. А. Ильина и политическая трансформация постсоветской России// Центр и периферия. Саранск, 2008. С. 40–42.
3. *Какеев А.Ч.* История философской науки в Кыргызстане. Бишкек, 2012.
4. *Мукасов Ы.М.* Философские мысли в контексте духовной культуры. Бишкек, 2022.
5. *Урманбетова Ж.К.* Культура кыргызов в контексте развития цивилизации. Бишкек, 1997.

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ ВУЗОВ

Бендрикова А.Ю., Синенко Е.А., Барнаул (Россия)

***Аннотация.** Процессы глобализации и взаимопроникновения культур в современном мире актуализируют проблему преодоления барьеров в общении, налаживания процессов межкультурной коммуникации. Особенно актуальным данный вопрос предстает в сфере здравоохранения. Переход к коллегиальной модели во взаимоотношениях «врач – пациент» также обуславливает необходимость приобретения будущими врачами коммуникативных навыков. Таким образом, межкультурная компетентность становится частью формирования профессиональной компетентности врача. В данной статье авторы анализируют результаты проведенного эмпирического исследования среди студентов (n=94), направленного на выявление проблем в сфере коммуникативного взаимодействия.*

***Ключевые слова:** межкультурная коммуникация, барьеры общения, пациент-ориентированный подход, межкультурная компетентность врача*

FORMATION OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE PREPARATION OF MEDICAL STUDENTS

Bendrikova A. Yu., Sinenko E. A., Barnaul (Russia)

Abstract. *The processes of globalization and interpenetration of cultures in the modern world actualize the problem of overcoming barriers in communication, establishing processes of intercultural communication. This issue is particularly relevant in the field of healthcare. The transition to a collegial model in the doctor–patient relationship also makes it necessary for future doctors to acquire communication skills. Thus, intercultural competence becomes a part of the formation of a doctor's professional competence. In this article, the authors analyze the results of an empirical study among students (n=94) aimed at identifying problems in the field of communicative interaction.*

Keywords: *intercultural communication, communication barriers, patient-oriented approach, intercultural competence of a doctor*

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена с одной стороны, учебно-методическими целями реализации образовательного процесса (реализация требований ФГОС ВО, предъявляемых к подготовке специалистов в сфере высшего медицинского образования), с другой стороны — «социальным запросом», существующим в современном мире. Глобализация современного общества актуализировала проблему гуманизации социальных сфер деятельности в нашей стране, таких как медицина и образование, которая решается посредством формирования и реализации межкультурной толерантности и эмпатии.

Профессиональная компетентность врача представляет собой не только совокупность базовых специальных знаний, умений и навыков в области медицины — лечения и охраны здоровья пациентов, но и особым образом организованный диалог с пациентом, являющийся частью медицинской консультации в рамках пациент-ориентированного подхода. Умение общаться, устанавливать контакт с пациентом, выстраивать доверительные отношения – это коммуникативный имидж врача, который является составной частью профессионального образа [2, с. 92-93], формирует представление о враче как представителе профессии в целом. Проведенные в 2003 г. исследования в 6 странах (Великобритания, США, Канада, Германия, ЮАР и Япония) выявили, что взаимоотношения между врачом и

пациентом по уровню их влияния на стабильность общества занимают второе место по значимости после семейных отношений [9, с. 988].

Проблема изучения межкультурной коммуникации не нова и широко представлена в научном дискурсе. Межкультурная коммуникация как феномен рассматривается авторами в философском (герменевтическом), культурном и лингвистическом подходах. В отечественной литературе преобладающим является лингвистический подход к данной теме. С точки зрения лингвистического подхода, отмечая важность вербальной и невербальной коммуникации, наличие языкового барьера, к вопросу межкультурной коммуникации подошли А.П. Садохин, Т.Г. Грушевицкая и др. Культурологический подход представлен в исследованиях П.С. Гуревича, Т.Г. Стефаненко, Т.Н. Персиковой, С.Г. Тер-Минасовой. В философском аспекте рассматривали тему А.В. Назарчук, М.В. Силантьева и А.В. Шестопал.

Введением в научный оборот понятия «межкультурная коммуникация» мы обязаны двум исследователям: Г. Трейгеру и Э. Холлу, которые в 1950-е гг. определили связь между культурой и коммуникацией. Э. Холл впервые сформулировал идею о том, что для рассмотрения проблемы межкультурного общения – успешного общения людей, необходимо изучить практические потребности представителей разных культур [14, с. 21]. В настоящее время существует множество определений понятия «межкультурная коммуникация», однако, каждый из представленных авторов вкладывает в это понятие свой смысл.

А.П. Садохин, автор ряда учебных пособий по межкультурной коммуникации, определяет ее как «процесс общения и взаимодействия, осуществляемый между представителями отдельных культур или культурных сообществ» [8, с. 277]. С.Г. Тер-Минасова в своей интерпретации межкультурной коммуникации акцентирует внимание на личном общении представителей разных культур [10, с. 18]. И.А. Ильева и Е.А. Кожемякина – современные российские исследователи, определяют межкультурную коммуникацию как «процесс сотрудничества между лицами социокультурной деятельности с целью передачи или обмена информацией посредством принятых в данной культуре знаковых систем, приемов и средств их использования» [5, с. 133]. Исследователь И.Н. Хохлова разграничивает понятия «культура» и «коммуникация» и считает, что феномен «межкультурная коммуникация» является их производным [12, с. 36]. В то же время необходимо отметить, что данное суждение весьма размыто, так как входящие в него понятия «культура» и «коммуникация» многозначны и не имеют конкретной трактовки.

К проблеме формирования навыков межкультурной коммуникации среди студентов медицинских вузов обращались ряд исследователей, однако, можно констатировать, что в настоящее время данная тема недостаточно разработана. Так, А.В. Илюшина и Л.М. Царева [6] рассматривали данную проблему в контексте мотивации студентов и пришли к выводу, что в медицинском вузе основной целью должно стать стимулирование студентов к изучению иностранных языков как средства межкультурного и профессионального взаимодействия. С позиций развития языковых компетенций иностранных студентов как условия успешной адаптации и межкультурного взаимодействия, рассматривала данный вопрос И.П. Введенская [3]. Характерно, что И.П. Введенская, как и многие исследователи, подчеркивает связь между «коммуникацией» и «культурой» отмечает важность «погружения» в иноязычную среду [3, с. 211]. Значение межкультурной коммуникации во взаимодействии «врач – пациент» и ее влияние на оказание медицинской помощи больному в своей статье продемонстрировали М.М. Петросян и С. Рамадхани [7]. В качестве основных проблем межкультурной коммуникации в медицине они выделяют языковой барьер, а также культурный барьер, который может проявляться как в гендерном, так и религиозном аспектах. Примечательно, что авторы на конкретных примерах показывают возможность нарушения этических и деонтологических принципов в работе врача (например, принцип Гиппократа «Не навреди!») в связи с барьерами, возникающими в процессе межкультурной коммуникации. Таким образом, М.М. Петросян и С. Рамадхани выводят проблему межкультурной коммуникации в медицине на новый уровень – деонтологический.

Подготовка будущих врачей в вузе осуществляется в соответствии с требованиями профессиональных стандартов «Врач-терапевт участковый», «Врач-стоматолог», «Врач-педиатр участковый» для реализации в профессии основных трудовых функций, таких как: сбор жалоб, анамнеза болезни, анамнеза жизни у пациента с заболеванием и (или) состоянием; сбор анамнеза жизни ребенка; сбор анамнеза заболевания. Освоение важных для будущего врача компетенций требует наличия определенных личностных и профессиональных качеств.

Необходимость владения навыками межкультурной коммуникации, подразумевающей преодоление языкового барьера в общении, проявление толерантности и уважения к иным культурам и представителям других наций, способность к диалогу культур и межкультурной интеракции закреплена в качестве универсальных

компетенций (УК-4 «Коммуникация»: способен применять современные коммуникативные технологии, в том числе на иностранном(ых) языке(ах), для академического и профессионального взаимодействия; и УК-5 «Межкультурное взаимодействие»: способен анализировать и учитывать разнообразие культур в процессе межкультурного взаимодействия) будущих медицинских работников и отражена в Федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования по специальностям «Лечебное дело» (Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 988 от 12.08.2020), «Педиатрия» (Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 965 от 12.08.2020), «Стоматология» (Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 984 от 12.08.2020). В качестве дисциплин, реализующих формирование базовых универсальных компетенций будущих выпускников медицинских вузов, как правило, выступают дисциплины социогуманитарного профиля («Философия», «Социология», «История», «Иностранный язык»). Освоение профессиональных компетенций связано с необходимостью реализации в профессиональной медицинской деятельности способностей, связанных со специализацией врача, среди которых коммуникативная компетентность является одной из основных. В направлении достижения этой цели студенты-медики АГМУ изучают дополнительные дисциплины социогуманитарного цикла: «Культура общения с пациентом», «Тренинг коммуникативных умений», «Основы межкультурных и профессиональных коммуникаций». В условиях мультикультурного пространства вуза студенты АГМУ обучаются специфике межкультурного взаимодействия. В образовательном процессе применяется этапный подход формирования компетенций с использованием интерактивных методов обучения, таких как коммуникативные тренинги, дискуссии и т.д.

Коммуникативная деятельность присутствует в профессиональной жизни врача в разных формах, а именно, при осуществлении диагностической (сбор анамнеза и жалоб), лечебной, просветительской, профилактической работы, психологической помощи пациенту, взаимодействии с профессиональным врачебным сообществом. Профессия врача, находящаяся с точки зрения профессиональной классификации на стыке двух систем – «человек-природа» и «человек-человек», предполагает проявление компетенций, связанных с такими качествами, как неконфликтность, толерантность, эмпатичность, коммуникабельность. О значимости коммуникации в процессе установления доверительных отношений с пациентом, успехе

в постановке диагноза и лечении говорят исследователи Н.Н. Ахметгалина и В.В. Гагай [1], Н.В. Гуляевская [4], Н.С. Тимченко и др. [11].

В подтверждение актуальности выбранной темы было проведено авторское эмпирическое исследование. В анкетном опросе приняли участие студенты АГМУ, обучающиеся по специальности «Стоматология», «Педиатрия», «Лечебное дело», – общей численностью 94 человека.

Большинство студентов, принявших участие в исследовании, указали, что не сталкиваются с трудностями в процессе общения или коммуникации (35,1% – «скорее нет» и 29,8% «нет»). Однако при этом большинство (65,9%) указали на возникающие волнение, страхи перед публичным выступлением, в частности на аудиторных занятиях. С такого рода трудностями чаще сталкиваются студенты младших курсов в процессе адаптации к условиям вуза. Это вполне объяснимо, так как соотношение дисциплин клинических и социогуманитарного цикла, в процессе освоения которых происходит освоение компетенций межкультурной коммуникации, не в пользу последних. Соответственно, очевидно противоречие, когда с одной стороны существует необходимость гуманизации современного здравоохранения, с другой стороны происходит ограничение количества дисциплин социогуманитарного цикла в образовательных программах подготовки будущих врачей (рис. 1).

Рисунок 1 – Распределение ответов на вопрос: «С какими из приведенных проблем вы наиболее часто сталкиваетесь в процессе общения?», %.

Большее половины принявших участие в опросе студентов, ответили, что легко вступают в коммуникацию с незнакомым, малознакомым человеком, что является необходимым качеством будущего врача. Современные молодые люди отличаются достаточно высокой степенью адаптивности к взаимодействию в условиях поликультурного пространства, поэтому на такие трудности в процессе общения как межкультурные различия и недостаток коммуникативных навыков указали незначительное количество принявших участие в опросе молодых людей. Студенты-медики в процессе общения выстраивают собственную линию коммуникации и, как правило, не руководствуются при этом сложившимися социальными стереотипами поведения.

Третья часть опрошенных студентов (29,8%) ответили, что из имеющихся способов и форм коммуникации предпочитают коммуникацию в письменной форме. Одной из причин данного выбора студенты указали трудности вербального выражения собственных мыслей (34% опрошенных) (рис. 2). О готовности в дискуссии внимательно выслушать точку зрения оппонента высказались только четверть опрошенных студентов. Скорее всего эта проблема связана с формальным достижением главной цели в практике врача – правильной постановкой диагноза. Вместе с тем, в условиях пациент-ориентированного подхода в здравоохранении современному врачу необходимо реализовать профессиональную деятельность на основании принципов справедливости, автономности пациента, который выступает полноправным участником медицинского консультирования. В условиях поликультурного общества врач осуществляет взаимодействие с представителями разных социальных групп, когда коммуникативная компетентность специалиста выступает главным фактором повышения качества медицинской помощи.

Таким образом, формирование межкультурной компетентности у студентов медицинских вузов с одной стороны связано с процессами глобализации и интернационализации образования, с другой стороны, – является неотъемлемой составляющей профессиональной компетентности врача в пациент-ориентированной модели оказания медицинской помощи. Формирование навыков межкультурной коммуникации у студентов медицинских вузов обеспечивают дисциплины социогуманитарного профиля. Наиболее эффективными средствами развития универсальных компетенций УК-4 «Коммуникация» и УК-5 «Межкультурное взаимодействие», указанных применительно к высшему медицинскому образованию в федеральных государственных образовательных стандартах, являются увеличение

количества часов, выделяемых на дисциплины базовой части учебного плана гуманитарной направленности («Философия», «Биоэтика», «Психология и педагогика», «Культурология», «История», «Иностранный язык»), внедрение специальных факультативных дисциплин (например, «Межкультурная коммуникация в профессиональной деятельности», «Культура общения с пациентом»). Представляется необходимым акцентирование в учебном процессе внимания на практической стороне освоения навыков межкультурной коммуникации, а именно, проведение практических занятий в интерактивной форме, использование форматов групповых тренингов для отработки навыков невербального общения, установления контакта, развития навыков активного слушания, предотвращения конфликтного поведения.

Рисунок 2 – Распределение ответов на вопрос: «С какими трудностями вы чаще всего сталкиваетесь в процессе формулирования и/или изложения своих мыслей?», %.

В качестве методов обучения могут выступать методы проектирования, разбор кейсов, бинарные занятия (например, интеграция возможностей нескольких дисциплин: истории и культурологии, культурологии и иностранного языка). Немаловажным представляется проведение культурных мероприятий, позволяющих совершить «проникновение» в другую культуру. В качестве примера можно привести опыт АГМУ, где в марте 2023 г. была впервые проведена этноспартакиада, посвященная празднику весны у коренных народов Алтая [13]. Также хотелось бы отметить важность интеграции воспитательного и учебного процессов, например, формирование разных по этническому составу студенческих групп для наиболее успешной аккультурации.

Литература

1. *Ахметгалина Н.Н., Гагай В.В.* Особенности профессиональной идентичности студентов медицинского колледжа с различным уровнем коммуникативной толерантности // Мир науки [Электронный ресурс]. 2019. Т. 7. № 18. С. 1 – 10. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/89PSMN119.pdf?ysclid=lcm6fz56yd114196438> (дата обращения: 13.01.2023).
2. *Васкес Абанто Х. Э., Васкес Абанто А.Э.* Имидж медика: случайный стиль поведения или необходимый элемент совершенствования // Качественная клиническая практика. 2015. № 3. С. 89 – 96.
3. *Введенская И.П.* Формирование межкультурной коммуникации у студентов медицинских вузов // Управление образованием: теория и практика. 2021. Т.11. №6. С. 207-214.
4. *Гуляевская Н.В.* Проблемы формирования профессиональной идентичности студентов медицинского вуза в условиях современного российского общества // Вестник Томского государственного университета. Психологические науки. 2009. № 326. С. 42-44.
5. *Ильяева И.А.* Межкультурная коммуникация в современном мире: учебное пособие по спецкурсу / И.А. Ильяева, Е.А. Кожемякин. Белгород: БелГТАСМ, 2001. 159 с.
6. *Илюшина А.В., Царева Л.М.* Мотивация студентов медицинского вуза к межкультурному взаимодействию // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. Сетевой научный журнал [Электронный ресурс]. 2019. Т.7. № 3 (26). С. 469 – 478. URL: http://humjournal.rzgmu.ru/upload-files/Pers_in_Ch_W_3_26_2019_Ilyushina_RU.pdf (дата обращения: 15.05.2023).
7. *Петросян М.М., Рамадхани С.* Влияние межкультурной коммуникации врач – пациент на оказание помощи больному // Вестник науки и образования. 2016. № 6 (18). С. 101 – 102.
8. *Садыхин А.П.* Межкультурная коммуникация: учебное пособие. М.: Альфа-М: ИНФРА-М., 2013. 288 с.
9. *Самохина А.К., Давыдова Р.Р.* Архетипические основания моделей взаимодействия врача и пациента // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2016. Т. 6. № 5. С. 988 – 989.
10. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация: уч. пос. для студентов, аспирантов и соискателей по спец. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». М.: Слово, 2008. 262 с.

11. Тимченко Н.С., Кочетова Ю.Ю., Бендрикова А.Ю. Этапность формирования коммуникативной компетенции обучающихся медицинского вуза // Межкультурная коммуникация в образовании и медицине [Электронный ресурс]. 2022. № 2. С. 16 -21. URL: https://icjournal.ru/wp-content/uploads/2022/07/mkom%E2%84%96-2_2022.pdf#page=16 (дата обращения: 13.01.2023).
12. Хохлова И. Н. Межкультурная коммуникация. Понятие, уровни, стратегии // Актуальные проблемы филологии: материалы Международной научной конференции (г. Пермь, октябрь 2012 г.). Пермь: Меркурий, 2012. С. 36-99.
13. Этноспартакиада, посвященная празднику весны у коренных народов Алтая «Дьылгаяк», прошла в АГМУ // Алтайский государственный медицинский университет. URL: <https://asmu.ru/novosti/index.php?NEWS=63948&BACKURL=struktura-agmu/institutes/institut-ozdprofmed/kafedra-socialno-gumanitarnykh-nauk/&BACKURLNAME=%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8&PODRAZD=3001&NEWSGROUP=239&TEGS=> (дата обращения: 19.05.2023).
14. Hall E.T. Silent Language. Garden City; New York: Doubleday, 1959. 240 p.

ТЕРМИНЫ СВОЙСТВА В КУРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Бобунова М.А., Курск (Россия)

Аннотация: В статье проводится описание номинаций свойства – родства не по крови, а по браку – в курском фольклоре. Базой исследования стали лексикографические комплексы необрядовой лирики, частушки и сказки. Выявленные лексемы проанализированы с учетом употребительности в каждом фольклорном жанре. Особое внимание уделено диалектным словам, характерным для курских лирических песен и частушек. Отмечается роль терминов свойства в фольклорном тексте, где они выполняют разные функции. Делается вывод о жанровой специфике анализируемого языкового материала, который свидетельствует о неоднозначности отношений между некровными родственниками.

Ключевые слова: язык фольклора, народная лирика, сказка, частушка, курский регион, термины свойства

TERMS DENOMINATING RELATIONS "IN-LAW" IN THE FOLKLORE OF KURSK REGION

Bobunova M.A., Kursk (Russia)

Abstract. *The article describes terms denominating relations "in-law" – kinship not by blood, but by marriage – in the folklore of Kursk region. Lexicographic complexes of non-ritual lyrics, ditties and fairy tales became the basis of the research. The identified lexemes are analyzed taking into account the usage in each folklore genre. Special attention is paid to dialect words characteristic of Kursk lyrical songs and ditties. The role of the terms properties in the folklore text, where they perform different functions, is noted. The conclusion is made about the genre specificity of the analyzed language material, which indicates the ambiguity of relations between non-blood relatives.*

Key words: *folklore language, folk lyrics, fairy tale, chastushka, Kursk region, terms denominating relations "in-law"*

Наименования лиц являются одной из наиболее разнообразных групп в русском фольклоре. Среди них выделяются названия по возрасту и полу (*девушка, молодец, старушка*), по социальной или сословной принадлежности (*боярин, мещанин, царь*), по роду занятий (*купец, солдат, торгош*), по национальности (*татарин, цыган*), по характерному действию (*гуляка, плясуха, расточиха*). Особое место в этом ряду занимают термины родства (*мать, отец, сестра, сын*), поскольку они обозначают типичных персонажей фольклорного мира. К ним примыкают термины свойства 'родства не по крови, а по браку' [3, с. 1163], которые включают названия субъектов брачных (*жена, муж*) и межсемейных (*свекровь, тёща*) отношений.

В данной статье мы остановимся на описании группы слов, охватывающих сферу связей между супругом и кровными родственниками другого супруга. Базой исследования стали разные лексикографические комплексы: необрядовых лирических песен, записанных в Курской губернии во второй половине XIX века [1; 2], источником для которых выбран семитомный свод «Великорусские народные песни» [4]; сказок, опубликованных в 1863 году [5]; частушек, записанных в 28 районах Курской области в период с 1968 по 2012 г. [8].

Как оказалось, для курских сказок термины свойства не характерны. В 14 текстах, записанных Ф. Белкиным в Тимском уезде Курской губернии, зафиксировано всего два слова (*свёкор* и *зять*) в сказках «Иван-царевич» и «Купеческий сын Иван».

И одна из них махнула рукавом, свекру глаз выбила <3> [5, с. 196].

И приказал Акиян-Моря Ивану, купеческому сыну: «Смотри, зять мой милой, чтоб была церква выстроена в троя суток» <1> [5, с. 107].

Обратим внимание на то, что в 15 сказках, записанных в Курской губернии, из собрания А.Н. Афанасьева подобные лексемы не встретились ни разу [6].

Иная картина наблюдается в лирических песнях и частушках, где представлен разнообразный перечень данной группы слов, ряд из которых имеет и высокие показатели частотности. В курских песнях, преимущественно семейных, самым употребительным оказалось существительное *свёкор*. *Лютый* 'ворчливый, сварливый' [7, вып. 17, с. 249] *свёкор* – самая ненавистная фигура в окружении замужней женщины. Его основная функция – журить и бранить невестку, следить за тем, чтобы она рано вставала и не смела ходить на игрища – «собрание молодёжи для игр, танцев и других развлечений» [3, с. 374]: *За то меня свекор бранил, За то меня свекор журил, Журил-бранил не за дело, Не за дело – за безделье* [4, т. 2, № 541].

Мать мужа – свекровь – в семейных песнях упоминается реже и находится на заднем (за свёком) плане. Отношение невестки к ней тоже отрицательное, что подтверждается характеризующим эпитетом *кропотливый* 'ворчливый, сварливый' [7, вып. 15, с. 281]: *А другая заботушка – Кропотливая свекровьюшка* [4, т. 2, № 139]. В песнях же балладного типа роль свекрови по отношению к невестке, на которую она клеветает и которую мечтает уничтожить, более зловеща: *Злое зелье крапивное, Еще злее да люта свекра!* [4, т. 1, № 79].

Интересно, что в семейной лирике не зафиксированы слова *зять* и *теща*, однако в юмористических песнях, где описываются различные комические ситуации, эти слова оказались востребованными. Теща и зять обмениваются колкостями и язвительными замечаниями. С одной стороны: *Хвалилася теща зятем: У моего зятюшки Нет ни ус, ни бородушки, Ни сохи, ни боронушки, Землицы ни бороздочки, На току ни кладушечки, Во столе ни краюшечки!* [4, т. 7, № 124]. С другой стороны – ответ зятя: *Уж ты, теща Юрьевна! В тебя дочь была умная: Семь лет красна пряла, А в восьмой основала* [4, т. 7, № 124].

В отличие от песен, в курской частушке самыми употребительными оказались существительные *свекровь* и *тёща*. В большинстве случаев свекровь, как и свёкор, воспринимается отрицательно из-за ее негативного отношения к жене сына, которая, в свою очередь, мечтает главенствовать в доме.

<i>Меня свёкор держит в хате,</i>		<i>Полюбить, так полюбить,</i>
<i>Не даёт косу расплесть.</i>		<i>Чтобы все боялися,</i>
<i>И свекровь моя сурова –</i>		<i>Чтобы свёкор со свекровью</i>

У неё тугая плетъ [8, т. 1, с. 115].

У ногах валялися [8, т. 1, с. 150].

Свекровь в частушках часто называется сатаной или дьяволом.

*Я сидела на диване,
А свекруха на полу.
Мои глазоньки не смотрят
На такую сатану* [8, т. 5, с. 113].

*Девки, замуж не ходите,
Надо уваженьице –
Старому и малому,
Ещё свекрови-дьяволу!* [8, т. 3, с. 43].

Положительные эпитеты (*хорошая, родная*) в частушках встречаются редко: *Говорят, я боевая, Боевой меня возьмёт, А хорошая свекровушка До дела доведёт* [8, т. 5, с. 143]. Свёкор же характеризуется по-разному: *окаянный, полупьяный* и даже *симпатичный*: *Меня сватали сваты В дом большой кирпичный. Там свекровья сатана, А свёкор симпатичный* [8, т. 1, с. 31].

С помощью различных языковых средств передается и почитительно-негативное отношение зятя к теще.

*Ох, тёща моя,
Тёща ласковая!
Все конфеты из кармана
Повытаскивала* [8, т. 1, с. 61].

*Вот тёща моя
Хуже лихорадки.
Щи варила – пролила,
Обварила пятки* [8, т. 5, с. 149].

Характерная для фольклора оппозиция «свой – чужой» в лирических песнях и частушках проявляется по-разному. В необрядовой лирике противопоставляются мужские персонажи (*свёкор – батюшка*), а в частушке – женские (*свекровь – мать / маменька / мамаша / мамка*). Ср.:

*Уж не быть гусям звончей
ладоней;
А не быть свекру милей
батюшки*
[4, т. 2, № 584].

*У мамашы у родной
Я живу, красуюся,
А до свекрови попаду –
Возле печки пропаду* [8, т. 1, с. 96].

*– Я заборинку разберу,
Всю по бревнушку размечу,
Животинушку упустиу –
Свекра батюшкой не назову!*
[4, т. 2, № 605].

*Вейся, вейся, руса косынька,
У маменьки родной!
Ты успеешь, усецёшься
У свекровушки родной!* [8, т. 2, с. 49].

Не быть **свекру** милей
батюшки: Батюшка милей,
свекор **постылей!** [4, т. 2, № 585].

Я **у мамки** корки ела,
За работой песни пела.
У **свекрови** чай пила,
За столом слёзы лила [8, т.
3, с. 119].

Обратим внимание на то, что и в песнях, и в частушках для наименования матери мужа используется разнообразный ряд существительных, среди которых и общеупотребительные, и диалектные имена (свекровь, свекровушка, свекровьюшка, свекровка, свекра [7, вып. 36, с. 231], свекровья [7, вып. 36, с. 232] и свекруха [7, вып. 36, с. 232]): *То свекру печаль, Свекры сухота!* [4, т. 3, № 589]; *Меня сватали сваты В доме деревянном. Там свекруха – чистый сатан, Свёкор – окаянный* [8, т. 1, с. 81].

Молодая женщина, попадая в чужую семью, должна была налаживать отношения с разными родственниками – сестрами и братьями мужа. В курских песнях более частотны и разнообразны названия мужского персонажа. Кроме общеупотребительного *деверь*, используются диалектные лексемы *деверилушка* ‘деверёк, деверёчек’ [7, вып. 7, с. 314], *деверинушка, деверишка, деверьюшка, деверья* [7, вып. 7, с. 314]. У брата мужа невестка ищет защиту и часто просит о помощи: *«Деверинушка, мужин брат, Проводи меня во клетку спать; Проведеши, стань, послушай! Когда будет бить-журить, а ты отыми; Когда будет лещать, – прочь поди!»* [4, т. 2, № 518]. Для наименования сестер мужа употребляются существительные *золовка* и *золушка*, однако они низкочастотны и встречаются в контексте с другими терминами свойства: *Деверья называют доможилкою; Невестки называют расточиною; Золовки называют щеголихою* [4, т. 2, № 589].

В частушках слова *деверь / деверечек* и *золовка / золушка* используются чаще и в большинстве случаев в составе конструкции «лучше несколько деверей, чем одна золовка».

Лучше семь гребешков,
Чем одна приколка.
Лучше семь деверьёв,
Чем одна золовка [8, т. 3,
с. 44].

Не ходите, девки, замуж,
Как моя голушка.
Лучше девять деверьёв,
Чем одна золушка [8, т. 2,
с. 174].

Заметим, что существительные *зять / зятюшка*, как и *невестка / невестушка*, употребляются для называния женатого человека или замужней женщины не только по отношению к родителям, но и ко всей родне жены или мужа. Например: *А мне братцы не велят, Невестушки все журят, Что развадилась гулять, Холостых ребят любить!* [4, т. 3, №

469]; *Чай пила, стакан накрыла Белой занавескою. Милый мой, твоя сестра Зовёт меня невесткою* [8, т. 1, с. 110]; *Мы злодеи, злодеи проклятые: А сгубили мы твоего мужа, Твоего мужа, своего зятя!* [4, т. 1, № 189]. В отличие от существительного *невестка* синонимичное ему слово *сноха* используется редко и, как правило, для называния жены сына: *Люта свекра – молодой снохе: Ты поди, моя невестка, во чисто поле* [4, т. 1, № 79]; *Ой, Шура, Шуручка, Твоя мать – дурочка: При компании такой Назвала меня снохой* [8, т. 5, с. 87].

Для курских песен и частушек характерна концентрация терминов свойства в одном контексте: *Вспомню, вспомню про свекровью, Обольётся сердце кровью. Где золовки, деверья, Там проклятая семья* [8, т. 5, с. 23]. Кроме того, особенностью курских песен является использование пар *свекор-свекруха* и *деверья-невестки* с обобщенным значением 'свойственники': *А меня-то, молодку, в семейке не любят, Ни свекор-свекруха, ни деверья-невестки* [4, т. 2, № 503].

В целом в курском песенном фольклоре наименования свойственников разнообразны, однако они представлены не в полном объеме. Не были зафиксированы существительные *тесть* 'отец жены' и *шурин* 'брат жены'. Существительное *своячния* 'сестра жены, свояченица' [7, вып. 36, с. 329] встретилось лишь однажды в частушке, записанной в Золотухинском районе: *Эх, тёща моя, Да своячния! Уморила ты меня Без горячего!* [8, т. 1, с. 192]. Это, вероятно, обусловлено тем, что основное песенное действие разворачивалось в доме мужа, куда после свадьбы обычно попадала молодая женщина.

Таким образом, хотя в литературном языке термины свойства представляют собой достаточно определенную замкнутую систему, их круг в фольклоре расширяется. Песни и частушки не скупаются на использование диминутивных форм и диалектных наименований, способствующих созданию выразительности и экспрессивности текста. А сами термины свойства, сохранившиеся в устно-поэтической речи, отражают традиционную для XIX–XX вв. иерархию межсемейных отношений. Проведенное исследование на материале текстов, записанных на одной территории, выявило жанровое своеобразие данной группы слов, которое проявляется в перечне фиксируемых терминов, в их частотности, в синтагматических связях и особенностях употребления.

Литература

1. Бобунова М.А. Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Песни Курской губернии. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2019. 286 с.

2. *Бобунова М.А., Хроленко А.Т.* Конкорданс русской народной песни: Песни Курской губернии. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007. 258 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
4. Великорусские народные песни: в 7 т. / изд. проф. А.И. Соболевским. СПб.: Гос. типография, 1895–1902. Т. 1–7.
5. *Праведников С.П.* Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Сказки Курского края. Т. 1. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2019. 245 с.
6. *Праведников С.П.* Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Сказки Курского края. Т. II. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2019. 383 с.
7. Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2019. Вып. 1–51.
8. Частушки Курского края / составление, научная редакция С.П. Праведникова. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2021. Т. 1–5.

ИССЛЕДОВАНИЕ СИМВОЛИКИ НАЛИЧНИКОВ ДОМОВ СЕЛА ПОДСИНЕГО

Бобчак С.В., Владивосток, Третьякова О.С., Абакан (Россия)

***Аннотация.** Данная статья направлена на установление значения символики резьбы на домах села Подсинее (Республика Хакасия), в частности, орнитоподобных узоров, украшающих наличники многих домов. Полученные данные свидетельствуют о том, что домовая резьба служит практическим, эстетическим и защитным целям, а мотив птицы, вероятно, представляет собой мифологическое существо Жар-птицу. Это исследование даёт представление о культурном наследии и традициях села Подсинее.*

***Ключевые слова:** Жар-птица, наличник, резьба, символика, орнамент, традиции, культурное наследие*

RESEARCH OF THE SYMBOLISM OF THE PLATBANDS OF HOUSES IN THE VILLAGE OF PODSINEE

Bobchak S.V., Vladivostok, Tretyakova O.S., Abakan (Russia)

***Abstract.** This article aims to establish the symbolism of carving on the houses in the village of Podsinie (Republic Khakassia), specifically the ornithopod-like patterns that adorn the platbands of many houses. The data obtained indicates that house carving serves practical, aesthetic, and*

protective purposes, and the bird motif is likely a representation of the mythological creature, the Firebird. This study provides an insight into the cultural heritage and traditions of the village of Podsinie.

Keywords: *Firebird, platband, carving, symbolism, ornament, traditions, cultural heritage*

Наличники домов села Подсинее Республики Хакасия представляют собой объект домовой резьбы и являются значимым элементом культуры села. В данной статье исследуется символика наличников, сосредоточивая внимание на изображении жар-птицы. Исследование имеет важное значение для понимания культурного наследия и истории села Подсинее.

Исследование базируется на следующих методах: методе наблюдения, структурном методе и методе обобщения. Метод наблюдения использовался для изучения явления без активного вмешательства. Структурный метод позволил установить связи между отдельными элементами наличников и их общей системой. Метод обобщения использовался для перехода от единичных наблюдений к общим выводам.

Важной частью русской культуры является домовая резьба, частью которой являются узоры наличников. Наличник – это сложное по конструкции сооружение. Каким бы по внешнему виду наличник ни был, у него всегда имеются четыре основных элемента: карниз, фризовая доска, боковина, подоконная доска [2]. Нас интересуют украшения верхней части наличников – карниза и фризовой доски.

На основе собранного фотоматериала и изучения литературы были выявлены функции наличников домов села Подсинее. Они выполняют практическую функцию защиты стыка рамы и дома от попадания внутрь холода и пыли, эстетическую функцию и обережную функцию, обеспечивающую безопасность жилища и его обитателей [5].

Мы попытались классифицировать основные виды наличников в селе Подсинее. Всего было выделено два основных вида наличников.

Первая разновидность – это схематичное изображение Солнца. На наличниках изображен в центре круг или ромб, а слева и справа – вытянутые треугольники. Ромб или круг означают – Солнце в зените, а треугольники – рассветное и закатное Солнце, то есть, показано движение небесного светила в течение дня [7]. В нашем селе таких наличников достаточно много – они украшают улицы Советскую, Садовую, Строительную, Достоевского и другие.

Второй вид является схематичным изображением летящей птицы и представлен в виде распростёртых крыльев-завитков разной степени

сложности [3]. В нашем селе такие наличники есть на улицах Чехова, Зеленой, Набережной.

В ходе проделанной работы было установлено, что в резьбе используется именно облик Жар-птицы. Жар-птица – это мифологическая птица с длинным хвостом, хохолком на голове и длинными крыльями. В деревянной резьбе этот образ схематизируется: постепенно укорачивается хвост, далее он сливается с хохолком и изображается либо в форме завитков, либо в форме ромба. Иногда образ просто изображается в форме вытянутого по горизонтали ромба. И наконец, здесь очевидно совпадение образа Солнца с образом жар-птицы [7]. В нашем селе такие наличники есть на улицах Чехова, Зеленой, Набережной и других.

Персонаж жар-птицы знаком нам с детства – он широко распространён в сказках и древних славянских мифах, где жар-птицу пытаются поймать из-за её магических свойств [7; с. 713]. В ходе исследования был составлен полный список её качеств на основе легенд.

Во-первых, жар-птица, живущая в Ирии – славянском раю, является недоступной. Однако тот, кому удалось поймать птицу, ухватив за хвост – становится счастливым на всю жизнь [7]. Поэтому неслучайно именно фигурку жар-птицы вырезают из дерева и называют её птицей счастья. Исходя из данного признака, рисунок жар-птиц, расположенный над окном, является элементом для привлечения счастья в дом.

Во-вторых, образ славянской жар-птицы совпадает с европейским фениксом – огненной птицей, которая возрождается из пламени. Жар-птица также связана с огнём – её перья настолько горячие, что её нельзя ухватить голыми руками, иначе можно обжечься [7]. То есть данный символ является оберегом от пожара.

В-третьих, перья жар-птицы настолько яркие, что всего одно перо способно осветить весь дом [7]. На основе данной легенды можно предположить, что использование жар-птицы на наличнике является ночным оберегом – то есть ночью, пока не светит Солнце, волшебные перья жар-птицы будут оберегать дом.

В-четвертых, согласно мифу, жар-птица может исцелять любые болезни своим пением, а сама питается только райскими яблоками, которые дают бессмертие. То есть жар-птица символизирует еще и оберег от болезней для обитателей дома [4].

Сам образ жар-птицы также имеет несколько значений. Прежде всего, жар-птица у славян всегда считалась положительным персонажем легенд, ведь она – посланница Солнца – главного защитника от темных сил [4]. Кроме того, жар-птицу часто изображали

как образ славянского духа огня Рарога [1]. Значит, жар-птица символизирует еще и домашний очаг, для поддержания и безопасности которого символ жар-птицы и изображают на доме.

Есть у жар-птицы еще одна обережная функция, не связанная с Солнцем, – это защита от попадания в дом молнии, что так же, как и пожар является трагедией для семьи. Это связано с тем, что жар-птицу изображают как спутницу одного из главных славянских богов – бога грома Перуна [7].

Таким образом, у жар-птицы можно выделить несколько обережных функций – от пожара, попадания молнии, темных сил ночи и от болезней.

В заключение, исследование символики наличников домов села Подсинее позволило установить образ жар-птицы на наличниках. Жар-птица выступает как мифологический оберег дома, а ее изображение на наличниках имеет глубокие дохристианские корни. Основная обережная функция наличников села – защита от пожара, от попадания молнии, от темных сил ночи. Символ, помимо функции оберега, используется для привлечения счастья, поддержания здоровья обитателей дома. Перспективами дальнейшего изучения является исследование причин широкого использования образа жар-птицы на наличниках села Подсинее и его связи с культурным наследием различных российских губерний.

Наличник как украшение дома можно читать как книгу, поэтому его узор является культурным наследием села, которое необходимо сохранять. Также при замене старых окон на пластиковые нужно постараться не выбрасывать наличники, ведь тем самым дом лишается защиты древних символов, село становится безликим и тайный смысл деревянной резьбы теряется безвозвратно.

Исследование закладывает основу для будущего изучения культурных традиций и символики домового резьбы в других регионах России.

Литература

1. *Афанасьев А.Ф.* Резьба по дереву. М.: Культура и традиции, 2001. 408 с.
2. *Ащепков Е.А.* Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М.: Архитектурный институт, 1985. 278 с.
3. *Данилова Л.* Окно с затейливой резьбой. М.: Просвещение, 1986. 210 с.
4. *Кизимова С.П.* Вечно живое искусство народных умельцев. М.: Издательство «Белые Берега», 2006. 278 с.

5. Прохоренко А.И. Архитектура сельского дома: прошлое и настоящее. М.: Агпромиздат, 1992. 164 с.
6. Раппопорт Н.А. Зодчество Древней Руси: научно-популярная литература. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. 160 с.
7. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси: к изучению дисциплины. АН СССР, Отд-ние истории, Ин-т археологии. М.: Наука, 1987. 782 с.
8. Соболев Н.Н. Русская народная резьба по дереву, под общ. ред. А.В. Луначарского. М.: Академия, 1999. 316 с.

РАЗВИТИЕ КАЗАХСКО-УЗБЕКСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Бокаева А.К., Нурсултанова Л.Н., Астана (Казахстан)

***Аннотация.** Культурно-гуманитарные отношения между Казахстаном и Узбекистаном имеют глубокие исторические корни и продолжают развиваться в новых геополитических условиях. Важную роль в поддержке двусторонних отношений и дальнейшем сближении народов Казахстана и Узбекистана играют проживающие в обеих странах многочисленные казахская и узбекская диаспоры, для которых созданы благоприятные условия для развития национальной культуры, языка и традиций. Функционируют национально-культурные центры, действуют школы с узбекским и казахским языками обучения, издаются газеты и журналы на казахском и узбекском языках. В казахстанских высших учебных заведениях обучаются свыше 14 тыс. студентов из Узбекистана. На текущем этапе прорабатывается вопрос открытия в Казахстане и Узбекистане на паритетной основе филиалов ведущих вузов двух стран. Издревле наши народы живут в мире и согласии, оказывая поддержку друг другу. Нас объединяет общая граница, историческая судьба, родственные языки, религия, культурные ценности, традиции и обычаи. Опираясь на эти фундаментальные базисы, мы достигли небывалых вершин по всему широкому спектру взаимодействия. 30-летие установления дипломатических отношений между Казахстаном и Узбекистаном по праву можно назвать важным событием, которое должно дать весомую отдачу, еще более укрепить дружбу и взаимопонимание между нашими родственными народами. Великий узбекский поэт Алишер Навои написал: «Пусть вечно будут, не расставаясь, в союзе тесном всегда они». Эти слова обращены к нам, его потомкам. В Казахстане искренне гордятся дружбой и братством наших народов, поэтому мы должны и далее*

расширять наши добрососедские, союзнические отношения и взаимное доверие.

Ключевые слова: *культурно-гуманитарное сотрудничество, культурно-историческое наследие, стратегическое партнерство, перспективы развития*

DEVELOPMENT OF KAZAKH-UZBEK CULTURAL RELATIONS IN MODERN CONDITIONS

Bokayeva A.K., Nursultanova L.N., Astana (Kazakhstan)

Abstract. *Cultural and humanitarian relations between Kazakhstan and Uzbekistan have deep historical roots and continue to develop in new geopolitical conditions. An important role in supporting bilateral relations and further rapprochement between the peoples of Kazakhstan and Uzbekistan is played by the numerous Kazakh and Uzbek diasporas living in both countries, for which favorable conditions have been created for the development of national culture, language and traditions. National cultural centers function, schools with Uzbek and Kazakh languages of instruction operate, newspapers and magazines are published in Kazakh and Uzbek. More than 14,000 students from Uzbekistan study at Kazakh higher educational institutions. At the current stage, the issue of opening branches of the leading universities of the two countries on a parity basis in Kazakhstan and Uzbekistan is being worked out. Since ancient times, our peoples live in peace and harmony, supporting each other. We are united by a common border, historical destiny, related languages, religion, cultural values, traditions and customs. Based on these fundamental bases, we have reached unprecedented heights across a wide range of interactions. The 30th anniversary of the establishment of diplomatic relations between Kazakhstan and Uzbekistan can rightfully be called an important event that should give a significant return, further strengthen friendship and mutual understanding between our kindred peoples. The great Uzbek poet Alisher Navoi wrote: "Let them always be, without parting, they will always be in close union." These words are addressed to us, his descendants. Kazakhstan is sincerely proud of the friendship and brotherhood of our peoples, so we must further expand our good neighborly, allied relations and mutual trust.*

Keywords: *cultural and humanitarian cooperation, cultural and historical heritage, strategic partnership, development prospects*

People of Central Asia have historical and cultural traditions that have become important in the new conditions. In 2007, the Ministry of Culture and Information of Kazakhstan and the Agency "Uzarchiv" under the Cabinet of Ministers of Uzbekistan signed an Agreement on cooperation in the field of archival affairs. At the same time, during scientific trips (2013-2015) by the National Center for Archeography and Source Study. The Manuscript Fund of

the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of Uzbekistan studied.

Kazakhstan and Uzbekistan today are on the path of further development of cultural cooperation at all levels. Now guaranteed support for the implementation of contacts in the fields of art, literature, wide access to culture, literature of both countries, as well as strengthening cooperation in the field of tourism and recreation, development of tourism infrastructure and training, cooperation on the revival of the "Great Silk Road".

So, for example, on 3-4 December 2016, the traditional Central Asian exhibition-fair of crafts "Oriental Bazaar" held in Almaty. At the exhibition-fair, masters of decorative and applied arts from Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan, Turkmenistan, Georgia presented wonderful samples of author's design and handicraft items to Almaty residents and guests of the southern capital. Following was presented: silk clothes, hand-woven scarves from environmentally friendly felt, souvenirs and objects household utensils made of carved wood, metal, ceramics from Rishtan, fine jewelry, carpets, and national clothes, etc. [2].

It is also worth mentioning that in April 2017, representatives of the National Library of Kazakhstan took part in the XI International conference "Central Asia-2017: Internet and information and library resources in science, education, culture and business" in Namangan, Uzbekistan. In April 2017, in the cities of Turkestan and Shymkent, the Akimat of the South Kazakhstan region with the support of the International Organization TURKSOY and the Ministry of Culture and Sports of Kazakhstan hosted the International Festival "Theater Spring - 2017", dedicated to the 125th anniversary of the first professional Kazakh director Zhumat Shanin. The festival featured performances by 2 Uzbek directors.

In total, there are 14 Kazakh national-cultural centers in Uzbekistan, the activities of which will provide quite an impressive potential for their further ethnocultural development. The main tasks of the center are the comprehensive development of Kazakh culture and traditions, the study of the history of ancestors, and the search for young talents in various fields and providing them with the necessary assistance.

In Karakalpakstan, for example, a Kazakh theater created in the Mirzachel district of the Jizzakh region, a music and Drama Theater opened. National, folklore, youth, and pop ensembles operate at the cultural centers. With the assistance of Kazakh Cultural Center, about 50 books of writers, akyns, and journalists published. The activities of the republican center and its subdivisions are constantly covered in the media – in the republican newspaper "Nurly Zhol" published in the Kazakh language since 1992, the TV

show "Didar", on the republican radio. The Kazakh Center of Karakalpakstan has its own printed edition [3].

The relationship between Kazakhstan and Uzbekistan based on centuries-old bonds of friendship and mutual respect. It is declared, the 2018 was the year of Uzbekistan in Kazakhstan. It is interesting that bilateral cooperation between the two countries in the field of culture and tourism is carried out on the basis of the Agreement between the Governments of the two countries on deepening cooperation in the fields of culture, health care, science, education, tourism and sports. The agreement was signed on January 10, 1994 in Tashkent. The agreement enshrines the desire of Kazakhstan and Uzbekistan to expand and improve mutual knowledge about the culture of the two countries.

On April 15, 2019, the opening ceremony of the Year of Kazakhstan in Uzbekistan took place, where the heads of state viewed the exhibition "The Heritage of the Great Steppe", revealing the main provisions of the article by Elbasy N. Nazarbayev "Seven Facets of the Great Steppe". The exhibition presented masterpieces of ancient art of Kazakhstan from the funds of the National Museum of Kazakhstan, including the Issyk golden man, reconstructions of horses and horse equipment from the Berel kurgans, "Taksai princess", unique exhibits of the State Historical and Cultural Museum-Reserve "Uzret-Sultan".

The solemn ceremony ended with a gala concert with participation of recognized masters and famous artists of Kazakhstan A. Dnishev, A. Musakhodzhaeva, M. Mukhamedkyzy, M. Chotabayev, N. Bekmukhambetov, D. Kudaibergen, M. Mudryak and other masters of the stage and creative teams. Uzbek spectators presented a fragment from M. Tulebaev's opera "Birzhan-Sara", choreographic compositions performed by the Astana Ballet Theater, the State Dance Ensemble of Kazakhstan "Saltanat", the State Republican Academic Uyghur Musical Comedy Theater named after. K. Kuzhamyarov and the State Republican Academic Korean Theater of Musical Comedy [4].

On December 22, 2019, the official closing ceremony of the Year of Kazakhstan in Uzbekistan held at the Palace of International Forums "Uzbekistan". The cultural, educational, humanitarian, political and scientific ties established within the framework of the Year of Uzbekistan in Kazakhstan and expanded in connection with the Year of Kazakhstan in Uzbekistan, and brought the people of the two countries even closer together. Joint events contributed to the strengthening and further development of our relationship. Holding the Year of Kazakhstan in Uzbekistan testifies to the strengthening of strategic partnership, strengthening of mutual trust and

support. This is a manifestation of the ancient and sincere friendship, cultural and spiritual closeness of our people.

Within the framework of the Year of Kazakhstan in Uzbekistan, events held in various fields, including tourism, cultural, humanitarian and economic. Mutual visits of artists from two countries were organized. U. Baybusinova from Kazakhstan, who won the Grand Prix, took part in the International Festival of Bakhshi Art held in Termez. The State Museum of Arts of Uzbekistan hosted the exhibition "The Great Steppe: History and Culture" organized by the museums of Kazakhstan, as well as the VI Uzbek-Kazakh business forum, which was attended by 220 entrepreneurs from the two countries.

The book exhibition "Uzbekistan - Kazakhstan: New Facets of Cooperation", the Days of Formation of Kazakhstan, the concert of the State Dance Ensemble of Kazakhstan "Saltanat" and the performance of the theatrical collective "Astana Opera" at the State Academic Bolshoi Theater of Uzbekistan named after A. Navoi, Days of Kazakhstan Cinema organized by NA "Uzbekkino" and JSC "Kazakhfilm".

During the year, troupes of Kazakhstani theaters toured in Uzbekistan. The performance "Abai" staged on the stage of the Uzbek National Academic Drama Theater, the performances "Khan Kene" and "Ayman-Sholpan" of the Kostanay Regional Theater named after I. Omarov demonstrated.

At the International Festival of Folklore Music held in Margilan, the Kazakhstani group "Astar" became the winner in the nomination "For the promotion of forgotten traditions of ancestors". In the new Uzbekistan, along with other spheres, attention was paid to the development of culture and art. A striking example of this is the ongoing projects for the revival and study of the rich cultural heritage, the ongoing international events, the creation of new creative schools and research centers, the search and support of young talents [5].

The decree of President Sh. Mirziyoyev "On measures to further enhance the role and significance of the sphere of culture and art in the life of society" and "On measures to improve the activities" dated May 26, 2020 indicate that in the sphere of culture and art in the literal sense of the beginning of the Renaissance.

The country pays great attention to youth issues. Based on adopted documents, the fees collected from young people working in the fields of culture and art for the issuance of a one-time permit for holding concert and entertainment events canceled. A procedure for granting a 50% discount on rent for concert programs held in concert organizations, palaces of culture, and others was introduced institutions of the system of state bodies and

organizations based on full live performance. All of these are great opportunities for art workers.

Today, the new Uzbekistan has taken a course towards the development of culture. The museums show the world a rich national cultural heritage, in particular, unique exhibits, rare works, samples of national crafts. The announcement of the first Sunday of the month in museums as an open day, free visits to museums by citizens - all this aimed at raising the culture of the people by enlightening them, promoting the rich heritage.

There are also significant transformations in theatrical activity. Work on the development of private theaters and theater studios will be carried out at a qualitatively new level. In accordance with these documents, starting from September 1, 2020, the staging and performance of dramatic, musical and musical-dramatic works acquired by the Ministry of Culture and intended for public performance permitted, also in private theaters. Of great importance are the renaming of the Republican Puppet Theater, founded in 1928 by Toshpulat Doniyorov based on the first in Central Asia, the Republican Puppet Theater, the Uzbek National Puppet Theater, as well as the creation of puppet theaters in the regions [6].

Kazakhstan and Uzbekistan are developing relations in various spheres, including cultural ones. The festivals "Theater Spring-2017", the exhibition-fair of crafts "Oriental Bazaar", the conference "Central Asia-2017", book exhibitions are held. A huge role is played by the holding of the Year of Kazakhstan in Uzbekistan (2019) and the Year of Uzbekistan in Kazakhstan (2018), when viewers got acquainted with the work of writers and poets, artists, theater and film actors, musicians and performers of the classical genre.

It is undeniable that building up the development of cultural and humanitarian cooperation in the spirit of good neighborliness between the two countries is very important, especially given the current geopolitical realities and the rapidly changing landscape of both international relations in general and in the Central Asian region in particular.

Literature

1. Satibaldy D. Kazakhstan-Uzbtristan: 30 years of friendship, partnerships and alliances. kun.uz, date of the application: 16.05.23.
2. The year of Uzbekistan in Kazakhstan: ties of friendship (REVIEW), 2018, March 15 <https://strategy2050.kz/ru/news/51131/> (accessed: 28.04.23).
3. The Kazakh and Uzbek diaspora: the role of national and cultural centers in their historical fate.

- <https://articlekz.com/article/18448><https://crnc2017.icaren.org/files/presentations/4> date of the application: 29.04.23.
4. Participation in the opening ceremony of the Year of Kazakhstan in Uzbekistan. https://www.akorda.kz/ru/events/international_community/foreign_other_events/uchastie-v-ceremonii-otkrytiya-goda-kazahstana-v-uzbekistane (accessed: 05.05.23).
 5. The Year of Kazakhstan in Uzbekistan: the great friendship of two peoples. <https://uza.uz/ru/posts/god-kazahstana-v-uzbekistane-velikaya-druzhba-dvukh-narodov-22-12-2019> (accessed: 06.05.23).
 6. Development of the culture of the new Uzbekistan. // uza.uz (accessed: 06.05.23)

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ НРАВСТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ УЧАЩИХСЯ К ОКРУЖАЮЩЕЙ ПРИРОДЕ В ПРОЦЕССЕ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСКУРСИИ

Боркошев М.М., Кочкорова Г.А., Кызыл-Кия (Кыргызстан)

***Аннотация.** В статье раскрываются возможности школьников по формированию нравственного отношения к окружающей природной среде в ходе похода, даются отзывы видных мыслителей и педагогов об экскурсиях, играх, экологическом содержании, роли физического совершенствования в гармоничном развитии личности, определяются цели и условия подготовки "природных" шествий, их содержание.*

***Ключевые слова:** экологическая культура, бережное отношение к природе, физическое воспитание, духовное и физическое совершенствование, укрепление организма, пропорциональное развитие, творческие экскурсии, правила походов, дидактические игры*

FORMATION OF A CULTURE OF MORAL ATTITUDE OF STUDENTS TO THE SURROUNDING NATURE IN THE PROCESS OF ORGANIZING EXCURSIONS

Borkoshev M.M., Kochkороva G.A., Kyzyl-Kiya (Kyrgyzstan)

***Abstract.** The article reveals the possibilities of schoolchildren to form a moral attitude to the natural environment during the procession, gives feedback from prominent thinkers and teachers about excursions, games, environmental content, the role of physical improvement in the harmonious development of personality, defines the goals and conditions for the preparation of "natural" processions, their content.*

Keywords: *ecological culture, careful attitude to nature, physical education, spiritual and physical improvement, strengthening of the body, proportional development, creative excursions, hiking rules, didactic games*

С 60-х годов прошлого века человечество столкнулось с негативным воздействием экологических катастроф на фауну и флору, в связи с чем возникла необходимость проведения широкомасштабных природоохранных мероприятий. Экологическая проблема становится актуальнее с каждым годом. Становление Кыргызской Республики как самостоятельного государства и ее быстрое развитие связано с дальнейшим совершенствованием социально-экономической, политической, культурной, образовательной сфер. Проводятся реформы в области науки, техники, культуры, экономики, образования, физической культуры и спорта, основные идеи которых содержатся в Законе Кыргызской Республики «Об образовании» [1] и в Указе Президента Кыргызской Республики «О духовно-нравственном развитии и физическом воспитании личности» [2].

При организации занятий и походов для достижения цели учащиеся должны проявлять знания, находчивость, решительность, чувствовать ответственность, заботу не только о себе, но и о своих товарищах. В походах также важно бережно относиться к природе. Таким образом, каждый ученик должен: заботиться о своем здоровье и безопасности своих друзей, не причинять вреда окружающей среде, защищать ее от природных и техногенных угроз. Такая ответственность не возникает внезапно. Существуют различные мнения по вопросам педагогической, психологической, социальной, литературы, этики, методики физического воспитания, использования походов в системе физического воспитания. Греческий философ Сократ сказал: «С помощью гимнастики я поддерживаю устойчивость своего тела» [5].

Важным средством формирования нравственных качеств школьников, культуры бережного отношения к окружающей природной среде является организация походов и экскурсий экологического содержания, в ходе которых используются физкультурные упражнения, различные спортивные соревнования, развлечения и игры. Задачами физического воспитания учащихся начальных классов являются развитие у учащихся выносливости, мужества, решительности, подготовка к обороне Родины в будущем, бережное отношение к окружающей природной среде. Походы и экскурсии являются важным средством обучения инструкторов по физическому воспитанию. Преодоление препятствий во время похода

связано с демонстрацией различных способностей, физических движений и навыков. У учащихся формируются навыки самоконтроля, управления собственными движениями, кроме того у них развиваются духовно-нравственные и интеллектуальные качества, а также они развиваются не только физически, но и умственно.

Человек должен сначала развить свою природную силу (физические возможности) и стремиться к духовному совершенствованию. Великий мыслитель, ученый Абу Али ибн Сина писал, что «воспитание тела (физическое воспитание) – важнейший способ сохранения здоровья». В древности наш народ приравнивал физическое воспитание к аскетизму. Абу Али ибн Сина в «Каноне медицины» [5] определил несколько способов поддержания хорошего здоровья, среди которых указал на необходимость физических упражнений, правильного и умеренного питания, соблюдения правил гигиены. Говоря о здоровом поколении, ученый имел в виду духовное и физическое совершенство, работоспособность и передовую культуру.

О том, что наши предки воспитывали своих наследников в духе гуманизма и научных ценностей, свидетельствуют семь заповедей Манаса. Каждый человек обладает физической силой, интеллектуальными и моральными качествами. В соответствии с этим в развитии личности выделяют три направления: физическое, умственное и нравственное воспитание. Физическое воспитание имеет большое значение в жизни человека.

Во-первых, каждый должен быть здоровым и сильным.

Во-вторых, кыргызская народная мудрость гласит: «В здоровом теле здоровый дух». Мышление и мораль тесно связаны с темпераментом и здоровьем человека. Чешский педагог Ян Амос Коменский в своей работе «влияние физического воспитания на развитие учащихся» подчеркнул, что физическое воспитание необходимо для здоровья учащихся и для снятия усталости, возникающей во время занятий.

Свою знаменитую работу «Мысли о воспитании» Жан Локк посвятил отдельному разделу физического воспитания и ввел в него более широкое понятие. Чтобы очеловечить обучение, Джон Локк предложил чередовать физические и умственные занятия, чтобы тело не уставало, а человек всегда чувствовал себя легким и бодрым. Общеизвестно, что человеческие движения необходимы для стабильного функционирования всех систем организма [3].

Шведский педагог И.Г. Песталоцци посвятил всю свою теоретическую и практическую деятельность воспитанию детей и

коренному изменению системы воспитания. Это был первый раз, когда была раскрыта гуманистическая сущность физического воспитания [6].

В учебный процесс он включил физические упражнения и поставил их на первое место. Затем он предложил сделать небольшие перерывы между занятиями, чтобы ученики могли бегать, прыгать и играть в различные игры. Этот метод используется до сих пор, он предложил тренировать во второй половине дня. Великий учитель отметил, что обучение детей движениям и ловкости следует начинать как можно раньше. И в начале мы должны добиваться проявления настойчивости и старания от учащихся [3].

На уроках физкультуры требуется организация подвижных игр на свежем воздухе, на лоне природы для правильного формирования телосложения и осанки, пропорционального развития опорно-двигательного аппарата, кровообращения и дыхания, укрепления нервной системы.

Вопросы физического воспитания молодежи были в центре внимания педагогов. Идеи физического воспитания всегда были связаны с проблемами экологии. Ибн Сина Великий был одним из первых, кто создал научно обоснованную педагогическую систему. Он сказал: «Если человеку дать свежий воздух, он проживет тысячу лет» [4].

Известный кыргызский ученый-педагог Х.Ф. Анаркулов отметил: «Основная задача воспитания учащихся-укрепление их здоровья, физического и духовного развития, повышение работоспособности» [7].

Эти взгляды не потеряли своей актуальности и сегодня. Тренировки на свежем воздухе очень эффективны. Они способствуют формированию движений учащихся, но для этого необходимо организовать увлекательные игры, и предложить учащимся легко выполняемые задания и упражнения. Основной целью экологического воспитания, наряду с формированием здорового тела и организма, является развитие умственных способностей учащихся к труду и черному труду, подготовке учащихся к защите Родины, защите и рациональному использованию природных ресурсов. Во все времена высоко ценилось превосходство в физическом воспитании. Герои народных эпосов («Манас» «Семетей», «Сейтек», «Эр Төштүк», «Кожожаш») всегда были физически крепкими, мужественными, героическими молодцами. Содержание физического воспитания включает в себя информацию и представления о физической подготовке, занятиях спортом, физическом состоянии организма человека. В нашей стране физическому воспитанию уделяется большое

внимание как одной из составляющих гармоничного развития. Г.Ж. Байышова в своем научном исследовании обнаружила связь между улучшением здоровья и бережным отношением к окружающей природной среде [3].

С педагогической точки зрения концепция успеха предполагает физическое развитие человека, соблюдение принципов от простого к сложному, от неизвестного к знакомому.

В системе физического воспитания прогнозированию уделяется особое место. Уровень физической зрелости является показателем эффективности воспитания детей. Организация экскурсии, туристические походы являются основным средством гармоничного развития личности. Туристический поход считается важным видом деятельности по приобщению детей к природе во внеурочной деятельности. Во время прогулок в естественных условиях дети могут наблюдать природные явления.

Содержание творческих экскурсий определяется самими учащимися в соответствии с их интересами и свободным выбором объектов для наблюдения. В походах устанавливаются определенные правила, ставятся конкретные цели. В зависимости от сложности походов в них участвуют учащиеся всех возрастов.

Это может быть поход, связанный с ботаническими, топографическими наблюдениями. В свою очередь ученики имеют возможность узнать сезонные изменения, как человеческая деятельность влияет на природу, и как природа служит человеку. Эти наблюдения вызывают не только интерес школьников к природе, они вносят свой вклад в экологическое образование. Конечно, такое влияние требует научно-методических навыков учителя.

Прогулки школьников на природе служат нескольким целям. При их проведении закрепляются и совершенствуются навыки, полученные учащимися на уроках физической культуры. Кроме того, развиваются интеллектуальные, моральные, эстетические качества, характерные для традиционных народных видов спорта, которые сочетают в себе физическое и моральное совершенствование (скачки-скачки, охотники и утки, быстрое вращение, стрельба по мишеням и т. д.).

Целью выхода на природу является не только проведение спортивных игр, но, как отмечалось выше, формирование сознательного отношения к окружающей среде и, следовательно, усвоение элементов культуры бережного отношения к природе.

В педагогике горные походы делятся на два типа: творческие походы и походы по правилам. В свою очередь, деятельность двух указанных типов осуществляется в различных формах. Походы часто

организуются в виде игр, содержащих элементы дидактики. В ходе таких игр знания учащихся развиваются и углубляются. Также можно назвать игры «Ат чабыш», «Ак Чөлмөк», «Ордо», «Тогуз коргоол». Несмотря на различия, все игры объединяет одна общая черта в походе учащихся: каждая игра имеет определенную цель: буксировка укрепляет мышцы рук, опасность ловушки – призывает быть осторожными с животными, не причинять вреда природе. Экскурсии положительно влияют на психологическое здоровье, чувство природы, эмоции детей и учат их обращать внимание на красоту окружающего мира.

При организации экскурсии учащимся начальных классов должна быть предоставлена свобода проявления самостоятельности: а) в выборе маршрута похода (экскурсии) и ожидании его результатов; б) добровольного воссоединения с другими детьми; в) участия в походе или выходе из него по собственному желанию, поскольку экскурсия является добровольной и не требует принуждения. Участники похода должны соблюдать определенные требования и правила техники безопасности.

В процессе прогулок уровень физической подготовленности и общей культуры учащихся повышается, поскольку культура бережного отношения к природе является неотъемлемой частью общей культуры. Она создается в спортивных секциях, клубах, групповых или массовых походах на природу, с участием в экологическом марафоне. При планировании подготовки к летнему лагерю учитель физкультуры должен учитывать следующие факторы.

1. В организуемых походах необходимо создать условия для использования имеющихся знаний и умений учащихся и их обогащения.
2. Ходьба: должна рассчитываться в соответствии со здоровьем и энергией учащихся; соответствовать их интересам; способствовать физической форме, повышать работоспособность; оставаться в контакте с окружающей средой и не причинять вреда здоровью учащихся.
3. Необходимо развивать волевые и интеллектуальные качества учащихся.
4. Необходимо воспитывать у учащихся интерес к различным физкультурным занятиям в виде пеших прогулок, экскурсий, формировать привычку соблюдать дисциплину и правила.
5. Развивать туристические навыки и навыки пеших прогулок.

При организации походов, экскурсий необходимо руководствоваться дидактическими принципами и соблюдать технику

безопасности: создание оптимальных психолого-педагогических условий, реализация межпредметной интеграции, широкое использование собранной информации и материалов. При включении походов экологической направленности в программу учебных предметов важно учитывать их природоохранную и воспитательную значимость и соответствие современным требованиям. Реализация экологического образования и природоохранное воспитание на экскурсиях должна носить системный характер.

Литература

1. Кыргыз Республикасынын 1999-жылдын 16-июну № 53.
2. «Айлана-чөйрөнү коргоо жөнүндө» мыйзамы.
3. Кыргыз Республикасынын Президентинин «2022-жылды Тоолордун экосистемасын коргоо жана климаттык туруктуулук жылы деп жарыялоо жөнүндө» жарлыгы 31 январь 2022-жыл УП № 17.
4. Указ Президента Кыргызской Республики «О духовно-нравственном развитии и физическом воспитании личности» от 29 января 2021 года УП № 1.
5. *Анаркулов Х.Ф.* Кыргыз эл оюндары. Бишкек, 1991.
6. *Байышова Г.Ж.* Мектептердин башталгыч класстарынын сабактан тышкары иштеринде элдик салттар аркылуу экологиялык тарбиялоонун илимий негиздери / пед. илим. канд. дис. Б., 2010. 150 б.
7. *Боркошев М.М.* Экскурсиялар аркылуу эстетикалык жана этикалык тарбия берүүнү уюштуруу. Наука. Новые технологии и инновации Кыргызстана. №10, 20.05.2016. С. 104-107.
8. *Боркошев М.М.* Типы и формы организации физического воспитания студентов (методическое пособие). Ош, 2013. С. 28.
9. *Касмалиев А.С.* Кыргыздын улуттук спортунун түрлөрүнүн жаштарды эстетикалык жактан тарбиялоодо колдонулушу: Материалы научной конференции: в сб. "Соврем. состояние и перспективы развития национальной физической культуры". Бишкек, 2005.

СТИЛЬ ДРАКОНА В КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Ван Сяюй, Жалсанова Б.М., Чита (Россия)

Аннотация. В статье проанализирован символ дракона в китайской культуре, его возникновение и разновидности. Рассмотрен символический образ дракона в китайской литературе, архитектуре, дизайне, археологии и т.д. В итоге автор приходит к следующему выводу о том, что образ дракона в традиционной культуре Китая имеет долгую историю, он давно укоренился в сердцах людей и признан во всем мире. В современной культуре интерес к образу дракона усиливается с каждым годом.

Ключевые слова: культура, дракон, фестиваль, образ, искусство, тотем, династия, культура, мифология

DRAGON STYLE IN CHINESE CULTURE

Wang Xiaoyu, Zhalsanova B.M., Chita (Russia)

Abstract. This article analyzes the symbol of the dragon in Chinese culture, its origin and varieties. The symbolic image of the dragon in Chinese literature, architecture, design, archeology, etc. is considered. As a result, the author comes to the following conclusion that the image of the dragon in the traditional culture of China has a long history, it has long been rooted in the hearts of people and is recognized all over the world. In modern culture, interest in the image of the dragon is increasing every year.

Keywords: culture, dragon, festival, image, art, totem, dynasty, culture, mythology

Дракон занимает очень важное место в традиционной китайской культуре. В различных регионах, эпохах и этнических группах Китая дракон имеет разные значения. Драконов можно классифицировать на два вида: один из них предстает в виде слияния разных видов животных, таких как ящерицы, крокодилы, самцы, змеи, лошади, змеи, свиньи, олени и т. д. Другой вид – мифические существа, воплощающие в себе многие природные явления, такие как молния, облака, ветер, дождь и так далее.

Вопрос о происхождении дракона привлекает особое внимание научной общественности. На рубеже XX-XXI веков было проведено множество различных исследований, касающихся истории появления драконов. Выяснение предпосылок возникновения рассматриваемого китайского символа предполагает исследование особенностей появления китайского этноса и осмысление его единства. В этом случае китайская научная общественность предлагает различные интерпретации предыстории и развития образа драконов. При этом

каждая точка зрения обосновывается различной археологической и текстовой документацией.

Исходя из археологических находок, найденных в Китае, также выделяют несколько прототипов дракона. Так, в книге Института археологии Китайской академии общественных наук «Baoji Beitouling» (1983) отмечено, что в древних руинах в провинции Шэньси был обнаружен горшок с чесноком, на котором изображена водоплавающая птица. Это изображение является самым ранним изображением птицы-дракона, найденного в Китае. Другой «каменный дракон», раскопанный в провинции Ляонин, является также первым изображением традиционного дракона. В городе Пуян, что в провинции Хэнань, раскопан дракон, состоящий из раковин моллюсков.

Образ дракона встречается во времена всех династий Китая от Ся Шанчжоу до династий Тан, Сун, Юань, Мин и Цин. В период после династии Цинь и Хань дракон считался символом императорского монарха. Чтобы укрепить свое правление, император провозгласил себя «сыном настоящего дракона». Дракон как символ божественного знания и небесного сына императорской власти проходит через все время феодального общества Китая. Так, обувь, которую носил император, называлась «сапогами дракона», а шляпа имела название «корона дракона». Со временем дракон стал олицетворять величие, власть и уважение, благородство и святость. Кроме того, дракон – это божественное животное в древней китайской мифологии, духовный тотем китайской нации.

Стиль дракона также применяется в архитектуре, живописи, гравировке, украшениях и даже отделке внутренней мебели. Так, в храме Цзиньлуан в Пекинском запретном городе расположены столпы, на которых свисают позолоченные драконы. Двери и окна храма Тайхэ вырезаны в виде изящных узоров драконов. В Шэньянском Запретном дворце фигура дракона встречается на дверных колоннах, внутренних колоннах и балках дворца. В храме Лунцюань, который расположен на горе Утайшань в провинции Шаньси, есть три художественных памятника в виде арки, надгробной башни и стены с элементами дракона. Десять каменных столбов перед храмом Конфуция содержат два изображения дракона, которые парят.

Другим примером использования стиля дракона в современной архитектуре является бренд под названием Nuaxia Bank. Логотип этого бренда включает в себя нефритового дракона эпохи неолита с элементами каллиграфии.

В современной культуре тема дракона используется в традиционных китайских фестивалях. Фестиваль лодок-драконов

проводится в начале мая по лунному календарю. Кроме того, образ дракона можно встретить на внешней упаковкепельменей, дисплее компьютера и т. д. В киноиндустрии мы также можем увидеть символику дракона.

Китайский корпоративный бренд Geely применяет образ дракона в дизайне своей автомобильной продукции. Эта компания выпустила китайский спортивный автомобиль «China Dragon Coupe», на котором есть декор с изображениями драконов. Коллекционная версия мыши «Arc Touch» была запущена компанией Microsoft в Год Дракона. Кроме того, образ дракона можно наблюдать в строительных блоках, шахматах и на многих других предметах.

Таким образом, образ дракона в традиционной культуре Китая имеет долгую историю, он давно укоренился в сердцах людей и признан во всем мире. В современной культуре интерес к образу дракона усиливается с каждым годом.

Литература

1. Мяо. Красивый вкус традиционной культуры драконов в современных формах искусства // Эстетическое воспитание и культура. 2022. № 11. С. 183-184.
2. Ли Кэцзин, Тянь Хэвэй. Культура дракона в Китае и прикладные исследования в туристических продуктах. Puyang Professional Technology Institute Journal. 2011. № 4.

КИТАЙСКО-РОССИЙСКОЕ МУЗЫКАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Гао Сюйсян, Цзинань (КНР)

***Аннотация.** В статье рассмотрены особенности китайско-российского музыкально-культурного обмена в провинции Хэйлунцзян в контексте инициативы «Один пояс, один путь». Укрепление дипломатических отношений, расширение и углубление политических и экономических контактов между Китаем и Россией способствует культурному обмену между странами, в том числе в области музыки.*

***Ключевые слова:** Китай, Россия, Хэйлунцзян, музыкальная культура, инициатива «Один пояс, один путь»; культурно-музыкальное сотрудничество*

CHINESE-RUSSIAN MUSICAL AND CULTURAL COOPERATION IN HEILONGJIANG PROVINCE AT THE PRESENT STAGE

Gao Xuxiang, Jinan (China)

Abstract. *The article considers the features of the Chinese-Russian musical and cultural exchange in Heilongjiang province in the context of the One Belt, One Road initiative. Strengthening diplomatic relations, expanding and deepening political and economic contacts between China and Russia, promotes cultural exchange between countries, including in the field of music.*

Key words: *China, Russia, Heilongjiang, musical culture; the One Belt, One Road initiative; cultural and musical cooperation.*

Музыкально-культурное сотрудничество между Китаем и Россией возникло после образования Нового Китая и всегда было связано с экономической, политической и художественной сферами общественной жизни. В современном общественном контексте, благодаря силе исторических и культурных традиций и в соответствии с национальными условиями Китая, сформировалась форма китайско-российского музыкально-культурного обмена, обладающая уникальным социальным обаянием.

Возможности подобного сотрудничества возникают в том числе благодаря поддержке международной интеграционной инициативы Китая «Один пояс, один путь», которая возрождает традиции исторического Шёлкового пути с целью многомерного трансконтинентального сотрудничества со странами Центральной Азии, Европы и Африки. Инициатива «Один пояс, один путь» считается одним из самых значимых и перспективных международных проектов в современном мире, проектом со «всеобщей выгодой» для всех участников. Одним из направлений Инициативы является культурный и академический обмен и диалог, упрочение духовного единства между народами, сотрудничество со средствами массовой информации. Мягкая сила в отношениях между странами «Одного пояса, одного пути» воплощает принцип «сближение сердец и умов» и, в конечном счете, способствует политическому, экономическому, финансовому, торговому взаимодействию сторон.

Китай и Россия в последние годы также развернули глубокое сотрудничество во всех сферах, одним из проявлений которого является музыкально-культурный обмен. Значимость этих процессов определяется тем, что и Россия, и Китай являются мировыми сверхдержавами, которые имеют давнюю историю и уникальные

культуры, обладающие огромной ценностью. Традиционная культура сформировалась в течение длительного периода цивилизационной эволюции народов, охватывая их образ жизни, трудовые процессы, обычаи, традиции и другие аспекты.

Музыка как часть культуры остается наиболее выразительным и понятным языком межкультурной коммуникации, может служить связующим звеном между социальными группами и внешним миром. Поэтому анализ особенностей музыкально-культурного сотрудничества между Китаем и Россией на современном этапе имеет высокую академическую и общественную ценность. Необходимо определить, в какой форме музыкальная культура должна объединять страны для достижения эффекта взаимодействия и резонанса, чтобы еще лучше содействовать культурному обмену в контексте инициативы «Один пояс, один путь».

Современный китайско-российский музыкально-культурный обмен возникает в условиях перехода от индустриальной к постиндустриальной экономике и является одной из важных духовных тенденций XX-XXI вв. В середине XX в. Советский Союз помогал Китаю проводить индустриализацию, и это сотрудничество неизбежно влияло не только на платежеспособность экономики, политическое положение и т.д., но и на сферу культуры. В таком социальном контексте китайско-российский музыкально-культурный обмен приобретал уникальные художественные формы, становился синтезом искусства и политики, символом советско-китайской дружбы.

Возрожденное китайско-российское музыкальное и культурное сотрудничество конца XX – начала XXI вв. также обладает указанными свойствами. Оно находится вне рыночных законов, является важным культурным символом, в определенной степени отражает политическую обстановку, социальные ценности и тренды общественного развития.

В китайской северо-восточной провинции Хэйлунцзян в силу территориальной близости регионов музыкальные обмены между Китаем и Россией являются достаточно частыми и репрезентативными. Тут проводятся музыкальные фестивали, гастроли, мастер-классы, расширяется музыкальное просвещение в средствах массовой информации, включая Интернет.

В настоящее время музыкально-культурный обмен между Китаем и Россией осуществляется главным образом в форме сотрудничества в области образования, объединяющего в себе «преподавание, научные исследования и практику». Учебные заведения осуществляют основные мероприятия по обмену музыкальной культурой и

искусством. Музыка в России имеет давнюю историю, выдающиеся музыкальные школы и высокие достижения всемирно известных музыкантов. Российские музыканты, которые преподают в музыкальных учебных заведениях Китая, обладают первоклассной художественной и культурной грамотностью и потому привлекают много учащихся. Формы сотрудничества в области образования характеризуются узкой направленностью, некоммерциализацией и специализацией.

Сотрудничество идет и по линии гражданских организаций. Благодаря механизму взаимных визитов связи между общественными организациями и общественными объединениями Китая и России в определенной степени укрепились, усилились контакты и сотрудничество в области музыкальной культуры между Китаем и Россией.

И, наконец, меняются формы организации отрасли. Благодаря содействию правительств Китая и России была проведена эффективная интеграция художественных индустрий, организованы исполнительские обмены между двумя странами с официальным эффектом, например, «Китайско-российский диалог по сценическому искусству».

В XXI веке степень слияния музыкальной культуры становится все более очевидной. В Китае ценится гармоническая и инструментальная аранжировка музыки, музыкальные культурные программы последних лет, например телевизионные музыкальные драфты. С другой стороны, оригинальность китайской музыки оказывает стимулирующее влияние на Россию. В частности, написание национальных экологических песен, которых очень не хватает России, помогает глубже понять содержание музыкальной культуры трансграничных национальностей.

Музыкальные вкусы России отличаются от китайских. Российские принципы музыкальной культуры больше похожи на принципы западных стран: музыка чутко относится ко всему в обществе и относительно быстро приспосабливается к новшествам, и эта особенность отчасти отражает позитивный и оптимистичный жизненный настрой российской нации. Различия между Китаем и Россией в принципах в музыке также привели к тому, что стиль и особенности музыки между двумя странами отличаются друг от друга. С течением времени стало ясно, что музыкальные культуры двух стран взаимодействуют, русская музыкально-инструментальная и гармоническая аранжировка оказала большое влияние на Китай.

Оригинальность музыки Хэйлунцзяна в Китае также оказывает благоприятное влияние на развитие музыкальной культуры России.

Подводя итог вышесказанному, можно еще раз подчеркнуть, что Россия и Китай – страны с богатой историей и культурой, питающей художественное творчество и художественные выступления. Наша музыка богата и характеризуется яркими особенностями. По мере дальнейшего развития музыкальных культурных обменов они приобретают тенденцию к интеграции, которая затем глубоко укореняется в народе, обогащается и питает музыку. Таким образом, музыкально-культурный обмен между Китаем и Россией характеризуется постоянным углублением, что весьма благоприятно сказывается на культурном сотрудничестве между двумя странами и их социально-культурном развитии.

Литература

1. *Ван Хунъюй, Лю Ин.* Стратегические исследования и практика: научная перспектива для аналитических центров — обзор на симпозиуме «Харбин 2019: Китайско-российские обмены и сотрудничество в области музыкальной культуры» // Народная музыка. 2019. №10.
2. *Ли Ин.* Изучение различий в музыкальном образовании между Китаем и Россией из истории развития музыки // Образование в Хэйхэ. 2019. № 5.
3. *Чжу Яньбинь.* Обсуждение трансграничных этнических музыкальных и культурных обменов между Китаем и Россией в бассейне реки Хэйлунцзян // Цицикарский университет. Серия философии и общественных наук. 2018. № 10.
4. *Чжан Лимин, Го Ян.* Строительство баз художественных обменов между студентами китайских и российских вузов и подготовка музыкальных кадров в контексте «Пояса и пути» // Музыка Севера. 2019. № 7.
5. *Чжан Цзяшуо.* Сравнение китайского и российского музыкального образования под углом зрения образования // Музыка Севера. 2019. № 3.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ТРЕНДОВ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНАХ

Грицких Н.В., Рыбак Н.С., Иркутск (Россия)

Аннотация. Проведённое комплексное социологическое исследование показало, что на формирование культурных трендов влияют: современные информационно-коммуникативные связи; формирование новых молодежных солидарностей, в том числе на уровне сетевых взаимодействий, а также существенное влияние оказывает цифровизация обществ, данные механизмы взаимосвязаны с культурной глобализацией. Также отмечается, что на культурные тренды молодёжи влияет культура зарубежных стран. Мы выяснили, что наиболее популярными культурными трендами в России и её регионах являются следующие виды. Во-первых, молодёжь позиционирует себя через социальные сети, выкладывает фото и видео файлы, свободно выражает свои мысли, ведёт блоги. Во-вторых, молодое поколение самореализуется посредством включенности в определенные социальные группы и объединения (политические, общественные и др.) – это особо заметно по созданию молодёжных парламентов, участие молодых людей в политических партиях, также молодёжь активно занимается волонтерской деятельностью и многими другими. В-третьих, молодые люди выражают себя через внешность, используя пирсинг, дреды, особенно популярно – «набивать» татуировки. В-четвёртых, самовыражение происходит через различные жаргонизмы, сленги – словосочетания, выражения, которые более взрослому поколению сложно понимать и воспринимать. Также можно отметить, что самовыражение молодых людей происходит посредством определённых поведенческих особенностей.

Ключевые слова: культурные тренды, молодёжь, Иркутская область

MODERN MECHANISMS OF FORMATION OF CULTURAL TRENDS OF YOUTH IN RUSSIA AND ITS REGIONS

Gritskikh N.V., Rybak N.S., Иркутск (Россия)

Abstract. A comprehensive sociological study has shown that the formation of cultural trends is influenced by: modern information and communication links; the formation of new youth solidarities, including the level of network interactions, as well as the significant impact of the digitalization of societies, these mechanisms are interconnected with cultural globalization. It is also noted that the cultural trends of young people are influenced by the culture of foreign countries. We found out that the most popular cultural trends in Russia and its regions are the following types. Firstly, young people position themselves through social networks, posting photos and video files, freely

expressing their thoughts, and blogs. Secondly, the younger generation is self-actualizing through involvement in certain social groups and associations (political, public, etc.) – this is especially noticeable in the creation of youth parliaments, the participation of young people in political parties, also young people are actively engaged in volunteer activities and many others. Thirdly, young people express themselves through appearance, using piercings, dreadlocks, it is especially popular to "stuff" tattoos. Fourth, self-expression occurs through various jargonisms, slang phrases, expressions that are difficult for the older generation to understand and perceive. It can also be noted that the self-expression of young people occurs through certain behavioral features.

Keywords: cultural trends, youth, Irkutsk region

На данный момент возрастает актуальность в изучении современных культурных трендов молодёжи, особенно в то время, когда культурная глобализация стирает территориальные границы, а с помощью всемирно известной сети Интернет возможно онлайн наблюдать за событиями и явлениями, происходящими во всём мире. Молодое поколение с легкостью перенимает западную и европейскую культуру, которая оказывает значительное влияние на формирование ценностных установок, поведенческих реакций, идеологий и много другого. В свою очередь это отражается в культурных трендах молодёжи. На основании этого необходимо понять, какие существуют новые культурные практики и культурные тренды, и, соответственно, какие механизмы оказывают влияние на их формирование.

По официальным данным на конец 2022 г., было зафиксировано 22,6 млн чел в возрасте от 15 до 30 лет. Это составляет 14% от общего числа населения России [1]. Благодаря проведённому статистическому анализу нам удалось выявить, что существует тенденция к снижению доли молодых людей в стране. Одной из самых распространённых причин является то, что молодые люди стремятся уехать жить за границу по различным факторам: получить хорошее образование, найти высокооплачиваемую работу, уезжают также по семейным обстоятельствам, часть молодёжи уезжает за границу в поисках самореализации и самовыражения. Всё это свидетельствует о том, что необходимо уделять должное внимание проблемам молодого поколения, вопросам самореализации, развитию творческого потенциала, повышению профессиональных качеств молодых людей. Мы считаем, что следует создавать больше культурных практик на бесплатной основе, повышать уровень образования в стране в целом, давать молодёжи шанс проявить себя.

По официальным данным, представленным Федеральным агентством по делам молодёжи, на 2022 г. на территории Российской Федерации существовало 251 региональное учреждение по работе с молодёжью, из них всего 166 – бюджетных. Также стоит отметить, что за прошедший год были зарегистрированы 179 всероссийских молодёжных форумов и 534 региональных [2]. Из этого следует, что работа с молодёжью проводится регулярно по разным направлениям научной и спортивной деятельности, также проводятся творческие конкурсы. Несмотря на это, не проводятся мероприятия, направленные на помощь молодёжи в самовыражении, нет специализированных курсов и лекций, рассказывающих про современные культурные тренды, другими словами, не создаются все условия для успешного становления молодых людей, их самореализации и самовыражения.

Чтобы рассмотреть новые культурные практики молодежи и механизмы формирования культурных трендов в России и ее регионах в современных условиях были проведены экспертное интервьюирование и опрос населения. В опросе молодёжи, проведенном с 22 апреля 2020 г. по 2 мая 2020 г., приняли участие 280 человек (100%). По социально-демографическому статусу в исследовании участвовали 74 мужчин (26,4%) и 206 женщин (73,6%). В данном опросе приняли участие граждане в возрасте от 14 до 30 лет, а именно: от 18 до 25 лет – 48,6%; от 26 до 30 лет – 19,3%; от 31 до 35 лет – 13,6%, от 36 лет и старше – 18,6%. По уровню образования респонденты распределились на 9 групп: респонденты с высшим образованием (диплом специалиста, бакалавра, магистра и т.п.) – 28,6%; респонденты с незаконченным или неполным высшим образованием (обучение в вузе без получения диплома) – 22,1%; респонденты со средним специальным образованием (ссуз, техникум, медицинское училище и т.п.) – 18,6%; респонденты средним общим образованием (школа) – 27,1%; респонденты с начальным профессиональным образованием (ПТУ, колледж, лицей и т.п.) – 6,4%; респонденты с вторым (третьим и т.п.) высшим образованием – 4,3%; респонденты с ученой степенью, званием – 2,1%; респонденты аспиранты – 0,7%. По наличию специального образования в сфере культуры респонденты распределились следующим образом: 260 человек (85,7%) не имеют специального образования, 20 человек (14,3%) имеют. Социальный портрет респондента видится через призму его включенности в сферу культуры.

В экспертном интервьюировании, проведённом с 23 апреля по 5 мая 2023 г. приняли участие 15 чел. (100%). В соответствии с критериями отбора участники экспертного интервьюирования

распределились в следующей пропорции: от органов государственной власти регионального значения (Иркутская область) – 26,7%; от органов государственной власти муниципального значения – 13,3%; от органов общественного контроля, общественной экспертизы и др. (Общественная палата Иркутской области, общественные палаты муниципальных образований, Общественные советы и проч.) – 20%; от высших учебных заведений и научных учреждений – 20%; от других категорий экспертов – 20%. По социально-демографическому статусу в исследовании участвовали 6 мужчин (40%), 9 женщин (60%). По должностному статусу эксперты распределились по 3 категориям: руководители организаций или их заместители – 20%; руководители структурных подразделений организации (служб, департаментов, отделов) или их заместители – 53,3%; специалисты разного уровня в организации (в том числе главные и ведущие специалисты, эксперты, аналитики, консультанты и др.) – 26,7%. По стажу работы в занимаемой должности эксперты составляют 3 группы: до 5 лет – 60%; от 10 до 20 лет – 20%; от 20 и более лет – 20%.

В рамках исследования экспертам и респондентам был задан вопрос «На данном этапе развития общества актуальность приобретают вопросы, связанные с культурными трендами современной молодежи. Разделяете ли Вы данную позицию?». Большинство и экспертов, и респондентов разделяют позицию, что на данном этапе развития общества актуальность приобретают вопросы, связанные с культурными трендами современной молодежи: 66,7% экспертов и 45,0% респондентов. При этом никто из экспертов не отрицает данное мнение, но 15,7% респондентов не согласны или скорее не согласны с данной позицией (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов экспертов и респондентов на вопрос: «На данном этапе развития общества актуальность приобретают вопросы, связанные с культурными трендами современной молодежи.

Разделяете ли Вы данную позицию?», в %.

№ п/п	Варианты ответа	Эксперты		Респонденты	
		Кол-во ответов	Доля ответов, в %	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1.	Да, разделяю	10	66,7%	126	45,0%
2.	Скорее да, чем нет	5	33,3%	88	31,4%
3.	Скорее нет, чем да	0	0,0%	40	14,3%

№ п/п	Варианты ответа	Эксперты		Респонденты	
		Кол-во ответов	Доля ответов, в %	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
4.	Нет, не разделяю	0	0,0%	4	1,4%
5.	Затрудняюсь ответить	0	0,0%	22	7,9%
6.	Всего	15	100%	280	100%

График наглядно показывает нам, что 45,0% респондентов разделяют мнение о том, что актуальность приобретают вопросы, связанные с культурными трендами современной молодёжи (рис. 1).

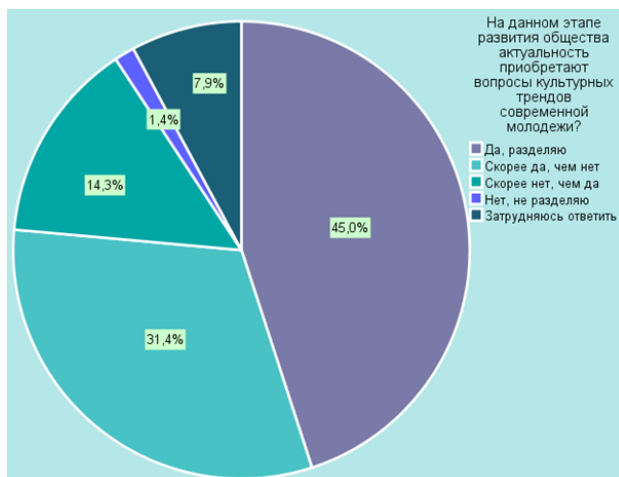

Рисунок 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «На данном этапе развития общества актуальность приобретают вопросы, связанные с культурными трендами современной молодежи.

Разделяете ли Вы данную позицию?», %.

Исходя из того, что вопросы, связанные с культурными трендами молодёжи, становятся актуальными, по мнению экспертов и населения, целесообразно выяснить, что именно участники комплексного социологического исследования понимают под «современной культурой» и под «современными культурными трендами».

Таблица 2

Распределение ответов экспертов и респондентов на вопрос: «В Вашем понимании, современная культура как социальный феномен – это ...», в %.

№ п/п	Варианты ответа	Эксперты		Респонденты	
		Кол-во ответов	Доля ответов, в %	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1.	Комплексное многофункциональное понятие, с четкой выраженностью важнейших социальных функций, проявляющихся через преобразовательную, творческую деятельность индивидов и социальных институтов	8	53,3%	86	22,6%
2.	Сложное целое, которое включает в себя знания, верования, искусство, мораль, законы, обычаи, умения и привычки, усвоенные человеком как членом общества	6	40,0%	84	22,1%
3.	Все вышеперечисленное	2	13,3%	64	16,8%
4.	Формы и продукты интеллектуальной и художественной деятельности, произведения литературы и искусства, театры, музеи, архивы – вся область духовной культуры	7	46,7%	42	11,1%

№ п/п	Варианты ответа	Эксперты		Респонденты	
		Кол-во ответов	Доля ответов, в %	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
5.	Обозначение культуры разных народов в определенные исторические эпохи, специфики способа существования или образа жизни какого-то общества, группы людей или определенного исторического периода для характеристики образа жизни отдельных социальных групп или сфер деятельности	5	33,3%	34	8,9%
6.	Наличие идеала или идеального состояния, с которым мы неявно сравниваем оцениваемые факты или явления	0	0,0%	30	7,9%
7.	Затрудняюсь ответить	0	0,0%	28	7,4%
8.	Ни одно из вышеперечисленного	0	0,0%	12	3,2%
9.	Другое	0	0,0%	0	0,0%
10.	Всего	15	100%	380	100%

Большинство и экспертов, и респондентов дают такое определение современной культуре как социальному феномену как «комплексное многофункциональное понятие с четкой выраженностью важнейших социальных функций, проявляющихся через преобразовательную, творческую деятельность индивидов и социальных институтов» (53,3% и 22,6% соответственно). При этом эксперты также выделяют определение: «формы и продукты интеллектуальной и художественной деятельности, произведения литературы и искусства, театры, музеи, архивы – вся область духовной культуры» (46,7% против 11,1% ответов респондентов).

Большинство и экспертов, и респондентов придерживаются такого определения современных молодежных культурных трендов

как социального феномена как «одно из следствий процесса социализации, культурная особенность, которая заключается в стремлении молодежи к самосознанию, самоутверждению, самовыражению и самореализации» (46,7% и 24,8% соответственно). При этом эксперты также отмечают такое определение, как «совмещение множества самобытных культур, находящихся в диалоге и взаимодействии друг с другом, причем диалог и взаимодействие идут не только по оси настоящего времени, но и по оси «прошлое-будущее»» (40,0% против 12,1% ответов респондентов) (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов экспертов и респондентов на вопрос: «В Вашем понимании, современные молодежные культурные тренды как социальный феномен – это ...», в %

№ п/п	Варианты ответа	Эксперты		Респонденты	
		Кол-во ответов	Доля ответов, в %	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1.	Одно из следствий процесса социализации, культурная особенность, которая заключается в стремлении молодежи к самосознанию, самоутверждению, самовыражению и самореализации	7	46,7%	106	24,8%
2.	Совмещение множества самобытных культур, находящихся в диалоге и взаимодействии друг с другом, причем диалог и взаимодействие идут не только по оси настоящего времени, но и по оси «прошлое-будущее»	6	40,0%	52	12,1%
3.	Все вышеперечисленное	4	26,7%	24	5,6%
4.	Одна из основных тенденций освоения новых культурных практик	4	26,7%	76	17,8%

№ п/п	Варианты ответа	Эксперты		Респонденты	
		Кол-во ответов	Доля ответов, в %	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
5.	Новое выражение фундаментальной потребности человека в культуре через изменение поведения, установок и ожиданий	3	20,0%	60	14,0%
6.	Один из современных векторов развития культурного пространства	1	6,7%	66	15,4%
7.	Другое	0	0,0%	2	0,5%
8.	Затрудняюсь ответить	0	0,0%	38	8,9%
9.	Ни одно из вышеперечисленного	0	0,0%	4	0,9%
10.	Всего	15	100%	428	100%

После того как мы выяснили, что современные культурные тренды – это одно из следствий процесса социализации, культурная особенность, которая заключается в стремлении молодежи к самосознанию, самоутверждению, самовыражению и самореализации, нам так же необходимо было определить, что именно включают в себя культурные тренды по мнению экспертов и респондентов. Как оказалось, мнения опрошенных разделились. Эксперты считают, что культурные тренды молодежи Иркутской области включают в себя две категории: позиционирование себя через различные социальные сети (ВКонтакте и др.) и самореализация посредством включенности в определенные социальные группы и объединения (политические, общественные и др.) – так ответили по 6 экспертов (по 40% от общего количества ответов). В свою очередь 114 человек (16,4% от общего числа ответов) выделяют то, что все перечисленные нами черты включены в культурные тренды современной молодежи. 94 респондента (13,5% от общего числа ответов) считают, что в большей степени культурные тренды современной молодежи включают в себя позиционирование себя через различные социальные сети (ВКонтакте и др.).

На основании этого можно отметить, что в большей степени культурные тренды современной молодежи находятся под влиянием цифровизации и цифровых технологий, в свою очередь, важно понять, насколько сильно это влияние.

Мнения экспертов и респондентов сошлись. Большинство из них отмечают, что цифровизация максимально влияет на формирование новых культурных трендов и освоение новых культурных практик (40,0% экспертов и 42,9% респондентов выбрали этот вариант ответа).

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, насколько в настоящее время цифровизация влияет на формирование новых культурных трендов и освоение новых культурных практик? (оцените по 5-ти бальной шкале, где 5 – “максимально влияет”, 1 – “не влияет”», в %.

№ п/п	Варианты ответа	Эксперты		Респонденты	
		Кол-во ответов	Доля ответов, в %	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1.	Не влияет	0	0,0%	6	2,1%
2.	2 балла	0	0,0%	20	7,1%
3.	3 балла	4	26,7%	34	12,1%
4.	4 балла	5	33,3%	100	35,7%
5.	Максимально влияет	6	40,0%	120	42,9%
6.	Всего	15	100%	280	100%

Нам также необходимо было выяснить, что способствует появлению новых молодёжных культурных трендов.

Большая часть и экспертов, и респондентов считают, что появлению новых молодёжных культурных трендов способствует развитие современных информационно-коммуникативных связей (53,3% экспертов и 23,5% респондентов выбрали этот вариант ответа). Также эксперты в этом плане отмечают формирование новых молодёжных солидарностей, в том числе на уровне сетевых взаимодействий (40,0% ответов против 5,3% ответов респондентов). Респонденты больше выделяют эпоху становления цифровизации общества (20,6%). Как мы видим, решающую роль и эксперты, и респонденты, в большей степени отводят развитию современных информационно-коммуникативных связей (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов экспертов и респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, что способствует появлению новых молодежных культурных трендов?», в %.

№ п/п	Варианты ответа	Эксперты		Респонденты	
		Кол-во ответов	Доля ответов, в %	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1.	Развитие современных информационно-коммуникативных связей	8	53,3%	132	23,5%
2.	Все вышеперечисленное	6	40,0%	30	5,3%
3.	Формирование новых молодежных солидарностей, в том числе на уровне сетевых взаимодействий	5	33,3%	80	14,2%
4.	Эпоха становления цифровизации общества	4	26,7%	116	20,6%
5.	Необходимость ответов на новые вызовы, в том числе культурные	3	20,0%	74	13,2%
6.	Реализация новой культурной политики	2	13,3%	44	7,8%
7.	Ни одно из вышеперечисленных	1	6,7%	2	0,4%
8.	Формирование особого подхода к молодежи и молодежным практикам с учетом новых вызовов	1	6,7%	54	9,6%
9.	Затрудняюсь ответить	0	0,0%	30	5,3%
10.	Всего	15	100,0%	562	100,0%

Далее в ходе исследования было целесообразно узнать, как именно относятся эксперты и респонденты к новым культурным трендам молодёжи.

Распределение ответов показало, что большинство экспертов (46,7%) разделяют и считают закономерным появление новых культурных трендов молодёжи. Среди респондентов так считают 32,1% опрошенных. Однако респонденты относятся к молодёжным трендам

наиболее критично или безразлично: 17,9% респондентов отметили, что им все равно, в то время как тот же вариант ответа выбрали 6,7% экспертов, а также не разделяют данные культурные тренды 8,6% респондентов, но ни один из экспертов (рис. 2).

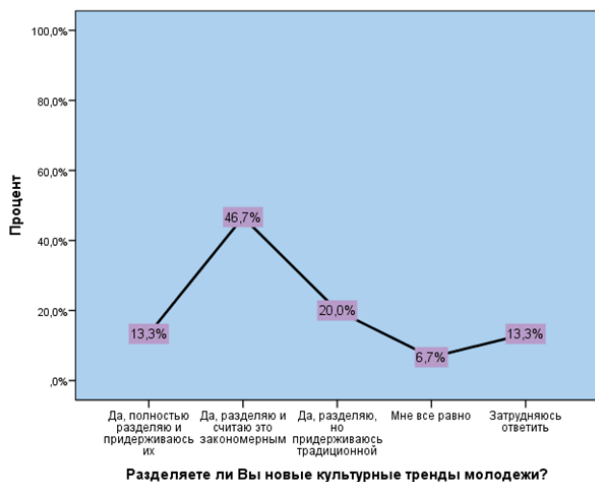

Рисунок 2 – Распределение ответов экспертов на вопрос «Разделяете ли Вы новые культурные тренды молодежи?», в %.

Существует мнение, что западная культура оказывает наибольшее воздействие на формирование новых культурных трендов молодёжи. На основании этого мы хотели выяснить, так ли это на самом деле по мнению экспертов и респондентов.

И эксперты, и респонденты по большей части скорее согласны, чем не согласны с позицией, что культурные тренды современной молодежи обусловлены культурой Запада, этот вариант ответа выбрали 53,3% экспертов и 57,1% респондентов. Однако некоторые респонденты выразили свое несогласие с данным мнением (2,9%), в то время как это не сделал никто из экспертов. Таким образом, западная культура действительно оказывает влияние на формирование культурных трендов, но важно отметить, что это влияние сильно переоценено, есть ряд других факторов, оказывающих влияние на современные тренды молодёжи.

Таблица 6

Распределение ответов экспертов и респондентов на вопрос:
«Существует точка зрения, что культурные тренды современной молодежи обусловлены культурой Запада, согласны ли Вы с данной позицией?», в %

№ п/п	Варианты ответа	Эксперты		Респонденты	
		Кол-во ответов	Доля ответов, в %	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1.	Да, совершенно согласен	4	26,7%	48	17,1%
2.	Скорее согласен, чем не согласен	8	53,3%	160	57,1%
3.	Скорее не согласен, чем согласен	2	13,3%	44	15,7%
4.	Совершенно не согласен	0	0,0%	8	2,9%
5.	Затрудняюсь ответить	1	6,7%	20	7,1%
6.	Другое	0	0,0%	0	0,0%
7.	Всего	15	100%	280	100%

В ходе исследования респондентам предлагалось выразить своё мнение относительно того, следует ли интегрировать элементы зарубежной современной культуры в современную культуру российского общества.

Больше половины респондентов (52,9%) затруднились ответить на вопрос, 35,0% опрошенных считали, что не следует интегрировать элементы из зарубежной современной культуры в современную культуру российского общества, 12,1% – считали, что это следует делать.

Примечание: в качестве варианта ответа «Следует, например,» респонденты предложили следующие варианты:

1. «Толерантность».
2. «Можно интегрировать любые элементы, в сочетании с нашей культурой будет интересное взаимодействие».
3. «Свобода».
4. «Традиции, элементы творчества».
5. «Семейные ценности, близость к старшему поколению».
6. «Они уже достаточно интегрированы из-за глобализации»; «современная российская культура в большей степени занимается

заимствованием, в меньшем создает что-то свое»; «самостоятельность».

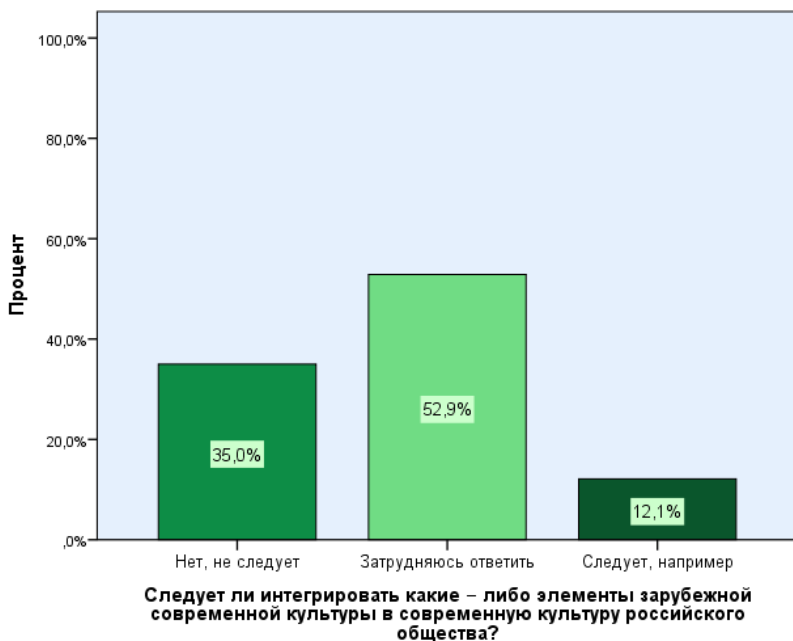

Рисунок 3 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «По Вашему мнению, следует ли интегрировать какие – либо элементы зарубежной современной культуры в современную культуру российского общества? Если да, то какие?», в %.

Так как современные культурные практики – это реализация культуры в ее непосредственной действительности, а также деятельность социальных институтов культуры (музеев, библиотек, клубов, домов культуры, школ искусств, вузов культуры и искусств и т.д.), целесообразно было выяснить, в каких направлениях происходит в данный момент освоение новых культурных практик среди молодежи. Распределение ответов показало, что мнения экспертов и респондентов разошлись. Эксперты, помимо варианта «все вышперечисленное», выделяют в качестве таких направлений информационно-коммуникативное (20,0%) и креативное (13,3%). В это время респонденты выделяют информационно-коммуникативное направление (17,2%), культурно-творческое (19,0%), креативное

(12,4%), общественное участие (12,1%) и образовательное направление (11,5%).

Таким образом, упор делается на информационно-коммуникативные мероприятия, но мы считаем, что следует проводить комплексную работу с молодёжью и создавать такие мероприятия, форумы, открытые площадки и фестивали, которые будут помогать развиваться молодым людям в разных направлениях, в том числе это будет способствовать их самовыражению, к самоутверждению и к успешной самореализации. И на основании этого нам необходимо было выяснить, известно ли экспертам и респондентам об открытых культурно-образовательных фестивалях в регионах России.

В основном и экспертам, и респондентам неизвестно о таких открытых культурно-образовательных фестивалях в других регионах России (40,0% и 51,4% соответственно). Однако эксперты, как этого и следовало ожидать, осведомлены в этой теме больше: 26,7% из них знакомы с подобными фестивалями, в то время как этот вариант ответа выбрали лишь 4,3% респондентов.

Таблица 7

Распределение ответов экспертов и респондентов на вопрос: «Известно ли Вам о таких открытых культурно-образовательных фестивалях в других регионах России, если да, назовите их?», в %.

№ п/п	Варианты ответа	Эксперты		Респонденты	
		Кол-во ответов	Доля ответов, в %	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1.	Нет	6	40,0%	144	51,4%
2.	Затрудняюсь ответить	5	33,3%	124	44,3%
3.	Да	4	26,7%	12	4,3%
4.	Всего	15	100%	280	100%

Таким образом, под современными культурными трендами мы понимаем следствие процесса социализации, культурную особенность, которая заключается в стремлении молодежи к самосознанию, самоутверждению, самовыражению и самореализации. Важно отметить, что большинство опрошенных экспертов и респондентов солидарны в том, что в современную эпоху актуализировались вопросы культурных трендов молодёжи, это значит, что необходимо проявить повышенный интерес к этому социальному явлению для благополучного развития, самовыражения и самореализации молодого

поколения. Важно отметить, что большинство опрошенных экспертов и респондентов относятся положительно к проявлению современных культурных трендов, тем более, считают, что это закономерный процесс.

Проведённое комплексное социологическое исследование показало, что на формирование культурных трендов влияют: современные информационно-коммуникативные связи, формирование новых молодежных солидарностей, в том числе на уровне сетевых взаимодействий, а также существенное влияние оказывает цифровизация общества. Нельзя не отметить, что данные механизмы взаимосвязаны с культурной глобализацией.

Литература

1. Росстат. Статистика по России и регионам. URL: <https://www.gks.ru/folder/12781> (дата обращения: 29.04.23).
2. Статистика / РосМолодёжь. URL: <https://fadm.gov.ru/activity/statistic?hashtags=225> (дата обращения: 29.04.2023).
3. Грицких Н. В., Кононова О. Н., Рыбак Н.С. Особенности развития гражданских инициатив в сфере креативных технологий // Социология. 2022. № 5. С. 31-40.
4. Грицких Н.В., Анохина А.А., Осипов Т.А., Сафонов С.А. Ключевые особенности патриотизма в «пандемическом» обществе // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 6(74). С. 39-46.

ЭТНОКОНТЕНТ В СМИ И СОЦСЕТЯХ КАК ФАКТОР ПРОДВИЖЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ОБРАЗА СИБИРИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Дыгало Е. (Воронеж, Россия)

Аннотация. *СМИ остаются одним из главных средств информирования массовой аудитории и воздействия на нее. Наряду с традиционными медиа все больший охват аудитории получают и соцсети. В связи с этим становится актуальным вопрос донесения социально важной информации (например, о межнациональных отношениях и этнокультуре, в том числе и в Сибири) до разных социальных групп. Молодежная аудитория также требует особого подхода. Следовательно, необходимо знать и понимать механизмы создания этноконента для различных медиа с учетом особенностей потребления информации молодежью. Это важно для стимулирования у молодежи изучения истории и современного*

бытования культур народов Сибири и продвижения региона в СМИ и соцсетях.

Ключевые слова: этно контент, Сибирь, СМИ, аудитория, межнациональные отношения, культура, народы

ETHNOCONTENT IN THE MEDIA AND SOCIAL NETWORKS AS A FACTOR IN PROMOTING AND POPULARIZING THE IMAGE OF SIBERIA AMONG YOUNG PEOPLE

Dygalo E., Voronezh (Russia)

Abstract. *The media remains one of the main means of informing the mass audience and influencing it. Along with traditional media, social networks are also gaining more and more audience coverage. In this regard, the issue of conveying socially important information (for example, about interethnic relations and ethnoculture, including in Siberia) to different social groups becomes urgent. The youth audience also requires a special approach. Therefore, it is necessary to know and understand the mechanisms of creating ethno content for various media, taking into account the peculiarities of information consumption by young people. This is important to encourage young people to study the history and modern existence of the cultures of the peoples of Siberia and promote the region in the media and social networks.*

Keywords: *ethnocontent, Siberia, mass media, audience, interethnic relations, culture, peoples*

Несмотря на развитие самых разных каналов распространения информации, одним из основных по-прежнему являются СМИ. И по-прежнему они выполняют информирующую, образовательную и воспитательную функции. Работа журналистов остается одним из главных способов донести до аудитории социально-значимую информацию. Несомненно, к таким сведениям можно отнести информацию об этнокультурном многообразии России и ее регионов.

Эту тему необходимо освещать применительно к самой разной аудитории. Особого внимания в этом смысле требует молодежь. Ведь ей зачастую не интересны формы подачи информации и материалы, созданные по старым лекалам. Они просто не найдут своего читателя или зрителя. Вместе с тем, именно с помощью работы СМИ можно и нужно просвещать молодежь, рассказывать о жизни разных народов и культур, стимулировать познание собственной страны. Это же можно считать воспитанием толерантности и профилактикой экстремизма. Так как же говорить с молодежью об этнокультурном портрете России и ее регионов на одном языке?

Цель нашего исследования – выявить механизмы привлечения молодежной аудитории к темам этнокультурной жизни в СМИ на примере Сибири. Материалом стали работы молодых авторов – начинающих журналистов и блогеров, участников проекта «Школа межэтнической журналистики».

Школа межэтнической журналистики была создана в 2015 году по инициативе Гильдии межэтнической журналистики. Это специальная программа по подготовке и обучению молодых журналистов грамотному освещению темы межнациональных отношений, в том числе в своем регионе. В 2015 году проект был создан для молодых журналистов и юнкорров в девяти регионах – он работал в Москве, Барнауле, Новосибирске, Красноярске, Саранске, Сыктывкаре, Иркутске, Йошкар-Оле и Северодвинске. С 2016 года Школа межэтнической журналистики работает только для студентов и молодых журналистов. С каждым годом Школа межэтнической журналистики расширялась, к 2021 году проект проходил уже в 27 городах России. С 2020 года он реализуется совместно с Федеральным агентством по делам национальностей при поддержке Общественной палаты Российской Федерации.

Все школы проекта работают по единой программе курса, учитывая специфику каждого из регионов России. В рамках программы студенты должны писать материалы и новости о работе школы. В 2021 году каждая школа должна была опубликовать не менее 20 работ и минимум четыре новости. Практической работе предшествует теоретическая подготовка. Сначала студенты знакомятся с этноконфессиональным портретом страны в целом, а потом – с особенностями своего и соседних регионов.

Главная особенность школы межэтнической журналистики – ее практическая направленность. Каждый студент школы обязан создавать журналистские материалы – тексты, видео или аудио (по своему выбору). Публикуются они на региональной странице школы межэтнической журналистики на сайте «Национальный акцент». Заканчивается работа школы защитой выпускных работ – итоговых журналистских материалов, призванных показать, чему студент научился за время курса.

За семь лет работы проекта его участники менялись. Региональные школы работали и в Сибири – в Красноярске, Барнауле, Томске, Иркутске.

Школа межэтнической журналистики в Барнауле, Иркутске и Красноярке была организована в 2015 году, а в Томске она открылась в 2016 году. Рассмотрим подробнее работу школ и подготовленные их

студентами материалы и выясним, как эти публикации помогут в формировании этнического портрета Сибири и стимулировании молодежной аудитории к изучению особенностей своего родного региона.

Руководителем барнаульской Школы межэтнической журналистики является руководитель регионального отделения Гильдии межэтнической журналистики, журналист Олег Купчинский. Занятия идут по уже ставшей традиционной программе. Первая тема – «Этнокультурное разнообразие России и региона». Слушатели готовят сообщения об этническом составе Алтайского края и Республики Алтай, истории заселения этих регионов. Приводятся интересные факты о староверах и переселенцах, алтайцах и кумандинцах, влиянии промышленного освоения Алтая и развития горнозаводского дела на этнический состав населения. Также обсуждаются стереотипы и мифы о народах, особенности менталитета и поведения.

К работе в качестве экспертов регулярно привлекают тех, кто помогает начинающим журналистам улучшить свои навыки и умения. Например, руководитель краевого генеалогического сообщества Татьяна Старцева рассказала о том, как она на протяжении 12 лет составляет свое генеалогическое древо; сейчас в нем уже свыше 1200 предков разных национальностей. Руководитель центра славянской культуры Вера Верченко познакомила ребят с традиционной русской одеждой, которую носит сама. Также она рассказала о работе Центра по мастерству работы с казачьей шашкой в Алтайской школе. Сотрудник информационного отдела Алтайской митрополии Мария Стрыгина рассказала о конфессиональной прессе и информационной политике Русской православной церкви, а также уточнила, что «интернет храм не заменит».

Студенты барнаульской Школы межэтнической журналистики создавали в основном традиционные текстовые материалы. Например, в 2020 году одним из центральных стал материал о кумандинцах – небольшом народе, живущем в Алтайском крае. Айша Амирова рассказала о жизни этого малого народа, его культуре и традициях. Особо интересен фольклор кумандинцев, их легенды и сказки [4]. Именно они подробно рассматриваются в этой публикации.

В Сибири проживает множество народов, и молодежи очень интересно, как они «забрали» в Сибирь и на Алтай. Студенты общаются с руководителями различных этнокультурных организаций (поляков, татар, евреев) и узнают их историю и жизнь в условиях современного города [6, 7, 22].

Один из обязательных пунктов работы барнаульской Школы – этноэкспедиции. Они позволяют лично познакомиться с особенностями разных уголков многонациональной Сибири. Например, в 2020 году студенты выезжали в поселок Волга, который был основан представителями чувашского народа в 20-х годах прошлого века (раньше этот населенный пункт назывался Канаши, как и одноименный совхоз, что переводе с чувашского – «Советы») [1].

Иногда студенты выходят за пределы своего региона. Так, Анастасия Александрова написала текст о своем путешествии в Казахстан, который «тянул её словно магнитом». Девушка рассказала о разнице культур, гостеприимности людей и теплому приёму [3]. Сравнение своей культуры с «чужой» – распространенный в журналистике прием. Он помогает взглянуть на традиции различных народов в сравнении со своими, отметить не только их различие, но и сходство.

В 2021 году слушатели нового набора школы тоже встретились с Айшей Амировой. Она снова рассказала о жизни, быте и фольклоре кумандинцев [27]. Таким образом, тема культуры этого народа освещается регулярно, что способствует и более полному освещению, и большему привлечению внимания. Одной из самых интересных работ в 2021 году стала посвященная Дням литовской культуры в Алтайском крае, куда приехали представители литовских общин из разных регионов России и Казахстана [5]. Слушатели школы встретились с ними и рассказали о важном для региона событии.

Одной из самых крупных сибирских школ межэтнической журналистики является красноярская.

Красноярская Школа межэтнической журналистики, как правило, преподносит материалы в видеоформате. В основном это видеоролики о разных народах, проживающих в Сибири, например, материал о старообрядческой церкви [24], куда студенты отправились с экскурсией. Иван Ошин рассказал студентам об истории старообрядчества, провел мини-урок звонарного мастерства и экскурсию по храму. Авторы материала сделали акцент на личности отца Ивана, который происходит из семьи староверов. В материале представлена его личная история прихода к вере, творчества (он пробовал писать иконы), что делает видеоработу личной, эмоциональной и трогательной. Украшением материала становится фрагмент об экскурсии по храму. Здесь представлены и рассказ о его истории, и видео с колокольни, которую слышит весь Красноярск. Благодаря этому сочетанию материал становится не только ярким и интересным, но и познавательным.

Видеоформат, который выбирают студенты этой Школы, позволяет им готовить красочные, очень визуализированные материалы. Так, Мария Шаманаева посвятила свою работу татарским национальным традициям и костюмам [26]. Главным героем ее работы стала Гузалия Бикбова – руководитель татарского фольклорного ансамбля «Йолдыз» (в переводе «звезда»). Она рассказала также о национальных танцах. «Эпепе» – это быстрый танец, чем-то напоминающий кадриль. У татарского народа есть и медленные танцы, в которых девушки демонстрируют свое изящество, а парни показывают себя как сильных духом мужчин.

Студенты красноярской школы используют экскурсии и поездки как способ погрузиться в материал и изучить его «изнутри». Студентов интересуют не только этнические, но и конфессиональные особенности региона. Все это дает возможность нарисовать более полный и объективный этнический портрет края.

В Томске Школа межэтнической журналистики работает на базе агентства новостей «ТВ-2». Руководителем Школы является Юлия Корнева. Особенность этой региональной школы – активные выезды в глубинку области. Ребята съездили в деревню Новоисламуль [9] и написали материал о сибирской деревне несибирских татар. В нем представлены не только история деревни и рассказ о ней жителей, но и размышления о настоящем, сравнение его с прошлым и раздумья о будущем национальной деревни. Также слушатели побывали у создателей уникального сайта про сибиряков, съездили на экскурсию в музей татарской культуры, пообщались с Ириной Коробейниковой, одной из последних носительниц селькупского языка в Томской области.

Томские слушатели Школы межэтнической журналистики в основном пишут текстовые материалы на общезначимые и познавательные темы. Например, Эмиля Бизайне спросила своих читателей: «Кто такие сибиряки?» [8]. Девушка постаралась узнать, откуда в Сибири 17 миллионов человек, и как они оказались на этой «пустынной и холодной земле». Эмиля пообщалась с сотрудниками Томского областного краеведческого музея и жителями области, которые рассказали о своих причинах переезда в Сибирь. В финале она сделала вывод, что «сибиряки – это калейдоскоп из национальностей, религий, рас и судеб, стать частью которого может каждый. Стоит лишь хотя бы на время сделать Сибирь своим домом!». Можно сказать, что это один из главных тезисов, которые мы узнаем о Сибири.

К теме портрета своего родного региона томские студенты обращаются регулярно. Так, накануне переписи населения слушатели

школы провели опрос на улицах Томска и узнали, кто такие сибиряки. Ответы были разнообразные, например, «сибиряк – это человек, проживающий на территории Сибири. Хотя пять минут, хоть три года, хоть десять лет. Если ты в душе сибирячка, значит ты везде сибирячка» [10]. А вот некоторые, наоборот, считают, что сибиряка нельзя считать отдельной национальностью, и готовы написать ее только в скобках.

Исследование истории Томской области и Сибири в целом, общение с жителями, изучение истории собственной семьи помогают студентам не забывать и чтить традиции родного края, ведь традиции – это самое ценное, что осталось от предков. Молодежь должна интересоваться историей своей страны, изучать и продвигать ее, а общение с последней носительницей селькупского языка, экспедиция в музей татарской культуры и т.д. будут этому способствовать. Главное – уложить этот важный в образовательном и воспитательном смысле контент в такую форму, которая будет интересна молодежной аудитории.

Студенты томской школы делают мультимедийные материалы, объединяя текст, видео и интересную подачу. Такой способ организации материала направлен на молодежную аудиторию, которая предпочитает визуализированные формы подачи. Это способствует большей вовлеченности этой аудитории в материал, а значит, позволяет усилить продвижение темы этнического портрета Сибири среди молодежи.

Портрет своего региона стараются нарисовать и студенты иркутской Школы межэтнической журналистики. Ее куратором-наставником является журналист Татьяна Швыдченко. Под ее руководством слушатели выбирают необычные и очень интересные темы, раскрывающие детали жизни в Иркутской области.

Так, студенты познакомились с представителями разных религий и даже начали новую рубрику – «Пять вопросов верующему» [25]. Они задавали вопросы преподавателю мечети Иркутска Равилу Валиуллину, преподавателю в доме кришнаитов Константину и т.д. Обращение к конфессиональной теме позволяет узнать много нового об Иркутской области и Сибири в целом и понять, что здесь есть место самым разным людям – представителям самых разных народов и религий, что они живут тут в мире и согласии, имея возможность соблюдать свои вековые традиции.

В своих материалах иркутские студенты рассказывают интересные и нередко забавные детали о своей области. Например, Екатерина Власова написала материал о рыбе, которая есть только на Байкале, – голомянке [11]. Эта рыба состоит из жира и может полностью

растаять на солнце. А вот Диана Дабалаева написала материал о страшных легендах села Улей Осинского района Иркутской области [13]. Девушке удалось узнать, как сейчас живут в Улее, и не страшно ли жителям находиться там. Обращение к подобным небанальным темам вызывает интерес молодежной аудитории, заставляет прочесть материал до конца и вдохновляет на то, чтобы узнать о Сибири еще что-то.

Еще один прием, к которому обращаются молодые авторы для рассказа о своем регионе, – это взгляд «со стороны». Самая популярная тема в этом отношении – это мнение иностранца о Сибири и ее регионах. Так, в Красноярске студенты школы совместно с телекомпанией «7 канал Красноярска» запустили проект с говорящим названием «Сибирь глазами иностранцев». Ведущими стали студенты-иностранцы из разных стран. Они показывают Сибирь такой, какой они её увидели, сравнивают жизнь здесь с жизнью на родине. Вместе со съёмочной группой иностранцы ездят в необычные места Красноярска и заглядывают в отдалённые уголки края. Каждый выпуск — это уникальная история знакомства иностранца с Сибирью.

Например, Мак Камбер приехал из США [15]. Молодой человек «в шоке» от «аномального тепла» Красноярска. Он хвалит красноярскую кулинарно-ресторанную культуру и участвует в колядках. Еще одним героем стал Прита Гарч, преподаватель английского языка из Мумбая [12]. Один из выпусков программы был посвящен его поездке в Минусинск. Там герой любовался историческими домами и ретро-техникой, а также выяснил, как за помидор можно получить автомобиль. В другом выпуске ребята решили сводить в Красноярский Музыкальный театр на постановку «Джен Эйр» военного пилота из Венесуэлы, студента СФУ Давида Салмерона, а после познакомили его с закулисным [23].

Такой взгляд человека другой культуры позволяет увидеть те особенности Сибири, к которым ее жители давно привыкли и уже не обращают внимания. А именно эти особенности могут быть «изюминкой» региона, стать важной чертой в его портрете. Хорош этот формат и для удержания внимания аудитории, так как он живой, непосредственный, эмоциональный, в таких программах много юмора, импровизации. Таким образом, взгляд на «Сибирь глазами иностранцев» – один из самых удачных приемов для материалов СМИ.

Впрочем, для более глубокого изучения региона и продвижения этнотемы за пределы собственно области/края полезен не только взгляд иностранца, но и россиянина, проживающего не в Сибири. Таких наших сограждан можно назвать в чем-то иностранцами по отношению

к сибирякам: они тут не были, имеют свои стереотипы о сибиряках и Сибири («суровые», «там холодно»), но чаще всего мечтают здесь побывать. В 2017 году студентка факультета журналистики Воронежского госуниверситета Анастасия Картавцева отправилась в этноэкспедицию по городам Сибири и написала серию материалов о своем путешествии. Один из них так и называется – «7 чудес Южной Сибири» [16]. В нем Настя рассказывала о красивых местах, в которых ей удалось побывать. Лидером стал поселок Киришь Кемеровской области, там все люди верят в Йети. Ещё один материал Настя посвятила деревне Казановка в Хакасии [18]. Другая публикация рассказывала о том, как членов экспедиции встречали на границе между регионами алтайцы и сибирские казаки [17]. Эти работы Картавцевой нарисовали Сибирь как регион с очень разными традициями народов и культур, очень уютный, красивый, оставляющий большое впечатление. В своих работах студентка использовала много фотографий, видеосъемку, разговор с читателем вела на живом и простом языке. Все это делает ее работы интересными молодежной аудитории и позволяет привлечь ее к узнаванию Сибири и ее жителей.

Именно необходимость живого, непосредственного разговора с молодежной аудиторией на понятном ей языке и в близких ей форматах заставило Гильдию межэтнической журналистики открыть онлайн-Школу межэтнической журналистики. Акцент был сделан на работе с социальными сетями. Лекторами проекта стали: Маргарита Лянге (президент Гильдии межэтнической журналистики), Олег Купчинский (шеф-редактор газеты «Алтайская правда»), Юлия Бобкова (шеф-редактор интернет-СМИ «Национальный Акцент»), Юлия Корнева (шеф-редактор Агентства новостей ТВ2) и др. Необходимо отметить, что организаторы школы имеют практический опыт ведения соцсетей с этническим контентом. Так, «Национальный акцент» имеет свой канал на TikTok «Ethnolife», в котором говорит о России и ее народах. В формате TikTok Маргарита Лянге рассказывает факты о народах России и интересных событиях. Конечно, на канале есть место и Сибири. Так, один из TikTokов был посвящен проходившим на Алтае соревнованиям «Спортивный пельменинг» [20].

Слушатели онлайн-Школы межэтнической журналистики готовили материалы для TikTok, Instagram и ВКонтакте. Они осваивали новые форматы для этноконента, которые помогают привлечь внимание молодежи. Например, слушатели Школы Ханты-Мансийска приняли участие во флешмобе «У меня есть друг такой национальности» [2], где нужно было рассказать в соцсетях в коротком

видеоролике о своем друге. В Красноярске провели опрос: «Что красноярцы думают о Дагестане?» [21]. Барнаульские студенты сделали видеоподкаст о алтайских чувашах [19]. В Томске сделали клип в поддержку врачей в Доме дружбы народов [14].

Очевидно, что работа с контентом о различных регионах Сибири важна не только для информирования жителей всей страны о ее своеобразии, этническом многообразии и образе жизни различных народов. Это становится актуальным и в связи с развитием в России внутреннего туризма. Именно Сибирь с ее многообразием традиций, обычаев, культуры и даже природы может стать одним из самых перспективных направлений. Важно подать ее регионы так, чтобы они вызвали интерес и симпатию, в том числе у молодежной аудитории. А молодежь черпает новую информацию из социальных сетей и материалов, которые отличаются необычной подачей, живым интересным языком и контентом. Именно это отличает материалы, которые попали в поле нашего исследования и были приведены в пример выше.

Таким образом, исследуя представленный контент и опыт работы Школы межкультурной журналистики, можно сделать следующие выводы:

СМИ по-прежнему остаются средством воздействия на молодежную аудиторию. Их контент может стать средством информирования об этноконфессиональных особенностях Сибири, продвижения идей уважения к ее многообразию, традициям и обычаям всех населяющих ее народов;

молодежная аудитория требует особого подхода – в выборе тем и организации контента. Необходимы необычный, неформальный взгляд на материал, живой язык, визуализация контента, мультимедийность. Приветствуются материалы, подготовленные в ходе посещения «глубинки» – мест, имеющих этнический колорит;

значимой площадкой для продвижения образа Сибири в целом и этноконфессионального в частности являются соцсети. Этноконтент в социальных сетях до сих пор остается редкостью, однако без работы с ними говорить о продвижении региона и его этнического образа невозможно;

важным элементом интернет-публикаций и работы в соцсетях становится видеоконтент. Жители всех регионов России и зарубежья, посмотрев видеоролики, могут прочувствовать дух Сибири сквозь экран и тысячи километров. Особенно это важно при работе с молодежной аудиторией;

для освещения жизни Сибири используются приемы изучения этой жизни с разных точек зрения: взгляд жителя региона на культуру различных народов и регионов, взгляд жителя региона на «глубинку», взгляд иностранца, взгляд приезжего. Каждый из них раскрывает нечто новое, необычное, замечает новые «изюминки». Для полного и объективного освещения картины жизни необходимо использовать сочетание различных точек зрения;

важно, чтобы о Сибири писали не только ее жители, но и гости края. Полезным форматом для продвижения региона можно считать этноэкспедиции. Опыт, в частности, экспедиции по Южной Сибири и ее освещения в молодежных СМИ, доказал ее эффективность. О Сибири будут писать в разных регионах страны, тем самым продвигая положительный образ этого края и привлекая интерес все большего числа людей;

сложная и социально важная тема этнокультуры требует специальных знаний и навыков. Для работы с ней необходима теоретическая подготовка и помощь со стороны опытных журналистов-наставников. Эксперты и руководители школ, которые профессионально разбираются в этнических темах и медиа, помогают начинающим журналистам улучшить свои навыки и умения. Благодаря этому портрет Сибири становится более четким и интересным, а созданный контент привлекает больше внимания аудитории.

Отметим, что выделенные нами приемы освещения жизни Сибири и ее продвижения в СМИ и социальных сетях, а также адаптация этой информации для молодежной аудитории, могут быть использованы и при продвижении других регионов Российской Федерации. Молодежь может и должна экстраполировать этот опыт и применять его для формирования этнического образа всей страны. Кроме того, необходимо и дальше вести работу по привлечению молодых журналистов и блогеров к теме этнической жизни и сибирских регионов, и всей страны. Это означает, опыт Школы межэтнической журналистики не только удачен и применим к разным регионам, но и требует дальнейшего изучения.

Литература

1. «Пока мы живы, не обмелеет Волга». URL: https://nazaccent.ru/school_content/3143/ (дата обращения 23.03.2022).
2. «У меня есть друг такой национальности». URL: https://nazaccent.ru/school_content/3357/ (дата обращения 25.03.2022).

3. Александрова А. Главный человек в доме. URL: https://nazaccent.ru/school_content/2474/ (дата обращения 23.03.2022).
4. Андропова Н. «Моя бабушка курит трубку». URL: https://nazaccent.ru/school_content/2696/ (дата обращения 23.03.2022).
5. Андропова Н. Сохраняя традиции. URL: https://nazaccent.ru/school_content/3418/ (дата обращения 23.03.2022).
6. Барнаульские студенты познакомились с алтайскими татарами. URL: https://nazaccent.ru/school_content/2748/ (дата обращения 23.03.2022).
7. Барнаульские студенты узнали об истории и традициях еврейского народа. URL: https://nazaccent.ru/school_content/2747/ (дата обращения 23.03.2022).
8. Бизайне Э. Кто такие сибиряки? URL: https://nazaccent.ru/school_content/3545/ (дата обращения 23.03.2022).
9. Бизайне Э., Животова А., Михайлова А., Слабова А., Веселов О. «Будь в исламе». URL: https://nazaccent.ru/school_content/3712/ (дата обращения 23.03.2022).
10. Бизайне Э., Смоленцевой А. Кто такие сибиряки? Опрос на улицах Томска перед всероссийской переписью населения. URL: https://nazaccent.ru/school_content/3577/ (дата обращения 23.03.2022).
11. Власова Е. Рыба, через которую можно читать газету. URL: https://nazaccent.ru/school_content/3746/ (дата обращения 23.03.2022).
12. Гарча П. Сибирь глазами иностранцев: индеец Прита Гарча тестирует минусинские помидоры и ретро-технику. URL: <https://trk7.ru/tvprogramm/sibir-glazami-inostrantsev/125358/> (дата обращения 24.03.2022).
13. Дабалаева Д. Место битвы черных шаманов. URL: https://nazaccent.ru/school_content/3682/ (дата обращения 23.03.2022).
14. Диденко П. Запись клипа в поддержку врачей в Доме дружбы народов в Томске. URL: https://nazaccent.ru/school_content/3038/ (дата обращения 25.03.2022).

15. Камбер М. Сибирь глазами иностранцев: тест-драйв красноярской кулинарной культуры от американца и африканца. URL: <https://trk7.ru/tvprogramm/sibir-glazami-inostrantsev/136017/> (дата обращения 24.03.2022).
16. Картавцева А. 7 чудес Южной Сибири. URL: <http://5-sov.ru/blog/kultura/2987.html> (дата обращения 25.03.2022).
17. Картавцева А. Алтайские хороводы и казацкое хлебосольство. URL: <http://5-sov.ru/blog/kultura/2996.html> (дата обращения 25.03.2022).
18. Картавцева А. В древней хакасской деревне. URL: <http://5-sov.ru/blog/kultura/2991.html> (дата обращения 25.03.2022).
19. Кузьмина Н. Экспедиция в «Волгу». URL: https://nazaccent.ru/school_content/3200/ (дата обращения 25.03.2022).
20. Лянге М. Кому тоже пельмешек захотелось? URL: <https://vm.tiktok.com/ZSdNmS9EW/> (дата обращения 25.03.2022).
21. Михальчук П., Катунин С. Что красноярцы думают о Дагестане. URL: https://nazaccent.ru/school_content/3213/ (дата обращения 25.03.2022).
22. Поляки на Алтае. URL: https://nazaccent.ru/school_content/2941/ (дата обращения 23.03.2022).
23. Салмерон Д. Сибирь глазами иностранцев: пилот из Венесуэлы Давид Салмерон за кулисами Музыкального театра. URL: <https://trk7.ru/tvprogramm/sibir-glazami-inostrantsev/135779/> (дата обращения 24.03.2022).
24. Складина И. Что общего у духовно-религиозных лубков с комиксами. URL: https://nazaccent.ru/school_content/3561/ (дата обращения 23.03.2022).
25. Сычев Н. Равиль Валиуллин: «Все в этой жизни от любви». URL: https://nazaccent.ru/school_content/3403/ (дата обращения 23.03.2022). Лемова О. Кришнаит Константин: «Любовь – это ничего себе». URL: https://nazaccent.ru/school_content/3505/ (дата обращения 23.03.2022).
26. Шаманаева М. Поговорим о татарских танцах. URL: https://nazaccent.ru/school_content/3925/ (дата обращения 23.03.2022).
27. Яцутко М. Понимать сердцем и сохранять дух народа. URL: https://nazaccent.ru/school_content/3828/ (дата обращения 23.03.2022).

ОСОБЕННОСТИ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЯКУТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В АСПЕКТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Егорова М.М., Владивосток (Россия)

Работа подготовлена при финансовой поддержке Фонда ДВФУ и Дальневосточного федерального университета (проект № 22-08-06-006)

Аннотация. *Евразийские интеграционные процессы так или иначе отражают характер этнокультурного взаимодействия, включающего взаимопроникновение культур. В условиях глобальных изменений существуют некоторые сложности, связанные с сохранением и передачей накопленного этнокультурного наследия. Культурное своеобразие каждого народа не должно утратить своей уникальности и стать приоритетом в культурной политике региона. В данной статье рассматривается комплекс мероприятий, позволяющий преодолеть вышеуказанные трудности на примере культуры народа саха.*

Ключевые слова: *социальная интеграция этнокультур, межкультурная коммуникация, якутская культура*

SPECIFICS OF THE PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF YAKUT CULTURE IN THE ASPECT OF EURASIAN INTEGRATION

Egorova M.M., Vladivostok (Russia)

Abstract. *Eurasian integration processes somehow reflect the nature of ethno-cultural interaction, including the interpenetration of cultures. In the context of global changes, there are some difficulties associated with the preservation and transfer of the accumulated ethno-cultural heritage. The cultural identity of each nation should not lose its uniqueness and become a priority in the cultural policy of the region. This article discusses a set of measures to overcome the above difficulties on the example of the Yakut culture.*

Keywords: *social integration of ethnic cultures, international communication, Yakut culture*

История развития интеграционных процессов, в частности на постсоветском пространстве, свидетельствует о том, что потенциал сотрудничества велик, но его использование нуждается в некоторых доработках и усовершенствовании в условиях постоянно изменяющейся культурно-цивилизационной специфики.

В условиях развития евразийских интеграционных процессов актуализируются теоретические вопросы евразийского учения, которое носит комплексный характер. Для укрепления формирующихся столетиями связей дружественных народов,

проживающих на евразийском пространстве, прилагаются большие усилия лидерами этих стран. Стратегии президентов для реализации этой цели заключаются в долгосрочном взаимовыгодном сотрудничестве, затрагивающем различные сферы жизни, на основе уважения суверенитета и поддержания мира и стабильности в данном регионе [1, с. 29].

Можно говорить о возрастающем интересе к взаимодействию и интеграции государств, относящихся к определенному региону, имеющих общие исторические и культурные корни, что свидетельствует о том, насколько востребованы стали проекты интеграционных объединений.

При этом формирование коллективной идентичности человека постсоветского пространства не может ограничиваться лишь национальной, этнической, региональной или даже государственной идентичностью. В новейшее время евразийское пространство спаяно тесной сетью экономических, политических, культурных связей, не менее прочных, чем те, что объединяют сегодня государства Евросоюза. Поэтому необходимо постулирование более крупной цивилизационной идентичности, которая обнаруживает не только локальные, но и глобальные общезначимые ценностные элементы. Это приведет к более глубокой интеграции культур и народов [3, с. 103].

Стоит упомянуть о процессах глобализации, которые содержат как положительные, так и противоречивые моменты. В аспекте сохранения и взаимного обогащения культур эти процессы создают новые возможности для развития культурной сферы жизни, но при этом нарастает угроза сохранения национальной идентичности малочисленных народов. Процессы ассимиляции, стандартизации и универсализации также негативно сказываются на самосознании народов и нивелируют рост разнообразия этнокультурного мира. Таким образом, в условиях глобализации, когда происходит, с одной стороны, размывание исторического наследия народов, их языка, традиций, обычаев, и т.д., а с другой – возрождение некоторых элементов культуры, самосознания, социально-философское осмысление идентичности личности и целого этноса становится актуальной научно-теоретической и практической проблемой [4, с. 3].

Тем не менее, парадоксальным образом экономическая и культурная глобализация обнаружили ценность культурного своеобразия как специфического «ресурса» каждого народа, позволяющего ему найти и занять свое место в глобальном экономическом и пространстве. Значимость национальной культуры не сводится к возможности ее «коммерциализации» – использования ее

как ресурса экономической деятельности (индустрии туризма, «креативной индустрии» и т.п.). Культура имеет свою собственную непреходящую ценность [2, с. 334].

Тесные связи различных народов проявляются через осознание общности культурной составляющей. В последние два десятилетия, по сравнению с советским периодом развития национальной культуры, произошел огромный прорыв в самосознании народов России, что дало отечественной культуре возможность войти в мировое культурное пространство и занять там достойное место через такие международные организации, например, как ЮНЕСКО. Достижением республики Саха (Якутия) по сохранению элементов нематериального культурного наследия стала результативная работа по приданию статуса шедевра якутскому героическому эпосу олонхо в Третьем Провозглашении шедевров ЮНЕСКО 25 ноября 2005 года.

Республика Саха (Якутия) является одним из немногочисленных регионов Российской Федерации, где все еще присутствует живое бытование устных жанров фольклора и видов традиционной культуры. Тем не менее, как у многих малочисленных народов России, у якутов наиболее уязвимые явления народной культуры уже безвозвратно утрачены и находятся на грани исчезновения.

Тесные связи конкретно якутов с другими народами, а именно с тюрко-монгольскими, ярко проявляются в различных видах традиционной культуры: героическом эпосе олонхо, особенностях погребальных обрядов, различных предметах материальной культуры [5, с. 70].

Относительно различных художественных искусств нависает большая опасность утраты преемственности в поколениях и школах народных мастеров, например, по косторезному и ювелирному делу. Невозможно переоценить значение ценностей национальной культуры как «экзистенциальной» основы существования человека и человеческих сообществ, как условия благополучного существования народа в виде последовательности сменяющих друга поколений.

На сегодняшний день актуальной остается проблема сохранения этого огромного пласта уникального нематериального культурного наследия наших предков. У народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока была не только общность языка и культуры, но в древности была и общность территории, сохранившая богатые археологические артефакты и устные свидетельства общности их духовной и материальной культуры. Именно поэтому в условиях изменения политических, экономических, социальных и иных общественных процессов необходимо тесное взаимодействие

родственных народов, предполагающее не только интеграционные процессы, но и сохранение, изучение, передачу и популяризацию культурного наследия различных народов.

Возникает необходимость преодоления противоречия в историческом развитии этнокультур. С одной стороны, этнос на протяжении долгого времени отстаивает свое право на самобытное развитие культуры, с другой – долгие годы велась политика разъединения родственных народов в силу изменения политико-экономической международной ситуации, и иных факторов, влияющих на усиливающиеся дезинтеграционные процессы, негативно влияющие на устойчивое сохранение и развитие этнокультурной жизни. Первую тенденцию можно отнести к новому типу культурной интервенции, по-другому – локализации, которая в самом негативном сценарии может привести к обострению этнических конфликтов и даже представлять угрозу национальной и мировой безопасности.

Родственные этнокультуры, существовавшие на едином евразийском пространстве испокон веков, должны помнить об этом обстоятельстве и всеми силами стремиться к объединению и поиску новых путей совместного роста и развития, что несомненно пойдет на благо развития культуры народов.

К мероприятиям по сплочению и взаимному обогащению культур можно отнести различные этнокультурные фестивали, кинопремии, научные конференции, театрализованные представления, ритуальные инсценировки, танцевальные и музыкальные концерты. Стоит упомянуть о роли государства в сохранении результатов культурных накоплений этнических общностей, которая может реализовываться в форме финансирования деятельности таких культурных институтов, как театры, дома культуры, музеи, дома национальностей, картинные галереи, которые занимаются реконструкцией культурного наследия народов и его популяризацией.

Позитивным примером евразийской интеграции культур на территории Сибири является традиционное проведение с 2001 г. этнокультурного фестиваля «Ёрдынские игры», возникшего на основе древних круговых танцев народов Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Он проводится как совместный проект Республики Саха (Якутия) и Иркутской области, где круговой танец собирает тысячи участников вокруг священной Горы Ёрд около острова Ольхон на Байкале, который воплощен по идее и реконструкции бурятского исследователя, доктора исторических наук Д.С. Дугарова, знатока древнего обрядового комплекса евразийских народов [5, с. 73].

Однако главным хранителем и приверженцем сохранения традиций является народ. Через участие в различных формах народной культуры у последующих поколений формируется чувство гражданственности, любовь к своей малой родине и сопричастность к общечеловеческой культуре. Так, мигрируя в новые регионы, люди не только передают знания о родной культуре, но и впитывают богатство этнокультурного пространства нового места. Нематериальное наследие любого малочисленного народа как объект сохранения должно стать приоритетным в культурной политике региона и источником духовной культуры народа, становясь проводником между прошлым и будущим разных этнокультур.

Литература

1. *Ахмедова Г.Р.* К вопросу о евразийской интеграции // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2009. №2. С. 28-34.
2. *Ефимов В.С., Лантеева А.В., Борисова У.С.* Проблемы воспроизводства этнической идентичности народа саха (по материалам этносоциологического исследования) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 2 (44). С.333-349.
3. *Лепешев Д.В.* Проблемы культурной идентичности в современном евразийском пространстве // ИСОМ. 2018. №2-2. С. 103-107.
4. *Никифорова П.Г.* Национальная идентичность народа саха в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд филос. наук. - Якутск: Якутский гос. ун-т им. М.К. Аммосова, 2010. 22 с.
5. *Захарова А.Е.* Нематериальное культурное наследие народа саха как объект сохранения в контексте евразийской интеграции // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2014. №2 (3). С. 69-74.

РАЗРЕШЕНИЕ КОНФЛИКТОВ МЕЖДУ ТРУДОВЫМИ МИГРАНТАМИ И МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ

Егунова В.А., Владивосток (Россия)

Аннотация. В статье рассматривается проблема взаимоотношений трудовых мигрантов с местным населением. Рассматриваются возможные причины конфликтов между данными социальными группами. Внимание уделяется решениям этих конфликтов как на уровне средств массовой информации, так и на государственном уровне.

Ключевые слова: трудовые мигранты, местное население, взаимоотношения, конфликт

RESOLUTION OF CONFLICTS BETWEEN LABOR MIGRANTS AND THE LOCAL POPULATION

Egunova V.A., Vladivostok (Russia)

Abstract. The article deals with the problem of relations between labor migrants and the local population. Possible causes of conflicts between these social groups are considered. Attention is paid to the solutions of these conflicts both at the level of the media and at the state level.

Keywords: labor migrants, local population, relationships, conflict

Актуальность данной проблемы заключается в том, что показатели миграции как социального процесса ежегодно увеличиваются. В современном обществе трудовые мигранты сталкиваются с множеством трудностей, в их число также входит проблема взаимоотношений мигрантов с местным населением [1, с. 295]. А у многих людей в характере присутствует какая-нибудь нетерпимость, например, национальная, расовая, религиозная и другие [2]. Враждебное отношение часто приводит к конфликтам, которые необходимо урегулировать, чтобы они не переросли в проблемы государственного масштаба (расовая дискриминация, нарушение свобод по религиозному или национальному признаку).

По нашему мнению, миграция по своей природе является конфликтогеном¹ потому что, во-первых, мигранты занимают место на

¹ Конфликтоген — это слова, действия или бездействия, которые могут привести к возникновению конфликтной ситуации и перерастанию её в конфликт.

рынке труда, что ведет к возрастанию конкуренции на более высоких должностях. Также миграция приводит к тому, что заработные платы не только не увеличиваются, но иногда и уменьшаются за счет того, что мигранты согласны на низкие доходы. Еще одна причина, которая ведет к конфликтам, это уверенность местного населения в угрозе безопасности страны и преступности со стороны мигрантов. И главной, на наш взгляд, причиной конфликтов является непринятие местным населением людей другой расы и национальности. Все это ведет к открытым столкновениям между местным населением и трудовыми мигрантами.

Универсального решения данной проблемы не существует, но если принимать меры комплексно, конфликты между трудовыми мигрантами и местным населением, если не исчезнут, то хотя бы уменьшатся [1, с. 294; 4, с. 174].

Одним из возможных решений конфликтов между этими группами является отражение образа трудового мигранта в средствах массовой информации. Из-за того, что любой человек склонен верить информации, которую считает правдивой, должен создаваться образ мигранта как личности, не несущей опасностей. «Регулярное освещение положения мигрантов в новой социальной среде, особенности их образа жизни, знакомство с традициями и обычаями различных этнических групп будут способствовать оптимизации и ускорению процесса взаимной адаптации мигрантов и местного населения» [3, с. 189]. Таким образом, узнавая больше о традициях и жизни других народов, люди будут становиться терпимее к их представителям, что в итоге приведет к ослаблению конфликтных ситуаций и в дальнейшем к международному сотрудничеству.

Для принятия комплексных мер по уменьшению конфликтов в Российской Федерации принята Концепция государственной миграционной политики на 2019–2025 годы, которая предполагает создание условий для адаптации мигрантов к жизни на территории Российской Федерации. Согласно пункту 14 данной концепции «целью миграционной политики является создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере «...» повышения качества жизни населения, обеспечения безопасности государства, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе ...» [5, п. 14]. Из вышесказанного следует, что Правительство Российской Федерации заинтересовано в уменьшении конфликтных ситуаций в стране, предпринимает эффективные меры по урегулированию возникающих

проблем и старается создавать комфортные условия для жизни как для мигрантов, так и для местного населения.

Считаем, что комплексные меры государственной миграционной политики и средств массовой информации положительно влияют на отношение местного населения к трудовым мигрантам. Люди стали более терпимыми и толерантными в отношении мигрантов. В доказательство этого мнения хочется привести данные опроса 2021 года, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Согласно данным центра, с 2005 года показатель позитивного отношения к трудовой миграции вырос с 20% до 28%. «Мнение о том, что мигранты создают конкуренцию на рынке труда и «отнимают» работу у местных жителей разделяют 44% россиян», при этом доля снизилась на 16% (в 2005 году она составляла 60%) [6]. Результаты опроса показывают, что на протяжении 16 лет снижался уровень нетерпимости россиян к трудовым мигрантам благодаря совокупности комплексных мер государства и СМИ.

В заключение отметим, что приток трудовых мигрантов в Российскую Федерацию не только не уменьшится, но и, по прогнозам специалистов, будет постоянно увеличиваться [7]. Это связано с тем, что уже сейчас Россия нуждается в более чем 700 тысяч человек, которые могли бы работать на низкооплачиваемых должностях. Поэтому конфликты между местным населением и трудовыми мигрантами неизбежны, однако их можно локализовать и ослабить, что приведет к миру в обществе. А правильная и грамотная политика государства и направленность СМИ на повышение уровня толерантности помогут не только разрешению существующих конфликтов, но и снижению вероятности их возникновения.

Литература

1. *Yachi, S. E., Kaplun, O. Yu., Yupei Sh.* Migration Processes and Their Management Through Cultural Tools: A Metacultural Approach // Lecture Notes in Networks and Systems. 2023. Vol. 252. P. 291-298.
2. Левада-Центр. Ксенофобия и мигранты. 24 января 2022 г. URL: <https://www.levada.ru/2022/01/24/ksenofobiya-i-migranty/> (дата обращения 15.05.2023).
3. *Варганова О.Ф.* Взаимная адаптация мигрантов и местного населения // Проблемы развития территории. 2014. вып. 6(74). С. 188–190.
4. *Мурашева С.В.* Методы и способы урегулирования межэтнических конфликтов между вынужденными

- мигрантами и резидентами // Вестник Прикамского социального института. 2020. №3(87). С. 173-181.
5. Указ президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. (ред. от 15 мая 2023 г.) «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Собрание законодательства РФ, 2018, № 45, ст. 6917.
 6. ВЦИОМ. Трудовые иммигранты в России: вклад, положение, отношение. 18 ноября 2021 г. [Электронный ресурс], - Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trudovye-immigranty-v-rossii-vklad-polozhenie-otnoshenie> (дата обращения: 10.12.2022)
 7. Федеральная служба государственной статистики. Демографический прогноз до 2036 года. 28 декабря 2019 г. [Электронный ресурс], Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/72529> (дата обращения 15 мая 2023).

СОЦИАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Замараева З.П., Пермь (Россия)

***Аннотация.** В статье проводится анализ мнений представителей научного и экспертного сообщества о состоянии современного евразийского интеграционного процесса в контексте социально-пространственного подхода. Актуальность заявленной темы заключается в рассмотрении категории «социальное пространство» как системообразующей основы становления и развития евразийской интеграции. Большая часть исследователей, как классиков, так и современных авторов, анализируя понятие «социальное пространство», соотносят его с проблемой социального обустройства граждан, осуществлением их жизненных интересов. В качестве проблемы в статье отмечается противоречие между экономической направленностью современного процесса евразийской интеграции и необходимостью внесения социальных перспектив в его развитие. Целью статьи является проведение научного анализа сущности категории «социальное пространство», обращение к которой позволит уточнить социальную специфику евразийского интеграционного процесса. В работе над статьей был использован комплекс теоретических методов (анализ, синтез, изучение, сравнение, обобщение и др.). Теоретико-методологической базой исследования послужили концептуальные положения и научные подходы к определению категорий «социальное пространство», «евразийская интеграция» что позволило уточнить необходимые*

данные для проведения их содержательной оценки. Научной новизной в статье является обобщение выводов, в которых автором статьи предлагаются комментарии к категории «социальное пространство» в контексте евразийской интеграционной идеи, уровневый и критериальный анализ. Среди целевых ориентиров названо достижение состояния социального благополучия конкретного человека, в целом общности. Механизмом реализации цели может стать социальная политика государства либо как отмечают исследователи, наднациональная социальная политика в рамках евразийского экономического союза.

Ключевые слова: социальное пространство, евразийская интеграция, евразийский экономический союз, социальная политика, социальное благополучие, наднациональная социальная политика

SOCIO-SPATIAL ASPECT OF EURASIAN INTEGRATION

Zamaraeva Z.P., Perm (Russia)

Abstract. *The article analyzes the opinions of representatives of the scientific and expert community about condition of the modern Eurasian integration process in the context of the socio-spatial approach. The relevance of the stated topic lies in the consideration of the category of "social space" as a system-forming basis for the formation and development of Eurasian integration. Most of the researchers, both classics and modern authors, analyzing the concept of "social space" correlate it with the problem of the social arrangement of citizens, the implementation of their vital interests. As a problem, the article notes the contradiction between the economic orientation of the modern process of Eurasian integration and the need to introduce social perspectives into its development. The purpose of the article is to conduct a scientific analysis of the essence of the category of "social space", clarifying the social specifics of the Eurasian integration process. In the article, a complex of theoretical methods was used (analysis, synthesis, study, comparison, generalization, etc.). The theoretical and methodological basis of the study was the conceptual provisions and scientific approaches to the definition of the categories "social space", "Eurasian integration", which made it possible to clarify the necessary data for their meaningful assessment. The scientific novelty is a generalization of the conclusions, in which the author of the article offers comments on the category of "social space" in the context of the Eurasian integration idea, level, and criteria analysis. Among the targets is the achievement of the state of social well-being of a particular person, the community as a whole. The mechanism for achieving the goal can be the social policy of the state, or, as the researchers note, supranational social policy within the framework of the Eurasian Economic Union.*

Keywords: *Social space, Eurasian integration, Eurasian economic union, social policy, social well-being, supranational social policy*

Актуальность исследуемой проблемы

Вопросы формирования и развития современного интеграционного процесса в рамках евразийского пространства довольно активно обсуждаются научным и экспертным сообществом. И это представляется вполне естественным явлением, учитывая современную реальность. Как известно, сама природа интеграционного процесса возникла в условиях закономерности цивилизационного развития обусловлена не только экономическими мотивами, но «...более масштабными историческими, социальными, этнокультурными и духовными интересами» [14, с. 65].

Результаты исследований и их обсуждение

Основоположниками евразийской идеи, как полагают многие авторы, считаются Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Флоровский и П.П. Сувчинский. Позднее их единомышленниками стали Л.П. Карсавин, Г.В. Верандский, Л.Н. Гумилев и другие.

В то же время евразийская тематика вызывает множество толкований и подходов как к самому явлению, так и определению содержания понятия «Евразия». Его появление в научной лексике обусловлено прежде всего географическим и геополитическим расположением и использовано для определения территории Европы и Азии как суммы этих двух континентов [1]. По убеждению данного исследователя, первое подтвержденное использование термина связано с работой немецкого географа К.Г. Реушля, который в 1859 г. предложил рассматривать термин «Евразия» для определения территории Азии и Европы. Но существуют и иные точки зрения, которые вносят уточнения и даже некоторую смысловую путаницу в его содержание [1].

Зачастую в смысловое значение категории «Евразия» вкладывается экономическая составляющая, которая сформирована деятельностью Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Нам же привлекательна точка зрения исследователей, которые в основе становления и развития евразийской концепции отмечают такие ее системообразующие связи, как пространственные, обращая внимание на особенности природной среды, ландшафта; временные, формирующие общность исторического бытия, традиций, исторической памяти, широко понимаемой культуры, языка и др. [7].

Пространственно-временной подход, обозначенный авторами, позволяет обратиться к его социально-пространственной составляющей, которая нуждается, на наш взгляд, в научной

рефлексии, с учетом того, что ее реальная структура недостаточно представлена.

Переход России к рынку, её возвращение в русло общецивилизованного процесса ещё более обострил потребность в исследованиях различных аспектов социального пространства, формировании новейших сфер социального регулирования.

Прежде осуществим анализ отдельных взглядов на сущность, содержание и параметры социального пространства.

Впервые к проблеме социального пространства были обращены работы Э. Дюркгейма (1899 г.) и Г. Зиммеля (1898 г.). Данную категорию использовал в своих исследованиях П. Сорокин (1925 г.). Основными составляющими социального пространства в его трудах выступают социальная структура и социальная стратификация. Это же понятие широко использовали Дж. Тернер (1985 г.), П. Бурдьё (1993 г.), П. Штомпка (1996 г.) и др.

Позже целый ряд современных отечественных авторов предпринимают попытки более полного осмысления свойств социального пространства и социального времени.

В.Г. Виноградский, в частности, отмечает атрибутивность социального пространства, характеризуя его как форму социального движения материи, направленность процесса общественного воспроизводства, ориентированного на «стрелу времени» [2, с. 47-48].

Г.Е. Зборовский ещё в середине 70-х гг. определил социальное пространство в качестве «формы общественного бытия», характеризуя специфику деятельности человека через жизненные сферы, уточняя основные параметры социального пространства через протяжённость, непрерывность, трёхмерность, наполняя их социальным содержанием [4, с. 47-48].

Несомненный интерес имеет социально-экологический ракурс категории социального пространства у С.А. Щавель. Его подход ориентирован на совокупность конкретных условий жизнедеятельности, определяющих уровень взаимодействия общества с природой, меру самоосуществления и развития человека как природного существа, полагая, что для того, чтобы ответить на вопрос, каково оно социальное пространство конкретного общества, необходимо указать, что реально может сделать данное общество для самосохранения и развития...» [15, с. 15].

В контексте нашей научной темы привлекает точка зрения В.М. Гвишиани и Н.И. Лапина, где социальное пространство охарактеризовано «...как социально освоенная часть природного пространства и среды обитания людей, пространственно-

территориальный аспект жизнедеятельности общества, наполненное его конкретным социально-географическим и социально-экономическим содержанием, что является, на наш взгляд, отправной точкой характеристики территориальных, страновых объединений» [6].

В.Н. Иванов, И.М. Слепенков, В.И. Патрушев и ряд других учёных в понятие социального пространства включают «гражданское общество, государство, регионы, национальные и национально-этнические субъекты управления, трудовые и бытовые ассоциации» [5]. Они отмечают, что одной из важнейших функций социального пространства является «...социальное обустройство граждан, удовлетворение их социальных потребностей...».

Категория «социальное пространство» применительно к характеристике евразийской темы обусловлена потребностями практики и опытом регулирования социальных процессов, включая особенности формирования и развития евразийского экономического союза, последствий интеграционного процесса, который в большей степени направлен на экономический вектор развития и, в меньшей, на социальный.

Этот вывод следует соотнести с мнением представителей научного сообщества, которые подчеркивают данный аспект [13, с. 96]. Так, например, в статье Т. Соколовой приведена научная полемика состояния социокультурной составляющей евразийского интеграционного процесса, где значительную роль она отводит социальному, политическому, культурному факторам и др. [11].

С этой же точки зрения представляют интерес научные работы Г.И. Осадчей, которая также отмечает, что достижение целей интеграции евразийского союза нуждается в уточнении. Автор вводит такое понятие как «наднациональная социальная политика», ставит вопрос о создании концепта социальной политики современного евразийского союза [8, с. 111]. В то же время обращает внимание на те особенности развития государств, членов ЕАЭС, которые имеют различия в культуре, менталитете и др. Без сомнения, как она полагает, данный аспект нельзя не учитывать. «...Для создания и внедрения концепта наднациональной социальной политики, внутренняя социальная политика России должна действовать в рамках евразийских компетенций, активно и динамично реагировать на новые условия движения рабочей силы, изменение трудовых отношений во внутренней социальной политике и др.» [9, с. 57-70].

Вопросы формирования целенаправленной социальной политики на уровне ЕАЭС поднимают и другие авторы, рассматривая данную

проблему в контексте развития и потенциальных точек роста. Отмечают, что в ее осуществлении имеются и объективные причины, которые обусловлены особенностями территориальной среды, культуры, религиозных традиций исторического развития государств, членов интеграционного объединения. Актуальность формирования единого подхода к социальным условиям граждан, проживающих в территориях, продиктована вопросами социального неравенства, социальной незащищенностью населения на пространстве ЕАЭС. Обращает на себя внимание мнение авторского коллектива, который констатирует что, несмотря на стратегическое планирование и развитие евразийской интеграции до 2025 г., концепция по развитию институтов социальной сферы до сих пор не разработана [12, с. 59].

Одним словом, непростой формат евразийской интеграции нуждается в кардинальном переустройстве социальной жизни в странах ЕАЭС, дальнейшем продвижении и углублении.

Какова роль социального пространства в достижении этой цели?

Безусловно, социальное пространство, которое мы рассматриваем в рамках евразийской интеграции, нуждается в уточнении перечисленных нами характерных особенностей. Проведённый в статье анализ научной литературы позволил сформулировать отдельные положения.

На наш взгляд, понятие «социальное пространство» в контексте евразийской интеграции следует уточнить как определенную соразмерность различных форм субъектно-объектного взаимодействия, формирующую направленность интеграционного процесса на создание условий социального благополучия людей.

Мы вводим термин «социальное благополучие» как некую цель процесса евразийской интеграции в рамках социально-пространственного подхода. Отметим, что в зарубежных и отечественных научных исследованиях благополучие рассматривалось как стратегическая цель государства, идеальное социальное устройство, материальный достаток, благосостояние [10]. Его источниками, как правило, выступают экономические условия – уровень развития производительных сил, система экономических отношений, участие в управлении производством, а также уровень развития социальной структуры, отношений, которые складываются в процессе общения и др. В социологии существуют три ключевых подхода к толкованию категории социальное благополучие – объективистское (как объективное явление социальной жизни), субъективистское (устойчивый общественный порядок, социальный мир), интегративное (социальная солидарность). Механизмом

реализации социального благополучия являются не только экономические условия, но и, как уже отмечалось выше, социальная политика государства.

Для конкретизации перечисленных категорий нами выделены несколько уровней анализа. В зависимости от степени локализации социального пространства обозначим мегауровень, макроуровень, мезоуровень, микроуровень. Заметим, что, исходя из принципов динамического иерархизма, трансформируемая система представляет собой целостное сочетание различных уровней [3].

Мегауровень отражает параметры социального времени и включает в себя аспекты духовной сферы, культуры и ментальности нации. Макроуровень – это направленность социального пространства в области создания условий для саморазвития и самообеспечения конкретной территории, обладания высокой степенью актуализации социально-пространственного потенциала. Мезоуровень включает анализ причин, закономерностей, последствий использования данного подхода в процессе формирования системы евразийской интеграции на уровне региональных сообществ, реализации цели. Микроуровень – это область реализации через конкретные практики по месту проживания человека.

Кроме того, социальное пространство может быть структурировано по ряду критериев:

- территориальному (социально-географические показатели);
- функциональному (социально-экономические показатели);
- социально-сферовым (показатели оценки качества социальных услуг);

демографическим параметрам и др.

Всё вышеперечисленное, в конечном счёте, определяет объективные потребности и приоритеты формирования социального пространства со всеми его характерными особенностями.

Выводы

Во-первых, тема евразийской интеграции представлена разнообразными социально-пространственными процессами, как правило, не только в научной литературе, но и социальной практике.

Во-вторых, сосредоточенность концепции евразийской интеграции на экономическом векторе развития привела к искусственной дифференциации проблем жизненного обустройства граждан в рамках социального пространства и, как результат, определённой дезинтеграции социальных действий.

В-третьих, отраслевой подход (материальное производство, межотраслевые и внутриотраслевые связи) характеризует, хотя и очень важную, но не всю область социального пространства.

В-четвертых, не разработаны социальные критерии «асимметричности и неоднородности» условий и качества жизни, вопросов социального благополучия/неблагополучия населения в странах ЕАЭС, а также входящих в них территорий для определения возможностей формирования социальной политики в рамках единого социального пространства. Представляется актуальным выявление территориальных особенностей в данном контексте, разнообразие формирующих их условий и факторов. Особую значимость приобретает определение причинно-следственных связей между экономическими, социальными, демографическими, национально-конфессиональными и другими процессами, формирующими социальное пространство, его культуру, традиции, менталитет, ориентиры и ценности.

Литература

1. *Боргарелло К.* Евразийское пространство: проблема определения // «Постсоветский материк». № 3(19). 2018. С. 15–22.
2. *Виноградский В.Г.* Социальная организация пространства. Москва: Наука, 1988. 187 с.
3. *Замараева З.П.* Социальное пространство региона как объект социологического анализа и регулирования (на материалах Пермской области): автореф. дис. ... кандидата социол. наук. Москва, 2000. 26 с.
4. *Зборовский Г.Е.* Пространство и время как факторы социального бытия. Свердловск, 1988. 187 с.
5. *Иванов В.Н., Патрушев В.Н.* Социальный менеджмент: Курс лекций. М., 1998. 85 с.
6. Краткий словарь по социологии / Под ред. В.И. Гвишиани, Н.И. Лапина. М., 1998. 260 с.
7. *Орлова И.Б.* Контуры современной евразийской концепции. URL: <https://istina.fnkcr.ru/publications/article/281706056/> (дата обращения: 29.03.2023).
8. *Осадчая Г.И.* Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение: монография / под общ. ред. Г.И. Осадчей. М: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. 374 с.
9. *Осадчая Г.И.* Россия в контексте евразийской интеграции: социальное измерение// Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 4 (Т. 15). С. 57–70.

10. *Разинский Г.В.* Факторы, определяющие социальное благополучие/неблагополучие в современном городе // Журнал «Власть». № 6. 2014. С.136-140.
11. *Соколова Т.* Евразийская интеграция: социальный аспект. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/grossia_i_novay/2019_03/Evraziyskaya1_Sokolova.pdf (дата обращения 29.03.2023).
12. *Точин А.В., Алиев Т.М., Чимирус Е.С., Безруков А.Э., Кузьмичев К.С., Пыжиков Н.С., Стоянова Е.В.* Развитие ЕАЭС 2022+: стратегические задачи и требования времени: доклад № 84 / 2023. Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2023. 78 с.
13. *Трубицын Д.В.* Пространственный потенциал России – еще одна причина ничего не менять? // Социологические исследования. 2022. № 8. С. 95-103.
14. *Храмова А.В.* Становление концепции Евразийской интеграции // Научно-методический журнал XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего. Периодическое научное издание Серия: Социально-гуманитарные науки. Пенза: Изд-во Пенз. гос. техн. ун-та. № 6(28). Т. 2. 2015. С. 64–70.
15. *Щавель С.А.* Социальная сфера общества и личность. М., 1988. 166 с.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ О РУССКИХ: ДИНАМИКА ВОСПРИЯТИЯ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ КИТАЙЦЕВ

Злобина Ю.И., Барнаул (Россия)

***Аннотация:** Статья посвящена рассмотрению изменений этнокультурных стереотипов восприятия русских в социологическом аспекте в массовом сознании китайцев. Представлено теоретическое осмысление понятия стереотип. Стереотипное выражение в языке имеет большинство выражений, которые отражают представления носителей китайской культуры о русских, их поведении и внешности. Существует и динамика национальных культурных стереотипов, которая исследуется для выявления изменений в интерпретации восприятия русских. В статье приводятся практические результаты представлений о русских в форме эксперимента, направленного на выявление реакций в массовом сознании китайцев на определенные вопросы, связанные с образом русских. Эксперимент проводился в два этапа в 2022 и 2023 гг. На основе результатов общего эксперимента предлагаются предварительные выводы о сложившемся образе и стереотипах восприятия русских в массовом сознании китайцев, а также*

представлена динамика изменений восприятия русских в массовом сознании китайцев (на основе социологического эксперимента).

Ключевые слова: этнокультурный стереотип, русские, межкультурная коммуникация, массовое сознание, китайцы

ETHNOCULTURAL STEREOTYPES ABOUT RUSSIANS: THE DYNAMICS OF PERCEPTION IN THE MASS CONSCIOUSNESS OF THE CHINESE

Zlobina Y. I., Barnaul (Russia)

Abstract: *The article is devoted to the consideration of ethnocultural stereotypes of perception Russians in the sociological aspect in the Chinese's mass consciousness. The article gives a theoretical understanding of the concepts of stereotype. The stereotypical expression in the language has the majority of expressions that reflect the ideas of the Chinese's culture bearers about Russians, their behavior and appearance. The dynamics of changes in national cultural stereotypes exists; it must be traced over time to identify changes in the interpretation of images. The article gives practical results of ideas about Russians in the form of an experiment aimed at identifying reactions in the Chinese's mass consciousness to certain issues related to the image of Russians. The experiment was carried out in two stages in 2022 and 2023. Based on the results of the general experiment, preliminary conclusions are proposed about the current image and stereotypes of perception of Russians in the mass consciousness of the Chinese. The article offers preliminary conclusions about the prevailing image and stereotypes based on the experiment's results. The article presents the dynamics of changes in the perception of Russians in the mass consciousness of the Chinese (based on a sociological experiment).*

Keywords: *ethnocultural stereotype, the Russians, intercultural communication, mass consciousness, Chinese*

Стереотип как социокультурный феномен привлекает все большее внимание ученых различных научных направлений. С углублением китайско-российских взаимодействий очень важно изучение национальных традиционных этногедерных авто- и гетеростереотипов в сознании двух народов. Изучение стереотипов занимает важное место во многих науках: социологии, филологии, политологии, психологии, истории и т.д. Активно исследовались разновидности стереотипов, выделенные по разным основаниям: социальные, культурные (общественные) и индивидуальные стереотипы [11; 8] и т.д.; результаты исследования этнических стереотипов, механизмов их формирования, их характеристик и функций в межкультурной коммуникации отражены в работах [2; 3; 6; 7] и т.д.

Термин «стереотип» был введен в научный оборот социологом У. Липпманом. Под стереотипом он понимал особую форму восприятия окружающего мира, оказывающую определенное влияние на данные органов чувств еще до того, как эти данные достигают нашего сознания. По Липпману, человек, пытаясь осмыслить все противоречия окружающего его мира, создает «мысленную картину» тех явлений, которые он непосредственно не наблюдает. Человек обладает четким восприятием большинства вещей еще до того, как с ними непосредственно столкнутся в жизни. Этот стереотип формируется под влиянием культурной среды конкретного человека [12].

В процессе межкультурной коммуникации большая часть информации основана на наблюдении, а также на стереотипных представлениях. Стереотипы как неотъемлемая часть обыденного сознания аккумулируют своего рода стандартизированный коллективный опыт, помогающий личности ориентироваться в своей жизни и определенным образом направлять свое поведение. Но стереотипы могут быть истинными или ложными, они могут вызывать как положительные, так и отрицательные эмоции. Их суть заключается в выражении отношения к определенной социальной группе, к определенному явлению [1].

Стереотипны не все народы, а только те, с которыми контакт был наиболее частым и длительным в рамках той или иной культуры. Стереотипы других национальностей в культурном пространстве того или иного этноса существуют во всех без исключения культурах. Этнический стереотип можно определить как упрощенный, схематизированный, эмоционально заряженный и предельно устойчивый образ любой расовой группы или общности, легко распространяемый на всех ее представителей [9]. Ю.Е. Прохоров считает, что возникает проблема, непосредственно связанная с процессом познания новых культур, истории страны, изучения национальных языков, а главное, с использованием стереотипов как явления, упрощающего межкультурную коммуникацию и социальные контакты [10].

Цель нашего исследования – сравнение выявленного содержания этнокультурных стереотипов о русских у носителей китайского языка в 2022 и 2023 гг. Для формирования опросника мы использовали методику О.А. Леонтович: респондентам был предложен ряд закрытых и открытых вопросов на русском языке, без введения информации на родном языке. Все респонденты в 2022 г. находились на территории Китая, в 2023 г. – только на территории России по прошествии 3-4 месяцев.

Данная статья отражает данные за 2023 г. и представляет результаты второго этапа эксперимента.

Второй этап эксперимента имел цель – проследить динамику восприятия содержания этнокультурных стереотипов о русских у носителей китайского языка. Влияет ли на мнение китайцев то, что они проживают в России, общаются и учатся на русском языке, участвуют в мероприятиях, организуемых Институтом гуманитарных наук и т.д. на то, какими они видят русских; изменится ли их мнение, поменяют ли они стереотипы восприятия.

Вопросы анкеты задавались те же, что и на первом этапе. После анкетирования китайским студентам задавались уточняющие и проясняющие вопросы в личной беседе. В таблицах будут приведены результаты анкетирования за 2022 г. и за 2023 г. для наглядности оценки изменений.

Была опрошена китайская молодежь, проживающая на территории России. Это студенты, которые приехали в Барнаул для обучения в Алтайском государственном университете. Всего было опрошено 65 китайцев.

Характеристика группы испытуемых: 21 мужчина, 44 женщины, из них 8 являлись студентами магистратуры, 57 – студенты бакалавриата.

Китайские информанты получили анкету с вопросами, которые казались их представлений о русских, написали ответы на русском языке, при этом можно было выбирать несколько вариантов или давать собственный ответ. Опрос проводился в январе 2023 г. – феврале 2023 г.

Опрос на втором этапе эксперимента проводился среди китайской молодежи, прожившей в Барнауле уже от 1 до 5 месяцев, респонденты посещали занятия, общались с русскими в быту, познакомились с российской молодежью, адаптировались к русской среде.

Далее приводятся данные в сравнении с первым этапом [5].

Рассмотрим реакции информантов, данные на первый вопрос. Как видно из результатов опроса (табл. 1), почти 100% испытуемых полагают, что русские не относятся негативно к китайцам. После пребывания в России число респондентов, считающих, что русские отлично относятся к китайцам, увеличилось. Это связано с политической взаимодоверия Китая и России, регулярными контактами лидеров двух стран, освещаемыми СМИ и тесными деловыми и экономическими контактами. Почти в каждой беседе о России большинство китайцев подчеркивают дружеское отношение России и Китая, увеличение взаимодействия и укрепления двусторонних отношений.

Таблица 1

Реакции на стимул: «Как вы думаете, как русские относятся к китайцам?»

реакция на вопрос	Доля реакций (%), 2022 г.	Доля реакций (%), 2023
Отлично	57	78
Хорошо	42	22
Никак	1	0
Плохо	0	0

Следующий вопрос связан с формированием образа страны. Эксперимент о восприятии образа России китайцами мы проводили в 2021 г. [4], результаты которого показали, что страна и народ воспринимаются носителями другой культуры неотделимо друг от друга.

Рассмотрим реакции анкетированных, данные на второй вопрос.

В 2023 г. 29% китайцев считают Россию боевым национальным государством, 29% отметили сильную военную силу 15% обратили внимание на большую территорию страны, 14% – плохую погоду.

О термине «боевое национальное государство», которое возникло в Китае, мы упоминали в предыдущем этапе эксперимента [5]. Несомненно, увеличение восприятия России как государства с «сильной военной силой» связано с политическими изменениями, проходящими сейчас в мире. В беседах с китайцами по результатам анкетирования, мы установили, что все они восхищаются мужеством русских мужчин и военной мощью России. В их сознании Россия – большое и сильное государство, которое способно противостоять и показать всю свою мощь.

Два других популярных ответа более понятны и почти не изменились в процентном соотношении: большая территория и малонаселенность по меркам китайцев стереотипны в восприятии, а плохая погода связана с холодным климатом и более жесткой зимой. В личной беседе некоторые студенты из Китая отмечают, что противостояние русских холоду и лишениям формирует у них выносливый характер, которые снова связывают с понятием «боевая нация» (табл. 2).

Таблица 2

Реакции на стимул: «Какое из следующих описаний, по вашему мнению, актуально восприятию национального имиджа России?»

реакция на вопрос	Доля реакций (%), 2022 г.	Доля реакций (%), 2023 г.
Боевое национальное государство	19	29
Развитая литература и искусство	7	3
Передовые технологии	5	1
Большая территория и малонаселенность	17	15
Долгая история	8	3
Многие преимущества развития	3	2
Сильная военная сила	10	29
Богатые ресурсы	8	2
Плохая погода	14	14
Национальная стабильность	4	1
Демократия	3	1

Следующий вопрос предполагал то, что каждый респондент должен ответить сам, без вариантов ответа. Количество определений не ограничивалось, в среднем, испытуемые в 2023 г. писали по 2-3 определения, так же, как и в 2022 г.

Мы привели данные наиболее популярных ответов, единичные случаи были исключены. Выбор в 2023 г. всеми респондентами определения «боевая нация», о котором мы упоминали выше (используется для описания русских из-за их стойкого характера и уникального способа показать национальную индивидуальность) указывает на восприятие русских как сильных людей, он связан с восприятием всей страны в целом. Характеристику «храбрый» в 2023 г. выбрали также много анкетированных в связи с политической ситуацией. Русские люди ассоциируются как храбрые представители «боевой нации». Стимулы «сердечность и гостеприимство» и «русские мальчики и девушки красивы» в 2023 г. были выбраны большим числом респондентов. Китайские студенты, приехав в Россию, столкнулись с русскими людьми напрямую, на занятиях, в общежитии, в быту, во внеклассных мероприятиях, организованных преподавателями и сотрудниками АлтГУ. Они увидели и узнали больше о людях и их привычках, увидели отношение к себе окружающих (отсюда

увеличение выбора ответов «доброжелательный»). В силу этих причин их впечатление поменялось, так, например, никто не выбрал ответ «любит медведей», потому что они не увидели «медведей, гуляющих по городу», не знали русских, которым бы «нравился медведь», также стимул «любит пить» тоже уменьшился в количественном соотношении.

В 2023 г. появились и новые характеристики: «дружные», «много говорят» и «умные». В личной беседе китайские студенты пояснили, что увидели «много русских вместе», много людей помогали им с адаптацией, оформлением документов и т. д. Конечно, быстрый темп речи русских и обилие информации на русском языке стимулировал ответ «много говорят». Общение с преподавателями и сотрудниками университета, а также с русскими студентами дало характеристику «умные». При этом, можно заметить, что новые ответы используются во множественном числе, что демонстрирует отношение именно к русским как общей нации, а не как русскому человеку отдельно (в 2022 г. больше ответов в единственном числе).

Мы зафиксировали изменения мнений китайцев о русских (по сравнению с результатами за 2022 г.). На это могли повлиять следующие факторы:

- 1) студенты проживали на территории России;
- 2) у студентов сформировались фоновые знания и знания о России, полученные на занятиях в университете;
- 3) студенты познакомились с реальными русскими и ситуациями общения в различных средах (магазин, больница, банк и т. д.);
- 4) студенты активно участвуют во внеучебной жизни Института гуманитарных наук АлтГУ.

Таблица 3

Реакции на стимул: «Пожалуйста, используйте слова для описания первого впечатления, когда вы думаете о том, какие русские?»

реакция на вопрос	Доля реакций (%), 2022 г.	Доля реакций (%), 2023 г.
боевая нация	91	100
хорошо	31	28
доброжелательный	27	56
красивая девушка	21	45
дерзновенный	9	3

реакция на вопрос	Доля реакций (%), 2022 г.	Доля реакций (%), 2023 г.
говорит быстро, любит сладкое	5	1
сердечность и гостеприимство	82	81
лихой	9	12
высокий и большой	51	41
откровенный	18	10
русские мальчики и девушки красивы	64	87
любит медведей	15	0
храбрый	27	91
любит пить	12	3
сильный	28	67
дружные	Не представлено	34
много говорят	Не представлено	45
умные	Не представлено	34

Таким образом, в массовом сознании китайских студентов складывается довольно стереотипный образ русских людей (русские как «боевая нация», высокие, красивые, гостеприимные, хорошо относящиеся к китайцам). Но по прибытии в Россию мнения студентов постепенно меняется. По-прежнему, отмечаются внутренние качества русских (сердечность и доброжелательность), среди внешних – все еще популярно определение «красота русского человека». Однако при реальном контакте с русскими некоторые стереотипы уходят из сознания китайцев (например, образ пьющих русских и «любителей» медведей). Добавляются новые характеристики русских (умные, дружные). В целом, складывается положительное восприятие образа русского. Поэтому национальные культурные стереотипы играют важную роль в межкультурной коммуникации и могут изменяться. Безусловно, негативные образы о той или иной нации мешают конструктивному межкультурному диалогу. Первым шагом к изменению этих представлений может стать углубленное изучение содержания и роли современных национально-культурных стереотипов, а также позитивное формирование образа русских в конкретных реальных условиях взаимодействия двух культур.

Литература

1. *Агеев В.С.* Механизмы социального восприятия // Психологический журнал. М: Наука. № 2, 1989. С. 63-71.
2. *Бартминьский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 288 с.
3. *Горшунова Е.Ю.* Этнические стереотипы англоговорящего социума и их вербализация в американской лингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2009. 207 с.
4. *Злобина Ю.И.* Образ нации в социологическом аспекте этнокультурного восприятия России в массовом сознании китайцев // Материалы IX Международной научной конференции «Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве», Барнаул. Том 1. № 10 (2021). С. 66-73.
5. *Злобина Ю.И. Чжао Кайсинь.* Этнокультурные стереотипы восприятия русских в массовом сознании китайцев (социологический аспект) // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве: сборник материалов международной научной конференции / отв. ред. С. Г. Максимова. Вып. 11. Том 1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. С. 95-102.
6. *Маслова В.А.* Культурный стереотип и его роль в поведении сквозь призму языка // Вестник Северо-Осетинского гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова. 2008. Т. 4. С. 30–37.
7. *Мучкина Е.С.* Этнические стереотипы и их отражение в семантике этнонимов // Филология и человек. 2010. № 4. С. 107–118.
8. *Нельсон Т.* Психология предубеждений: Секреты шаблонов мышления, восприятия и поведения. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. 384 с.
9. *Платонов Ю.П., Почебут Л.Г.* Этническая социальная психология. СПб., 1993. 109 с
10. *Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев, М.: Ком Книга, 2006. 224 с.
11. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. 320 с.
12. *Lippman W.* Public Opinion / W. Lippman. – New York, 1922.

СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД В СОЦИОЛОГИИ К ПОНЯТИЮ «САМОПОНИМАНИЕ»

Камчыбек уулу Мырзабек, Бишкек (Кыргызстан)

Аннотация. В данной статье представлены результаты исследования, которые с новых позиций важны для раскрытия проблемы самопонимания личности. Через эмпирико-экспериментальные данные подтверждается, что проживание в этнокультурных условиях молодого суверенного государства, оказывает, с одной стороны, сходное влияние на развитие самопонимания личной и социальной идентичности как у представителей титульного этноса Кыргызстана, так и у других больших этнических групп, проживающих в современном Кыргызстане, а также, что Я-Идеальное и позитивная установка в отношении чужих групп играют центральную роль в формировании Я-Идентичности. С другой стороны, вопросы ксенофобии-ксенофилии, контроля убеждений важно учитывать при развитии самопонимания личной и социальной идентичности проживающих в Кыргызстане представителей других народов. Без нахождения баланса между Я-Идеальным и Я-Реальным, ксенофобией-ксенофилией процесс становления сбалансированной Я-идентичности может быть крайне затруднен у проживающих в Кыргызстане представителей других народов, что неминуемо приведет к этническим конфликтам, столкновениям на национальной почве.

Ключевые слова: социализация, самопонимание, самосознания, саморефлексии, самоопределения, самопознания, идентичность

MODERN APPROACH IN SOCIOLOGY TO THE CONCEPT OF "SELF-UNDERSTANDING"

Kamchybek uulu Myrzabek, Bishkek (Kyrgyzstan)

Abstract. This article presents the results of the study, which from a new perspective are important for revealing the problem of self-understanding of the individual. Through empirical and experimental data, it is confirmed that living in the ethno-cultural conditions of a young sovereign state, on the one hand, has a similar effect on the development of self-understanding of personal and social identity both among representatives of the titular ethnic group of Kyrgyzstan and other large ethnic groups living in modern Kyrgyzstan, and so, I am an Ideal and positive attitude In relation to other people's groups, they play a central role in the formation of Self-Identity. On the other hand, it is important to take into account the issues of xenophobia, xenophilia, and control of beliefs when developing self-understanding of personal and social identity of representatives of other peoples living in Kyrgyzstan. Without finding a balance between the Ideal Self and the Real

Self, xenophobia and xenophilia, the process of becoming a balanced Self-Identity can be extremely difficult for representatives of other peoples living in Kyrgyzstan, which will inevitably lead to ethnic conflicts, clashes on national grounds.

Keywords: socialization, self-understanding, self-awareness, self-reflection, self-determination, self-knowledge, identity

Современный подход в социологии к понятию «самопонимание»

Для этого обратимся к работам известного американского социолога, профессора Калифорнийского университета Роджерса Брубейкера. В своей книге «Этничность без групп», представляющей собой сборник статей, некоторые из которых написаны в соавторстве с другими учеными, он рассматривает проблему использования в научной литературе таких базовых категорий как «этничность», «идентичность», «самопонимание», «культура», «гражданский» и «этнический» национализм и ставит перед собой задачу уточнения объекта и предмета «этнических» исследований и их описательного языка [1, с. 298]

На его взгляд это необходимо в связи с тем, что терминологический аппарат перегружен, а смысловая нагрузка терминов размыта и неопределенна, а значит, использовать их для описания и понимания каких-либо явлений становится все более проблематично. Сам автор характеризует свою работу как «аналитический контрапункт к длительному этнографическому исследованию и как критическую реплику в современных теоретических спорах» и подкрепляет свои теоретические выводы результатами собственных (и не только) исследований [1, с. 14].

Понятие «самопонимание» автор не только раскрывает в соотношении с понятиями социальная локализация, идентичность и категоризация, но и анализирует альтернативы применению термина идентичность, часто используемого в этнографических исследованиях.

Именно «самопонимание» как понятие является, по мнению Р. Брубейкера и Ф. Купера, альтернативным понятию «идентичности». Этот диспозиционный термин означает, на их взгляд, «ситуативную субъективность»: понимание человеком самого себя, своего социального положения и того, как (учитывая два первых фактора) он готов действовать [2].

В качестве диспозиционного термин «самопонимание» принадлежит, если воспользоваться характеристикой Пьера Бурдьё [3], к области *sens pratique*, практического смысла, одновременно

когнитивного и эмоционального, который люди применяют к самим себе и к социальному миру. Р.Брубейкер и Ф.Купер подчеркивают, что термин «самопонимание» не предполагает характерного современного, или западного, понимания «себя» как однородной, ограниченной, унитарной сущности. Восприятие человеком самого себя может принимать много форм. Социальные процессы, через которые люди понимают себя и определяют свое место, в одних случаях предполагают кушетку психоаналитика, а в других – участие в культах одержимых духами. В некоторых обстоятельствах люди могут понимать и воспринимать себя как точку в сети пересекающихся категорий, а в других – как часть сети связей различной близости и глубины [2].

Поэтому авторы рассматривают самопонимание и социальную локализованность во взаимосвязи, при этом подчеркивая, что ограниченная самость и ограниченная группа определяются конкретной культурой и не являются универсальными формами.

При этом авторы отмечают, что «самопонимание» не может, конечно, выполнить всю работу, возложенную на «идентичность», выделяя три фактора, ограничивающих этот термин. Во-первых, «самопонимание» – субъективный, самореферентный термин. Как таковой он обозначает понимание человеком самого себя. Он не может схватывать понимание человека другими людьми, хотя внешние категоризации, идентификации и репрезентации могут играть решающую роль в определении того, как человек рассматривается и истолковывается другими, и даже в формировании у человека его понимания самого себя. В пределе самопонимание может быть подавлено принудительными внешними категоризациями. Во-вторых, «самопонимание» вроде бы должно быть связано преимущественно с когнитивным сознанием, но при этом оно не должно улавливать или, по крайней мере, выдвигать на первый план аффективные и энергичные процессы.

Однако самопонимание никогда не является чисто когнитивным; оно всегда аффективно окрашено или заряжено, и соответствующий термин, безусловно, может вмещать это аффективное измерение. И все-таки эмоциональная динамика, действительно, лучше схватывается термином «идентификация» (в его психодинамическом смысле). Наконец, в качестве термина, который обращен преимущественно к ситуативной субъективности, «самопонимание» не схватывает объективность, требуемую сильным пониманием «идентичности». Сильные объективистские концепции идентичности позволяют отличить «истинную» (глубинную, неизменную и объективную) идентичность от «просто» самопонимания (поверхностного,

колеблющегося и субъективного). Если идентичность нечто, что требуется открыть и относительно чего можно ошибаться, то преходящее самопонимание человека может не соответствовать его неизменной основополагающей идентичности. Сколь бы проблематичными с аналитической точки зрения ни были эти понятия глубинности, постоянства и объективности, они, по крайней мере, дают основание использовать язык идентичности, а не язык самопонимания [2].

Слабые концепции идентичности не дают такого основания. Когда разъясняется сама идентичность, она часто представляется как некое понимание человеком самого себя (того, кто он такой) (Berger [2], с. 162), или как самопостижение (Calhoun [2], с. 68), то есть как то, что может быть схвачено непосредственно путем «самопонимания».

По мнению Р. Брубейкера и Ф. Купера, у термина «самопонимание» отсутствуют теоретические претензии «идентичности», но это надо считать ценным качеством, а не помехой. При этом одна конкретная форма аффективно окрашенного самопонимания, которую часто называют «идентичностью» (особенно при обсуждении расы, религии, этничности, национализма, гендера, сексуальности, социальных движений и других феноменов, будто бы предполагающих коллективные идентичности) выделяется ими отдельно [2].

Это эмоционально нагруженное чувство принадлежности к отдельной, ограниченной группе, включающее как осознанную солидарность или единство с другими членами группы, так и осознанное отличие от определенных чужаков и даже антипатию к ним. Проблема заключается в том, что «идентичность» используется для обозначения как жестко группистских, исключаящих, аффективно заряженных самопониманий, так и для гораздо более свободных, открытых самопониманий, вмещающих известное чувство родства или причастности, общности или связи с конкретными другими, но лишённых чувства основополагающей тождественности с некоторым конститутивным «другим».

Важны и жестко группистские, и в большей степени свободные аффилиативные, и промежуточные по отношению к ним, этим поллярным типам, формы самопонимания, но все они абсолютно поразному формируют личный опыт и обуславливают социальные и политические действия. Вместо того чтобы смешивать все самопонимания, основанные на расе, религии, этничности и т.д., в огромном концептуальном плавильном котле «идентичности», полезно было бы использовать, по мнению Р. Брубейкера и Ф. Купера термины «общность», «связанность» и «групповость». Следуя

плодотворной мысли Тилли, что групповость есть общий продукт «принадлежностей» к категории и к сети категориальной общности и реляционной связанности. В качестве усовершенствования им был предложен новый дополняющий элемент, который Макс Вебер назвал *Zusammengehörigkeitsgefühl* – чувством со-принадлежности [2].

Таким образом, предлагая альтернативные группы терминов, авторы думали о выработке аналитического языка, предлагая несколько менее загруженных терминов, которые, по их мнению, способны взять на себя работу «идентичности». Это «идентификация», «категоризация», «самопознание» и «социальная локализация». Для нашей работы, носящей этнопсихологический характер, работа Р. Брубейкера особенно ценна. То, что было предложено и теоретически проанализировано как формы самопонимания в контексте понятий «социальная локализация», «категоризация», «идентификация», «общность», «связанность» и «групповость», а также «со-принадлежность» будет реализовываться нами в разработке структурной модели самопонимания, включающей характеристики как личной, так и групповой идентичности.

Современная концепция самопонимания личности должна основываться на комплексном подходе, с одной стороны, на идеях социального конструктивизма и постмодернизма, в котором достижение баланса между личной и социальной идентичностью позволяет интегрировать идентичность, развивать самоидентичность, с другой стороны, на субъектном подходе к личности, в котором самопонимание личности можно представить как процесс поиска и обретения идентичности, в контексте которого личность находит ценностные основания своего бытия в социокультурном контексте.

В рамках разработанного нами комплексного подхода развития личностно-социальной сбалансированности разработан концепт «самопонимание личной и социальной идентичности». Самопонимание личной и социальной идентичности представляет собой процесс нахождения баланса между личной и социальной идентичностью, в контексте которого общечеловеческие ценности «Я-Идеального» (личная идентичность) и позитивные установки в отношении чужих групп (социальная идентичность) играют центральную роль. Самопонимание личной и социальной идентичности, нахождение между ними баланса как результат данного процесса представляет собой формирование/дальнейшее развитие Я-Идентичности/Неидентичности [4].

Самопонимание личной и социальной идентичности в контексте разработанного нами подхода развития личностно-социальной

сбалансированности позволяет выйти за рамки этнического самопонимания, предполагает формирование Я-Идентичности современного человека в условиях глобализации, при этом с учетом этнокультурных традиций и условий страны его проживания.

На основании разработанного нами подхода развития личностно-социальной сбалансированности разработана концепция самопонимания личной и социальной идентичности. Структура концепции имеет многомерное строение и представляет собой комплекс компонентов, относящихся к ним параметров и показателей, обеспечивающих возможность рассмотрения самопонимания личной и социальной идентичности, а также выявление закономерностей самопонимания своей личной и социальной идентичности в этнокультурных условиях молодого суверенного государства.

Разработанная теоретико-феноменологическая модель самопонимания личной и социальной идентичности соответствует разработанным нами теоретико-методологическим положениям подхода развития личностно-социальной сбалансированности и позволяет проанализировать особенности самопонимания личной и социальной идентичности в этнокультурных условиях молодого суверенного государства. Модель в своей теоретической части представляет систему утверждений, позволяющих выделить и концептуализировать феноменологию самопонимания личной и социальной идентичности. Самопонимание личной и социальной идентичности включает следующие компоненты:

структурные компоненты самопонимания личной идентичности: «Я-Рефлексивное» (самовнимание, самокритика, стиль идентичности), «Я-Реальное» (самооценивание, Я-концепция, контроль убеждений), «Я - Действующее» (политическое поведение и религиозное поведение) и «Я-Идеальное» (общие ценности и ценность работы);

структурные компоненты самопонимания социальной идентичности подразделяются на «Чувство принадлежности к группам»: «идентификация с местом, страной и т. д.», «национальная гордость», «отношение к своей нации» и «отношение к ЕАЭС»; и «Установки в отношении чужих групп»: «симпатия к другим странам», «толерантность», «ксенофобия/филия» [5].

Феноменологическая часть модели позволяет представить особенности и различия самопонимания личностной и социальной идентичности в этнокультурных условиях молодого суверенного государства (титульного этноса, других больших этнических групп (нетитульных групп), проживающих на территории молодого суверенного государства).

Эмпирическим выражением содержательных характеристик самопонимания личной и социальной идентичности является ряд структурных компонентов: «Я-Рефлексивное», «Я-Реальное», «Я-Действующее» и «Я-Идеальное» (самопонимание личной идентичности), «Чувство принадлежности к группам» и «Установки в отношении чужих групп» (самопонимание социальной идентичности), соотношение/сбалансированность/внутренняя согласованность между самопониманием личной и социальной идентичности, скрытая факторная структура самопонимания личной и социальной идентичности представителей титульного этноса и представителей других больших нетитульных групп, проживающих в этнокультурных условиях молодого суверенного государства, на примере Кыргызской Республики.

Содержательные характеристики самопонимания своей личной и социальной идентичности в этнокультурных условиях молодого суверенного государства определяются возрастом, условиями конкретного общества (на примере Республики Кыргызстан) и значительно различаются в условиях титульного этноса и других больших этнических групп (нетитульных групп), наличия социального опыта проживания при социалистическом режиме и в условиях независимости.

Самопонимание своей личной и социальной идентичности в этнокультурных условиях молодого суверенного государства на примере Кыргызской Республики, представляет собой нахождение баланса между личной и социальной идентичностями, формирование на основе такого самопонимания своей Я-Идентичности, фундаментом которой является формирование Я-Идеального: самоуважения и общечеловеческих ценностей: мира во всем мире, национальной безопасности (со стороны личной идентичности) и формирование позитивных установок в отношении чужих групп (уважительного отношения к чужим группам со стороны социальной идентичности). На основе такого самопонимания личной и социальной идентичности становится возможным формирование этнической идентичности как одного из аспектов сформированной Я-Идентичности как у представителей титульного этноса Кыргызстана, так и других больших этнических групп, проживающих в Кыргызской Республике [6].

Проживание в этнокультурных условиях молодого суверенного государства на примере Кыргызской Республики оказывает, с одной стороны, сходное влияние на развитие самопонимания личной и социальной идентичности как у представителей титульного этноса Кыргызстана, так и у других больших этнических групп, проживающих

в современном Кыргызстане, а именно Я-Идеальное и позитивная установка в отношении чужих групп играют центральную роль в формировании Я-Идентичности. При этом Я-Реальное (контроль убеждений) и установки в отношении чужих групп (ксенофилия-ксенофобия) играют более значимую роль в формировании Я-Идентичности у представителей нетитульных групп населения по сравнению с представителями титульного этноса.

Вопросы ксенофобии-ксенофилии, контроля убеждений нужно учитывать при развитии самопонимания личной и социальной идентичности проживающих в Кыргызстане представителей других народов. Без нахождения баланса между Я-Идеальным и Я-Реальным, ксенофобией-ксенофилией процесс становления сбалансированной Я-Идентичности может быть крайне затруднен у проживающих в Кыргызстане представителей других народов, что неминуемо приведет к этническим конфликтам, столкновениям на национальной почве.

Опыт проживания в Кыргызской Советской Социалистической Республике оказал значимое влияние на самопонимание как личной, так и социальной идентичности современного кыргызского общества, как представителей титульного этноса Кыргызстана, прежде всего, в политическом и религиозном поведении и в отношении к другим (чужим) этническим группам, так и представителей других этносов и национальностей, проживающих в современном Кыргызстане.

Литература:

1. *Брубейкер, Р.* Этничность без групп /пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. унт «Высшая школа экономики». - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
2. *Брубейкер Р., Купер Ф.* За пределами «идентичности» Brubaker R., Cooper F. beyond identity// Theory and society. Dordrecht. 2000. Vol. 29, No. 1. P. 1-47.
3. *Bourdieu P., Coleman J.* Social theory for a changing society. N. Y.: Russell Sage foundation, 1991. 387 p.
4. *Камчыбек уулу Мырзабек.* Самопонимание личной и социальной идентичности кыргызов в зависимости от социально-демографического статуса. / ALATOO ACADEMIC STUDIES / Научный журнал, Издание Международного университета «Ала-Тоо». 2022. № 2, С. 288-296.
5. *Камчыбек уулу Мырзабек.* Структурная модель изучения личной и социальной идентичности У. Шмидт-Дентера в современном обществе // Актуальные вопросы образования и науки. 2021. №2(72). С. 108-112.

6. Камчыбек уулу Мырзабек. Психологический анализ самопонимания личной и социальной идентичности в современном кыргызском обществе // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. 2021. №4(108). С. 120-125.

МИГРАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Каплун О.Ю., Ильченко Е.И., Владивосток (Россия)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда ДВФУ и Дальневосточного федерального университета (проект № 22-08-06-006. Философия права: соотношение преступления и наказания как проблема социальной справедливости и эффективности в эпоху глобализации)

Аннотация: В статье показано, что одним из следствий глобализации является свободное движение миграционных потоков, заставляющее государства искать новые способы обеспечения безопасности. Ключевым моментом, по мнению авторов, является проблема социальной адаптации мигрантов и обеспечение толерантности.

Ключевые слова: глобализация, миграция, ксенофобия, толерантность, безопасность

MIGRATION IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION: ENSURING TOLERANCE

Kaplun O. Y., Ilchenko E.I., Vladivostok (Russia)

Abstract: The article shows that one of the consequences of globalization is the free movement of migration flows, forcing states to look for new ways to ensure security. The key point, according to the authors, is the problem of social adaptation of migrants and ensuring tolerance.

Keywords: globalization, migration, xenophobia, tolerance, security

Глобализация меняет облик современного общества, в частности, она приводит к появлению новых видов преступности и заставляет государство искать новые способы противостояния угрозам безопасности [5].

Одним из последствий глобализации стал транснациональный поток людей, пересекающих границу как легально, так и нелегально. Глобальные миграционные потоки позволяют выделить две группы стран: страны-реципиенты и страны-доноры. Например, традиционные страны-реципиенты – США, Германия, Канада. Так, США принимает более 1 млн мигрантов в год, около 35% прибывают

нелегально. Это почти в 4 раза больше, чем Германия, которая занимает второе место по числу иммигрантов. Традиционно к странам-донорам относят Индию, Филиппины, Мексику, Китай, в последнее время всё чаще говорят о миграции из России.

Суть происходящих глобальных трансформаций состоит в беспрецедентном увеличении проницаемости национально-государственных границ в глобальном масштабе, что ведет к широкомасштабному рассредоточению собственности, богатства, знаний, науки, информации, технологий, а, значит, к диффузии и перераспределению относительной геополитической мощи и энергии между государствами и регионами [1, с. 20]. Свободное передвижение людей через границы (в форме легальной и нелегальной миграции) влияет на уровень восприятия гражданами мигрантов как «чужих» и источников угрозы.

Традиционно основной перечень социальных угроз, связанных с миграционными потоками, составляют, во-первых, низкий образовательный уровень и плохое знание мигрантами и их детьми языка принимающей страны. В результате мигрантам сложнее адаптироваться, они становятся легкой добычей нечестных работодателей, не знают о наличии социальных институтов, способных им помочь. Во-вторых, большие трудности в связи с наплывом мигрантов испытывает система школьного образования. В-третьих, острой проблемой является преступность мигрантов и преступления в отношении мигрантов. Согласно публикациям СМИ, в России действуют около одной тысячи этнических преступных группировок. Четвертой серьезной проблемой является взаимное отчуждение местного населения и мигрантов [4, с. 231]. Ведущие социологические службы отмечают рост неприязни по отношению к иммигрантам среди российских граждан и радикальное ухудшение межнациональных отношений².

По нашему мнению, ключевым моментом является проблема социальной адаптации мигрантов, которая, в свою очередь, является двусторонним процессом, связанным с вопросом толерантного отношения к представителям других национальностей. В настоящее время следствием ослабления границ и увеличения числа мигрантов является развитие представления о «другом» как об источнике угрозы и потенциальном риске для внутренних устоев общества. Эти

² <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/04/28/687871-otnoshenie-migrantam-uhudshaetsya>

представления репрезентируются средствами массовой информации. Во всем мире термины «ксенофобия» и «мигрантофобия» звучат с экранов телевизоров в контексте миграционных проблем.

Ксенофобию определяют как «форму стереотипных аффективных установок и предубеждений по отношению к иммигрантам [6, с. 42]. Часто СМИ словом «ксенофобия» обозначают явления, более подходящие под термины «антисемизм», «расизм». Следует подчеркнуть, что хотя в этих явлениях присутствуют элементы ксенофобии, но все же они отличаются. Под расизмом понимается «процесс, при котором одни социальные группы воспринимают другие общности как неравные себе и второсортные» [2, с. 60]. При этом люди могут испытывать ксенофобские настроения по отношению к иностранцам, не отличающимся с ними по расовому признаку. Вместе с тем предыдущие исследования показывают, что возраст, пол, образование, доход, профессиональная занятость, религиозность оказывают влияние на проявление ксенофобии [3, с. 51].

Таким образом, миграция как социальное явление является сложным объектом исследования, охватить все аспекты которого не представляется возможным. Ключевым моментом, по нашему мнению, является формирование толерантного отношения к представителям других национальностей.

Литература

1. *Гаджиев К.* Мировой экономический кризис в зеркале социокультурных и политико-культурных трансформаций. *Мировая экономика и международные отношения*, 2010, № 8, сс. 19-31.
2. *Клейн Л.* Расизм и «Психология народов» // Развитие личности. 2009. №4. С. 56-90.
3. *Оленников С.М.* Проявления национальной и расовой ненависти в современной России: детерминация и противодействие // Система ценностей современного общества. 2009. №8. С. 49-53.
4. *Ячин С.Е., Ильченко О.Ю.* Миграционные процессы на дальнем востоке России и управление миграцией при помощи инструментов культуры // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. №5. С 231-240.
5. *Yachin, S.E., Kaplun, O.Y., Yupei, S.* Migration Processes and Their Management Through Cultural Tools: A Metacultural Approach. In: Maximova, S.G., Raikin, R.I., Chibilev, A.A., Silantyeva, M.M. (eds) *Advances in Natural, Human-Made, and Coupled Human-Natural*

- Systems Research. Lecture Notes in Networks and Systems, 2023. vol 252. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-78105-7_29
6. Yakushko O. Xenophobia: Understanding the Roots and Consequences of Negative Attitudes toward Immigrants // The Counseling Psychologist. 2009. Vol. 37. №1. P. 36-66.

РЕЦЕПЦИЯ ЧУЖОГО В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА
(ОПЫТ КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Красильникова О.С., Кемерово (Россия)

***Аннотация.** В статье актуализирована проблематика ценностно-смысловой системы Чужого в образовательном контексте. Автор отметил модели рецепции Чужого, механизмы трансформации Чужого, проанализировал опыт межкультурной коммуникации в Кемеровском государственном университете. Были приведены примеры форм взаимодействия, рецепции Чужого, отмечены факторы трансформации Чужого, указана необходимость и перспективы дальнейшей коммуникации в системе Свой – Чужой в таких направлениях сотрудничества как научное, гуманитарное, культурное. Отмечены два принципа восприятия Чужого в диалоге культур – принцип конвергенции и дивергенции.*

***Ключевые слова:** межкультурная коммуникация, рецепция, Чужой, образовательное пространство*

RECEPTION OF ALIEN IN THE CONTEXT OF THE EURASIAN EDUCATIONAL
SPACE (EXPERIENCE OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY)

Krasilnikova O.S., Kemerovo (Russia)

***Abstract.** The article actualizes the problems of the value-semantic system of the Foreign in the educational context. The author noted the models of reception of the Foreign and the mechanisms of transformation of the Foreign, analyzed the experience of intercultural communication at the Kemerovo State University. The author considered examples of forms of interaction, reception of Foreign, factors of transformation of the Foreign. We are noted the need and prospects for further communication in the system of Friends and Foreign in such areas of cooperation as scientific, humanitarian, cultural. We noted two principles of perception of the Foreign in the dialogue of cultures - convergence and divergence.*

***Keywords:** intercultural communication, reception, Foreign, educational space*

Процессы межкультурной коммуникации (далее – МКК) перманентны и имеют отношение к различным сферам: экономической, социальной, политической, образовательной и т.д. Коммуникативные проблемы МКК связаны с культурным, символическим, языковым барьерами. Они сопрягаются с главными вопросами межкультурной коммуникации – рецепция Чужого, отношение к ценностно-смысловой системе Чужого. Восприятие Чужого и его трансформация становятся маркерами адаптивности и включенности в культуру в системе Свой – Чужой в МКК. Мы выделили два принципа трансформации Чужого: 1) Чужой может принять сторону Своего (принцип конвергенции) в диалоге культур; 2) несовпадение ценностно-смысловых систем и мировоззрения Своего и Чужого (принцип дивергенции) [4, с. 19].

Исследователи выделяют разнообразные модели Чужого: этнологическая (страх, боязнь всего Чужого), модель первоначального состояния (Чужие – первобытное состояние, которое возможно проходила и Своя культура, это «мы» на раннем этапе или на более низкой стадии), мифологическая, фантастическая (Чужой как аномалия), модель антиподов (нам не следует быть как Чужие), гетеротопическая (осторожное любопытство к Чужому, у Чужого можно даже заимствовать, у Чужого можно даже учиться), ксенофобская (страх Чужого), универсалистская, гуманистическая (Чужие и мы одного рода человеческого, но мы принадлежим к разным видам) и др. [5, с. 63-64]. Рецепция Чужого в МКК имеет отношение к вопросам общения, межкультурного взаимодействия, трансформации в культурном измерении и противостоянии смыслов, ценностей, мировоззрений в культурной антитезе Свой – Чужой. Так, например, С.Г. Тер-Минасова обратила внимание, на то, что культурный барьер задает дистанцию, коммуникативные сложности [7, с. 2]. По мнению Л.Н. Гумилева, определенные трудности восприятия Чужого имеют отношение к стереотипам поведения [1, с. 103]. Взаимодействие с ценностно-смысловой системой Чужого опирается на константы Своей культуры, что позволяет интерпретировать, рецептировать и наполнять смыслами как Свою, так и Чужую культуру. Восприятие Чужого выполняет важную функцию и может стать защитным механизмом в условиях попадания в Чужую культуру, поскольку появляется реальная возможность сравнения и убеждения в правильности Своей культуры. Осмысление Чужого помогает консолидации со Своим, поиску Своих в Чужой культуре. В дальнейшем, опыт восприятия и взаимодействия может трансформировать Чужое в следующие возможные варианты 1) Свой – Чужой – Наш; 2) Свой – Чужой – Другой (отличный от Своего и Чужого), 3) Свое – Иное

(непонятое, которое противостоит и Своему и Чужому) – Чужое; 4) Другой/Чужой – Свой [4, с. 75].

Трансформация ценностно-смысловой системы Чужого зависит от конкретных культурно-исторических условий, культурного контекста, ближайшего окружения, коммуникативных намерений, стремлений и интенций коммуниканта, который оказывается или вовлекается в Чужую культуру. Детерминантами преобразований выступает и Чужой, его готовность как актора к взаимной коммуникации к культурному обмену и межкультурному взаимодействию. Очевидно, что образовательное пространство является открытой коммуникативной площадкой, в рамках которой восприятие Чужого трансформируется. Образовательная сфера участвует в формировании ценностных, межкультурных навыков.

Иностранные студенты могут адаптироваться к новой Чужой культурной среде с помощью официальных институциональных механизмов (взаимодействие с дирекциями институтов, кураторами по работе с иностранными студентами, отделом международного сотрудничества и т.д.). Большое значение для успешной адаптации и трансформации Чужого имеют и внеучебные механизмы, конвенциональные отношения и неформальные связи. Например, в Кемеровском государственном университете действует Центр межкультурных коммуникаций (далее – ЦМК), созданный по инициативе студентов, руководителя центра выбирают из числа студентов. ЦМК постоянно на связи с иностранными студентами, организывает конференции, экскурсии, просветительские акции, которые помогают восприятию русской культуры и языка, уважительному отношению к культуре иностранных студентов, в том числе евразийского образовательного пространства. В череде таких мероприятий организация поездки в мечеть [9], встреча с консулом республики Узбекистан (февраль 2023 г.) и т.д. [3].

Общими культурными задачами мероприятий, акций становятся адаптация и вовлечение студентов евразийского пространства в корпоративную университетскую культуру. Ежегодно в КемГУ проходит конкурс «Студент года», среди номинаций отдельно представлена «Иностранный студент года». Знакомство с традициями проходит в форме праздников, например, празднования Нового года, Масленицы. Так состоялось празднование «Новый год для иностранных студентов», главная идея праздника – демонстрация новогоднего этикета России и Своей культуры. Весной студенты КемГУ познакомили иностранных студентов с русскими традициями и организовали масленичные гуляния, представили обычаи Прощеного

воскресенья, познакомили с гастрономическими особенностями. В праздновании приняли участие студенты из России, Индии, Киргизии, Казахстана и Таджикистана [6]. Интересный межкультурный опыт продемонстрировал II Международный фестиваль «Ночь Юрия Гагарина», организованный в Кузбассе (апрель 2023 г.) на котором был представлен Парад делегаций из 10 стран. По воспоминаниям студентов было почетно, торжественно и приятно осознавать, что к Твоей культуре уважительное отношение, на фестивале у студентов была возможность пообщаться с Губернатором Кузбасса С.Е. Цивилевым [8].

Представленные механизмы (официальные встречи, религиозные поездки, международный фестиваль и пр.) помогают трансформации Чужого, адаптации, восприятию Чужой культуры в позитивном ракурсе. Образовательная сфера евразийского пространства имеет значительный интеграционный потенциал, в котором русский язык выступает в качестве языка международного общения. Межкультурные коммуникации, выстроенные в студенческие годы, задают направления для дальнейшей профессиональной коммуникации, помогут создавать совместные межкультурные проекты и интенсифицируют межкультурное взаимодействие евразийского пространства в научной, экономической, политической, культурной сферах. Рецепция ценностно-смысловой системы Чужого учит быстрой адаптации в условиях ценностно – смысловой системы Чужой культуры, способствует формированию межкультурных компетенций, креативному усвоению Чужого и актуализации Своего. Образовательное пространство представляет когнитивные, рецептивные возможности, в условиях интернализации создает постоянные межкультурные связи и творческие возможности восприятия Чужого. Коммуникативный опыт демонстрирует каким образом предложенные в теории механизмы трансформации Чужого реализуются на практике от Свой – Чужой до Свое – Чужое – Наше. Это подтверждают коммуникативные конструкции студентов такие как: «наш университет», «наш институт», «наши победили». Следующая модель Свой – Чужой – Другой тоже реализуется в образовательном пространстве. Она выражается в активном желании и участии студентов Чужой культуры в межкультурной, внеучебной деятельности, предложенной университетом. Опыт межкультурной коммуникации помогает в освоении русского языка, рецепции традиций и постоянном межкультурном обмене.

Таким образом, восприятие ценностно-смысловой системы Чужого в образовательном пространстве актуализирует Свое, преобразует

существовавшие стереотипы, создает новые, способствует постоянному творческому поиску, учит выстраиванию межкультурных отношений. Рецепция Чужого в аксиологическом дискурсе образовательного пространства МКК – постоянное движение смыслов, ценностей (национальных, интернациональных, студенческих, преподавательских, исследовательских, традиционно-консервативных, светских, религиозных и пр.), которые помогают модифицировать Чужое в другие формы либо сформировать положительное отношение к Чужому и сохранить это отношение после возвращения в Свою культуру. Рецепция Чужого социокультурного опыта в образовательной среде начинается с любопытства, интереса и преобразуется в формы сотрудничества, организацию межкультурного обмена и ценностно-смысловой сопряженности Своего и Чужого. Рецепция ценностно-смысловой системы Чужого в образовательном пространстве КемГУ реализуется в диалоге культур по принципу конвергенции и соотнесенности со Своим культурным опытом и ценностно-смысловой системой.

Литература

1. *Гумилев Л.Н.* Этнический стереотип поведения // Этногенез и биосфера Земли. СПб., 2001. С. 99-103.
2. Делегация КемГУ приняла участие в закрытии II Международного фестиваля «Ночь Юрия Гагарина». URL: <https://kemsu.ru/news/42923-delegatsiya-kemgu-prinyala-uchastie-v-zakrytii-ii-mezhdunarodnogo-festivalya-noch-yuriya-gagarina/> (дата обращения 19.05.2023).
3. Кемеровский государственный университет с рабочим визитом посетил Генеральный консул Республики Узбекистан в г. Новосибирске. URL: <https://kemsu.ru/news/39992-kemerovskiy-gosudarstvennyy-universitet-s-rabochim-vizitom-posetil-generalnyy-konsul-respubliki-uzbe/>. (дата обращения 19.05.2023).
4. *Красильникова О.С.* Трансформация Чужого в русско-французской межкультурной коммуникации конца XVIII – первой четверти XIX вв.: культурфилософский анализ. Дисс. канд. философ. наук: 5.10.1. Барнаул, 2023. 176 с.
5. *Лысенко В.Г.* Познание Чужого как способ самопознания (попытка ксенологии) // Вопросы философии. 2009. № 11. С.63-67.
6. Студенты из 5 стран мира приняли участие в масленичных гуляниях в КемГУ // Официальный сайт КемГУ. URL:

- <https://kemsu.ru/news/40292-studenty-iz-5-stran-mira-prinyali-uchastie-v-maslenichnykh-gulyaniyakh-v-kemgu/> (дата обращения 19.05.2023).
7. Тер-Минасова С.Г. Глобальная деревня, или Вавилонская башня: языковая и межкультурная коммуникация // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2004. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnaya-derevnya-ili-vavilonskaya-bashnyayazykovaya-i-mezhkulturnaya-kommunikatsiya/viewer>. (дата обращения 27.03.2022).
 8. Центр межкультурных коммуникаций КемГУ. URL: https://vk.com/cm_k_kemgu?w=wall-143065474_396 (дата обращения 19.05.2023).
 9. Центр межкультурных коммуникаций КемГУ. URL: https://vk.com/cm_k_kemgu?z=photo-143065474_457239853%2Falbum. (дата обращения 18.05.2023).

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Максимова С.Г., Омельченко Д. А., Ноянзина О.Е., Барнаул (Россия)

Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 22-28-01120 «Модели конструирования религиозной идентичности в приграничных регионах России: институциональные механизмы, стратегии и практики» (2022-2023 гг.).

Аннотация. В публикации представлены результаты социологического исследования религиозной идентичности и духовной безопасности населения четырех приграничных регионов России (Новосибирская область, Алтайский край, Республика Алтай, Республика Тыва, массовый опрос $n = 1860$; экспертный опрос $n = 120$). Целью исследования являлось выявление связи между уровнем религиозности населения и безопасностью духовной сферы жизни. По итогам проведенного анализа выделены ключевые факторы, формирующие параметры духовной безопасности регионов. Для Алтайского края ключевым фактором стал межконфессиональный диалог и государственно-конфессиональные отношения, для Новосибирской области духовная сфера определяется практически всей совокупностью взаимосвязанных условий за исключением открытости религиозных организаций и защищенности права на свободный духовный выбор, схожая картина и в Республике Тыва. Выявлено, что связь между уровнем религиозности населения и безопасностью духовной сферы жизни существует, немаловажную роль в данном процессе играют религиозные институты,

поддерживающие традиционную религиозную культуру; религиозную, этническую и гражданскую идентичности населения; распространение религиозных ценностей и норм.

Ключевые слова: *религиозность, религиозная идентичность, духовная безопасность, приграничные регионы*

RELIGIOUS IDENTITY AND SPIRITUAL SECURITY OF POPULATION IN BORDER REGIONS OF RUSSIA

Maximova S.G., Omelchenko D. A., Noyanzina O.E., Barnaul (Russia)

The publication was prepared within the framework of the project RNF 22-28-01120 «Models of construction of religious identity in border regions of Russia: institutional mechanisms, strategies and practices» (2022-2023).

Abstract. *The article presents the results of a sociological study on religious identity and spiritual security among population in four border regions of Russia (Novosibirsk Oblast, Altai Krai, Republic of Altai, Republic of Tyva, mass survey n = 1860; expert survey n = 120). The purpose of the study was to identify the relationship between the level of religiosity of the population and the security in the spiritual sphere of life. The results of the analysis allowed to identify key factors, determining the parameters of spiritual security in border regions. In Altai Krai the main factor was inter-confessional dialogue and state-confessional relations; in Novosibirsk Oblast, the spiritual sphere was determined by almost the entire set of interrelated conditions, except for the openness of religious organizations and the protection of the right to free spiritual choice; the picture was similar in the Republic of Tyva. It was revealed that there is a connection between the level of religiosity of the population and the security of the spiritual sphere of life, an important role in this process is played by religious institutions that support traditional religious culture; religious, ethnic and civil identity of the population; dissemination of religious values and norms.*

Keywords: *religiosity, religious identity, spiritual security, border regions*

В настоящее время представлено достаточно научных работ, подтверждающих гипотезу о взаимосвязи и взаимообусловленности в современном мире институтов религии и духовной безопасности, их совместном функционировании и уязвимости перед лицом глобальных вызовов, операционализации через пересекающуюся систему категорий несмотря на очевидно более широкий охват проблемного поля концептом духовной безопасности. Вместе с тем, и та, и другая категория отличны высокой степенью размытости, подвижности содержания и форм проявления.

Исследователи религии подчеркивают распространенность «поверхностно-мимолетных» верований о широко понимаемой

концепции Бога, что совершенно не дает понимания религиозности населения. В этом контексте сложно классифицировать и категорию населения, находящегося в процессе «осознанного духовного поиска» (явление так называемого «шейлаизма» (духовного искания) (Voas, 2009) [9], так большинство христиан, православных сегодня секулярны по своим личностным целям, их религиозная идентичность, хоть и может быть эмпирически описана, но каковы шансы ее сохранности и ретрансляции? Какова ее социальная значимость, и способна ли она обеспечить духовную безопасность личности, группы, общества?

Отдельно необходимо отметить и степень влияния приграничья на особенности проявления религиозной идентичности населения в условиях активной международной миграции [1].

Несомненно, дискуссия о разнообразии религиозности и религиозных идентичностей остается открытой. Вместе с тем исследователи указывают на растущее безразличие, которое рассматривается в качестве угрозы как для религии, так и для духовной безопасности общества, имеет разрушительное воздействие на оба института.

Воас и соавторы утверждают, что общество (особенно – западное) секуляризируется на протяжении века, и этот процесс необратим [10, 11]. Соответственно, растет «светская духовность», которая рассматривается как ресурс безопасности общества в духовной сфере. Однако есть работы, в которых авторы находят много сакрального в этой новой «нерелигиозной» духовности (Heelas P., Houtman D.) [3, 4]. Например, голландские авторы Хилас и Вудхэд пишут о том, что на основе христианских ценностей формируется новое «духовное» мировоззрение [5]. Так возникает новый тип духовности – Нью Эйдж – как духовная революция, охватывающая всю сферу культуры, частью которой является и религия.

Вслед за духовностью и религиозными идентификациями, меняются и религиозные ландшафты, они усложняются и фрагментируются в зависимости от баланса традиционных религий и «новых», «альтернативных» или, так называемых, «посттрадиционных» религий, распространения пострелигиозной духовности. Так, в литературе начинает все чаще эксплуатироваться понятие «постхристианская» духовность, или «сделай-сам-религия» (см. Хилас и Вудхэд) [5], что отражается и на сегментации духовной сферы жизни, делает ее неустойчивой и нестабильной. Е.Д. Руткевич [2], опираясь на работы Хутмана и Оперса [6], пишет о том, что трансформация религии приводит к революции не светской, а духовной жизни.

Сегодня меняются и дифференцируются процессы институционализации и клерикализации религии, трансформируются и возможности религии в процессах развития общества и истории государств. Так, в классическом понимании, институционализация предполагает рутинизацию религии, то есть, без рутинизации институционализация не происходит, однако, с учетом сказанного, можно утверждать, что в меняющемся мире эта рутинность «постоянно преодолевается», ведь этот процесс предполагает устойчивость, репродукцию традиций, чего мы не можем в полной мере наблюдать.

В 2022-2023 гг. научным коллективом Алтайского государственного университета в рамках проекта РФФ в четырех приграничных регионах России – Алтайском крае, Новосибирской области, республиках Алтай и Тыва проводилось социологическое исследование, направленное на изучение различных аспектов проявления религиозности населения. Выборочная совокупность составила 1860 человек от 18 до 70 лет, способ сбора данных – онлайн опрос с контролем территориальных и социально-демографических параметров генеральной совокупности. В рамках исследования институциональных аспектов формирования духовной безопасности духовной безопасности были проведены экспертные опросы представителей религиозных организаций, научной и педагогической общественности регионов (120 экспертов). Выбор регионов определялся следующими факторами: с одной стороны, все четыре региона принадлежали к общей зоне азиатского приграничья (Алтайский край и Новосибирская область граничат с Казахстаном, Республика Алтай – с Казахстаном, Монголией и Китаем, Республика Тыва – с Монголией), с другой, – имели особенности этнического и конфессионального состава, обладающие значительным потенциалом для сравнительного анализа.

В рамках изучения уровня и выраженности религиозности населения четырех приграничных регионов Российской Федерации на основе социологических опросов был рассчитан индекс центральности религиозности населения российского приграничья.

Используемый подход основан на применении методики CRS (шкала центральности религиозности, Ш. Хубера) [10, 11], на основе тестовых шкал, апробированных на данных международных исследований в 25 странах.

Индекс основан на интеграции пяти структурных компонентов религиозности – интеллектуального, идеологического, публичных религиозных практик, личных религиозных практик и религиозного опыта (тестовая норма для России составляет 2,45 балла при

стандартном отклонении 0,96 балла. В нашем исследовании для регионов приграничья тестовая норма составила 2,41)

Выраженность религиозности населения по-разному проявляется во всех охваченных исследованием регионах, причем находит свое своеобразное преломление не только по оси этнических республик – полиэтничных регионов с «русским ядром», традиционно тяготеющим к православию, но представляет собой и более сложное разнообразие.

Так, в Республике Тыва самая большая доля религиозного населения, но при этом в Тыве 75,3% относятся к религиозной части населения, очевидно, что для подавляющего большинства жителей республики вера и религиозное мировоззрение являются ключевыми смыслами жизни, однако выраженность этой веры и ее деятельностное, поведенческое воплощение скорее носят «ровный» характер, то есть является частью повседневной культуры и быта тувинцев, глубоко «проросшей» и в секулярные, светские практики и во многом уже неотличимой от них.

В Республике Алтай самая высокая доля высокорелигиозного населения – 6%, это, в частности, может быть связано с возрождением и усилением этнического самосознания коренных жителей республики, происходящими в последние годы, в чем-то демонстративности, декларативности религиозной принадлежности, тесно сопряженной с этнической самобытностью.

В Алтайском крае несколько ниже доля высокорелигиозного населения – 3,3%, однако существенно выше доля нерелигиозных – 41,8%, а чуть более половины (54,9%) можно назвать религиозными людьми.

Новосибирская область, по сравнению с этническими республиками и даже Алтайским краем, занимает оппозиционное положение с преимущественно нерелигиозным населением, к которому относятся 52,9% жителей, принявших участие в исследовании, доля высокорелигиозных здесь составила 2,4%, религиозных – 44,7%.

В рамках оценки институциональных условий функционирования духовной безопасности экспертов – жителей приграничья просили провести оценку эффективности (достаточности) в их регионах проживания (1) социальных условий для сохранения и развития духовной безопасности (3 утверждения); (2) внутри- и межконфессиональных условий, описываемых пятью утверждениями; и (3) и социально-политических условий в рамках оценки трех утверждений.

Каждое из условий оценивалось на основе вопроса: «Оцените, пожалуйста, по 10-балльной шкале насколько эффективно в Вашем регионе обеспечиваются условия для духовной безопасности?» и по 10-балльной шкале, где «1» – условие наименее выражено, «10» – условие максимально выражено.

Мы видим, что во всех регионах создана довольно благоприятная среда для сохранения духовной безопасности – каждое из условий экспертами оценено в среднем на уровне выше 6 баллов, обратим внимание, при диапазоне оценок в 9 баллов – от оценки в 1 балл и до 10 баллов, медианное значение оценок выраженности условий очень велико, а в отношении оценки эффективности реализации права на свободу вероисповедания и совести медиана равна 10 баллам. Если обратиться к анализу средних оценок, наиболее выраженным является, как уже отмечено, право на реализацию свободы совести и вероисповедания ($m = 8,64$), на второй позиции – выраженные позитивные отношения (бесконфликтные) между представителями разных конфессий в регионе ($m = 8,0$, $M = 9,0$). На третьей позиции по выраженности – маркер межконфессиональных отношений – взаимоуважительные отношения между конфессиями ($m = 7,81$, $M = 9,0$) и позитивные государственно-конфессиональные взаимодействия (диалог государства и религиозных лидеров) ($m = 7,6$, $M = 8,5$).

Лучше понять содержание региональных моделей институционализации духовной безопасности поможет поиск латентных структур, определяющих оценки условий для развития и сохранения духовно-нравственной сферы жизни общества, индивидов и их групп. С этой целью на региональных выборках были реализованы процедуры факторного анализа.

По итогам проведенного анализа выделены ключевые факторы, формирующие параметры духовной безопасности регионов. Для Алтайского края ключевым фактором стал межконфессиональный диалог и государственно-конфессиональные отношения, для Новосибирской области духовная сфера определяется практически всей совокупностью взаимосвязанных условий за исключением открытости религиозных организаций и защищенности права на свободный духовный выбор, схожая картина и в Республике Тыва, тогда как в республике Алтай все факторы явили собой монолитную структуру взаимосвязанных переменных.

Продолжая рассмотрение вопросов институционализации духовной безопасности, отметим, что, эксперты в равной мере считают определяющей роль как религиозных организаций и их лидеров (57,7% выборов), так и органов государственной власти (55,7%). Отметим, что

и деятельность органов государственной власти, к сожалению, в современном российском обществе весьма персонализирована, то есть очень многое в механизмах реализации государственной политики (в том числе и конфессиональной сфере) зависит от личного восприятия и отношения персон, принимающих решения. Конечно же, нельзя и умалять содержание концепций государственной политики и социальной политики церквей, которые определяют содержание, механизмы и тональность сферы духовности и, в конечном итоге, ответственны за качественные параметры сферы духовной жизни общества. В существенно меньшей степени определяют параметры духовной безопасности отдельные группы или само население (13,4% выборов), представители и институт законодательной власти (8,2%).

Полученные оценки в региональных сравнениях варьируют в отношении некоторых альтернатив, что визуально можно наблюдать на рисунке. Так, если роль органов государственной власти разных уровней была оценена в качестве определяющей примерно на одном уровне по всех четырех регионах, то в Республике Алтай, например, эксперты существенно меньшее значение придают роли религиозных организаций и их отдельных лидеров (48,3%). При этом в данной республике, по мнению экспертов, существенно большую роль в сохранении и поддержании духовной безопасности играет само население (24,1% выборов), роль которого в Новосибирской области вообще не отмечена экспертами. То есть эксперты области воспринимают население как потребителя уровня духовной безопасности, параметры которого заданы религиозными и государственными институтами и их лидерами. Обратим внимание, что именно в Новосибирской области роль религиозных лидеров выходит на первый план в экспертных оценках, что, очевидно, отражает специфику сложившихся конфессиональных взаимодействий в регионе.

Обратим внимание также и на распределение оценок роли институтов гражданского общества в определении ключевых параметров духовной безопасности. Наиболее выраженной и заметной эта роль видится экспертами Республики Тыва, о чем сообщили четверть экспертов 25%, тогда как в прочих регионах она существенно меньше. Роль институтов представительной власти и депутатского корпуса наименее «заметна» экспертам Алтайского края, а наиболее выражена в Республике Алтай и Республике Тыва).

Вместе с тем, духовная безопасность населения далеко не всегда связана с религиозностью населения, это более широкое, и функционально, и в ценностном наполнении понятие. Конечно же,

религиозные ценности (во всяком случае – традиционные) во многом служат опорой стабильности духовной жизни, конструктивного жизненного сценария, вместе с тем духовная безопасность отражает цивилизационные достижения в совокупности, включая историческую память, базовые ценности, и многое другое. Духовная безопасность опирается и на институты социализации, прежде всего – семью и систему образования, хотя впитывает в себя и ценности массовой культуры, впитываемые посредством популярной культуры.

В большинстве случаев эксперты соглашались с наличием сильной связи между религиозностью населения и уровнем духовной безопасности общества, но при этом обращали внимание на то, что сильная религиозность не дает гарантий высокого уровня безопасности (51,8%). То есть эксперты в принципе выделяют роль религиозности населения в формировании и поддержании духовной безопасности социума, однако расходятся во мнениях относительно направленности и вектора этой связи.

Региональные конструкты ответов на данный вопрос весьма отличны друг от друга. О слабой связи между уровнем религиозности и духовной безопасностью населения чаще всего говорили жители этнических республик приграничья – Алтая (41,7%) и Тывы (37,5%). Но, обратим внимание на то, что в Республике Алтай ни один из экспертов в области конфессиональных отношений не говорил о наличии сильной прямой связи между религиозностью населения и уровнем безопасности в духовной сфере, а в Республике Тыва довольно существенная часть экспертов уверены в отсутствии связи между религиозностью и духовной безопасностью (12,5%).

Итак, согласно экспертных оценок, связь между уровнем религиозности населения и безопасностью духовной сферы жизни существует, однако, в таком случае, насколько в процессе этой взаимообусловленности задействованы религиозные институты и их наиболее очевидные «представительства». Каковы наиболее очевидные и ярко проявляющиеся в современных условиях эффекты их деятельности? Для оценивания экспертам предложена цепочка альтернатив, описывающих возможные варианты таких эффектов, из которых можно было выбрать пять наиболее вероятных сценариев. На основе рейтингования частоты экспертных выборов мы увидели, что в современном обществе наиболее распространенными результатами деятельности религиозных организаций являются в равной мере ретрансляция традиционной религиозной культуры, поддержка религиозной, этнической и гражданской идентичности населения (62,9% выборов экспертов) и поддержание религиозных добродетелей

и нравственной чистоты, распространение религиозных ценностей и норм (61,9%).

Не нашли существенной поддержки экспертов такие гипотезы, как нивелирование индивидуальности и чрезмерный контроль населения со стороны религиозной группы (5,2%), распространение религиозных фанатиков, распространяющих экстремистские лозунги, но опирающихся на идеи традиционных религий (2,1%), формирование в общественном сознании сценария борьбы с иноверцами (2,1%), противостояние религиозных и государственных институтов в борьбе за власть, влияние на население и усиление разрозненности населения, формирование угроз духовной сплоченности и единству нации (по 1% выборов экспертов).

Рассмотрение оценок экспертов в региональном преломлении принципиально не меняет структуры ключевых эффектов деятельности религиозных объединений в России. Вместе с тем важно отметить, что деструктивные тенденции фиксировались экспертами исключительно Республики Алтай, где эксперты отмечали такие направления влияния как формирование в общественном сознании сценария борьбы с иноверцами (6,9% выборов), распространение религиозных фанатиков, распространяющих экстремистские лозунги, но опирающихся на идеи традиционных религий (6,9%), противостояние религиозных и государственных институтов в борьбе за власть, влияние на население (3,4%) и усиление разрозненности населения, формирование угроз духовной сплоченности и единству нации (3,4%).

Наиболее выражена и определенно конструктивная роль религиозных организаций в современном тувинском обществе, а наименее – в Республике Алтай и Алтайском крае.

Оценки духовной безопасности сложно сопоставить с параметрами социально-политического и экономического характера, это особый слой культурного ландшафта территории. В данном случае обследованные территории весьма похожи друг на друга доминирующей характеристикой скорее благополучного со спокойной религиозной ситуацией, бесконфликтными взаимодействиями между религиями и конфессиями (АК – 81,3%, НО – 94,4%, РА – 54,5%, РТ – 76,4%), а в Алтайском крае и Республике Алтай, помимо этого, высоки доли оценок регионов как территорий, имеющих высокий уровень духовной безопасности, благоприятную ситуацию в сфере межконфессиональных отношений (18,8% и 22,7% соответственно).

Наиболее неоднозначной представляется ситуация в духовной сфере Республики Алтай, где, как и при оценке региональной

экономики и инфраструктуры, мнения более дисперсны – здесь существенная доля оценок (18,2%) свидетельствует о сложной религиозной ситуации, где имеются разногласия между разными представителями различных религиозных течений и верований. Такие оценки, помимо Республики Алтай, получены также и в Республике Тыва (6,3%). Более того, Республика Алтай оказалась единственной территорией, где эксперты сообщали (4,5%) о том, что в их республике имеются многочисленные угрозы духовной безопасности, напряженность религиозной обстановки, межрелигиозные конфликты.

Таким образом, на основе анализа полученных данных, мы увидели, что в четырех приграничных регионах создана довольно благоприятная среда для сохранения духовной безопасности. Наиболее выраженной является свобода граждан - совести и вероисповедания, в целом благоприятный градус межконфессиональных отношений, а также вполне гармоничные взаимодействия между государством и религиозными объединениями.

Относительно духовной безопасности, то ее ресурсы и источники вполне защищены, однако факты деструктивного влияния новых религиозных течений и экстремистских идей осознаются и фиксируются экспертами, причем признается подверженность и слабая защищенность населения именно в данном контексте. Особенно выраженными такие угрозы являются в Новосибирской области.

Отметим, что сегодня церковь в России вполне открыта и современна, хоть пока недостаточно, но уже ведет диалог с окормляемым населением в виртуальном пространстве, взаимодействует в конструктивном ключе с представителями традиционных конфессий. Государство, в свою очередь, ведет диалог с традиционной церковью. Вместе с тем, эксперты неоднозначно оценивают взаимовлияние церкви и государства, в том числе при решении проблем общества. Негативные, деструктивные по отношению к течению общественных процессов, тенденции в деятельности религиозных организаций, видимо, имеют незначительную распространенность в этих четырех приграничных регионах, проявляясь уникальным образом и не имея широкого общественного резонанса.

Литература

1. *Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е.* Международная миграция в приграничных регионах России: опыт структурного моделирования установок населения // Вестник Российского

- университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 4. С. 737-755.
2. *Руткевич Е.Д.* От «Религиозности» к «Духовности»: Европейский контекст. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология, 2014. №1. С. 5-25.
 3. *Heelas P.* The Spiritual Revolution: From “religion” to “spirituality” // Religion in Modern World / Ed. by L. Woodhead, P. Fletcher, H. Kawanami, D. Smith. Routledge, 2002.
 4. *Heelas P., Houtman D.* Research Note: RAMP Findings and Making Sense of the “God Within Each Person, Rather than Out There” // Journal of Contemporary Religion. 2009. Vol. 24. No. 1.
 5. *Heelas P., Woodhead L., Seel B. et al.* The Spiritual Revolution. Why Religion is giving Way to Spirituality. Blackwell Publishing, 2005.
 6. *Houtman D., Aupers S., Heelas P.* Christian Religiosity and new age spirituality: A cross-cultural comparison // Journal for the Scientific Study of Religion. 2009. No. 48 (1).
 7. *Huber S.* Religion Monitor 2008: Structuring Principles, Operational
 8. *Huber S., Ackert M., Scheiblich H.* Religiosität in unterschiedlichen Religionskulturen – Vergleiche auf der Basis der Centrality of Religiosity Scale. cultura & psyché. 2020. No. 1(1-2), P. 171-185.
 9. *Voas D.* The Rise and Fall of Fuzzy Fidelity in Europe // European Sociological Review. 2009. Vol. 25, №2. P. 156.
 10. *Voas D., Day A.* Recognizing Secular Christians: Toward an Unexcluded Middle in the Study of Religion // ARDA Guiding Paper Series. URL: http://www.thearda.com/rrh/papers/guidingpapers/voas_es_say.doc. (дата обращения: 07.02.2023).
 11. *Voas D., Doebler S.* Secularization in Europe: Religious Change between and within Birth Cohorts // Religion and Society in Central and Eastern Europe. 2011. No. 4(1).

АДАПТАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНЫХ РЕГИОНОВ АЛТАЯ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А., Барнаул (Россия)

Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ «Изменения климата, ледников и ландшафтов Алтая в прошлом, настоящем и будущем как основа модели адаптации населения внутриконтинентальных горных районов Евразии к климатообусловленным изменениям среды» (2022-2025 гг.)» (руководитель проекта от СПбГУ проф. Д. А. Ганюшкин, от АлтГУ – проф. С.Г. Максимова)

Аннотация. *Одной из целей устойчивого развития Организации Объединенных Наций является цель, связанная с принятием срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями. В публикации представлены результаты социологического исследования, проведенного в Республике Алтай и Алтайском крае в 2022 году (n=407, возраст 22-80 лет), включающие оценку адаптации населения к условиям изменения климата. В исследовании были выявлены особенности защищенности населения перед изменениями климата, уровень адаптации населения к современным условиям жизни, включая новые природно-климатические условия. Сложные климатические условия рискогенной природной среды оказывают существенное влияние на организм человека, их изменения влияют на адаптационные возможности, функции систем жизнеобеспечения, работоспособность.*

Ключевые слова: *изменения климата, горные районы, адаптация, адаптивные стратегии, климатическая политика*

ADAPTATION OF THE POPULATION OF MOUNTAINREGIONS OF ALTAI UNDER CLIMATE CHANGE CONDITIONS

Maximova S.G., Noyanzina O.E., Omelchenko D.A. Barnaul (Russia)

The publication was prepared within the framework of the project «Climate change, glaciers and landscapes of Altai in the past, present and future as the basis of the model of adaptation of the population of intra-continental mountain regions of Eurasia to climate-related changes of the environment» (2022-2025)» (project director from SPbSU prof. D. A. Ganyushkin, from ASU - prof. S.G. Maksimova)

Abstract. *One of the United Nations Sustainable Development Goals is a goal related to taking urgent action to combat climate change and its consequences. The publication presents the results of a sociological study conducted in the Republic of Altai and Altai Krai in 2022 (n=407, age 22-80 years), including an evaluation of the population's adaptation strategies to climate change. The study revealed the features of the population's defensiveness to climate change, the level of adaptation of the population to modern living conditions, including new natural and climatic conditions.*

Complex climatic conditions of the risky natural environment have a significant impact on the human body, their changes affect the adaptive capabilities, functions of life support systems, working capacity.

Keywords: *climate change, mountainous areas, adaptation, adaptive strategies, climate policy*

Одной из целей устойчивого развития Организации Объединенных Наций является цель, связанная с принятием срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями. Сопутствующие задачи связаны с интеграцией мер по борьбе с изменением климата в национальную политику, совершенствовании образования, повышении осведомленности и институционального потенциала в области смягчения последствий изменения климата, адаптационными механизмами (Madureira, Pacheco, Sousa, Monteiro, De'-Donato, De-Sario, 2021; Masson-Delmotte V., Zhai P., Pirani A., Connors S. L., Péan C., Berger, S. ... Zhou B. 2021) [1, 2].

Под адаптацией в широком смысле понимают процесс приспособления природных, антропогенных систем в ответ на существующие или будущие климатические условия, их последствия, которые могут быть как благоприятными, так и неблагоприятными, под способностью к адаптации – потенциал сообщества адаптироваться к последствиям изменения климата. Успешная адаптивная способность содействует устойчивому развитию территории и снижает негативные последствия (Burton, Challenger, Huq, Klein, Yohe, 2018) [3].

Авторы работы «Evidences on adaptive mechanisms for cardiorespiratory diseases regarding extreme temperatures and air pollution: A comparative systematic review» [1], анализируют результаты систематического обзора литературы на тему данных об адаптивных механизмах в отношении уязвимости к экстремальным температурам и загрязнению воздуха с двух точек зрения (географической и эпидемиологической стратегии), выделяя три основные группы механизмов адаптации: планы профилактики общественного здоровья, температурные факторы окружающей среды, изменения в поведении.

Они различают механизмы адаптации по:
времени (опережающие, одновременные, реактивные);
масштабу (местные, региональные, национальные);
форме (технологические, поведенческие, финансовые, институциональные);
намерению (запланированные, незапланированные);
степени необходимых изменений (постепенные, трансформационные).

Авторы приходят к выводу, что изменение климата – это одна из самых серьезных угроз для здоровья человека во всем мире. Уменьшению неблагоприятных последствий изменения климата для здоровья может способствовать реализация мер по адаптации (Madureira, Pacheco, Sousa, Monteiro, De'-Donato, De-Sario, 2021) [1].

Уникальный универсальный механизм приспособления человеческого организма к окружающей среде (определяющийся эпигенетическими изменениями, берущий начало в пренатальном развитии) предлагают чешские ученые, обобщив результаты десятилетнего исследования воздействия окружающей среды, а именно различных уровней загрязнения воздуха и радиации на население, на повреждения и функциональные модификации ДНК человека (Rossnerova, Pokorna, Svecova, Sram, Topinka, Zölzer, Rossner, 2017) [4].

Способность к адаптации тесно связана с социально-экономическим развитием, «является динамичной и находится под влиянием производственной базы общества, включая: природные и созданные человеком основные активы, социальные структуры и права, человеческий капитал и институты, целостное управление, национальный доход, здравоохранение и технологию» (Contribution of Working Groups I, II and III to the Fourth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change). Однако, существуют барьеры, которые ограничивают реализацию и эффективность мер по адаптации. Даже страны с высокой способностью к адаптации остаются уязвимыми к изменению и изменчивости климата и к экстремальным явлениям [5].

Социологическое исследование климатических рисков и адаптивных стратегий населения, проживающих в высокогорных районах Алтая (Алтайском крае и Республике Алтай), проводилось в 2022 году в шести населенных пунктах Кош-Агачского и Улаганского районов Республики Алтай – Кош-Агаче, Новом Бельтире, Курае, Кызыл-Таше, Акташе, Чаган-Узуне и Алтайском и Чарышском районах Алтайского края (n = 407, возраст опрошенных от 22 до 80 лет). Инструментарий исследования включал стандартизированные анкеты, глубинные интервью, наблюдения, полевые записи.

Обратимся к результатам исследования. Нельзя однозначно утверждать о безопасности проживающего на охваченных исследованием территориях населения – социальная безопасность как индивида, так и общества базируется в том числе и на субъективном чувстве защищенности от различных опасностей и угроз. В данном случае чуть менее половины жителей края и республики говорили о

том, что чувствуют себя защищенными от природных и климатических рисков – причем полностью защищенными себя чувствуют только 16,8%, скорее защищенными – 32,7%. Половина опрошенных сообщали о преобладании чувства незащищенности – 24,5% – о том, что они совсем не защищены и 25% – скорее не защищены. При этом обратим внимание, что, как и в случае с жителями рисковенных территорий – такие оценки вполне определенные – всего 1% затруднившихся ответить.

Среди тех, чувствует себя совсем незащищенными, существенно преобладают жители Алтайского края (35,7%) – здесь всего 17,9% чувствуют себя скорее защищенными и совсем нет тех, кто ощущает полную защищенность от природных рисков. В прочих же территориях картина отражает тенденции общей выборки, описанные выше, однако заметим, что в Курае и Кызыл-Таше доля тех, кто совсем незащищен – 29,4%, в Новом Бельтире – 27,5%, а в Кош-Агаче – 17,1%.

Итак, общая картина защищенности повторяет тренды в общей выборке в Кош-Агаче, Новом Бельтире, Чаган-Узуне, Акташе и Чибите, но имеет отличительные характеристики в Курае и Кызыл-Таше и Алтайском крае (рисунок 1).

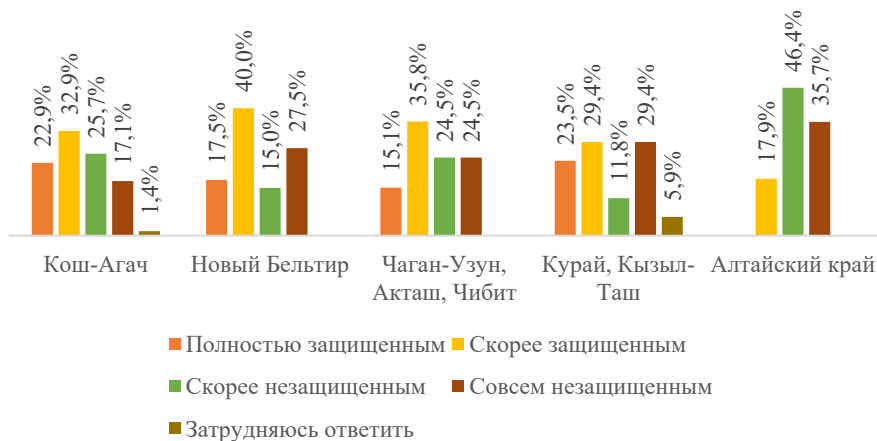

Рисунок 1 – Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы чувствуете себя защищенными от природных угроз и опасностей?», в зависимости от места проживания, %

Население очевидно идентифицирует проблему изменения климата, полагая, что этим вопросом, как и задачей адаптации

населения к новым условиям природной среды, должны заниматься органы власти всех уровней совместно (33,6%), а также органы местного самоуправления (24,3%) и федеральной власти (23,4%). В равной мере это должно стать задачей как научно-исследовательских учреждений (20,1%), так и самих проживающих на этих территориях жителей (20,1%), однако, по мнению жителей республики и края, свою роль должны сыграть и экологические и общественные объединения (19,2%).

Несколько менее существенной в данном процессе видится роль региональных органов власти (16,4%), а 9,8% выбрали вариант другое.

Полученные данные свидетельствуют о расхождении оценок с тенденциями общей выборки в Алтайском крае и Кош-Агаче: в Алтайском крае, по мнению жителей, ведущая роль в решении проблемы климатических изменений и адаптации к ним населения должна принадлежать федеральным органам власти (56,7% выборов), а на второй позиции – роль научных и научно-исследовательских организаций (26,7%). В Кош-Агаче же мнения населения стали более «размазанными» и уделяют внимание всем предложенным институциям, видимо, выступая за консолидированное участие в решение проблем климата и реакций общества на этот процесс.

Оценка степени адаптированности населения к современным условиям жизни и природно-климатическим изменениям показала, что в большинстве случаев (в совокупности 81,5%) такая адаптация происходит – 64% жителей сообщили, что они полностью приспособились, а 17,5% – что они скорее приспособились. Небольшая часть участников исследования рассказали о том, что частично они приспособились к современной жизни, а в чем-то им это не удалось (12,8%), а 5,2% – так и не смогли адаптироваться – 3,8% скорее и 1,4% – совсем не смогли.

В большей степени приспособившимися как к современной жизни, так и к новым природным условиям чаще считают себя жители Курая и Кызыл-Таша (88,2% полностью адаптировались, 5,9% – скорее смогли это сделать), в меньшей степени приспособившимися себя считают жители Алтайского края – 36,7% полностью адаптировались, а 16,7% – скорее адаптировались.

Конечно, полученные данные наглядно демонстрируют различие оценок степени адаптации к современности в Алтайском крае и Республике Алтай в целом (рисунок 2).

Рисунок 2 – Распределение ответов на вопрос: «В какой степени Вам удалось адаптироваться (приспособиться) к современным условиям жизни, включая новые природно-климатические условия?», в зависимости от места проживания, %

Уровень адаптации и приспособленности, равно как и оценка защищенность от разного рода угроз, будет определять уровень социального оптимизма и формировать полюс социальных ожиданий. Обратим внимание, что почти половины участников исследования смотрят в будущее с надеждой и оптимизмом (47,9%), еще пятая часть (21,8%) – с тревогой и неуверенностью, тогда как довольно существенная часть респондентов пессимистично настроены – 16,1% – смотрят в будущее с тревогой и неуверенностью, а 10,9% – со страхом и отчаяньем.

Больше всего оптимистов, как показал предварительный анализ, в Республике Алтай, особенно в селах Чаган-Узун, Акташ и Чибит (54,7%), а также группе из сел Курай и Кызыл-Таш (52,9%). Новый Бельтир же в этом отношении в большей степени демонстрирует модель, характерную для Алтайского края – довольно высокий уровень тревожности (17,5% и 20% соответственно), однако в Новом Бельтире существенно выражена доля тех, кто смотрит в будущее со страхом и отчаяньем (15%), что делает его похожим на Кош-Агач (16,9%).

Таким образом, в исследовании были выявлены особенности защищенности населения перед изменениями климата, уровень адаптации населения к современным условиям жизни, включая новые природно-климатические условия. Сложные климатические условия рискованной природной среды оказывают существенное влияние на организм человека, их изменения влияют на адаптационные возможности, функции систем жизнеобеспечения, работоспособность. Необходимо дальнейшее подробное изучение влияния климатических факторов на функциональное состояние и адаптацию человека.

Литература

1. *Madureira H., Pacheco M., Sousa C., Monteiro A., De'-Donato F., De-Sario M.* Evidences on adaptive mechanisms for cardiorespiratory diseases regarding extreme temperatures and air pollution: A comparative systematic review. *Geography and Sustainability*, 2021, 2 (3), P. 182-194. <https://doi.org/10.1016/j.geosus.2021.08.001>.
2. *Masson-Delmotte V., Zhai P., Pirani A., Connors S. L., Péan C., Berger, S. ... Zhou B.* Climate change 2021: the physical science basis. Contribution of working group I to the sixth assessment report of the intergovernmental panel on climate change, 2, 2021.
3. *Burton I., Challenger B., S. Huq S., Klein R.J.T., Yohe G.* Adaptation to Climate Change in the Context of Sustainable. Development and Equity, 2018, P. 880-912.
4. *Rossnerova A., Pokorna M., Svecova V., Sram R. J., Topinka J., Zölzer F., Rossner P.* Adaptation of the human population to the environment: Current knowledge, clues from Czech cytogenetic and «omics» biomonitoring studies and possible mechanisms. *Mutation Research/Reviews in Mutation Research*, 2017, 773, P. 188-203. <https://doi.org/10.1016/j.mrrev.2017.07.002>
5. Contribution of Working Groups I, II and III to the Fourth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. IPCC. URL: https://archive.ipcc.ch/publications_and_data/ar4/syr/ru/contents.html (дата обращения: 10.05.2023).

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ФЕНОМЕНА МАХАЯНЫ В КЫРГЫЗСТАНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Лазаренко Э.С., Бишкек (Кыргызстан)

Аннотация. *Статья посвящена проблемам, связанным с изучением мировоззрения Махаяны в системе философии и социальной культуры центральноазиатских стран, которое является на настоящий момент не исчерпывающим. А также вопросу культурологии феномена мировоззрения Махаяны на территории Кыргызстана. В статье производится попытка восполнить этот недостаток и использовать цивилизационный подход. Посредством этого подхода рассмотрены махаянские направления, следовавшие из Индии в Центральную Азию, в частности, по территории Кыргызстана, и их цивилизационное отражение в социокультурном пространстве. Автор полагает, что предварительные выводы, основанные на проведенном анализе, могут помочь расширить изучение в области межкультурной и социальной философии в Кыргызстане.*

Ключевые слова: *Мировоззрение Махаяны, Кыргызстан, цивилизационный подход, буддийское мировоззрение, феномен Махаяны, философия*

A CIVILIZATIONAL APPROACH IN THE STUDY OF MAHAYANA PHENOMENON IN KYRGYZSTAN: PROBLEMS AND PROSPECTS

Lazarenko E.S., Bishkek (Kyrgyzstan)

Abstract. *The article is devoted to the problems associated with the study of the Mahayana worldview in the system of philosophy and social culture of Central Asian countries, which at the moment is not exhaustive. And also the question of historiography of the phenomenon of Mahayana worldview in the territory of Kyrgyzstan. The article attempts to make up for this deficiency by using a civilizational approach. The article examines the Mahayana movements that followed from India to Central Asia, particularly through the territory of Kyrgyzstan, and their civilizational reflection in the socio-cultural space. The author believes that the preliminary conclusions based on the analysis can help expand the study in the field of intercultural and social philosophy in Kyrgyzstan.*

Keywords. *Mahayana worldview, Kyrgyzstan, civilizational approach, Buddhist worldview, Mahayana phenomenon, philosophy*

Актуальность. Исследования о феномене Махаяны достаточно обширны и характеризуются разнородностью как в выборе рассматриваемой проблематики, так и по глубине ее разработки. Во множестве книг и статей рассматривается и анализируется учение раннего буддизма. Разнообразна научная литература о

дальневосточной и тибетской махаянской традиции. Феномен Махаяны рассматривается с разных точек зрения: анализируются буддийские религиозные практики, философские аспекты буддизма, социальные отношения в странах буддийского ареала, буддийское искусство и т.д. Несмотря на наличие большого количества работ, посвященных исследованию мировоззрения Махаяны, изучение проблем и вопросов, связанных с его вхождением в систему философии и социальной культуры центральноазиатских стран, не является на настоящий момент исчерпывающими.

Центральную Азию, согласно Британники, мы рассмотрим как современный регион СНГ, включающий в себя Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркмению и Таджикистан [2].

Целью данного исследования является попытка восполнить этот недостаток, используя цивилизационный подход. Мы рассмотрим махаянские направления, следовавшие из Индии в Центральную Азию, в частности, по территории Кыргызстана, и их цивилизационное отражение. Исследуя философское мировоззрение Махаяны, мы постараемся обойти религиозную коннотацию и избегать употребления слова «буддизм». В данном аспекте мы согласны с мнением Е.А. Торчинова, который считает, что слово «буддизм» создано европейцами в XIX в. Сами буддисты называют это философско-религиозное учение просто Дхармой (Законом, Учением) или Буддхадхармой (Учением Будды) [14, с.10].

Махаянские направления. Феномен Махаяны сформировался в Наланде как философская школа Срединного пути – мадхьямика-прасангика, основополагающей идеей которой является попытка постижения изначальной, истинной природы человека и духовно-нравственной трансформации его сознания. Основоположителем традиции Наланды считается Нагарджуна. И.С. Урбанаева утверждает, что «основы Великого Университета Наланда были заложены еще в I в. до н. э, и он является знаменитым центром духовности и учености на протяжении V-XII вв. на территории Азии» [15, с. 189].

Еще один индийский философ, о котором хотелось бы упомянуть, – Чандракирти, наиболее последовательный продолжатель идей Нагарджуны. Имя Чандракирти пользуется широкой известностью среди последователей Махаяны и Ваджраяны всего мира, а особенно в Центральной Азии, где на монастырских религиозно-философских факультетах один из обязательных и главных предметов – философия мадхьямики – изучается по его сочинению «Введение в Мадхьямику» («Мадхьямикаватара»). В своем сочинении Чандракирти представляет анализ центрального махаянского учения о пустоте (санскр. śūnyatā) и

способ ее познания особой интуитивной мудростью (санскр. Prajñā) с точки зрения пустоты субъекта и пустоты объектов. Рассматривается практика совершенств (санскр. rāgamitā) в аспекте пяти путей бодхисаттв. В сочинении рассматриваются три основы махаянской практики: отречение, бодхичитта и ум, постигший пустоту [16, с. 33].

Полезно обратить внимание на тот факт, что развитие идеалистической картины в Индии было в некоторой степени сходно с таковым же в Европе, где кантовская критическая философия проложила путь идеализму Гегеля. Сходным образом в Индии критическая философия Нагарджуны, ставящая под сомнение все понятия и теории, посредством которых человек пытается осмыслить реальность и проложить путь к нирване, сформировала почву, на которой смогла развиваться философско-идеалистическая школа Йогачары.

Школа Йогачара была основана приблизительно в 400 г. н. э. двумя братьями, Асангой (Asaṅga) и Васубандху (Vasubhandu), уроженцами Северо-Западной Индии. Эдвард Конзе в своей книге «Буддизм: сущность и развитие» относит деятельность Асанги к 320 г. н. э. Асанга и Васубандху систематизировали теорию только-ума (*в настоящее время принято называть эту теорию «сознание-только»*), а также разработали три других учения: о сознании-вместилище (санскр. ālayavijñāna – аккумулярованное сознание), о трех видах собственного существования и о трех телах Будды.

Йогачара наиболее хорошо изучена как в российской науке (благодаря трудам Ф.И. Щербатского), так и в европейской. Поздняя Йогачара полностью господствовала в монастырских университетских центрах Индии VIII–XII вв., откуда она и попала в Тибет, где стала основой монастырского образования, именно с нее (санскр. rnamñā — дисциплина, посвященная логике, учению об источниках познания и критериях правильного знания) «начиналось философское образование в Стране снегов» [14, с. 170].

Эти два направления буддийского мировоззрения Махаяны в разное время гибко адаптируются к менталитету населения в Центральной Азии и находят свое отражение в бактрийской, согдийской и тюркской культурах (см. Рисунок 1). Упоминания о социально-философском и культурологическом взаимовлиянии тенгрианских, тибетских и индийских идей на территории Кыргызстана встречаются в трудах основателя историко-философской науки Академика А.А. Алтымышбаева «Очерк истории развития общественно-политической и философской мысли в дореволюционной Киргизии» [4]. Идеи взаимодействия культур представлены в трудах

российского востоковеда-тюрколога С.Г. Кляшторного. В его трудах об Умай, древнетюркской тенгрианской богине плодородия и покровительнице новорожденных, олицетворяющей женское начало, сказано, что «в древнейтюркских текстах X в. она названа *edgilliig Umaqatun* «благодетельная Умай-царица» и включена в буддийско-тюркский пантеон»[9, с. 133].

Казахстанский ученый С.Ш. Аязбекова в своей работе «Тенгрианская и буддийская космология: опыт сопоставительного анализа» утверждает, что истоки буддизма могут восходить не только к религиозным представлениям, распространенным в самой Индии, но и к воззрениям кочевых народов [5, с. 1364].

Отечественный философ Ш.Б. Акмолдоева в своем труде «Духовный мир древних кыргызов» по материалам эпоса «Манас» обосновывает основные положения концепции общности происхождения человеческих культур, рассматриваются древнеарийские корни кыргызов. Автор утверждает, что культурологическое, историческое, философское, лингвистическое, мифологическое и др., значение эпоса велико не только для древних кыргызов, но и для всех тюркских народов [3, с. 178-190]. В книге автора рассмотрены и изучены моральные ценности, представленные в эпосе «Манас», такие как здоровый образ жизни, сострадание, трудолюбие, доблесть, ответственность, скромность, сдержанность, правдивость и мудрость. На наш взгляд, эти ценности созвучны шести парамитам (санскр. *pāramitā* – совершенства [12]) бодхисаттв, тех кто выбрал путь Махаяны – щедрость, нравственность, сдержанность, усердие, концентрация и мудрость. Синтез нравственных ценностей актуален при рассмотрении общезначимых глобальных проблем: разновекторность в развитии общечеловеческой цивилизации, разрыв между экономикой и этикой, нравственное оздоровление общества, расширение границ философии и науки.

Немаловажную роль в изучении истории играет археологический аспект. А.Н. Бернштам был ученым-первопроходцем на территории Кыргызстана. В работе Б.Я. Ставиского раскрыта роль А.Н. Бернштама в целенаправленном исследовании буддийских памятников Кыргызстана, которое начато после семиреченской археологической экспедиции 1938–1940 гг. и экспедиции археологического надзора за строительством Большого Чуйского канала 1941 г. По мнению Б.Я. Ставиского «сам факт начала исследования и выделения буддийских памятников имеет большое значение для науки» [13, с. 6]. Древнейшие материальные буддийские свидетельства на территории современного Кыргызстана зафиксированы эпохой средневековья,

представлены известным археологом В.А. Кольченко в главе «Буддизм и другие индийские религии на территории Кыргызстана», в которой говорится, что памятники средневекового буддизма достоверно зафиксированы только в Чуйской долине и в Прииссыккулье [11, с. 368]. Еще в XIX веке археологами был найден буддийский храм – городище Красная речка. Детально его стали изучать в советские годы, а в 60-е здесь нашли 12-метровую статую Будды и увезли на реставрацию в Эрмитаж.

Археологические и исторические данные требуют основательного анализа с применением философских методов исследования, таких как межкультурная философия, историография, герменевтика. Здесь видно, что буддийское мировоззрение Махаяны пенетрировалось в Центральную Азию до I века до н.э., а дальше в Китай в I веке нашей эры, в Корею в IV веке и в Японию в VI веке (рис. 1).

Таблица 1

Возникновение феномена Махаяны на территории Центральной Азии
(данные извлечены из книги А. Берзина [6])

Период	Названия географических областей наших дней	Исторические названия этих областей
I в. до н.э.	Долина реки Амударьи к северу от горной системы Гиндукуш, включая афганскую часть Туркестана к югу от реки Амударьи и юг Западного Туркестана (юго-восточный Узбекистан и южный Таджикистан) к северу от нее.	Бактрия, которая располагалась в долине реки Оксус. Ее столицей был Балх, расположенный рядом с современным Мазари-Шарифом.
I в. до н.э.	Северо-восточный Иран и юг Туркмении.	Парфия, более позднее название которой – Хорасан, со столицей в Мерве. Иногда ее часть – юг Туркменистана – называли Маргианой
I в. н.э.	Область между Амударьей и Сырдарьей, а именно центральная часть Западного Туркестана	Согдиана, более позднее название которой – Мавераннахр, располагалась между

Период	Названия географических областей наших дней	Исторические названия этих областей
	(восточный Узбекистан и западный Таджикистан).	реками Оксус и Яксарт. Ее главные города, приблизительно расположенные с запада на восток: Бухара, Самарканд, Ташкент и Фергана.
I-VII в. н.э. (даты уточняются)	Область к северу от Сырдарьи, а именно север Западного Туркестана (Кыргызстан и восточный Казахстан).	Нет специального названия, но главным городом этой местности в VII в.н.э. был Суяб, располагавшийся к югу-западу от озера Иссык-Куль.
XVII в.н.э.	Северная часть провинции Синьцзан, между горными системами Тянь-Шань и Алтай.	Джунгария, главным городом которой в восточной части прохода из Турфана через Тянь-Шань был Бешбалык, располагавшийся рядом с современным Урумчи.

Таким образом, предлагаем предварительные выводы, основанные на проведенном анализе, требующие погружения в изучение цивилизационного и историографического феномена Махаяны в Кыргызстане.

Во-первых, обоснованным фактором является актуальность изучения феномена Махаяны в социокультурном пространстве Кыргызстана, учитывая созвучие буддийских этических принципов с нравственными идеями обществ, проживающих в регионе Кыргызстана как в древности, так и в современности.

Во-вторых, изучение синтеза тенгрианских и махаянских нравственных ценностей актуален при рассмотрении общезначимых глобальных проблем: разновекторность в развитии общечеловеческой цивилизации, разрыв между экономикой и этикой, нравственное оздоровление общества, расширение границ философии и науки.

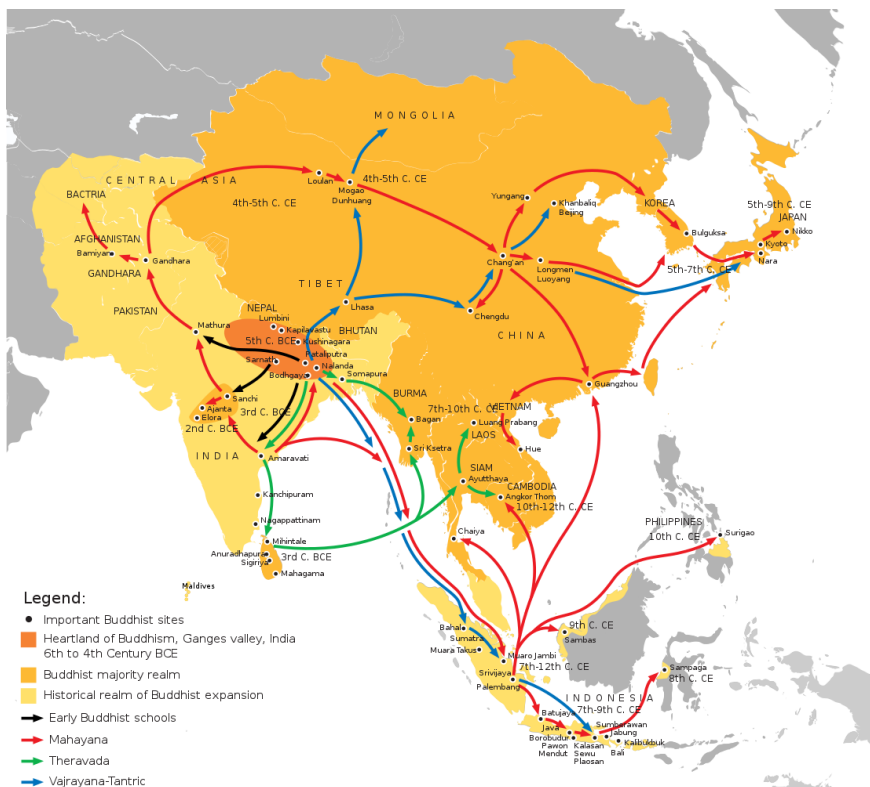

Рисунок 1 – Распространение буддизма, зародившегося в Индии в VI веке до н.э., на остальную часть Азии до настоящего времени [1].

И, наконец, универсальная-плюралистическая часть цивилизационного подхода, рассматривает историю человечества как историю различных, самостоятельных образований, имеющих свою собственную историю и культуру. Преимущество данного подхода заключается в том, что его принципы применимы к разнообразию культур в истории Кыргызстана. Важнейшее его достоинство — представление об истории как о многолинейном, многовариантном процессе. Эта теория в значительной мере учитывает и может включать методики других школ и направлений, например археологию и историографию.

В заключение заметим, что в настоящее время мировоззрение Махаяны занимает важное место в социокультурной жизни

современного Кыргызстана, заметно преодолевая границы мировоззренческого нерелигиозного распространения. Популярность философии Махаяны обусловлена рядом причин, среди которых близость некоторых ее принципов современной философской мысли, а также открытость к межкультурному диалогу, гуманизм, этика ненасилия и идеи всеобщей ответственности. Потому, для нашего изучения этого вопроса сейчас раскрывается лишь самая верхушка айсберга.

Литература

1. *Gunawan Kartapranata*. Expansion of Buddhism, originated from India in VI century BCE to the rest of Asia until present. [Электронный ресурс] – Режим доступа: Creative Commons Attribution-Share Alike 3.0 Unported (дата обращения: 07.05.2023).
2. Central Asia URL: <https://www.britannica.com/place/Central-Asia> (Дата обращения: 13.02.2023)
3. *Акмолдоева Ш.Б.* Духовный мир древних кыргызов (по материалам эпоса "Манас"). 2-е изд-е, перераб. и доп. Б.: «Турар», 2020. 256с.
4. *Алтымышбаев А.А.* Очерк истории развития общественно-политической и философской мысли в дореволюционной Киргизии. Фрунзе, 1985.
5. *Аязбекова С.Ш.* Тенгрианская и буддийская космологии: опыт сопоставительного анализа // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. 2018. Т. 160, кн. 6. С. 1364-1365.
6. *Берзин А.* Взаимодействие буддизма и ислама: Омейядский халифат. URL: <http://studybuddhism.com/ru/prodvinutyuroven/istoriya-i-kultura/buddizm-i-islam-prodvinutyuroven/vzaimodeystvie-buddizma-i-islama-omeyyadskiy-halifat> (дата обращения: 07.05.2023).
7. *Жантелиева Н.Г.* Научная деятельность А.Н. Бернштама в Кыргызстане в постсоветской историографии/Н.Г. Жантелиева, М.Б. Асипбаева, Г.Ж. Чодолдоева // Международный журнал экспериментального образования. – 2021. № 3. С. 81-85
8. *Конзе Э.* Буддизм: сущность и развитие. СПб.: Наука, 2003. 288 с.
9. *Кляшторный С.Г.* Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник 1977. Издательство

- «Наука» главная редакция восточной литературы. М.: 1981. С. 117-138.
10. Колосова И.В. Буддизм в Центральной Азии и России: история и современность // Проблемы постсоветского пространства. М., 2020. № 7(2). С. 237-249.
 11. Кольченко В.А. Религии Центральной Азии // Том III. Буддизм. Самарканд: МИЦАИ, 2019.
 12. Новая философская энциклопедия. Парамита. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHad66bc5e4897ad23e87aad> (дата обращения: 07.05.2023).
 13. Ставиский Б.Я. Судьбы буддизма в Средней Азии. М.: «Восточная литература», 1998. 216 с.
 14. Торчинов Е.А. Философия буддизма Махаяны. СПб. «Петербургское Востоковедение», 2002. Т 61 («Мир Востока», XII). 320 с.
 15. Урбанаева И. С. Становление тибетской и китайской махаяны: в контексте проблемы аутентичного буддизма. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 364 с.
 16. Чандракирти. Введение в Мадхьямику / Под общей редакцией Монтлевича В, М, СПб.: Евразия, 2004. 464 с.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ: СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ В НОВОЙ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Марков А.А., Гаврилова А.С., Санкт- Петербург (Россия)

Аннотация. В настоящее время интеграция является значимой тенденцией развития глобального общества. Международная экономическая интеграция – это объективный процесс построения устойчивых экономических связей между различными странами, имеющими одинаковый уровень развития. По данным Всемирной торговой организации, сегодня существуют более 30 интеграционных объединений, одним из наиболее интересных для изучения является Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Сегодня система международных отношений переживает коренные трансформации своей конфигурации ввиду беспрецедентных геополитических сдвигов. Осуществляется переход от сравнительно устойчивого мира с одним гегемоном к новому глобальному политическому ландшафту многополярности, где значительную роль будут играть не только отдельные государства, но и их стратегические объединения. В данной статье представлен анализ ключевых факторов социально – экономического развития как всего

Евразийского экономического союза, так и его отдельных государств-участников.

Ключевые слова: международная экономическая система, международный союз, Евразийский экономический союз, развитие глобальной экономической системы, мировая экономика

THE EURASIAN ECONOMIC UNION: THE STRATEGY OF THE DEVELOPMENT IN THE NEW GEO-ECONOMIC REALITY

Markov A.A., Gavrilova A.S., Санкт-Петербург (Россия)

Abstract. Integration is a significant trend in the development of global society. International economic integration is an objective process of building sustainable economic ties between different countries with the same level of development. According to the World Trade Organization, today there are more than 30 integration associations, one of the most interesting to study is the Eurasian Economic Union (EAEU). Today, the system of international relations is undergoing fundamental transformations of its configuration due to unprecedented geopolitical shifts. The transition is underway from a relatively stable world with one hegemon to a new global political landscape of multipolarity, where not only individual states, but also their strategic associations will play a significant role. This article presents an analysis of the key factors of socio-economic development of both the entire Eurasian Economic Union and its individual member states.

Keywords: *the international economic system, the integrational union, the Eurasian Economic Union, the development of the global economic system, the world economy*

На сегодняшний день ЕАЭС – это молодая, но уже динамично развивающаяся организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью. Странами- участниками являются: Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия.

Путь евразийской интеграции имеет непростую историю ввиду множества препятствующих факторов исторического, политического и экономического характера. В условиях создания новой геополитической и макроэкономической реальности наблюдается стремительное изменение положения ЕАЭС в современном мире. Для оценки положения данного экономического субъекта в современной системе мирового хозяйства применяются методы статистического наблюдения за изменением показателей экономических индикаторов за 2022 год, которые заключаются в планомерном сборе и изучении информации, а также метод сводки материалов статистического

наблюдения, в результате которого получается комплекс статистических результатов об экономическом состоянии ЕАЭС в условиях формирования новой геоэкономической реальности.

В последние годы нового десятилетия, характеризующиеся снижением уровня мировой экономической активности субъектов глобальной системы из-за факторов различного характера, Евразийский Союз, несмотря на свой небольшой масштаб интеграции и слабость некоторых участников, продемонстрировал пример устойчивости, либо сохранив показатели социально-экономических параметров практически на прежнем уровне, либо увеличив их. По данным Евразийской экономической комиссии, ВВП ЕАЭС составил 120,8 трлн российских рублей и снизился на 1,2% по сравнению с 2021 годом, но увеличился на 3,1% по сравнению с аналогичным периодом 2020 года.

Несмотря на экономический спад, обусловленный новой вспышкой коронавирусной инфекции, риск мирового кризиса, значительные изменения на политической арене, в частности, на жесточайшие санкции в отношении России, которые отразились и на остальных членах ЕАЭС, в январе – декабре 2022 года отмечен рост промышленного производства. Согласно данным 2022 года, наибольшая доля вложений в промышленную инфраструктуру также приходится на Российскую Федерацию (более 80%). Совокупный товарооборот Евразийского экономического союза продолжает сохранять отметку на уровне 2% от мирового, что значительно ниже, чем совокупный товарооборот других интеграционных объединений.

Тем не менее, несмотря на невысокую долю в мировой торговле, есть ряд позиций, по которым ЕАЭС занимает лидирующие места: основную долю экспорта стран-членов ЕАЭС составляют продукты топливно-энергетического комплекса – 75%, и 25% составляет продукция промышленного производства, АПК.

Евразийский экономический союз продолжает оказывать значительное влияние другие сферы мировой экономической системы: ЕАЭС занимает 1 место в мире среди других интеграционных объединений по добыче нефти (14,2% от общемирового уровня), 2 место по добыче природного газа, 6 место по добыче угля, 4 место по выработке электроэнергии, что позволяет объединению оказывать значительное влияние на мировой рынок энергоносителей.

Из-за разрыва прежних мировых сетей экономических связей и создания новых объемов внешней торговли товарами Евразийского экономического союза со странами вне ЕАЭС за январь 2022 года составил 76,3 млрд долларов США, в том числе экспорт – 50,8 млрд

долларов США, импорт – 25,5 млрд долларов США. Доля взаимной торговли также увеличилась более чем 13%, составив более 74 млрд долларов США, что говорит об усилении положительного эффекта экономической интеграции участников ЕАЭС, развитии торгово-экономических связей между странами и постепенном создании стабильного внутреннего рынка.

Основные статьи экспорта государств-членов ЕАЭС по укрупнённым товарным группам остаются прежними: продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё, минеральные продукты, продукция химической промышленности, текстиль, текстильная продукция, обувь.

В производстве сельскохозяйственной продукции доля ЕАЭС в мире достаточно значительна. В январе – декабре 2022 года производство сельскохозяйственной продукции в хозяйствах всех категорий в ЕАЭС увеличилось по сравнению с январем – декабрем 2021 года на 9,4%. что демонстрирует самообеспеченность государств-членов основными товарами и свидетельствует о высоком уровне продовольственной безопасности членов экономического блока в условиях санкционного давления.

На основе статистического анализа основных экономических параметров было выявлено, что на сегодняшний день Российская Федерация является ядром евразийской интеграции – на её долю приходится более 80% всего экономического потенциала ЕАЭС. Наблюдаемый рост основных экономических индикаторов подчёркивает поступательное экономическое развитие стран Союза и положительный эффект от взаимодействия, а также создаёт предпосылки для наращивания потенциала данного интеграционного объединения и его дальнейшего развития в качестве влиятельного субъекта мирового хозяйства (Железняк, 2015). Однако большая часть государств – членов ЕАЭС находится в фазе роста экономической активности, что тормозит развитие экономического блока как единого целого. Как показывает многолетний опыт Европейского союза и других интеграционных группировок, ориентация только на экономическую составляющую ограничивает потенциал интеграционного взаимодействия. На сегодняшний день продолжают существовать проблемы, решение значительной части которых лежит за пределами непосредственно экономической плоскости.

Одной из главных целей любого интеграционного проекта является обеспечение стабильного социально-экономического развития его участников путем создания равных условий для их доступа к ресурсам, инвестициям и технологиям, а также гармонизации

управленческих и правовых механизмов, направленных на регулирование данных аспектов. В связи с этим наблюдаются 2 тенденции развития Евразийского экономического союза:

1. Расширение ЕАЭС за счёт включения в состав объединения новых экономически сильных государств.

Новая геополитическая реальность меняет конфигурацию взаимодействия Евразийского союза с внешним миром, перестраивая логику международного взаимодействия ЕАЭС с другими странами и вычеркивая из неё Коллективный Запад. В связи с этим перед Евразийским Союзом стоит новая задача – проработать «внешний контур» евразийской интеграции, переориентировав свою стратегию развития и установив связи различного характера с новыми партнёрами для снижения негативных явлений санкций Запада. Временное закрытие европейского вектора сотрудничества послужило толчком к развёртыванию сети политико-экономических контактов в Азии. Уже сегодня свой интерес в тесном сотрудничестве в форме свободной экономической зоны выказали более 40 стран мира, среди которых, как и развивающиеся государства, так и страны – лидеры по темпам экономического развития.

2. Углубление интеграционных связей между странами – участницами ЕАЭС.

В условиях активного проявления дестабилизирующих процессов, несущих риски для долгосрочных перспектив устойчивого экономического развития государств-членов, а также для укрепления позиций в мировой экономической системе Евразийскому союзу важно не допускать чрезмерного влияния извне путём углубления межнституционального сотрудничества в рамках блока.

Введение двусторонних санкций как Европой, так и Российской Федерацией ярко проявило проблему синхронизации национальных и наднациональных интересов и создало неоднозначную ситуацию для её партнёров по Евразийскому Союзу. Каждое государство-участник, помимо обязательств по интеграционному объединению, имеет собственную национальную стратегию развития, без учёта которой увеличиваются риски начала процесса постепенного приостановления *сотрудничества между государствами объединения*. В связи с этим выделяются следующие меры, осуществление которых позволит данному экономическому блоку эффективно использовать свой потенциал, а также повысить конкурентоспособность и достичь большей независимости от внешних факторов:

1. Сохранение национального суверенитета при решении ключевых экономических и политических вопросов для минимизации

политически-идеологических или националистически-социальных несовпадений.

2. Расширение круга вопросов сотрудничества, в частности в области образования, здравоохранения, туризма, спорта.

3. Проработка вопроса о создании региональных финансово-кредитных организаций и других наднациональных институтов для обеспечения эффективной деятельности организации.

4. Увеличение объёмов торговых потоков между странами ЕАЭС, совместное развитие импортозамещающих отраслей развитие производственной инфраструктуры стран-участниц экономического блока.

5. Реализации совместных межгосударственных программ и проектов, направленных на углубление сотрудничества, продвижения идей и целей союза на мировой политической арене.

Таким образом, Евразийский экономический союз – это масштабный интеграционный проект с достаточно мощным экономическим потенциалом. В настоящее время у данного экономического блока имеются все шансы перейти от инерционного интеграционного типа развития к прогрессивному и стать «центром силы» на Евразийском континенте. В свою очередь это требует концептуальной смены подходов к формированию и реализации единой политики, которая позволит объединению выйти на новый качественный уровень функционирования, а также создать равноправное многомерное экономическое пространство.

Литература

1. *Астахова В.Ю.* Перспектива инвестиционного сотрудничества ЕАЭС. Взаимные и прямые инвестиции в ЕАЭС // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. №12-1.
2. *Дробот Е.В.* Исследование экономического потенциала Евразийского экономического союза: факторы конкурентоспособности и угрозы экономической безопасности // Российское предпринимательство. 2016. Том 17. № 12. С. 1407–1428.
3. *Стародубцева Е.Б.* Взаимодействие ЕС и ЕАЭС: проблемы и перспективы развития // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. №2-2.
4. *Точин А.В., Алиев Т.М., Чимирус Е.С., Безруков А.Э., Кузьмичев К.С., Пыжиков Н.С., Стоянова Е.В.* Развитие ЕАЭС 2022+: стратегические задачи и требования времени: доклад. 2023. № 84. 78 с.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ

Матвеевко М.В., Владивосток (Россия)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда ДВФУ и Дальневосточного федерального университета (проект № 22-08-06-006. Философия права: соотношение преступления и наказания как проблема социальной справедливости и эффективности в эпоху глобализации)

Аннотация: В статье приводится краткий анализ отношения к смертной казни как к высшей мере наказания с позиции крупнейших мировых религий: христианства, иудаизма, ислама и буддизма. Также настоящей работой представлен ряд преступлений, за которые, с точки зрения вышеобозначенных учений, полагалась смертная казнь.
Ключевые слова: наказание, преступление, религия, смертная казнь

DEATH PENALTY AND RELIGIOUS VIEWPOINT

Matveenko M.V., Vladivostok (Russia)

Abstract: The article suggests a brief overview of attitudes towards death penalty as a maximum punishment from the most influential religions point of view such as Christianity, Judaism, Islam, and Buddhism. The present work also features an example of crimes for committing which according to the above-mentioned religious doctrines a sentence of death would be imposed.
Keywords: crime, punishment, religion, death penalty

В настоящий момент точно неизвестно, какая мера наказания была применена по отношению к лицу, совершившему первое за мировую историю преступление. Несомненно только одно: следствием совершенного преступления всегда являлось наказание. Наказания могли варьироваться от публичного осуждения до чудовищных истязаний и сложных казней. По мере развития общества менялось и его отношение к наказанию. Лишение жизни через казнь является старейшим и самым строгим наказанием, предусмотренным уголовным законодательством многих стран мира.

В соответствии с действующим Уголовным кодексом Российской Федерации смертная казнь как исключительная мера наказания может быть применена только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь человека [8].

Согласно Конституции, Российская Федерация является светским государством, где отсутствует обязательная религия [2]. Однако, как подтверждает проведенный Всероссийским центром изучения общественного мнения опрос, большая часть населения,

проживающего на территории России, исповедует христианство в форме православия [1].

На наш взгляд, религиозное правосознание и вероучение в вопросах назначения наказания играли и продолжают играть большую роль. В этой связи необходимо кратко рассмотреть отношение к смертной казни с точки зрения основных религий: христианства, иудаизма, ислама и буддизма.

Ветхозаветная традиция христианской религии предусматривает следующие виды наказания: смертную казнь, изгнание, ограничение свободы, телесное наказание, денежную пеню или предписание принести жертву на религиозные цели [5]. Насколько нам известно, необходимость отмены крайней меры наказания – смертной казни – не представлена в Священном Писании Нового Завета, ни в каком-либо другом религиозном источнике. Однако нравственное влияние христианства культивировало в человеческом сознании отрицательное отношение к смертной казни. Христианство как творение человека (Богочеловека – Иисуса Христа) и для человека существует в связи с человеком и во имя его спасения. Эта идея заключена во второй заповеди любви: «Возлюби ближнего своего как самого себя» (Мф. 22, 37) [10, с. 17]. Введение российским правом в 1993 году действующей Конституции признало человека, его свободы и права главной социальной ценностью. Другими словами, с принятием Конституции 1993 года, право измеряется интересами человека, как это происходит в христианском вероучении. Отныне все, что делается вопреки человеку, должно признаваться нелегитимным, или, по-христиански, греховным [10, с. 17].

Смертная казнь в исламе предусмотрена за преднамеренное убийство, демонстративную супружескую измену и явную, откровенную клевету на ислам, грозящую подорвать его основные устои, если клевета исходит от человека, который ранее был верующим мусульманином [9]. За убийство ислам руководствуется справедливым принципом – жизнь за жизнь; смертная казнь выносится только по приговору законного суда. Приговор предваряется тщательной проверкой умственного состояния истца, его мотивов и ряда других факторов. За родственниками убитого, однако, остается право простить убийцу или принять денежную компенсацию. В случае смертной казни за клевету на ислам вина преступника состоит в предательстве и сознательном оскорблении уммы, мусульманской общины [9]. В таком случае он [преступник] подлежит смертной казни, если искренне не раскается.

В кодексе Моисея не делается различия между религиозным и светским законом. По утверждению П. Джонсона, вследствие этого нарушение законов Торы оскорбляют Бога. В этой связи человек не имеет ни власти, ни права помиловать преступника: «компенсации требует и Бог, а это сопряжено с суровым наказанием» [6, с. 173]. Распространенными видами лишения преступников жизни были забивание их камнями и с помощью меча. Суды могли приговорить их к казни сожжением. Казнь удушением должна была применяться в тех случаях, когда Тора не указывала ее вид [3, с. 50]. Смертная казнь предусмотрена за убийство и другие тяжкие преступления. Среди них: лжесвидетельство, клевета на ближних, кража людей с целью обращения в рабство. Тора приводит два аргумента в пользу смертной казни. Во-первых, смертная казнь считается мерой профилактики. Во-вторых, применение данной меры наказания мотивировано стремлением «искоренить зло», так как Танах предписывает верующим ненавидеть зло и уничтожать тех, кто совершает особенно бесчеловечные поступки [7].

Согласно этическому кодексу поведения, первой из пяти заповедей буддизма является запрет как убийства, так и всякого насилия; она же является краеугольным камнем буддийской этики [4]. Однако, вопреки тому, что лишение человека жизни в буддизме считается предосудительным, ряд стран практикуют смертную казнь в качестве уголовного наказания. В Китае, например, смертная казнь предусмотрена за совершение наиболее тяжких преступлений, к числу которых относится предумышленное убийство. При этом к лицам, не достигшим к моменту совершения преступления возраста восемнадцати лет, и женщинам, находящимся во время судебного разбирательства в состоянии беременности, смертная казнь не применяется [4]. Также смертная казнь как высшая мера наказания назначается за совершение тяжчайших преступлений в Республике Корея, Японии, Корейской Народной Республике и ряде других государств.

Религия как одна из первых и наиболее важных форм приспособления человека к окружающей действительности оказывает огромное влияние как на нравственную сторону жизни, так и на развитие правовых систем различных государств. В течение многих веков право и религия развивались в гармоничном слиянии друг с другом. Как право, так и религия выступают стимулами добродетельного и правомерного поведения граждан. Так как правовые нормы способны регулировать только поведение человека, а не духовный аспект жизни личности, они [нормы права] не способны

заменить устоявшийся религиозный эталон поведения в обществе. В этой связи правовые предписания в вопросах уголовного наказания – смертной казни в частности – должны быть согласованы с господствующей в национальном сознании религиозной системой.

Литература

1. Аналитический обзор Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021> (дата обращения: 03.02.2023).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 05.02.2023).
3. *Каценко С.Г., Таран П.Е.* Суд и судопроизводство в древнееврейском государстве // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2015. № 1. С. 45–53.
4. Мировые религии о преступлении и наказании / С. В. Бабкина, А. И. Бойко, О. А. Мозговой [и др.]. М.: РИПОЛ-Классик, 2013. 608 с.
5. Основы социальной концепции русской православной церкви : Материалы Архиерейского Собора Русской Православной Церкви. М., 13–16 августа 2000 г. 88 с.
6. *Пекарская И.И.* Заповеди Торы как ценность иудаизма // Вестник КГУ. 2009. № 1. С. 172–176.
7. *Телушкин И.* Еврейская мудрость: этические, духовные и исторические уроки по трудам великих мудрецов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. 814 с.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 05.02.2023).
9. *Ханников А.А.* Ислам. Мн.: Книжный Дом, 2009. 384 с.
10. Христианское учение о преступлении и наказании / под ред. К. В. Харабета, А. А. Толкаченко. М.: Издательство НОРМА, 2009. 336 с.

ТЕХНИКИ И МЕТОДЫ УЛУЧШЕНИЯ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Моисеева А.Ю., Владивосток (Россия)

Аннотация: В статье представлен обзор коммуникативных техник, способствующих улучшению межличностной коммуникации. Рассматриваются основные особенности межличностной коммуникации. Выделяются основные методы, используемые для эффективного межличностного взаимодействия.

Ключевые слова: межличностная коммуникация, коммуникативные техники, метод активного слушания

TECHNIQUES AND METHODS FOR IMPROVING INTERPERSONAL COMMUNICATION

Moiseeva. A.Y., Vladivostok (Россия)

Abstract: The article provides a review of communicative techniques that contribute to improving interpersonal communication. The main features of interpersonal communication are discussed. The key methods used for effective interpersonal interaction are highlighted.

Keywords: interpersonal communication, communicative techniques, active listening method

Коммуникация является необходимой частью жизнедеятельности человека, посредством которой осуществляется взаимодействие между людьми, устанавливая социальные связи и способствуя развитию взаимоотношений между членами общества. Вследствие этого коммуникация считается важным условием существования общества, поскольку она пронизывает каждую сферу общественной жизни.

Наибольший интерес представляет исследование в области межличностного взаимодействия, а именно особенностей коммуникативного процесса, способствующих нахождению оптимальных путей развития межличностных отношений и минимизации конфликтных столкновений между субъектами интеракции. Как указывает Л.Р. Комалова, межличностная коммуникация является базовым типом коммуникации в системе «человек – человек». На уровне межличностной коммуникации становится возможным проявить и локализовать конфликтный потенциал субъекта с наименьшим ущербом для него самого и для окружающих [1, с. 63].

Отечественные авторы определяют понятие «межличностная коммуникация» как взаимодействие двух или более людей,

посредством которого происходит обмен информацией [1, 3]. Однако понятие «межличностная коммуникация» содержит в себе широкой смысл и поэтому требует более детализированного описания. Межличностная коммуникация, по мнению Ж. В. Николаевой, означает процесс обмена сообщениями и их интерпретацию двумя или несколькими индивидами, вступившими в контакт друг с другом [2, с. 152]. Таким образом на основании данного определения можно сделать вывод о том, что основными особенностями межличностной коммуникации является непрерывный процесс обмена информацией, а также осмысление и дальнейшее истолкование поступившего сообщения каждым из участников речевого взаимодействия.

Стоит отметить, что межличностная коммуникация как специфичный тип связи имеет ряд других особенностей. Г.Г. Петрова указывает на характерные черты межличностной коммуникации, которые отличают ее от других видов взаимодействия между людьми. Первой характерной отличительной чертой является неотвратимость и неизбежность межличностной коммуникации. Человек, живя в обществе, не может существовать без общения. Общение в свою очередь выступает в качестве основного вида деятельности индивида и способствует его социализации, накоплению и развитию коммуникативных навыков на бытовом и профессиональном уровне. Необратимость межличностной коммуникации характеризуется невозможностью уничтожить сказанное. Следующей специфической чертой межличностной коммуникации является ее многоканальность. Как отмечает автор, именно при межличностной коммуникации возможно использование нескольких каналов передачи и восприятия информации [3].

Степень эффективности межличностной коммуникации, по мнению Г.Г. Петровой, определяется по результатам актуализации двух основных социально-значимых функций – взаимодействия и воздействия [3]. Автор также отмечает, что эти результаты зависят от трех основных условий, определяющих характер речевого общения: а) типа коммуникативных личностей, б) восприятия смысловой и оценочной информации и в) целенаправленного воздействия друг на друга [3].

Следовательно, для успешности коммуникативного процесса необходимо знать и использовать определённые тактики коммуникативного смягчения в разговорной речи. С.С. Тахтарова описывает коммуникативное смягчение как коммуникативную категорию, содержанием которой являются стратегии

интенционального смягчения, служащие оптимизации речевого контакта.

К основным тактикам коммуникативного смягчения относятся фасциативная тактика, основной задачей которой является привести собеседника в состояние, благоприятное для восприятия и изменения поведения. Данная тактика считается особым видом обращения для эмоциональной надстройки диалога. В межличностном взаимодействии для улучшения коммуникации можно воспользоваться ксеноденотативной тактикой, помогающей смягчить директивную форму обращения к адресату и оценочную лексику. Отличительной характеристикой данной тактики является употребление уменьшительных-ласкательных форм слов в разговорной речи. Особо следует отметить, что ксеноденотативная тактика особенно эффективна, когда интерперсональная ситуация между собеседниками возрастает и чувствуется определенная напряженность. Следующей немаловажной тактикой смягчения считается использование аппроксимативной тактики, которая позволяет снижать точность количественной характеристики предмета речи или времени. Данная тактика часто встречается при директивном смягчении в дружеском общении.

Кроме вышеуказанных тактик, рассматриваемых С.С. Тахтаровой, существует ряд коммуникативных техник, способствующие продуктивному выстраиванию межличностной коммуникации. Как утверждает Л.Р. Комалова, под «коммуникативной техникой» понимается комплексная дискурсивная единица, состоящая из набора речевых тактик и приемов, объединенных общей интенцией адресанта и направленных на активизацию определенного коммуникативного поведения адресанта с последующим «дооформлением» проявившихся реакций в плане содержания и в плане выражения [1, с. 47].

Основными коммуникативными техниками, способствующими урегулированию конфликтного взаимодействия и повышению уровня межличностной коммуникации, являются драматические, театральные и аналитические.

По мнению Л.Р. Комаловой, позитивные цели драматических коммуникативных техник заключаются в том, что они позволяют «сбросить» психологическое напряжение в коммуникации, «открыться» партнеру по общению. К театральным коммуникативным техникам автор относит речевую агрессию, крик, плач и т. д. Следует отметить, что, несмотря на деструктивный окрас данной коммуникативной техники, она все же способствует улучшению межличностной коммуникации, поскольку ее целью является развитие

стрессоустойчивости человека. Как отмечает Л.Р. Комалова, аналитические коммуникативные техники в конфликтной коммуникации представляют один из видов техник, применяемых в целях трансформации иррационального эмоционально-психологического напряжения [1, с. 56]. Автор подчёркивает, что основной задачей аналитических техник является рационализация ситуации посредством разложения ее на составляющие, с проведением последовательного анализа каждого из компонентов.

Сущность вышеизложенного сводится к обоснованию основных методов, влияющих на эффективность межличностной коммуникации. На наш взгляд, начать необходимо с самого важного метода, без которого любое межличностное взаимодействие может привести к коммуникативной неудаче. Метод активного слушания помогает коммуникантам оставаться вовлеченными в процесс общения и более эффективно воспринимать передаваемую друг другу информацию.

В статье Л.Д. Наумовой «Обучение учащихся приемам активного слушания как средство продуктивного разрешения конфликтов» дано описание основных приемов активного слушания. Автор пишет, что активное (рефлексивное) слушание помогает понять, оценить и запомнить информацию, полученную от собеседника, которая должна быть точной и полной для принятия верного решения [4].

Особое внимание в данной статье автор уделяет анализу четырех основных приемов, используемых при активном слушании. Автор отмечает такие приемы активного слушания как выяснение, перефразирование, отражение чувств собеседника и резюмирование. Необходимо подчеркнуть особую значимость такого приема в межличностном взаимодействии как отражение чувств собеседника [6]. Используя данный прием, каждый участник беседы способен оказать действенное влияние на процесс интеракции. Как отмечает Л.Д. Наумова, отражение чувств собеседника, показывает ему, что мы понимаем его состояние [4].

Следовательно, проявление эмпатии к каждому из участников коммуникативного процесса можно считать отдельным методом улучшения межличностной коммуникации, который, в свою очередь, может поспособствовать благотворному развитию межличностных отношений.

Важное значение для межличностной коммуникации имеет наличие обратной связи. Вследствие этого конструктивная обратная связь определяется нами как необходимый метод улучшения общения между людьми. По мнению М.Ю. Арутюняна и Л.А. Петровской, обратной связью выступает всякая информация, прямая или косвенная,

отсроченная или немедленная, которую человек получает от реципиента, своего поведения, своего облика, сведений о самом себе [5]. В связи с этим авторы отмечают, что, от того, как люди отражают и интерпретируют облик, поведение и оценивают возможности друг друга, во многом зависит характер их взаимодействия и результаты, к которым они приходят в совместной деятельности [5].

Принимая во внимание многочисленные исследования, касающихся обратной связи, для профилактики конфликтного взаимодействия психологами была разработана техника Я-высказывания, помогающая конструктивно передавать информацию своему собеседнику и преодолевать конфликтные ситуации, возникающие в процессе межличностного взаимодействия.

М.Ю. Арутюнян и Л.А. Петровская, анализируя проблему обратной связи, подчеркивают ее содержательные и формальные характеристики. Особое внимание авторы уделяют содержательной характеристике, разделяя ее на три основных вида: 1) коммуникатор обратной связи прямо передает, описывает свое восприятие реципиента обратной связи, например: «Я вижу, вы сегодня с румянцем на щеках»; 2) коммуникатор обратной связи высказывает свое отношение, установку к воспринимаемому поведению, например: «Мне нравится, что вы делаете»; 3) коммуникатор обратной связи дает интерпретацию воспринимаемому, приписывая, в частности, определенный мотив наблюдаемому поведению, например: «Я полагаю, вы пытаетесь поссорить здесь всех нас» [5]. Данная классификация отчетливо излагает основные принципы Я-высказывания, на вышеприведенных примерах мы видим, что Я-высказывания предполагают обращение с личной стороны, при этом не обвиняя своего собеседника. Таким образом, техника Я-высказывания является одной из структурных составляющих обратной связи.

В заключение следует сказать, что техники и методы помогают участникам межличностного взаимодействия создать благоприятный психологический климат. Вследствие этого между коммуникантами обрывается комплементарная обстановка, способствующая улучшению межличностной коммуникации.

Литература

1. *Комалова Л.Р.* Межличностная коммуникация: От конфликта к консенсусу. РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Отв. ред. Яковлева Э.Б. М., 2016. 180 с.

2. Основы теории коммуникации. Учебно-методическое пособие для студентов специальности 350400 «Связи с общественностью» / сост. Ж.В. Николаева. Улан-Удэ, 2004. С. 152.
3. Петрова Г.Г. Особенности межличностной коммуникации // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. №3.
4. Наумова Л.Д. Обучение учащихся приемам активного слушания как средство продуктивного разрешения конфликтов // Альманах современной науки и образования. 2007. № 1. С. 168-170.
5. Арутюнян М.Ю., Петровская Л.А. Обратная связь в системе восприятия человека человеком / Психология межличностного познания. М., 1981.
6. Каплун О.Ю. Этические дилеммы научных исследований с участием детей // Многомерные статистические модели и их применение в социологических исследованиях детства : материалы Всероссийской молодежной научной школы-конференции, Владивосток, 06–08 июня 2017 года. Владивосток: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2017. С. 20-24.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ

Московкина Е.А., Барнаул (Россия)

***Аннотация:** В целях решения адаптационных и просветительских задач в обучении иностранных студентов описан опыт разработки учебного пособия (книги для чтения для обучающихся русскому языку), основанного на данных краеведческого характера. Принцип отбора и подготовки учебных материалов опирается на комплексный подход в обучении РКИ, призванный наряду с прямыми лингводидактическими установками (обучение чтению, письму, говорению) решить целый ряд актуальных лингвострановедческих задач, способствующих ориентации обучающихся в культурно-коммуникативной среде принимающей стороны. Содержание пособия предусматривает комплекс концептуальных аспектов, важных для пробуждения интереса к языку и культуре, вовлеченности в обстановку семиотически обусловленного общения и поиска коммуникативных стимулов. Закрепление грамматического материала, формирование коммуникативных навыков при таком подходе реализуется в контексте изучения иностранцами культурно-исторического пространства Барнаула, погружения в городскую среду.*

Ключевые слова: обучение РКИ, учебное пособие, лингводидактика, лингвострановедение, Барнаул, коммуникативная среда, культурное пространство

EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN THE TEACHING FOREIGN LANGUAGE (RUSSIAN): REGIONAL COMPONENT

Moskovkina E.A., Barnaul (Russia)

Abstract: *The experience of developing a textbook (a book for reading for students of the Russian language) based on local history data is described. The book is prepared in order to solve adaptive and educational tasks in teaching foreign students. The principle of selection and preparation of educational materials is based on an integrated approach in teaching Russian as a foreign language, designed along with direct linguistic and didactic installations (teaching reading, writing, speaking) to solve a number of topical country studies problems that contribute to the orientation of students in the cultural and communicative environment of the host party. The content of the manual provides a complex of conceptual aspects that are important for arousing interest in language and culture, involvement in the communication situation with special semiotic resources and the search for communicative motivation. The consolidation of grammatical material, the formation of communication skills with this approach is implemented in the context of foreigners studying the cultural and historical space of Barnaul, immersion in the urban environment.*

Keywords: *Russian as a foreign language, textbook, linguodidactics, linguistics, Barnaul, communicative environment, cultural space*

Подготовительный этап в образовании иностранных студентов в России представляет собой интенсивный курс изучения русского языка. Страноведение на начальном этапе обучения русскому языку формирует самые общие представления о культуре, населении, природе, географии России. Однако погружение в языковую среду будущих специалистов-иностранцев, получающих образование на территории нашей страны, происходит в довольно разных условиях. Россия – обширнейшее, многонациональное государство, и если обучение иностранцев реализуется на периферии, в регионах, необходимо брать в расчет существенные историко-культурные, этнические и традиционные отличия различных территориальных образований. Несомненно, студенты в большей степени испытывают потребность в разъяснениях лингвострановедческого, коммуникативного, этикетного характера, касающихся духовных (культовых) основ, эстетики, семиотики того пространства, в котором они непосредственно находятся. В каждом городе есть

исключительные традиции, неофициальная символика, обычаи, предубеждения, пристрастия горожан, особые ценности, городские предания, «нетуристические» объекты почитания, «немемориальная» память. В каждом городе свой «символ веры», свой «язык снов». И это и есть тот ресурс, который «оживляет» язык, «вспыхивающий» в рефлексах всегда уникальной городской среды.

Речь не идет здесь об эндемических, диалектных особенностях, безэквивалентной лексике – это, несомненно, более высокий уровень освоения языка. На базовом уровне изучения РКИ (русского как иностранного) дело касается, скорее, концептуальных аспектов, важных для пробуждения интереса к языку и культуре, вовлеченности в среду семиотически обусловленного общения и поиска коммуникативных стимулов.

Этап привыкания к языковому фону нередко замедляется, усложняется не столько по причине культурного шока, сколько в связи с эффектом «обманутых ожиданий», когда иностранец готовится к одному типу культурного окружения, а оказывается в несколько неожиданном для него контексте. Так представители других стран, которые приезжают на Алтай, в Барнаул – город с очевидно тюркской топонимикой, предполагают встретить здесь явные приметы культур коренных народов Алтая, однако с удивлением обнаруживают, что влияние предположительно «исконной» культуры на современный облик города крайне незначительно (почти декларативно), а национальный портрет Барнаула на 96% представлен русскими; алтайские этносы составляют менее 1%, азиатов, закрепившихся в Барнауле, – не более 2%. Выясняется, что Барнаул, расположенный на территории Азии, значительно ближе к Монголии и Казахстану, чем к Европейской части России, тем не менее, в большей степени европейский город.

Студентам любопытно узнать, что Барнаул в 1730-е гг. формировался не стихийно (из традиционного поселения), а возник на базе градообразующего предприятия (меде-сереброплавильного производства: на Барнаульском заводе в XVIII-XIX вв. выплавлялась почти половина всего российского серебра), изначально имел плановую застройку. «Сердце» Барнаула – Демидовская площадь проектировалась архитекторами, обучавшимися в Петербурге: А.И. Молчанов и Я.Н. Попов были учениками и последователями известных русских архитекторов Д. Кваренги и К. Росси [3, с. 34]; Барнаул никогда не был заштатным уездным городом, он создавался как административный центр Колывано-Воскресенского горного

округа и осваивался преимущественно переселенцами из центральной России и Урала.

В контексте такого предсказуемого любопытства гостей города к необычным истории, культуре, расположению, застройке (регулярной), населению Барнаула целесообразно формировать эффективную коммуникативную программу в обучении РКИ.

С целью решения методических задач адаптационного и просветительского характера в рамках занятий по русскому языку для иностранных студентов второго сертифицированного уровня было разработано учебное пособие «Мой Барнаул» [6]³.

К каждому тексту прилагается семь упражнений, способствующих усвоению словообразовательных моделей, грамматической системы, лексики и фразеологии [5], синтаксических закономерностей; несколько упражнений в списке заданий непременно посвящены работе с текстом, направлены на формирование коммуникативных навыков. При подготовке пособия были учтены методические рекомендации А.К. Акишиной, О.Е. Каган, А.Р. Арутюнова, частично использован опыт Н.С. Новиковой, О.М. Щербаковой [1,2,7].

В книгу входят 20 адаптированных текстов, сгруппированных в четыре тематических раздела, посвященных культуре и истории Барнаула: «Легенды Барнаула», «Архитектурные памятники Барнаула», «Культурные объекты и достопримечательности Барнаула», «Барнаульцы».

Такая концентрическая структура детерминирована дидактическим принципом «от простого к сложному» и оптимальна для удовлетворения естественных коммуникативных потребностей в условиях вхождения в языковую среду.

Перед первым концентром стоят наиболее ответственные задачи: пробудить интерес к городу, в котором студентам предстоит учиться на протяжении нескольких лет; сформировать навыки обсуждения материала и работы в группе как освоение основополагающего

³ Материалы краеведческого характера используются в пособии коллектива преподавателей РКИ Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова «Учиться, учиться, учиться!» (2017), однако приоритетной тематикой в нем является наука, промышленность, образование, инфраструктура Алтайского края [4], в то время как в нашем пособии освещаются преимущественно аспекты культурного пространства столицы края: искусство, социально-культурная деятельность, историко-культурные объекты.

механизма работы с книгой; на входном этапе представить материал занимательный и актуальный. По этой причине тексты концентратора предполагают разные содержательные акценты. В рамках этого раздела определяется место и значение Барнаула в культурно-историческом пространстве России, выявляются неочевидные культурные параллели с реалиями мирового масштаба: студенты узнают, почему Барнаул называют «Сибирскими Афинами», почему он тоже «на семи холмах», как индустриальный центр преобразовался в «город-сад», что представляет собой ленточный бор – экологический щит Барнаула, чем гигантские светящиеся буквы на въезде в город со стороны моста лучше голливудских. Здесь же студенты познакомятся с городскими преданиями, ставшими основой для неофициальной символики города – легендами о Голубой даме, медведе-хранителе. В основной части раздела приведен текст о деятельности барнаульских предпринимателей начала XX вв., прославивших город далеко за пределами Сибири, благодаря дизайну и пошиву эксклюзивных шуб (барнаулок), доставляемых среди прочего и к императорскому двору. Завершает концентратор текст о запуске в Барнауле первого трамвая. Эта история имеет целью показать советский послевоенный Барнаул как город трудовой доблести, город высокой организационной культуры, город подвижников и пассионариев. Таким образом, в первом разделе представлены разные «лики» Барнаула: Барнаул исторический – инженерный (горнозаводской), Барнаул купеческий, Барнаул – город трудовой доблести, современный Барнаул.

Второй концентратор Архитектурные памятники Барнаула постепенно вводит обучающихся в архитектурную среду города, знакомит со старейшими архитектурными комплексами (Демидовская площадь – «уголок Петербурга», ул. Льва Толстого – торговые ряды) и отдельными объектами (Городская дума – барнаульская «ратуша»), красивейшими (Народный дом, Дом купцов Полякова и Яковлева), самыми необычными (Дом купца Шадрина, церковь Дмитрия Ростовского), яркими и современными зданиями города.

Третий раздел, как и предыдущий, прекрасно совмещается с экскурсиями и готовит студентов к посещению музеев, театров, библиотек, парков.

Наконец, четвертый концентратор «Барнаульцы» призван раскрыть перед иностранцами «душу» города: «Город – это не только улицы, скверы, площади и дома. Это, прежде всего, люди. Чем красивее поступки и дела людей, оставивших след в его истории, тем лучше и привлекательнее город. Барнаулу повезло с богатой, почти фантастической биографией. Такой её сделали прогрессивные умы

России: учёные, инженеры, горные офицеры, писатели, изобретатели», – вводный абзац первого текста концентратора. В разделе речь идет не только об энтузиастах, исследователях, общественных деятелях, просветителях, определивших историю и культуру Барнаула (И.И. Ползунов, В.К. Штильке, М.А. Лисавенко) но и о людях, формирующих современный имидж города – А. Смертин, С. Мезенцев, С. Шубенков.

Таким образом, представленный опыт подготовки учебных материалов опирается на комплексный подход в обучении РКИ, призванный наряду с прямыми лингводидактическими установками (обучение чтению, письму, говорению) решить целый ряд актуальных лингвострановедческих задач, способствующих адаптации обучающихся в культурно-коммуникативной среде принимающей стороны. Закрепление грамматического материала, формирование коммуникативных навыков при таком подходе реализуется в контексте изучения иностранцами культурно-исторического пространства Барнаула, погружения в городскую среду.

Литература

1. Акишина А.А., Каган О.Е. Учимся учить: для преподавателя русского языка как иностранного. М., 2019. 256 с.
2. Арутюнов А.Р. Теория и практика создания учебника русского языка для иностранцев. М., 1990. 166 с.
3. Баландин С.Н. Архитектура Барнаула. – Барнаул, 1974. 108 с.
4. Карагодин А.А., Родионова Н.В., Скубиёва Е.Н. Учиться, учиться, учиться!: учебное пособие по русскому языку (базовый уровень). Барнаул, 2017. 237 с.
5. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение / под редакцией Н.П. Андрушиной (электронное издание). С-Пб, 2015. 164 с.
6. Московкина Е.А. Мой Барнаул. Книга для чтения для иностранцев, изучающих русский язык. Барнаул, 2020. 119 с.
7. Новикова Н.С., Щербакова О.М. Синяя звезда: Рассказы и сказки русских и зарубежных писателей с заданиями и упражнениями: учеб. пособие. М., 2007. 256 с.

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫХ СИСТЕМ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Мохорова А.Ю., Демидов В.П., Долженкова Е., Погодин С.Н., Санкт-Петербург (Россия)

Аннотация. Правовая система представляет собой сложное явление, включающее в себя различные элементы правовой действительности от нормы права и сложившейся практики ее реализации до правовой культуры и идеологии. На протяжении трех десятилетий происходит формирование правовых систем стран постсоветского пространства, на которое влияет множество факторов внутреннего и внешнего характера: культура, традиционные ценности, правовые обычаи, международная интеграция и глобализация. Работа преследует цель исследования особенностей национальных правовых систем указанных государств, причин, лежащих в основе их формирования; выявления трендов их развития в зависимости от региональной принадлежности, политических и экономических ориентиров. Исследование проводилось при помощи аналитического, исторического и сравнительно-правового методов. В результате проведенной работы установлено, что развитие и интеграция национальных правовых систем на постсоветском пространстве в полной мере соответствуют особенностям становления государственности в данных странах, в них воплощается разнообразие правовых подходов, и стремление народов независимых государств самостоятельно решать наиболее актуальные вопросы страны. При этом государства стремятся наиболее эффективно использовать преимущества международной правовой системы в качестве условия последовательного развития своей государственности.

Ключевые слова: постсоветское пространство, национально-правовые системы, международные организации

FORMATION OF NATIONAL LEGAL SYSTEMS OF POST-SOVIET COUNTRIES

Mokhorova A., Demidov V., Dolzhenkova E., Pogodin S.N., St. Petersburg (Russia)

Abstract. The legal system is a complex phenomenon that includes various elements of legal reality from the rule of law and the established practice of its implementation to legal culture and ideology. For three decades, the legal systems of the post-Soviet countries have been forming, which is influenced by many factors of an internal and external nature: culture, traditional values, legal customs, international integration and globalization. The aim of the work is to study the peculiarities of the national legal systems of these states, the reasons underlying their formation; to identify trends in their

development depending on regional affiliation, political and economic guidelines. The research was carried out using analytical, historical and comparative legal methods. As a result of the work carried out, it was found that the development and integration of national legal systems in the post-Soviet space fully correspond to the peculiarities of the formation of statehood in these countries, they embody a variety of legal approaches, and the desire of the peoples of independent states to independently solve the most pressing issues of the country. At the same time, States strive to make the most effective use of the advantages of the international law system as a condition for the consistent development of their statehood.

Keywords: *Post-Soviet space, national legal systems, international organizations*

В 1991 г. распался Советский Союз, и существенную остроту на постсоветском пространстве приобрели вопросы формирования национально-правовых систем. Особенности исторического, социального, политического, экономического, национального развития легли в основу создания новых правовых норм и механизмов их осуществления.

Россия, являясь крупнейшим государственным образованием на бывшей территории СССР, в соответствии с международными договорами, заключенными в начале 90-х гг. XX столетия, официально признана правопреемником Советского Союза [1, 2]. Исходя из данного положения, Российская Федерация приняла на себя обязательства по выплате долгов СССР, кроме того, в соответствии с международными соглашениями на территорию России были перемещены все виды оружия массового поражения, в том числе ядерного, биологического, химического и бактериологического, находившегося на территории СССР. Данный подход осуществлялся в соответствии с нормами международного права и стал реальной гарантией того, что во время национальных конфликтов, действий террористического характера не были использованы эти виды вооружений, что существенно снизило уровень потерь среди гражданского населения всех указанных стран.

В большинстве республик бывшего Советского Союза после распада единого государства обострились межнациональные противоречия, а также конфликты, связанные с изменениями социально-политического и экономического характера. Данные обстоятельства потребовали разработки и принятия нормативно-правовых актов, которые бы регулировали общественные отношения, возникающие в связи с глубокими преобразованиями.

Указанные перемены нашли свое отражение в разнообразии подходов, реализуемых в создаваемых национальных правовых

системах, что явилось закономерной реакцией новых государственных образований на вызовы, возникшие в результате процесса дезинтеграции единого пространства СССР.

Необходимо констатировать факт, что государства постсоветского пространства в своем развитии ориентируются на совершенно разные цели, в связи с чем их направления внешнеполитической деятельности существенно отличаются друг от друга, что сказывается на ведущих аспектах международных отношений.

Для формирования государственности бывших республик характерным стало то, что большинство из них вошли в 1991 г. в новое межгосударственное образование – Содружество Независимых Государств [3]. Ввиду того, что члены данного содружества приобрели статус субъектов международного права, они в полной мере отстаивают свои приоритеты [9] при реализации связей с другими участниками Содружества. Всем членам СНГ пришлось достигать взаимоприемлемых компромиссных решений, позволяющих учитывать национальные предпочтения, что стало основанием для постепенного образования определенного уровня правового регулирования отношений, связывающих эти страны [6]. Указанная тенденция является определяющей, и она соответствует демократическому подходу к разрешению общих проблем государств, входящих в СНГ.

Темпы интеграции в различные периоды времени существенно изменяются исходя из геополитических реалий, сложившихся на евразийском пространстве. Некоторые страны вышли из состава СНГ или практически полностью прекратили сотрудничество (Грузия, Украина) в связи с изменением политических условий, что нашло свое выражение в разрыве связей между ними и другими участниками СНГ.

В состав СНГ вошли не все бывшие республики, ранее являвшиеся частью единой державы, так как для них приоритетным стало внешнеполитическое сближение с государствами Европейского Союза, что повлекло создание совсем иной внутригосударственной правовой базы [7, с. 117].

В конце XX – начале XXI столетий бывшие республики СССР стали участниками и иных международных организаций, которые играют значительную роль в расширении межгосударственных связей, выступают источником модельных актов [4].

В 2000 г. было учреждено Евразийское Экономическое Сообщество (ЕврАзЭС) (с 2015 г. – ЕАЭС). Данная организация образовалась с целью усиления экономических взаимосвязей и создания единого таможенного пространства [8]. Деятельность ЕврАзЭС принесла

позитивные результаты, создала предпосылки экономического роста и более быстрого процесса преобразований социального, научного, культурного характера. Проводя единую политику, направленную на дальнейшую интеграцию в таможенной, экономической, социальной сферах, государства-участники используют преимущества объединения и обладают дополнительными возможностями и ресурсами для разрешения проблем, стоящих перед ними.

Расширение единого экономического, таможенного пространства, предполагает создание одинаковых условий для субъектов хозяйственной деятельности. Ускорение интеграционных процессов требует изменений и в других областях, значимым фактором выступает создание единых правовых подходов для регулирования важнейших общественных отношений в сфере экономики [5, с. 220], так как данное направление позволяет обеспечить устойчивое взаимодействие коммерческих организаций

В 1992 г., исходя из необходимости оказания всесторонней помощи друг другу, в том числе и военного характера, государства создали новую организацию – ОДКБ. Ее состав несколько раз изменялся, в настоящее время членами Организации Договора о коллективной безопасности являются: Россия, Беларусь, Армения, Казахстан, Киргизия, Таджикистан. Они совместно осуществляют мероприятия в военно-технической области с целью противодействия международному терроризму и экстремистской активности различных межгосударственных организаций. Эффективность деятельности ОДКБ проявилась в том числе и в событиях, произошедших в Казахстане в начале 2022 г.

Таким образом, процессы развития и интеграции национальных правовых систем на территории бывшего Советского Союза в полной мере соответствуют особенностям становления государственности в странах, являвшихся республиками СССР. В них воплощается разнообразие правовых подходов, реализуемых в вышеперечисленных государствах и стремление народов независимых государственных образований в наибольшей мере решать вопросы, которые наиболее актуальны для населения той или иной страны. При этом государства стремятся наиболее эффективно использовать преимущества международной интеграции и поддержания устойчивых политических, экономических, социальных, культурных связей между собой в качестве неперемennого условия последовательного эволюционного развития своей государственности.

Литература

1. Договор о правопреемстве в отношении внешнего государственного долга и активов Союза ССР от 4 декабря 1991 г. <https://docs.cntd.ru/document/901777444?section=text> (дата обращения: 06.05.2023г.).
2. Соглашение глав государств Содружества Независимых Государств о собственности бывшего Союза ССР за рубежом от 30 декабря 1991 <https://docs.cntd.ru/document/1901872?section=text> (дата обращения: 06.05.2023г.).
3. Алма-Атинская декларация. URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=4>. (дата обращения: 06.05.2023г.).
4. *Гарчева Л.П.* Модельное законодательство как фактор сближения правовых систем // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: правовая система и современное государство: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов, Симферополь, 16 апреля 2020 года. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2020. С. 6-12.
5. *Кушарова М.П.* Евразийское правовое пространство: тенденции и перспективы развития. В сб. Право и экономика: национальный опыт и стратегия развития // Ответственные редакторы: канд. юрид. наук Д.А. Савченко канд. юрид. наук О.Н. Шерстобоев. 2019. С. 218 -227.
6. *Ланг П.П., Кочкуров Н.А.* Конвергенция нормативно-правового регулирования на постсоветском пространстве // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2019. № 1 (22). С. 13-16.
7. *Рязанцев С.В., Молодикова И.Н., Воробьева О.Д.* Миграция и миграционная политика в странах СНГ и Балтии в «ареале перекрытия» евразийской и европейской подсистем в 1990-2020-е годы // Балтийский регион. 2022. Т. 14. №2. С. 115-143.
8. *Dragneva R., Hartwell C.A.* The Crisis of the Multilateral Order in Eurasia: Authoritarian Regionalism and Its Limits // Media and Communication. 2022. № 10(2), С. 95-105.
9. *Morachevskaya K., Karpenko M., Sebentsov A.* Border divergence or convergence in the context of integration: A case study of the Russian-Belarusian and Russian-Kazakhstan borderlands // Hungarian Geographical Bulletin. 2022. № 71 (1). С. 39-53.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОМИНИРУЮЩИХ ТИПОВ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В АЛТАЙСКОЙ ГОРНОЙ СТРАНЕ

Ноянзина О.Е., Максимова С.Г., Барнаул (Россия)

Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ «Изменения климата, ледников и ландшафтов Алтая в прошлом, настоящем и будущем как основа модели адаптации населения внутриконтинентальных горных районов Евразии к климатообусловленным изменениям среды» (2022-2025 гг.)» (руководитель проекта от СПбГУ проф. Д. А. Ганюшкин, от АлтГУ – проф. С.Г. Максимова)

Аннотация. Целью данной статьи является поиск теоретико-методологических оснований взаимообусловленности процессов дифференциации географических структур в условиях трансформирующихся ландшафтов горной местности и соответствующих этим процессам направлениям природопользования, которые носят этнический, социально-экономический, этнопсихологический характер, а также разнообразные комбинации этих элементов, включая их взаимосвязи и особенности взаимного расположения и влияния. Сделан вывод о том, что функциональные структуры природопользования (равно как и их сочетания) поддаются как качественной, так и количественной оценке в русле социогуманитарного подхода в привязке к анализу ландшафтных систем и природно-ресурсных компонентов территории.

Ключевые слова: природопользование, климат, ландшафт, этнические группы, традиционное природопользование

HISTORICAL-CULTURAL AND ETHNOGRAPHIC FEATURES OF DOMINATING ENVIRONMENTAL MANAGEMENT IN THE ALTAI MOUNTAIN COUNTRY

Noyanzina O.E., Maximova S.G., Barnaul (Russia)

The publication was prepared within the framework of the project «Climate change, glaciers and landscapes of Altai in the past, present and future as the basis of the model of adaptation of the population of intra-continental mountain regions of Eurasia to climate-related changes of the environment» (2022-2025)» (project director from SPbSU prof. D. A. Ganyushkin, from ASU - prof. S.G. Maksimova)

Abstract. The aim of the paper is the formation of theoretical-methodological base for the interdependency between processes of differentiation of geographical structures in transforming mountain landscapes and corresponding types of environmental management, which have ethnic, social-economic, and ethnic-psychological character, and for the different combinations of these elements, including interdependencies and peculiarities of interpositions and interinfluence. We concluded about good

prospects of qualitative and quantitative evaluation of functional structures of environmental management (including their combination) in the frameworks of social humanitarian approach with tacking into consideration analysis of landscape systems and natural-resource components of a territory.

Keywords: *environmental management, climate, landscape, ethnic groups, traditional environmental management*

Ландшафтная структура имеет много пересечений с территориально-хозяйственной структурой, в которой, в свою очередь, выделяются разные виды и типы природопользования – сельскохозяйственное, рекреационное, промышленное, лесо- и водохозяйственное и т.д. Изменения в структуре природопользования можно диагностировать в рамках временных периодов, экономических процессов и их параметров, в зависимости от эколого-экономической ситуации, в разрезе направлений природопользования. С.А. Милукова и М.В. Левашева [1], например, подчеркивают ведущую роль ландшафтной структуры в формировании социально-экономических основ хозяйствования, расположения сети населенных пунктов и элементов дорожного хозяйства, их экономической и хозяйственной специализации.

Целью данной статьи является поиск методологических основ исследования, связанного с выявлением особенностей территориальных систем природопользования во взаимосвязанности с социально-экономическим развитием административных образований, расположенных во внутриконтинентальных горных районах, а также с типами адаптивных стратегий населения и соответствующих им системам социальной безопасности.

По сути, анализ *структуры природопользования* на территории в исследовательском смысле имеет больше методологических «мостиков» увязывания с социально-экономическими, социоисторическими и иными социальными процессами в регионе. Новые способы хозяйствования могут не соответствовать не только ландшафтными трансформациям, природным или же климатическим условиям, но и традиционным способам, имеющим, например, аксиологическое содержание, что, несомненно, приводит к деградации геопотенциала территории [2]. Вместе с тем, в качестве реакции природной среды на антропогенное природопользовательское воздействие будут рассматриваться не только нарушение природного баланса, ухудшение экологических параметров среды, но и утрата традиционных знаний в отношении способов природопользования.

Благополучие населения опирается на потенциал природных ресурсов, а центральным звеном этого благополучия выступают экономическая и экологическая составляющие. В этом смысле деградация природной среды, истощение ресурсов в уязвимых территориях (а к таким территориям относятся в том числе и горные страны) приводят не только к повышенным рискам и угрозам стихийных природных воздействий (бедствий), но и снижают доступность благополучия проживающему в таких территориях населению. Коренное и старожильческое население естественным образом приспосабливается к изменениям ландшафтов, природной среды в целом, выстраивает систему социальных и экономических отношений по поводу природопользования, формирует особую, адаптированную для данного типа местности структуру расселения и типы хозяйственной деятельности. Разрывы этих взаимосвязей несут существенные риски благополучия всей социально-экономической системы территории в целом, ее устойчивому развитию.

В России значительную часть территории занимают *горные территории* (до 34%, по оценкам А.Г. Исаченко, 2003 и 54% – по оценкам А.П. Щербатюк, 2021) [3], соответственно, имеющие горные ландшафты. Территория *Алтайской горной страны* относится к зоне внутриконтинентальных горных ландшафтов, отличающихся высокой степенью контрастности и дифференциации ландшафтных структур, но при этом в недостаточной степени охваченных масштабным картографированием [4]. Спецификой работ современных географов в зоне Алтайской горной страны является попытка наложения климатогенных модификаций ландшафтов на горные системы Внутренней Азии, а также связанной с климатическими изменениями проблематики экологической безопасности. Во втором случае ученые обосновывают свой интерес экологическими и биологическими параметрами самой зоны, входящей в число экорегионов Всемирного Природного Наследия ЮНЕСКО и, тем самым, имеющей глобальное значение планетарного уровня.

Исследования ландшафтов Алтайской горной страны представляют большой интерес для ученых и Сибирского федерального округа, и в целом представителей отечественной науки, где уже накоплен представительный пул работ в контексте так называемого «горного ландшафтоведения», включая проекты в области хозяйственного освоения территории. Часть работ объединяют зоны Алтая и Саян, освещая вопросы геоэкологии и природопользования – Р.Ю. Бирюков, Л.М. Бурлакова, Д.В. Золотов, А.Г. Крохмаль, Б.А. Красноярова, Н.А. Кузнецова, Д.К. Першин,

М.Г. Сухова, Д.В. Черных, О.А. Хорошев. Однако Алтайская горная страна отличительна и уникальными историко-культурными и этнографическими особенностями, которые нашли свое преломление не только в этнокультурных особенностях совместного бытия этносов, но и в доминирующих типах природопользования не менее своеобразных природных ландшафтов, сформированных удаленностью от океана, климатическими параметрами, отличающимися высокой степенью изменчивости, большими амплитудами высот и находящимися «на стыке» климатических зон. Именно климатическое направление до сих пор недостаточно представлено в исследованиях Алтае-Саянской горной страны [5, 6, 7] и, тем более, крайне редки работы, посвященные оценке социального риска климатических изменений (см., например, Ганюшкин и др.) [8, 9]. Некоторые авторы считают, что причиной этому послужила в том числе и географическая недоступность отдельных территорий этой горной страны, недостаточный охват территории метеорологическими наблюдениями.

Несмотря на то, что климатические изменения далеко не всегда наносят урон ландшафтным системам и системам природопользования и человеческому благополучию в целом [8, 9], необходимы выявление и оценка причин климатических изменений, оценка их социального риска для проживающего населения и распространенных типов природопользования. Так, Черных и соавторы [3] по итогам проведенной оценки ландшафтного разнообразия Русского Алтая выделили ряд особенностей ландшафтной структуры, на основе которых возможен экологический мониторинг климатических изменений. Это особенности растительного покрова и рельефа континентальных районов Алтая: «преобладание высокотравных и низкотравных субальпийских лугов над тундрами; распространенность черничных пустошей в широком высотном диапазоне; малые площади и контуры ерников»; широкое распространение многолетних снежников и нивальных ниш и бугров»; «специфическое субальпийское березовое криволесье» в гумидных частях Алтая.

По итогам масштабного исследования, проведенного группой ученых Санкт-Петербургского университета⁴, в Алтайской горной

⁴ Материалы полевых исследований географов Санкт-Петербургского университета в Алтае-Саянах и на Кавказе в период 1999-2009 гг., изложены в коллективной монографии «Горы и люди: изменения ландшафтов и этносы

стране фиксируются тенденции к повышению температуры в зимний и переходные сезоны, что приводит к «сокращению количества осадков в эти периоды, смещению «вверх» границы леса, деградации ледников и мерзлоты, снижению количества твердых осадков, уменьшению схода лавин, улучшению лесорастительных условий, расширению границ лесного пояса» [10: 432] в целом. Таким образом, климатические изменения уже повлекли трансформацию ландшафтных геосистем, а характер самих трансформаций коррелирует с содержанием природопользования, расширяя его возможности и потенциал.

Вопросы территориального и функционального природопользования с позиций социальных наук практически не представлены, однако ряд междисциплинарных исследований, как современных, так и советских ландшафтоведов, свидетельствуют о большом потенциале такого направления научного поиска. Заслуживают внимания работы и идеи Куражковского (1990), Овчинникова Н.Ф. (1966, 1978) о рассмотрении в совокупности способов взаимодействия геосистем и социальных отношений (общественно-природных отношений), о необходимости соотнесения пространственных параметров с человеческим капиталом и оценкой сбалансированного развития. Некоторые авторы (см., например, Забураева Х.Ш., Гайрабеков У.Т.) предлагают учитывать аксиологические основания природопользования, которые имеют особое преломление в горной местности – территории, где традиционно компактно проживают коренные этносы, для которых тип природопользования сопряжен с этнокультурным (духовно-нравственным) состоянием и развитием народа, их ментальностью, этнической эстетикой и т.п. Аксиологические аспекты природопользования часто увязываются с геоэкологическим потенциалом этнических разнообразных горных территорий, или же базируются на отнесении горной территории к разряду моно- или полиэтнических регионов. Исследователи доказали, что представители определенных этнических групп тяготеют к разным типам местностей – степям, пустыням, горным или альпийским лугам, горным лесам, вместе с тем выделяются и горные территории со смешанным этническим составом [11].

Методологическим обоснованием использованием социального и этногеографического факторов природопользования является

внутриконтинентальных гор России». – СПб: Издательство Санкт-Петербургский государственный университет, 2009. – 453 с.

гипотеза этнического поля, предложенная Л.Н. Гумилевым, согласно которой этническое поле не всегда совпадает своими границами с организациями, в отличие от единства поведения и реагирования на изменения окружающей среды членом одной этнической системы. Этническое поле включает энергетический и информационный компоненты, первый из которых отражает объем пассионарной (творческой) энергии, а второй – демонстрирует способ действия индивидов, обладающих такой энергией [12]. Так, гипотеза об этническом поле может продемонстрировать способы взаимодействия этносов, этносов и ландшафтов, создаваемых этими группами в виде культурного слоя. В бытовом смысле этническое поле актуализируется для этноса в качестве понятных каждому члену группы контекстов, разделяемых смыслов и установок, но с большой долей вероятности непрозрачных для стороннего, не погруженного в этнокультурную среду наблюдателя.

Социальные вопросы *традиционного природопользования* в рамках географических зон чаще всего рассматриваются в контексте образа жизни и ментальности, типа традиционной хозяйственной деятельности коренных этносов. В частности, в качестве таковых некоторыми авторами рассматриваются локальные старообрядческие (семейские) сообщества. Например, С.А. Козлова [13], оперируя понятием «локальное сообщество», изучала особенности традиционного природопользования старообрядцев Забайкалья. Автору удалось продемонстрировать, что направления природопользования этого локального сообщества определяются ментальностью старообрядцев (природа – это среда жизни), традициями и сводом действий (религия, особые материальные и духовные потребности), выступающих регулятором социальной жизни и природопользования в условиях географической среды.

В развитие социального подхода к изучению «географической обусловленности» природопользования заметим, что термин «*локальное сообщество*» довольно часто используется и в географических науках при изучении обособленных культурно и в силу типа природопользования сообществ. В социологии локальное сообщество обычно выступает территориальным маркером общественных отношений и соответствующих групп индивидов [13, 14, 15], и по своей сути является конкретизацией связи природной и социальной (культурной среды), формирующей традиции природопользования и адаптацию к конкретному пространству и времени [14]. Близким этому понятию по смыслу является концепт территориальной общности как группы объединенной системой

связей и отношений социального, культурного, политического и экономического свойства группы, организованной в конкретном пространстве [16], однако С.А. Ахметова обращала внимание на более узкое содержание локального сообщества, предлагая рассматривать его в качестве «микромоделей общества» [17: 139], имеющей внешние (территория, история, экономические связи) и внутренние (характер и способы взаимодействия внутри сообщества, религия, нормы, и т.п.) признаки. Именно локальное сообщество формирует базовые параметры культурного ландшафта [18] в качестве совокупности социоприродных отношений в естественной среде [19].

Понятия «природопользование», «традиционное природопользование» сопряжены с социальными категориями, используемыми в социологической науке, – «жизнеобеспечение» как поддержание жизни социума (которое также довольно часто встречается в работах географического профиля), пересекающееся с понятиями адаптации и адаптивных стратегий посредством использования духовных и материальных ресурсов, и используемое для оценки меры способности общества распределять природные ресурсы в рамках социальной структуры. В ряду этих понятий традиционное природопользование соответствует определенной системе жизнеобеспечения [22, 23], подходы к определению которого формируют методологию исследования и упорядочивания, классификации локальных сообществ. С.А. Козлова предлагает применять категорию традиционного природопользования «вместе с понятием жизнеобеспечения» в качестве акцента на географические аспекты жизни социума и описания системы способов, которыми локальное сообщество (1) использует природные ресурсы и объекты, (2) передает от поколения к поколению навыки хозяйствования и (3) воспринимает и учитывает символические значения природных объектов (например, через традиции и обычаи) [15: 382]. Чаще всего традиционное природопользование описывает хозяйственную деятельность определенных этносов, живущих в тесной связи с природой, в меньшей степени урбанизированных и современных, например, в исследованиях традиционного образа жизни и традиционных типов хозяйствования коренных и коренных малочисленных народов. Встречаются и работы, в которых авторы рассматривают стратегии адаптации сообществ в природной среде, формирования сопряженности хозяйственной деятельности с конфессиональной картиной мира (например, вновь приобретенных адептов религиозных сообществ), хозяйственные и культурные

компоненты быта, исторически сложившиеся традиции этнического природопользования и т.п. [24, 25].

В российской практике термин «традиционное природопользование» уже прочно устоялся в юридической деятельности, с начала последнего десятилетия прошлого века, с момента начала формирования правовой базы законодательства о коренных малочисленных народах и защите их традиционного природопользования и традиционных видов хозяйственной деятельности. Причем отметим, что в данном случае хорошо представлены работы социологической направленности, преимущественно связанные с культурной функцией традиционного природопользования, и оценки включенности его элементов в повседневные системы природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

В этой связи важное значение в изучении адаптивных стратегий населения и реакций на рискогенность окружающей среды приобретает оценка внутренних закономерностей и структур локальных этнических сообществ, модальности отношений к культуре и природе, мотивации поведения индивидов на основе духовных и этнокультурных регуляторов. Применение методологического аппарата социологической науки в данном случае поможет выявить социальную ценность этнической культуры в соотношении с образом жизни и жизнедеятельностью, типами природопользования малых групп, процессами формирования материальной, бытовой культуры, потребностью в сохранении традиционного образа жизни и типа хозяйствования.

На территории Алтайской горной страны компактно проживают коренные малочисленные этносы Севера, Сибири и Дальнего Востока, чья хозяйственная деятельность тесно взаимоувязана с природой и, следовательно, зависима от географических параметров пространства. А.В. Головнев [26] отмечает, что при изучении структуры природопользования территорий, где проживают коренные этносы, важно обращать внимание на присущую этим этносам культуру природопользования, которая, как правило, экологична, базируется на биологических, географических знаниях и традициях оптимального хозяйствования и воспроизводства природных ресурсов. Именно в этом русле, например, развивается этноэкология, предметом которой является жизнеобеспечение этносов как этнических систем. На практике же традиционное природопользование рассматривается в противовес индустриальному освоению, но при исчезновении этой

основы жизнедеятельности коренных народов, исчезнут и сами этнические общности или, по крайней мере, их традиционные экологические культуры.

В рамках предварительной оценки сделанных предположений о наличии этнокультурного фактора пространственного природопользования в ходе первого этапа работ комплексного исследования, спецификой которого является попытка наложения климатогенных модификаций ландшафтов на горные системы Внутренней Азии, использованы результаты социологического исследования (население в возрасте 18-70 лет, проживающее в домохозяйствах на Республики Алтай, n = 200). В данном исследовании приняли участие представители коренных и традиционных для Республики Алтай этнических групп – алтайцы, казахи, карачаевцы, кумандинцы, русские и теленгиты. Заметим, что в структуре природопользования жителей Республики Алтай четко прослеживается «этническая приверженность»: так, охотой на диких животных достоверно (χ^2 , $p \leq 0,005$) занимаются исключительно алтайцы и казахи, сбором дикоросов – только алтайцы, пчеловодством – кумандинцы, животноводством – алтайцы, казахи и теленгиты, земледелием – казахи, выпасом скота занимаются алтайцы и казахи. При этом обратим внимание, что в данном случае учитываются только виды природопользования, которые являются основой жизнеобеспечения жителей республики.

На примере кросс-дисциплинарного анализа подходов к рассмотрению дифференциации географических структур в условиях трансформирующихся ландшафтов горной местности и соответствующих этим процессам направлениям природопользования, а также предварительных оценок результатов эмпирического исследования продемонстрировано, что территориальные и функциональные структуры представляют собой расположение по географической зоне «привязанных» к ней разноплановых элементов (конструктов, компонентов), которые несут природный, природно-ресурсный, социально-экологический, этнический, экономический, этнопсихологический характер, а также разнообразные комбинации этих элементов, включая их взаимосвязи и особенности взаимного расположения и влияния. Территориальные структуры имеют признаки пространственных, но не тождественны им, поскольку более конкретны и эмпирически «ощутимы». Заметим, что в пределах одной территории могут быть выделены разные типы отношений по оси «природа – человек – общество» и их комбинации, в том числе вследствие разнообразия физической среды – ландшафтной

структуры. Территориальные и функциональные структуры природопользования (равно как и их сочетания) поддаются как качественной, так и количественной оценке на основе междисциплинарного подхода в привязке к анализу ландшафтных систем и природно-ресурсных компонентов территории. Анализ природопользования в таком контексте может стать важнейшей частью оценки эффективности регионально социально-экономического развития на разных уровнях – индивидуальном, групповом, социетальном.

Литература

1. *Милюкова С.А., Левашева М.В.* Роль ландшафтной структуры и объектов археологического наследия в территориальном развитии на примере острова Ольхон // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Барнаул, 2021. С. 271–277.
2. *Черных Д.В.* Провинциальные ландшафты – аналоги Русского Алтая // Ст. в сб. Ландшафтоведение: теория, методы, ландшафтно-экологическое обеспечение природопользования и устойчивого развития: материалы XII Международной ландшафтной конференции. Том 2. 2017.: Издательство: Тюменский государственный университет (Тюмень). С. 423–426.
3. *Исаченко А.Г.* Экологическая география России. СПб., 2003.
4. *Черных Д.В., Самойлова Г.С.* Ландшафты Алтая (Республика Алтай и Алтайский край). Карта М-б 1:50000 // ФГУП Новосибирская картографическая фабрика, 2011.
5. *Галахов В.П., Мухаметов Р.М.* Ледники Алтая. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999. 136 с.
6. *Москаленко И.Г., Селиверстов Ю.П., Чистяков К.В.* Горный массив Монгун-Тайга (Внутренняя Азия). Опыт эколого-географической характеристики. СПб: Издательство Русского географического общества, 1993, 94 с.
7. *Ямсков А.Н.* Системы жизнеобеспечения и хозяйственно-культурные типы // Этнос и среда обитания: сборник статей по этнической экологии. Москва: Старый сад, 2017. Выпуск 5. Исследования систем жизнеобеспечения. С. 36-47.
8. *Ганюшкин Д.А.* Высотное распределение гляциальных форм рельефа горного обрамления северной части котловины Больших

- озер. В сб. Отечественная геоморфология: прошлое, настоящее, будущее. Материалы XXX Пленума Геоморфологической комиссии РАН Санкт-Петербург, СПбГУ, 15-20 сентября 2008 года. с 287-288.
9. *Ганюшкин Д.А.* Кары массива Монгун-Тайга и их палеогеографическое значение /Сб. Труды XXII съезда Русского Географического Общества. СПб, 2005, т. 2, С 217-222.
 10. *Бомер-Кристиансен С.* Что движет процессом Киото: наука или интересы? // Известия РГО. 2004. Т. 136. Вып. 2. С. 26-32.
 11. *Будыко М.И., Ефимова Н.А., Лугина К.М.* Современное потепление // Метеорология и гидрология. 1993. №7. С.29-34.
 12. *Горы и люди: изменения ландшафтов и этносы внутриконтинентальных гор России.* СПб: Издательство Санкт-Петербургский государственный университет, 2009. 453 с.
 13. *Забураева Х.Ш.* Геоэкологические основания оптимизации природопользования в горных регионах России (на примере Северо-Восточного Кавказа). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. геогр. наук Калининград. 2017. 40 с.
 14. *Гумилев Л.Н.* О термине «этнос» // Доклады отделений и комиссий ГО СССР. Л., 1967. Вып. 3. С. 3-17.
 15. *Козлова С.А.* Традиционное природопользование локальных старообрядческих (семейских) сообществ Забайкалья в XVIII–XX веках: теоретико-методологическая основа исследования // Научный диалог. 2020. № 9. С. 373–390.
 16. *Hillery G.* Definitions of Community: Areas of Agreement // Rural Sociology. 1955. Vol. 20. P. 111–123.
 17. *Добрякова М.С.* Исследования локальных сообществ в контексте позитивизма, субъективизма, постмодернизма и теории глобализации // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2001. № 13. С. 27–59.
 18. *Зазулина М.Р.* «Локальное сообщество» в системе координат социальных наук // Философия в условиях социокультурного многообразия : от экспертного знания до мировоззренческих ориентиров : сборник материалов Всероссийской конференции, посвященной 100-летию гуманитарного образования в Саратове. – Саратов: ИЦ «Наука», 2017. С. 46–49.
 19. *Трофимов А.М., Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д.* Теория организации пространства // Известия Русского географического общества. 1993. Т. 125. № 2. С. 10-15.
 20. *Ахметова С.А.* Сельское локальное сообщество как объект монографического исследования // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки.

Казань: Изд-во Казанского государственного ун-та. 2009. Т. 151, № 5–2. С. 139–149.

21. *Веденин Ю.А., Кулешова М.Е.* Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Известия АН. Серия географическая. 2001. № 1. С. 7–14.
22. *Рагулина М.В.* Локальное сообщество и культурный ландшафт в современном мире // Современные проблемы науки и образования: сборник статей. 2013. № 6. URL: <http://www.scienceeducation.ru/ru/article/view?id=10893>.
23. *Ямсков А.Н.* Системы жизнеобеспечения и хозяйственно-культурные типы // Этнос и среда обитания: сборник статей по этнической экологии. Москва: Старый сад, 2017. Выпуск 5. Исследования систем жизнеобеспечения. С. 36–47.
24. *Максимова А.* Традиционное природопользование русских монастырей // Альфа и Омега: сборник статей. 2003. № 37. URL: <https://www.pravmir.ru/traditsionnoe-prirodopolzovanie-russkihmonastyirey/>.
25. *Белобородова И.Н.* Стереотипные формы поведения в традиционном природопользовании севернорусского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) // Уральский исторический вестник. 2011. № 2 (31). С. 73–81.
26. *Головнев А.В.* Касум – Ёх. Материалы для обоснования проекта этнически статусной территории. Шадринск: РИО ПО «Исеть», 1993. 112 с.

ЭТНИЧНОСТЬ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ: ВЗАИМОСВЯЗИ И РАЗЛИЧИЯ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧНОГО РЕГИОНА РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Омельченко Д. А., Максимова С.Г. Барнаул (Россия)

Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 22-28-01120 «Модели конструирования религиозной идентичности в приграничных регионах России: институциональные механизмы, стратегии и практики» (2022-2023 гг.).

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования в четырех регионах азиатского приграничья (Новосибирская область, Алтайский край, Республика Алтай, Республика Тыва, n = 1860, 18-70 лет). Целью анализа являлось сопоставление этничности и религиозности, оцениваемых через вопросы, направленные на самоидентификацию и определение тесноты близости с этническими и религиозными группами, уровня религиозности по индексу центральности религиозности.

Результаты указывают на то, что в современных условиях религиозная и этническая идентичность граждан складывается под влиянием этноконфессионального состава региона и определяется его спецификой. В национальных регионах наблюдается гипертрофированная идентичность у представителей регионообразующего этноса, тогда как у других этнических групп фактор этничности актуализирован в меньшей степени. Проявления религиозности, вероятно в силу необходимости больших усилий, менее сильны, имеет место асимметричная взаимосвязь между этничностью и религиозностью населения, проявляющаяся в большей этнизации религиозных, нежели конфессионализации этнических отношений.

Ключевые слова: этничность, религиозность, этническая идентичность, религиозная идентичность, полиэтничный регион, приграничье

ETHNICITY AND RELIGIOSITY: INTERRELATIONSHIPS AND DIFFERENCES IN THE POLYETHNIC REGION OF THE RUSSIAN BORDERLAND

Omelchenko D. A., Maximova S.G. Barnaul (Russia)

The publication was prepared within the framework of the project RNF 22-28-01120 «Models of construction of religious identity in border regions of Russia: institutional mechanisms, strategies and practices» (2022-2023).

Abstract. The article presents the results of sociological research in four regions of the Asian borderland (Novosibirsk oblast, Altai krai, Republic of Altai, Republic of Tyva, n = 1860, 18-70 years). The purpose of the analysis was to compare ethnicity and religiosity, evaluates by questions aimed at self-identification and determination of closeness with ethnic and religious groups, the level of religiosity according to the index of centrality of religiosity (CRI-20). The results indicate that, in modern conditions, the religious and ethnic identities are influenced by the ethno-religious composition of the region and determined by its specificity. In the national regions there is a hypertrophied identity among members of the regional ethnic group, while in other ethnic groups the ethnic factor is less actualized. The level of social aspect of religious identity is lower in comparison with ethnic identity, and there is an asymmetrical relationship, manifested in the ethnization of religious rather than the confessionalization of ethnic relations.

Keywords: ethnicity, religiosity, ethnic identity, religious identity, multi-ethnic region, borderland

В современной России вопросы, связанные с межэтническими, межрелигиозными отношениями, имеют характер приоритетных,

отраженных в государственных концепциях, стратегиях, доктринах в области национальной, конфессиональной, миграционной, культурной, образовательной и других политик. Развиваясь в параллельных траекториях и преследуя свои специфические цели и задачи, – эти политики в целом направлены на реализацию прав этнических и религиозных общностей на свободу самоопределения и самовыражения, сохранение и развитие исторических, культурных ценностей при достаточно явно артикулированном приоритете обеспечения безопасности этих отношений, совладания с вызовами и проблемами, продуцируемыми глобальными, национальными и локальными факторами. Приграничные регионы в силу существенных различий в географическом, экономическом положении, этническом составе, являются регионами, выступающими, с одной стороны, зонами активного транснационального сотрудничества, имеющего свою специфику (так, трансграничные контакты в регионах Северо-Запада имеют сильный финно-угорский «крен», западные – завязаны на взаимоотношениях с Украиной, Белоруссией и европейскими странами, южные – со странами Кавказа и Закавказья, Центральной Азии, дальневосточные – с Китаем и странами Азиатско-Тихоокеанского региона, хотя такое разделение, конечно же, весьма условно), с другой, – являются территориями с повышенными рисками напряженности межэтнических и межконфессиональных отношений, требующими полного погружения в исторический контекст территориальных, лингвистических, культурных споров и противоречий [4]. В этой связи изучение взаимосвязей между этническими и религиозными аспектами социальных отношений в приграничных регионах имеет непреходящую научную и практическую значимость.

Анализ научной литературы показывает тесную взаимосвязь между религией и этносом, что находит отражение в частом обозначении каких-то явлений или групп как этноконфессиональных (фактически в этом термине понятия смешиваются). С одной стороны, религия способствует сохранению этнических и культурных традиций, помогает адаптироваться в новом обществе, выступает значимым источником этнической идентичности, что особенно отмечается в миграционных исследованиях [6]. С другой, изменение религиозного ландшафта под влиянием миграционных процессов порождает новые модели поведения и транснациональные практики, включая религиозные, которые могут не только способствовать, но и препятствовать выбору конструктивных стратегий аккультурации у представителей этнических групп [3]. Несмотря на то, что религия часто является значимым компонентом этнической культуры,

характер связи между ними не является линейным: не вполне понятно, является ли религиозная принадлежность главным и значимым фактором интеграции этнического сообщества или же религиозные ориентации выступают одним из компонентов этнической идентичности. Иногда социальные сообщества подчеркивают их религиозную идентичность больше, чем этнические основания, тогда как в других случаях этническая идентичность выносится на первый план, тогда как религиозные институты используются только для того, чтобы сохранить культурные традиции и обозначить этнические границы [7, 8]. Как очень точно и справедливо отмечает О. Казьмина, этнические и конфессиональные общности – это два разных вида социальных объединений, которые часто проживают на одной территории и представляют одни и те же совокупности людей. Границы между этими видами общностей иногда причудливо пересекаются между собой, порой происходит этнизация конфессии и конфессионализация этноса [2]. В методическом плане вопрос сопоставления этничности и религиозности социальных групп предполагает нахождение адекватных инструментов, способных отразить их мировоззренческие, когнитивные, эмоциональные, идентификационные и поведенческие компоненты и взаимосвязи. Эмпирически это решается посредством анализа этнического состава конфессий и конфессионального состава этнических групп, выраженности религиозной и этнической идентичности, религиозности и этничности, сопоставления мнений и установок этнических групп в отношении религиозных тем и особенной восприятия межэтнических отношений представителями различных религий, в целом, проведение комплексного анализа, способного пролить свет на широкую палитру взаимосвязей между этносом и религией.

В 2022 году научным коллективом Алтайского государственного университета в рамках проекта РФФ четырех приграничных регионах России – Алтайском крае, Новосибирской области, республиках Алтай и Тыва проводилось социологическое исследование, направленное на изучение различных аспектов проявления религиозности населения, в том числе изучались вопросы, связанные с этнической принадлежностью респондентов и оценкой близости с различными социальными общностями, а также проводилась оценка восприятия различных религиозных групп. Выбор регионов определялся следующими факторами: с одной стороны, все четыре региона принадлежали к общей зоне азиатского приграничья (Алтайский край и Новосибирская область граничат с Казахстаном, Республика Алтай – с

Казахстаном, Монголией и Китаем, Республика Тыва – с Монголией), с другой, – имели особенности этнического и конфессионального состава, обладающие значительным потенциалом для сравнительного анализа. Выборочная совокупность составила 1860 человек от 18 до 70 лет, способ сбора данных – онлайн опрос с контролем территориальных и социально-демографических параметров генеральной совокупности.

Этнический состав опрошенных в регионах в целом соответствовал результатам последней переписи [1] и обеспечивал представительность наиболее многочисленных этнических групп (немцев, армян, казахов, таджиков и некоторых других). Русские в Алтайском крае составили 72,0% от выборочной совокупности, в Новосибирской области – 76,8%, в Республике Алтай – 48,3%. В Республике Тыва их доля была минимальной – 6,1%, тогда как доминирующее положение занимали тувинцы, включая тувинцев-тодзинцев (82,4%). Кроме русских в Алтайском крае было опрошено 13,0% респондентов других национальностей, 7,0% – со смешанной этнической идентичностью и 6,0% – с неэтническими идентификациями (респондентов, определяющих себя по гражданству или имеющих космополитическую направленность идентичности). В Новосибирской области доля иноэтнических граждан составила 4,0%, со смешанной национальностью – 13%, с неэтническими идентификациями – 5,5%. В Республике Алтай, кроме русских, значительную долю занимали алтайцы, включая алтай-кижи, теленгитов, а также кумандинцы (29,3%), другие этносы составили 9,6%, смешанные идентичности – 8,4%, неэтнические идентификации – 4,1%. В Республике Тыва другие этносы практически не были представлены (1,6%), тогда как доля смешанных и иных идентификаций не превышала 5%.

Для определения и сопоставления выраженности этнической идентичности респондентам задавался вопрос о том, насколько близко они ощущают близость с представителями своей этнической общности. Около 40% респондентов по всей выборке независимо от региона проживания указали, что они в значительной степени идентифицируют себя со своим этносом, однако эта доля имела большой разброс по отдельным регионам и этническим группам.

Доля лиц с выраженной этнической идентичностью была максимальной в Республике Тыва (62,8%) и Республике Алтай (47,7%) и минимальной в Новосибирской области (31,0%) и Алтайском крае (36,3%). Заметна тенденция акцентирования на своей этнической идентичности в национальных республиках и снижение важности этнического фактора в регионах с доминирующим русским населением

и большим количеством граждан, замещающих этническую идентичность на другие варианты. Детерминация региональных показателей особенностями этнического состава наиболее ярко проявилась в ходе анализа выраженности этнической идентичности в разрезе этносов и групп, сформированных по количеству идентификаций и их описательным характеристикам. Если среди русского населения приграничных регионов доля лиц, имеющих тесную эмоциональную связь со своим этносом составила около 40% (среднее значение по выборке в целом), среди «других» национальностей эта доля была аналогичной (39,5%), то для титульных этносов национальных республик – алтайцев и тувинцев этот показатель приближался к 70%, что разительно отличало их от других этнических групп (для сравнения, в группе казахов доля лиц с сильной идентичностью составила 41,7%, среди немцев, армян, татар, таджиков – 10-25%). В группе респондентов со смешанной идентичностью доля имеющих тесную близость также была невысокой – 25,5%, среди предпочитающих идентифицировать себя как «славяне», «сибиряки», «россияне» или просто «люди» – 24,1%.

Выраженность религиозности оценивалась с помощью комплексной методики Ш. Хубера CRS-20, включающей пять ключевых измерений, оценивающих идеологические, интеллектуальные аспекты религиозности, роль частных и публичных практик, религиозного опыта [5]. Результаты по объединенным данным показали, что средний уровень религиозности населения приграничных регионов составил 2,6 балла по пятибалльной шкале, доля лиц с высокой религиозностью – 8,5%. Самые низкие показатели религиозности ожидаемо были в группе респондентов, не считающими себя верующими (1,7 балла), а также среди тех, кто верит, но не может точно назвать свое вероисповедание (неопределенно верующих) (2,7 балла). Максимальный индекс религиозности – у мусульман (3,5 балла) и инославных христианских конфессий (католиков, протестантов, баптистов и др.) (3,3 балла), у православных его средние и медианные значения были близкими к середине шкалы (3,0 балла).

Статистический анализ показал, что достоверно различались только средние показатели неверующих и сторонников ислама, тогда как различия между другими группами лежали в пределах статистической погрешности, что, с одной стороны, указывало на валидность инструментария, его способность измерять религиозность в мультиконфессиональных условиях, с другой стороны, подтверждало, что не религия сама по себе, а индивидуальные особенности восприятия, принятие религиозных правил и опыт лежат в основе

проявления религиозности. Нельзя сказать, что православные верят менее сильно, чем мусульмане, однако, если сравнивать доли лиц с высокой религиозностью, то можно отметить, что их количество действительно существенно выше среди представителей некоторых религий – ислама, неправославных христианских деноминаций (пятидесятников, адвентистов седьмого дня), последователей неоязыческих течений (в этих группах доля высокорелигиозных превышает 20%), тогда как среди буддистов и православных она составляет 11-13%, среди последователей «алтайской веры», шаманистов и лиц, сочетающих в своем образе жизни шаманское и буддистское учения – 7-9%. Такой разброс значений нельзя объяснить какой-то одной причиной, однако можно предположить, что в случае православия и буддизма имеет место проявление так называемой идентификационной религиозности, когда человек идентифицирует себя с какой-то религией или конфессией, но эта идентичность не всегда сопровождается глубокими религиозными переживаниями и опытом взаимодействия с трансцендентным. Низкие показатели у шаманизма и «алтайской веры» – объясняются, на наш взгляд, практическим отсутствием публичного измерения, поскольку в этих религиях слабо выражено понятие религиозной общины, нет практик (или они имеют значительно видоизмененный вид по сравнению с другими религиями) посещения храма, отправления молитвы, то есть основные измерения индекса «работают» с этими религиями не совсем так, как к «большими» традиционными религиями.

Корреляция между индексом религиозности и показателем религиозной идентичности, оцениваемым аналогично с этнической идентичностью, составила $\rho = 0,45$, что указывало на несомненную и достоверную положительную взаимосвязь ($p < 0,01$). При этом, среди тех, кто испытывал тесную близость с представителями своего вероисповедания, только 21,4% – имели высокие показатели религиозности, тогда как у 65,1% она была выражена на среднем, а еще у 13,5% – на низком уровне, что подтверждало наш тезис о нелинейной и неоднозначной взаимосвязи между различными компонентами и проявлениями религиозности, и о том, что для многих верующих ключевым являлся именно социальный аспект – возможность принадлежать к определенной группе верующих, быть частью определенной религиозной культуры.

Особый интерес представляли результаты перекрестного анализа взаимосвязей между «этническими» и «религиозными» вопросами инструментария

Корреляция между показателями тесноты связи с этническими и религиозными группами составила 0,48. По регионам различия во взаимосвязи несущественны, что подтверждается сравнительным анализом коэффициентов (Fisher's $z = -1,5497$, $p = 0,06$, $CI (95\%) = -0,1893, 0,0224$). В Алтайском крае коэффициент корреляции составил – 0,41, в Новосибирской области – 0,46, в Республике Тыва – 0,43, в Республике Алтай 0,51. Иными словами имело место наложение идентичностей, но не их тождественность. Около 80% респондентов со значительной степенью близости к представителям своей религии имели такую же связь со своим этносом, тогда как противоположная ситуация, когда связь с религиозной группой не сопровождалась этнической идентификацией, являлась достаточно редкой (всего 1,4%). Между тем, наши данные показали наличие асимметрии во взаимосвязях. Когда проводился реверсивный анализ, и сопоставлялось распределение по тесноте связей с религиозной группой у лиц с разным уровнем этнической идентификации, оказалось, что лица с сильной этнической идентичностью только в половине случаев (50,2%) имели сильную связь с представителями своего вероисповедания, при этом 10,5% – совсем не ощущали близости со своими единоверцами или же, что еще более вероятно, сами не являлись верующими. Таким образом, данные указывали, во-первых, на то, что этническая принадлежность являлись более значимым маркером идентичности жителей приграничных территорий (41,6% с высокими показателями), чем религиозная идентичность (26,5% соответствующих ответов), во-вторых, имело место более частое проявление этнизации конфессиональных отношений, чем конфессионализация этнических связей. Сопоставление индекса религиозности в группах по выраженности этнической идентичности показало статистически значимые различия (t -test, $p < 0,01$): в группе лиц с выраженной этнической идентичностью уровень религиозности был достоверно выше (2,85 балла) по сравнению с жителями приграничных регионов (2,44 балла), однако размер эффекта, оказываемый этничностью, скорее посредственный (Cohen's $d = 0,45$).

Проведенный анализ в этнических группах показал, что наибольший уровень религиозности отмечался в группах казахов, армян, тувинцев, таджиков, а меньший – среди лиц с неэтнической идентификацией (2,3 балла), русских (2,5) и в малочисленных этнических группах, отнесенных при группировке к «другим» (2,4). Между тем, эти различия не являлись значительными (всего 0,1-0,2 балла), и сравнения средних значений по группам не являлось вполне адекватным. Оказалось, например, что среди некоторых групп

(например, казахов, армян), доля лиц с высокой религиозностью довольно высока (27-32%), тогда как среди других с близким средним баллом (татар, тувинцев) – очень мала (7-8%), что ставит перед исследователями новые вопросы, ответ на которые планируется найти на последующих этапах анализа.

Таким образом, сопоставление этнических и религиозных характеристик идентичности населения показало широкую палитру проявлений и взаимосвязей. Обследованные приграничные регионы являются глубоко полиэтничными и поликонфессиональными, однако это многообразие обеспечивается не только количеством проживающих на данных территориях этносов или исповедуемых религий. Гораздо большую пестроту образуют внутри- и межгрупповые варианты осмысления и демонстрации этнической и религиозной принадлежностей, образующие континуум от крайне слабых проявлений и даже отрицания существования этничности и религиозности как значимых факторов, определяющих образ мысли и поведения, до демонстрации полной приверженности ценностям и нормам своего этноса и религии. Различия между национальными регионами и регионами с доминирующим «русским» ядром проявляются прежде всего в выраженности этнической идентичности у национальных групп, этнонимы которых легли в названия республик. Укажем и на то, что в национальных республиках гораздо выше доля граждан, обладающих одновременно выраженной этнической и религиозной идентичностью (26-37%) по сравнению с «русскими регионами» (12,4% в Новосибирской области и 15,3% в Алтайском крае). Однако, не менее важны соотношения между верующими и неверующими, лицами с гомогенной и смешанной идентичностью, сочетания этнических и религиозных идентификаций, указывающие на то, что в каждом регионе имеется особая модель этноконфессиональных отношений, формирующаяся на основе уникального историко-культурного наследия под влиянием широкого спектра факторов, среди которых немаловажную роль играют миграционные процессы, инфраструктура национальных и религиозных объединений, особенности реализации национальной политики и другие обстоятельства. Описанию этих моделей будут посвящены последующие публикации.

Литература

1. Всероссийская перепись населения 2020 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 2.06.2023).

2. *Казьмина О.Е.* Связь этноса и конфессии. проявление этой связи в религиозной ситуации в Белоруссии. URL: <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/svyaz-etnosa-i-konfessii-proyavlenie-etoy-svyazi-v-religioznoy-situatsii-v-belorussii/>(дата обращения: 2.06.2023).
3. *Леденева В.Ю., Бегасилов Б.Т.* Влияние религиозного фактора на процессы интеграции мигрантов-мусульман в России. Вопросы управления. 2021. № 1 (68). С. 118-130.
4. *Шинковский М.Ю.* Трансграничное сотрудничество как рычаг развития российского Дальнего Востока // ПОЛИС. Политические исследования. 2004. № 5. С. 62-70.
5. *Huber S., Huber O.W.* The centrality of religiosity scale (CRS). Religions. 2012. No. 3(3). P. 710-724.
6. *Min P.G.* Preserving ethnicity through religion in America. In Preserving Ethnicity through Religion in America. New York University Press, 2010.
7. *Peek L.* Becoming Muslim: The development of a religious identity. Sociology of religion. 2005. No. 66(3). P. 215-242.
8. *Rico T.* Islam, heritage, and preservation: an untidy tradition. Material religion. 2019. No. 15(2). P. 148-163.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛЮДЕЙ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

Осипова Е.Н., Барнаул (Россия)

Аннотация: В статье обозначается проблема информационной безопасности людей пожилого возраста, рассматриваются факторы, влияющие на возникновение информационных угроз. Рассматриваются наиболее распространённые способы мошенничества в отношении людей пожилого возраста.

Ключевые слова: пожилые, информационная безопасность, информационные угрозы

INFORMATION SECURITY OF THE ELDERLY PEOPLE

Osyova E.N., Barnaul (Russia)

Abstract: The article highlights the issue of the elderly people information security and considers factors, causing information threats. The most common ways of fraudulent actions against the elderly people are being scrutinized.

Keywords: the elderly, information security, information threats

Согласно международным критериям, население считается старым, если доля людей в возрастах 65 лет и более во всем населении превышает 7%. По данным Росстата, на 1 января 2022 года каждый седьмой россиянин, т.е. 16,0% жителей страны, находился в возрасте 65 лет и старше. Следует отметить, что процесс демографического старения населения в гораздо большей степени характерен для женщин. В структуре населения вышеуказанного возраста женщины составляют около двух третей (66,5%). По прогнозам, к 2030 году численность лиц старше трудоспособного возраста превысит 29% населения страны [1, с. 55-56]. Это актуализирует внимание к изучению проблем старшего поколения, в том числе и при переводе государственных услуг в электронный вид, когда многим пожилым людям сложно получить данные услуги без помощи специальных социальных служб или родственников. И дело не только в низкой компьютерной грамотности, разных возможностях технического оснащения, но и особенностях мировоззрения, связанного с различными условиями социализации поколений, территорией проживания, сферой занятости. Одним из факторов влияния, например, выступает и сам стереотипный образ старости, закрепленный в общественном сознании, в том числе, и через СМИ [4, с. 163]. Таким образом, необходимость обеспечения информационно-психологической безопасности людей пожилого возраста является актуальной проблемой современности.

Современные люди становятся все более зависимыми от информации, поступающей преимущественно из электронных источников и оказывающей серьезное влияние на представления, ценности, эмоции, действия. В условиях снижения информационно-психологической безопасности особенно уязвимыми к информационному воздействию оказываются люди пожилого возраста. Именно им сегодня все труднее ориентироваться в большом количестве информации и средств взаимодействия с нею. Как следствие, нарастает немотивированная тревожность, появляется и закрепляется депрессивность, формируются асоциальные личностные черты [5, с.102-103]. В позднем периоде жизни человек сталкивается с множеством проблем, обусловленных как анатомо-физиологическими, так и нервно-психическими и психосоциальными особенностями. В это время серьезно изменяется позиция личности в обществе, она проявляется в основном в снижении социального статуса, в потере человеком важных социальных ролей, в сужении социального мира. С возрастом происходят существенные физические и социальные изменения, меняется субъективное отношение пожилого человека к

ним. Появляется все больше факторов, от которых зависит не только физическое, но и психологическое здоровье человека. Одним из таких факторов выступает информационная среда, которая, как известно, оказывает серьезное воздействие на состояние здоровья и долголетие пожилых людей. Именно в этот период человек становится все более уязвимым, особенно для манипулятивных воздействий. Будучи социально уязвимой категорией населения, пожилые люди достаточно легко становятся жертвами мошенников. Неумение пользоваться современными коммуникационными технологиями, оценивать достоверность той или иной информации, слабая информированность по ряду вопросов, некритичное отношение к официально заявленной информации, обостренная потребность в общении, доверчивость и открытость, ограничение возможности обратиться за помощью, изолированность, – вот основные причины незащищенности пожилых людей [2, с. 265-275].

Под информационной безопасностью людей пожилого возраста понимается совокупность действий и факторов информационной среды, которые создают опасность нанесения ущерба их психологическому и, как следствие, физиологическому здоровью, способствуют возникновению у них состояния незащищенности от негативного воздействия информации. Несмотря на высокую значимость информационной безопасности личности, ее обеспечению в позднем периоде жизни не уделяется должного внимания [3, с. 24].

К числу наиболее распространенных способов мошенничества в отношении людей пожилого возраста относятся:

- визит домой под видом представителей государственных организаций, например, Пенсионного фонда РФ, социальной службы и т. д. Мошенники проникают в дом граждан, дезинформируют их и совершают в отношении них преступные действия;

- телефонные звонки с заведомо ложной информацией – это могут быть звонки с просьбой о помощи, с требованием погашения задолженности, доступа к банковским картам из-за фиктивной попытки несанкционированного владельцем съема денежных средств некими мошенниками и другие;

- обман-рассылка – сообщения о выигрыше, доступ к услугам через отправку сообщений и т. д.;

- сетевой маркетинг – предложение «выгодно» приобрести какой-нибудь товар, будь то медицинский препарат или бытовой прибор, средства бытовой химии и прочее.

Особенно часты визиты мошенников к пожилым людям под видом работников коммунальных и социальных служб. Вследствие

повышенной доверчивости пожилые люди, особенно одинокие, запускают в свой дом граждан, которые, например, представились сотрудником какой-либо значимой для пожилого человека организации. Зачастую пожилые люди даже не проверяют их документы, не звонят в организации, представителями которых мошенники себя называют, чтобы проверить достоверность полученной информации. Только после ухода незнакомцев потерпевшие понимают, что их обманули, обнаруживают пропажу вещей или денег. Распространены телефонные звонки с заведомо ложной информацией. Преступники разговаривают от имени родственников либо сотрудников правоохранительных органов, сообщая о том, что их родные, например, совершили тяжкое преступление, попали в дорожно-транспортное происшествие или какое-то медицинское учреждение. При этом всегда в качестве меры решения проблемы пожилым предлагается необходимость внесения определенной суммы денег. Для передачи денежных средств, мошенники представляются, например, главными врачами и предлагают прислать курьера на дом. В последние годы широкую популярность получили смс-рассылки или электронные письма с сообщениями о выигрыше автомобиля либо других ценных призов. Для получения «выигрыша» злоумышленники чаще всего просят перевести на электронные счета определенную сумму денег, мотивируя это необходимостью уплаты налогов, таможенных пошлин, транспортных расходов и т. д. После получения денежных средств они перестают выходить на связь либо просят перевести дополнительные суммы на оформление выигрыша. Часто преступники предлагают пожилым людям приобрести лекарственные средства, медицинские приборы по заниженной цене, получить бесплатные врачебные и иные услуги на дому. Эти мошенники могут иметь начальное медицинское образование и в полной мере владеть специальной терминологией, использовать соответствующую атрибутику – халаты, медицинскую технику, бланки рецептов, тем самым вводя в заблуждение пожилых людей и провоцировать их на нежелательные для их дальнейшего психологического, а порой и физического состояния поступки. Например, при общении по телефону с гражданами пожилого возраста мошенники ссылаются на проведение различных социальных и благотворительных программ, представляются сотрудниками известных медицинских учреждений, дистанционно ставят диагнозы, при этом сразу назначают курс лечения якобы эффективным средством, и тут же предлагают его приобрести.

Таким образом, в результате воздействия информационной среды пожилые люди подвергаются опасности, им все труднее сохранять свое психическое, физическое и социальное благополучие. Именно поэтому требуется решение проблемы обеспечения информационной безопасности пожилых людей.

Для обеспечения информационной безопасности пожилых людей создана обширная правовая основа. Так, официальный взгляд государства на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере представляет Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», в котором представлены определения понятий «информационная сфера» и «национальные интересы Российской Федерации в информационной сфере», «обеспечение информационной безопасности» [7]. Однако, одной только правовой стороны обеспечения информационной безопасности недостаточно, необходимо всестороннее изучение проблемы. Определенные научные наработки в этой сфере уже имеются, но их крайне мало.

Практика показывает, что для обеспечения информационной безопасности необходимо вовлекать пожилых людей в информационную сферу, максимально содействуя осваиванию ими компьютерных и информационных технологий с целью социальной адаптации в информационной среде. Следует повышать уровень информированности данной категории граждан о потенциальных угрозах и возможностях реализации их прав посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий. Повышению качества жизни пожилых людей, повышению их информационной грамотности будет способствовать вовлечение в общественно значимую деятельность через информационно-телекоммуникационные ресурсы. Информационная грамотность в нашем понимании определяется навыками использования пожилыми людьми компьютера, знание и умение работать с информационными порталами и сайтами, которые направлены на упрощение и реорганизацию бытовых операций, а также на повышение социальной активности [6, с. 87-88].

Литература

1. *Зубова О.Г.* Цифровизация и качество жизни пожилых людей в современном российском обществе // Социология. 2022. № 5.

2. Модели конструирования новой геронтологической реальности и адаптивные стратегии населения России. /Под общ. ред. С.Г. Максимовой. Барнаул, Азбука, 2013.495с.
3. *Нестик Т.А., Задорин И.В.* Отношение россиян к глобальным рискам: социально-демографические и психологические факторы восприятия угроз // Мониторинг общественного мнения. 2020. № 5(159).
4. *Павлова Т.А.* Понятие социальной безопасности в социогуманитарных науках //Социология в современном мире: наука, образование, творчество: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. С.163-164.
5. Постановка проблемы информационно-психологической безопасности людей пожилого возраста. Бересток Т.Б. // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2020. № 5.
6. *Пустовалова Е.В.* Информационная безопасность человека в современном мире. //Современные угрозы социальной безопасности населения региона: сборник статей под ред. Колесниковой О.Н., Нагайцева В.В. Барнаул: Азбука, 2013. С. 85-88.
7. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЖИТЕЛЕЙ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ РАЗНОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

**Потапова Ю.В., Маленова А.Ю., Маленов А.А., Потапов А.К.,
Омск (Россия)**

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20375, <https://www.rscf.ru/project/22-28-20375/>, гранта в форме субсидии, предоставленного из бюджета Омской области, Соглашение № 22-с

Аннотация. В исследовании ставится цель сопоставить компоненты субъективного благополучия школьников Омской области разной национальности. Опрошены 498 человек, из них представителями самых крупных этнических групп являются русские, татары, украинцы, казахи и немцы, что соответствует этническому составу населения Омской области. Выявлено, что значимые отличия наблюдаются в области гедонистического и социально-нормативного благополучия, при этом самый высокий их уровень наблюдается у татар. Самый высокий интегральный показатель субъективного благополучия наблюдается у русских.

Слабее прочих компоненты субъективного благополучия и его интегральный показатель выражены у представителей небольших этнических общностей, что может быть связано с их фрустрацией по поводу отсутствия в их ближайшем окружении людей со сходными культурными характеристиками.

Ключевые слова: субъективное благополучие, национальность, Омская область

SUBJECTIVE WELL-BEING OF RESIDENTS OF THE OMSK REGION OF DIFFERENT NATIONALITIES

Potapova Yu.V., Malenova A.Yu., Malenov A.A., Potapov A.K., Omsk (Russia)

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (RSF) № 22-28-20375, <https://rscf.ru/en/project/22-28-20375/>, by a grant in the form of a subsidy provided from the budget of the Omsk Region, Agreement No. 22-s

Abstract. *The study aims to compare the components of the subjective well-being of schoolchildren of the Omsk region of different nationalities. 498 people were interviewed, among them representatives of the largest ethnic groups – Russians, Tatars, Ukrainians, Kazakhs and Germans, that corresponds to the ethnic composition of the population of the Omsk region. It was revealed that significant differences are observed in the field of hedonistic and social-normative well-being, while their highest level is observed among the Tatars. The highest integral indicator of subjective well-being is observed among Russians. Weaker than other components of subjective well-being and its integral indicator are expressed among representatives of small ethnic communities, which may be due to their frustration about the absence of people with similar cultural characteristics in their immediate environment.*

Keywords: *subjective well-being, nationality, Omsk region*

Омская область представляет собой мультикультурное пространство, на котором помимо представителей титульной нации (русских) проживают также люди иных национальностей. По данным сайта «РосИнфоСтат», национальный состав Омской области включает 84,9% русских, 3,2% казахов, 1,9% украинцев, 1,3% немцев, 1,8% татар [1]. Современная экономическая и политическая ситуация могут способствовать обострению межэтнических отношений, поэтому важно производить своевременный мониторинг параметров не только объективного (заключенного в основном в материальном положении жителей территории), но субъективного благополучия, которое может быть определено, как «понятие, выражающее собственное отношение человека к своей личности, жизни и процессам, имеющим важное для

нее значение с точки зрения усвоенных нормативных представлений о «благополучной» внешней и внутренней среде и характеризующееся переживанием удовлетворенности» [2, с. 238]. Особенно важным это бывает для более уязвимых социальных групп, в которых феномены буллинга на почве межэтнических разногласий могут существенно снижать удовлетворенность жизнью. К таким группам небезосновательно можно отнести подростков и старшекласников.

Целью нашего исследования было изучение и сравнение субъективного благополучия и его компонентов у школьников Омской области разной национальности.

Методики исследования: диагностика субъективного благополучия личности Р.М.Шамянова, Т.В.Бесковой [3]. Методы математической статистики: Н-Критерий Крускала-Уоллиса, однофакторный дисперсионный анализ.

Выборка: учащиеся средних образовательных учреждений г. Омска в количестве 498 человек, из них 87,9% – русские, 2,4% – немцы, 1,8% украинцы, 1,6 % казахи, 1,4% татары, 4,8% – прочие национальности. Сравнение производилось по указанным выше группам, так как помимо русских наиболее распространенными в Омской области являются такие национальности, как казахи, немцы, татары и украинцы.

Обнаружены значимые различия в уровне гедонистического ($\chi^2=15,75$, $p\leq 0,01$) и социально-нормативного ($\chi^2=13,86$, $p\leq 0,05$) благополучия. При этом лидируют в области гедонистического благополучия (удовлетворение базовых потребностей, в т.ч. в безопасности) татары (средний балл 3,86 из 5 возможных), немцы (3,83) и русские (3,81).

Самым высоким социально-нормативным благополучием (оценка соответствия своих действий социальным нормам и эталонам) обладают татары (4,14), русские (3,88) и немцы (3,62).

Национальность является значимым фактором формирования интегрального показателя – субъективного благополучия ($F=2,78$, $p\leq 0,05$). Наиболее высок он у русских (3,69), татар (3,65) и казахов (3,65).

Самыми слабо выраженными эти параметры были у представителей более мелких этнических общностей (условно названных группой прочих национальностей) – 3,11 балла для гедонистического, 3,39 для социально-нормативного и 3,25 для субъективного благополучия. Это можно объяснить тем, что молодые люди с выраженной этнической идентичностью могут сложно переживать отсутствие вокруг представителей своей национальности,

с которыми у них были бы схожи взгляды, ценности и культурные ориентиры.

Литература

1. РосИнфоСтат: Население Омска по данным Росстат. URL: <https://rosinfostat.ru/naselenie-omska/> (дата обращения: 19.05.2023).
2. Шамионов Р.М. О некоторых преобразованиях структуры субъективного благополучия личности в разных условиях профессиональной социализации // Мир психологии. 2010. № 1. С. 237-249.
3. Шамионов Р.М., Бескова Т.В. Методика диагностики субъективного благополучия личности // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 60. С. 8. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n60/1602-shamionov60.html>. (дата обращения: 05.05.2023).

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Саютина И.П., Барнаул (Россия)

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена неблагоприятной демографической ситуацией в сфере рождаемости, уровнем смертности, сокращением численности трудоспособного населения, миграцией. Цель исследования – анализ демографической безопасности сельских территорий в контексте кризисных явлений в демографических и миграционных процессах, а также анализ демографических угроз и ограничений, препятствующих социально-демографическому развитию сельских территорий. Информационная база исследования сформирована на основе данных, опубликованных на официальном сайте Росстата.

Ключевые слова: демография, безопасность, депопуляция, старение населения, сельские территории, трудоспособное население

DEMOGRAPHIC SECURITY OF RURAL AREAS ALTAI TERRITORY

Sayutina I.P., Barnaul (Russia)

Abstract. The relevance of the article is due to the unfavorable demographic situation in the field of fertility, mortality rate, reduction in the number of able-bodied population, and migration. The purpose of the study is to analyze the demographic security of rural areas in the context of crisis phenomena in demographic and migration processes, as well as the analysis of demographic threats and restrictions that hinder the socio-demographic

development of rural areas. The information base of the study was formed on the basis of data published on the official website of Rosstat.

Keywords: *demography, security, depopulation, population aging, rural areas, able-bodied population*

На современном этапе развития российского общества все большую актуальность приобретают вопросы, связанные с социально-демографической безопасностью, их влиянием на различные виды безопасности [1, 8, 9]. Изучение вопросов социально-демографической безопасности сельских территорий позволит выявить позитивные и негативные тенденции, определить причины их возникновения и критические границы развития, позволит разработать комплекс мер с последующей их реализацией, ориентированный на снижение угроз и их негативных последствий. Одним из важных приоритетов демографической политики Российской Федерации должна стать задача по увеличению численности сельского населения, в том числе трудоспособного возраста, повышение рождаемости, улучшение качества жизни в сельских территориях [3, 4, 9].

Целью исследования является анализ демографических угроз и ограничений, которые сдерживают социально-демографические показатели развития сельских территорий. По данным Росстата, численность постоянного сельского населения России на 1 января 2023 года составила 36,7 млн. человек (25,1%) от общего числа населения Российской Федерации, тогда как на 01.01.2017 она составляла 37,7 млн. человек (25,7%) [Официальный сайт Росстата]. По прогнозным оценкам, в среднесрочной перспективе сельское население составит 31,5 – 35,1 млн. человек (2045 г.) в зависимости от сценария демографического развития сельских территорий [2].

Только за 2021 год численность населения Алтайского края сократилась на 20,8 тыс. человек (или на 0,9% к предыдущему году), в том числе в городской местности – на 6,6 тыс. человек (или на 0,5%), в сельской местности – на 14,2 тыс. человек (или на 1,4%).

Социальная поддержка сельских семей является одной из стратегических задач государства. В Алтайском крае сельское население составляет 42,8% от общей численности населения. Отмечаются неблагоприятные изменения в возрастной структуре сельского населения: уменьшается количество работоспособных граждан, растет количество пенсионеров. Так, на начало 2021 года прослеживается снижение численности трудоспособного населения – на 15,3 тыс. человек (или на 1,2%), и составило на 01.01.2021 граждан в трудоспособном возрасте – 1239,8 тыс. человек, что составляет 54,0%

от общей численности населения края. По прогнозным оценкам численность городского населения трудоспособного возраста в 2021-2036 годы увеличится на 4,8%, а сельского населения – сократится на 3,7%. Это в первую очередь обусловлено тем, что молодежь не задерживается в деревне, после школы уезжает получать образование в крупные города, и редко кто возвращается обратно в село. Получив образование, сельская молодежь старается закрепиться и осесть в городе. Получить работу или продолжить уже найденную во время учебы, в учебных заведениях. Сельская жизнь для современной молодежи, особенно в контрасте жизни студента в городе, кажется скучной и тяжелой. Во многих селах до сих пор не преодолен уровень комфортности для сельских жителей: нет хороших дорог, центрального отопления, горячей воды, низкий уровень доступности: медицинских, образовательных, культурных, бытовых и других услуг. Серьезное отставание по качеству жизни сельских граждан от городских признают многие ученые.

Как видно из графика (рис. 1), коэффициент рождаемости в сельской местности за все представленные годы выше, чем в городской местности. При этом, коэффициент рождаемости по сравнению с 1990 г. – 2,419, сократился к 2021 г. и стал – 1,836. Доля женщин репродуктивного возраста в Алтайском крае, составлявшая на начало 2016 года 43,2% к началу 2021 года, снизилась до 42,4%, т. е. на 0,8 п. п. (за 10 лет сокращение составило 5,3 п. п.). Причиной снижения рождаемости является не только влияние структурных факторов, сокращение числа женщин детородного возраста, но и поведенческих, когда снижается потребность в детях, на первый план выходит потребность в образовании, успешной карьере, самореализации. Вместе с тем, в сельской местности сохраняется традиционная демографическая культура, и отмечаются потенциал и резервы роста рождаемости.

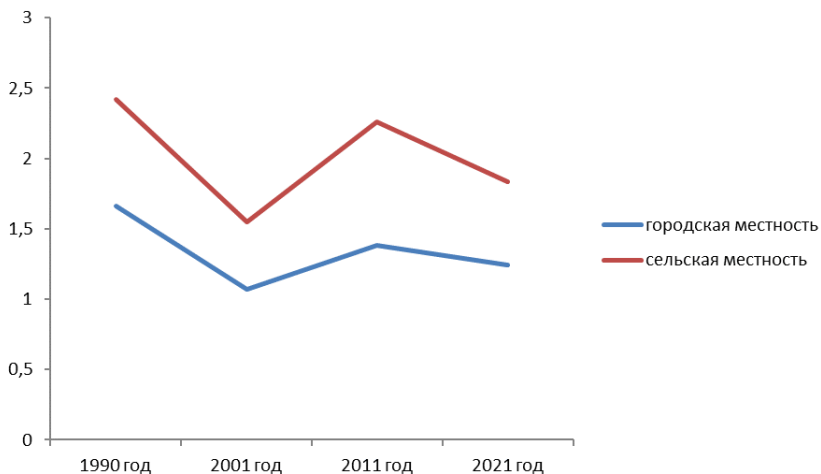

Рисунок 1 – Суммарный коэффициент рождаемости в Алтайском крае.

Не вполне благоприятная ситуация в сельской местности сказывается на трудовом потенциале современного села. Многие работодатели признают тот факт, что в селе трудно найти работника с определенными знаниями. Кадровая ситуация в сельской местности с каждым годом ухудшается. Заметен дефицит квалифицированных работников в учебных заведениях, здравоохранении, сельском хозяйстве.

Для того, чтобы молодые специалисты возвращались в село и оставались там жить и работать, государству необходимо создавать в селах комфортные условия для жизни, а также помогать в решении жилищных проблем. Данная поддержка со стороны государства очень важна в этом вопросе, поскольку сами молодые специалисты и молодые семьи вряд ли могут самостоятельно решить эти проблемы. Кроме того, в сельской местности практически не строят новые дома, тогда как старые приходят в негодность, становятся непригодными для жизни.

Проблема социальной защиты семей, живущих в сложных социально-экономических реалиях современной жизни села, весьма важна для российского общества. Основная задача государства заключается в том, чтобы облегчить тяжелую жизнь сельских жителей, повысить качество жизни жителей села, привлечь на село молодых специалистов.

Одним из стратегических демографических ограничений сельского развития является уменьшение числа лиц трудоспособного возраста, что понижает вероятность реализации оптимистического сценария демографического развития села. Так, по прогнозным оценкам, к 2036 году произойдет сокращение трудоспособного населения сельской местности по сравнению с 2021 г. на 3,7%, тогда как городского возрастет на 4,8%. В результате сокращения числа лиц трудоспособного возраста происходит дефицит кадров на селе, происходит нехватка рабочей силы в агропромышленном комплексе, медицине, образовании, культуре. Следовательно, необходимы инвестиции в человеческий капитал, здоровье, образование, качество жизни сельского населения. Как подчеркивают многие ученые, «демографический рост России возможен только при реальном увеличении социальных инвестиций и повышении эффективности расходования средств на социально-демографическую политику».

Рассмотрим структуру сельского и городского населения по возрастным группам на начало 2021 года.

Как показано на рисунках (рис. 2 и рис. 3), численность населения моложе трудоспособного возраста в сельской местности выше, чем городского. Вместе с тем, следует отметить, что потенциал и резервы роста рождаемости в сельских семьях, где сохраняется традиционная демографическая культура, выше, чем в городских. Важно не только создавать условия для реализации желаемых рождений, но и способствовать формированию репродуктивных установок молодых людей.

Рисунок 2 – Структура сельского населения по возрастным группам на начало 2021 года.

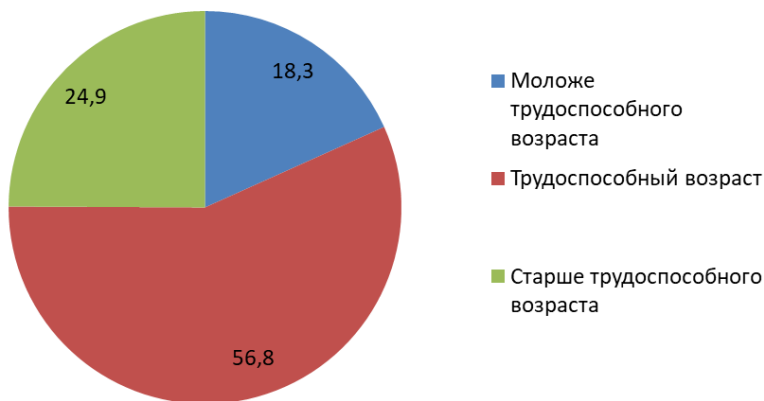

Рисунок 3 – Структура городского населения по возрастным группам на начало 2021 года.

Уменьшение плотности населения сельских территорий в связи с сокращением численности ведет к ухудшению геополитического положения страны. Из-за слабой заселенности сельских территорий возрастают угрозы миграционного давления на приграничные территории со стороны стран с высокой плотностью населения, повышается риск территориальной экспансии. В результате сложившейся отрицательной динамики изменения численности населения плотность населения Алтайского края в течение последних лет снизилась и на 01.01.2021 составила 13,7 человек на 1 кв. км (на 01.01.2016 – 14,2; на 01.01.2011 – 14,5).

Также важным ограничением развития сельских территорий и неблагоприятной структуры демографического развития села является депопуляция населения сельских территорий, когда смертность превышает рождаемость. На эту проблему обращала свое внимание Н.М. Римашевская с коллегами [7, с. 30-41]. Они считали, что на необходимость решения таких важных стратегических демографических проблем, государству следует обратить более пристальное внимание.

В Алтайском крае с 2018 года естественная убыль населения вновь стала превышать миграционную, и в 2020 году составила 18,2 тыс. человек, против 2,6 тыс. человек. В расчете на 1 тыс. человек населения коэффициенты естественного и миграционного приростов численности населения составили – 7,9% и – 1,0% соответственно. В

сумме они сформировали общий коэффициент убыли населения (на 1 тыс. человек) на уровне – 9,0% (в 2019 году он составил – 6,7%).

Рассмотрим естественное движение населения Алтайского края за 2017-2020 гг. представленное на рисунке 4.

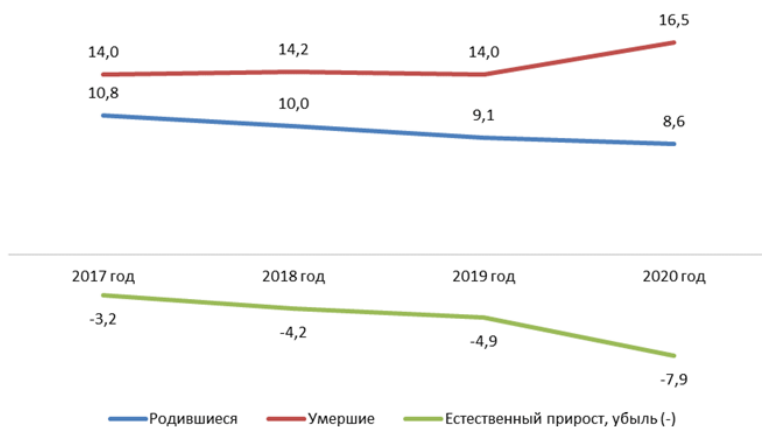

Рисунок 4 – Общие коэффициенты естественного движения населения Алтайского края (на 1000 человек населения).

Несмотря на ряд мер, принимаемых государством в социально-демографическом аспекте, на сегодняшний день сохраняется естественная убыль населения, которая за последние годы только увеличилась.

Анализ статистических данных позволяет сделать выводы, что демографический дефицит сельского населения Алтайского края выступает ограничением социально-демографического развития сельских территорий. Основные демографические угрозы и ограничения связаны с сокращением числа лиц трудоспособного населения, депопуляцией сельского населения, низкой степенью заселенностью сельских территорий, демографическим старением села, для привлечения в села молодых специалистов, необходимы инвестиции в человеческий капитал, здоровье, качество жизни сельского населения. Стратегическим приоритетом социально-демографического развития села является улучшение здоровья сельских жителей и сокращением смертности, в том числе в трудоспособном возрасте.

Литература

1. *Блинова Т.В.* Демографические угрозы и ограничения развития сельских территорий России// Вестник СГСЭУ.2018. №2 (71).
2. Демографический ежедневник России 2021 г: статистический сборник/Росстат. М., 2021.
3. Демография в Алтайском крае: О реализации демографической политики в Алтайском крае за 2020 г. Официальный сайт Министерства социальной защиты Алтайского края. URL: https://aksp.ru/work/gu_numbers/otchet_12_20.php (дата обращения: 18.02.2021).
4. *Ковальчук В.К.* Социально-демографические проблемы как фактор развития современного российского села//журнал Социодинамика на сайте nbpublish.com
5. Конкуренентоспособность агропродовольственного комплекса России в условиях глобальных вызовов/ А.А. Анфиногентова, Т.В. Блинова, И.Л. Воротников и др.; под общ. Ред И.Л. Воротникова. – Саратов: Амирит, 2017.
6. Официальный сайт Росстата Алтайского края// 22.rosstat.gov.ru/за 2021.
7. *Римашевская Н.М., Доброхлеб В.Г.* Основные направления совершенствования демографической и семейной политики в современной России //Народонаселение. 2013. № 1. С.30-41.
8. *Черепанова М.И., Максимова С.Г., Сарыглар С.А.* Социально-демографическая безопасность: оценка витального уровня человеческого капитала в Алтайском крае//Society and Security Insights.2021. №1. С.67-75.
9. *Шабунина А.А., Калачикова О.Н.* Демографический потенциал и стимулирование рождаемости //Народонаселение. 2016. № 4. С.47-56.

КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕТЕРМИНАНТ ПРИВЕРЖЕННОСТИ ПРОФЕССИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Сидоренко И.О., Барнаул (Россия)

Аннотация: *Изменения в системе высшего образования России приобретают эволюционный характер. В данной статье внимание сфокусировано на приверженности профессии преподавателя высшей школы в объяснении концепций социальных детерминант, где они раскроют основное содержание термина «концепция социальных детерминант». Следующим шагом в статье идет раскрытие ценностного аспекта содержания приверженности профессии с помощью социологического подхода к концепции социальных детерминант.*

Ключевые слова: *приверженность профессии, социальный детерминизм, мотивы, цели, социальные детерминанты, концепция*

CONCEPTS OF SOCIAL DETERMINANTS OF COMMITMENT TO THE PROFESSION OF A HIGHER SCHOOL TEACHER

Sidorenko I.O., Barnaul (Russia)

Abstract: *Changes in the system of higher education in Russia are becoming evolutionary. This article focuses on the commitment of the profession of a university teacher in explaining the concepts of social determinants, where the main content of the term "the concept of social determinants" will be revealed. The next step in the article is to reveal the value aspect of the content of commitment to the profession with the help of a sociological approach to the concept of social determinants.*

Keywords: *professional commitment, social determinism, motives, goals, social determinants, concept*

Социологический взгляд на жизнь открывает перед нами научную картину общества, где описывается профессиональная деятельность каждого человека как раскрытие концепций приверженности профессии. Все свидетельствует о том, что человеку присущи: способ существования и развития социальной действительности, проявление социальной активности, процесс целенаправленного изучения и преобразования окружающего мира.

Приверженность профессии – форма общественной мысли, отражающая отношение преподавателя к осуществляемым им самим процессам ориентации, самоопределения и участия в общем универсуме существования [1, с. 116]. Данный термин возник в социологических науках еще 120 лет тому назад как «преданность профессии».

В совокупной деятельности у преподавателей высшей школы складывается объективный мир общественного бытия, который в конечном счете выступает в качестве важнейшей детерминанты самой человеческой деятельности. Мы подошли к осмыслению одной из главных проблем в социологии образования – приверженности профессии преподавателя высшей школы: в какой мере общество способно влиять на личность, насколько социальные факторы детерминируют (обуславливают, определяют) поведение преподавателя.

Социальный детерминизм (лат. *determinare* – определять) – один из основных принципов социологии, выражающий всеобщую взаимосвязь и взаимообусловленность социальных явлений [2, с. 141].

Исходным пунктом детерминант социального поведения преподавателей в социологии профессии являются объективные условия их жизни, которые порождают определенные потребности и интересы. Потребность как субъективное ощущение (психологически или физиологически) недостатка в чем-то, как тяготение к ее предмету выступает в качестве основного мотива, определяющего поведение индивида.

Различают два вида потребностей – первичные (естественные) и вторичные (социальные). Первичные потребности являются по своей природе физиологическими и, как правило, врожденными. Примерами могут служить потребности в пище, воде, потребности дышать, спать, сексуальные потребности. Вторичные потребности психологические, социальные. Таковы, например, потребности в успехе, уважении, привязанности, власти, потребность в принадлежности кому или чему-либо (приверженности). Первичные потребности заложены генетически, а вторичные обычно осознаются с опытом [3, с. 63].

Потребности невозможно непосредственно наблюдать или измерять. Об их существовании можно судить лишь по поведению преподавателей. Интересы – это осознанные потребности. Потребности и интересы служат мотивом к действию.

Мотивы – это побуждение к целенаправленной деятельности на основе осознанных потребностей. Побуждение является поведенческим проявлением потребности и сконцентрировано на достижении цели [4, с. 302].

Цели – то, что осознается как средство удовлетворения потребности. Когда человек достигает цели, его потребность оказывается удовлетворенной, частично удовлетворенной или неудовлетворенной [5, с. 27].

Специфика социологического подхода к концепции социальных детерминант приверженности профессии преподавателя высшей школы в науке на основе раскрываемых Максом Вебером особенностей реформации управления и системы образования заключается в том, что, во-первых, любое действие, акт поведения происходит только на основе того смысла, который действующий субъект вкладывает в свое действие.

Во-вторых, социальное действие, поведение (как внешнее проявление действия) обязательно ориентировано на другого – на настоящее, прошедшее или ожидаемое в будущем поведение знакомых, незнакомых, отдельных лиц или неопределенного множества преподавателей.

В-третьих, специфика социального поведения, действия состоит в определенной профильности преподавателя, т.е. наличии таких символических простых концепций как язык, ценности, власть, деньги.

В-четвертых, социальное поведение и установка приверженности профессии преподавателя высшей школы зависят от общепринятых норм и ценностей.

В-пятых, социальному поведению индивидов присуща известная иррациональность и независимость от условий среды и в то же время зависимость от субъективных «определений ситуации» [6, с. 154].

Фактором, влияющим на выбор альтернативы приверженности профессии преподавателя высшей школы в ходе борьбы мотивов в его сознании, является ценностный аспект с включением системы ценностей и приоритетов данной культуры (социализирующий фактор).

Ценности вооружают нас моральными критериями: что такое добро, что такое зло, за что тебя могут помиловать, за что наказать, за что поощрить. Единая система нравственных ценностей скрепляет общество, делает возможным устойчивое взаимодействие дома и на работе, на отдыхе и политическом митинге с любым человеком, с которым сведет тебя судьба [7, с. 85].

Социологические исследования дают основание для предположения о том, что нормы, которые формируют у преподавателя детерминанты приверженности профессии к избеганию неудачи, наказания, мотивируют личность в нужном (для нормы) направлении гораздо сильнее, чем нормы, которые призваны формировать у преподавателя стремление к достижению успеха [8, с. 71].

Благодаря деньгам (и рынку) вклад любого члена общества может быть оценен любым другим человеком. И, не прибегая к прямому контакту, товарообмену, каждый из нас благодаря деньгам (конечно,

если они надежно функционируют) легко может включиться в любую экономическую сделку в любом конце страны [9, с. 46].

Именно ценности, нормы, деньги, власть выступают по отношению к деятелю в качестве внешних символов, регулирующих образ действия, поведение всех принадлежащих к культурному полю преподавателей. Система ценностей, возникшая для регулирования отношений в науке, утверждает свой приоритет, во многом подчиняет другие социальные концепции по социальным детерминантам.

Важными концепциями, обуславливающими приверженность профессии преподавателя высшей школы в социальной среде, являются следующие концепции (детерминанты), теории, выявленные при проведении глубинных полуструктурированных интервью в 2021 году в образовательной организации «Алтайский государственный педагогический университет»:

концепция отбора: для осуществления тех или иных функций личность должна обладать определенными способностями, уровнем подготовки, биопсихическими качествами. Социальная среда отбирает для выполнения того или иного статуса роли преподавателей с определенными качествами. Для выполнения статуса харизматичности, например, необходима высокая эмоциональность, а для воина-оратора важны чувство долга, чести, воля, дисциплинированность;

концепция предписывания: социальная среда через образец выполнения социальной роли функционально и социокультурно предписывает преподавателю стандартный набор действий, определяющих его поведение в той или иной ситуации. Здесь шире и ролевой набор, подлежащий предписанию, и контроль над действиями преподавателя. Соответствуя в полной мере предписаниям, личность получает высокую вероятность эффективного достижения своих целей, гарантии того, что она получит вознаграждение, признание;

концепция контроля: общество, социальная группа не только отбирают преподавателей для выполнения тех или иных ролей, не только предписывают соответствующие образцы ролевого поведения, но и контролируют их выполнение в соответствии с определенными социокультурными и ролевыми нормами. Жесткость социального контроля зависит от важности того или иного компонента ролевого поведения и от степени формализации роли. Так, дружба всегда реализуется через неформализованные социальные роли. Можно согласиться, что санкции здесь достаточно условны, кроме одной – резкий разрыв связи [10, с. 20].

Научные выводы свидетельствуют, что применение негативных санкций (наказаний) ведет только к временному прекращению нежелательного социального поведения. К тому же это с неизбежностью снижает социальную активность человека.

Гуманистическое отрицание правомерности насилия как преобладающего метода социального контроля также получило подтверждение. Доказано, что:

эффективно с точки зрения социального регулирования применение санкций в виде морального осуждения в случае, когда индивид ценит коллектив, группу, в которой он трудится;

эффективнее поощрение желаемых видов поведения индивидов, чем подавление нежелательных.

Таким образом, исходными пунктами концепции социальных детерминант приверженности профессии преподавателя высшей школы являются, во-первых, индивидуальная цель, воспроизводящая потребность человека, во-вторых, ориентация на другого, ожидание, учитывающее возможную реакцию окружающих.

Концепция социальных детерминант приверженности профессии преподавателя высшей школы представляет собой сложную систему, включающую в себя ценности и нормы, имеющие социокультурную природу, санкции как важнейший элемент социального контроля, статусы и социальные роли, выполняемые индивидом в социальных институтах и общностях.

Литература

1. *Андрюхинова И.Ю.* Установка преемственности как фактор профессиональной успешности преподавателя высшей школы: дисс. канд. пед. наук: 19.00.13. Тюмень, 2017. 166 с.
2. *Атаманчук Г.В.* Теория государственного управления. М.: Омега-Л, 2018. 301 с.
3. *Витвицкая Л.А.* Субъекты образовательного процесса университетов // Высшее образование сегодня. 2019. № 5. С. 62–64.
4. *Будон Р.* Теория социальных изменений. М., 2019. 358 с.
5. *Бусыгин А.Л.* Профессия – профессор. М.: «Перспектива», 2018. 176 с.
6. *Киселев А.С.* Инновационная система опережающего образования в контексте социологической перспективы инновационного общества. СПб.: ООО «Книжный дом», 2017. 220 с.

7. Кузьмина Н.В. Профессионализм деятельности преподавателя и мастера производственного обучения. М.: Просвещение, 2019. 285 с.
8. Локосов В.В. Трансформация российского общества (социологический аспект) // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 69-73.
9. Соловьев А.И. Российские трансформации: проблемы, измерения, диагностики, прогнозирования // Россия в условиях трансформаций: Историко-политологический семинар: Материалы. Вып. 14. М., 2021. С. 44–54.
10. Турчинов А.И. Социальное измерение государственной кадровой политики // Человек и труд. 2020. № 6. С. 19-22.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОДОНИМОВ ОСТРОВА ХАЙНАНЬ

**Сун Цзяцзя, Вэньчан (Китай /Россия),
Дмитриева Л.М., Барнаул (Россия)**

***Аннотация.** В последние годы Россия сблизилась с Китаем, интерес россиян к изучению китайского языка заметно вырос. Кроме того, увеличился спрос на путешествия в Китай. Согласно статистике, среди многих мест отдыха Хайнань занимает топовое место по популярности. Необходимо отметить, что строительство порта свободной торговли вывело Хайнань на новый уровень открытости. Преференциальная торговая политика и уникальные туристические ресурсы чрезвычайно привлекательны для людей из всех стран мира и особенно для россиян. Данная статья посвящена лингвокультурологическому потенциалу топонимов острова Хайнань. Мы считаем, что топонимы – это символы и визитные карточки городов, имеющие лингвокультурологический потенциал, они являются «окном» для туристов, позволяющим познакомиться с культурно-историческим своеобразием острова Хайнань и понять языковую картину мира местных жителей. В статье рассмотрены названия улиц провинции Хайнань, перечислены общие принципы номинации и структуры топонимов, дана их классификация. Следует отметить, что изучение этого вопроса может иметь положительное влияние на российских студентов, изучающих китайский язык, поможет им углубить понимание культуры острова Хайнань.*

***Ключевые слова:** топонимы, лингвокультурология, топонимия, ономастика, номинация*

**Song Jiajia, Wenchang (China /Russia),
Dmitrieva L.M., Barnaul (Russia)**

Abstract. *In recent years, Russia has become very close to China, and the interest of Russians in learning Chinese has grown noticeably. In addition, the demand for travel to China has increased. According to statistics, Hainan occupies the top place in popularity among many holiday destinations. It should be noted that the construction of the free trade port has brought Hainan to a new level of openness. Preferential trade policy and unique tourist resources are extremely attractive for people from all over the world and especially for Russians. This article is devoted to the linguistic and cultural potential of the godonyms of Hainan Island. We believe that godonyms are symbols and business cards of cities that have linguistic and cultural potential, they are a “window” for tourists, allowing them to get acquainted with the cultural and historical originality of Hainan Island and understand the linguistic picture of the world of local residents. The article discusses the names of streets in Hainan province, lists the general principles of nomination and the structure of godonyms, and gives their classification. It should be noted that studying this issue can have a positive impact on students studying Chinese, will help them deepen their understanding of the culture of Hainan Island.*

Keywords: *godonyms, linguoculturology, toponymy, onomastics, nomination*

В XVIII веке топоним рассматривается как носитель географической информации. В.Н.Татищев первым изучал топонимику как самостоятельную дисциплину [1, с.21–22]. Годоним – вид урбанонима – топоним для обозначения названий улиц, в том числе проспектов, бульваров, аллей, набережных, проездов, переулков, линий (один из типов улиц), шоссе (в черте города), тупиков [2, с. 224–225]. В настоящее время всё ещё ведутся споры о модели исследования годонимов – этим определяется актуальность нашей работы.

В данной статье изучаются годонимы острова Хайнань, анализируются их структура и правила составления и описываются их лексические и коннотативные значения. С точки зрения лингвистики и топонимики следует отметить, что годонимы острова Хайнань состоят из двух частей: 专名 чжуаньмин (досл. особое название) + 通名 Тонмин (досл. общее название) [3, с. 28]. Нужно обратить внимание на словосочетание 专名 чжуаньмин, оно имеет сходное значение с частью слова «оним», но к данному словосочетанию относятся не только имена

существительные, но и глаголы, прилагательные и другие части речи. *专名 чжуаньмин* используется для указания направления или для различения местоположения. *通名 Тонмин* указывает на основные атрибуты улицы, которая является распространенным географическим объектом с очевидными общими чертами.

Анализ «общих названий» *通名 Тонмин* позволил нам выделить четыре часто встречающихся номенклатурных термина: *大道 Дадао* (досл. главная дорога, проспект), *路 Лу* (досл. дорога), *街 Цзе* (досл. улица), *巷 Сян* (досл. аллея). Проспект (*大道 Дадао*) считается главной городской транспортной магистралью. Дорожный ландшафт и сооружения представляют собой самый сложный уровень дорожного строительства в городе. Дорога (*路, Лу*) может считаться главной и второстепенной магистралью. Улица (*街, Цзе*) представляет собой соединительную дорогу, расположенную между двумя параллельными дорогами. Аллея (*巷, Сян*) – это дорога шириной от 8 до 15 метров, расположенная в жилом районе. Кроме того, *路 дорога* и *街 улица* отличаются по направлению. Дорога указывает направление по меридиану (с севера на юг, с юга на север), а улица – по параллели (с востока на запад, с запада на восток). Однако в фактической номинации отсутствует нормативный характер, поэтому некоторые улицы с указанием направления по параллели также называются дорогами (*路, Лу*) или *横路 Хэнлу* (досл. горизонтальными дорогами) [4].

Анализ «*专名* особых названий» позволил нам выделить следующие типы по мотивированности:

I. *专名 чжуаньмин*, образованные от имён собственных

А. от антропонимов

Почти все исторические знаменитости на острове Хайнань упоминаются в годонимах. Эти дороги обычно расположены рядом с бывшими домами или мемориалами знаменитостей. Например, *云逸路 Юньи Лу* (досл. Дорога Юньи) находится рядом с мемориальным залом Чжан Юни, а на дороге *海瑞路 Хай Жуй Лу* (досл. Дорога Хай Жуй) находится могила Хайжуя и т.д. Упомянутые выше годонимы имеют указательную функцию, высвечивают местную гуманистическую атмосферу и культуру. В то же время они напоминают людям не забывать историю и знаменитых людей, проживших на острове Хайнань.

Б. от топонимов

от топонимов	примеры	замечание
от гидронимов	<p><i>南海大道</i> Наньхай Дадао (южное море)</p> <p><i>亚龙湾路</i> Ялонвань Лу (Залив Ялон)</p> <p><i>万泉河路</i> Ваньцзюньхэй Лу (Река Ваньцзюнь)</p>	В этих названиях отражена близость расположения географического объекта.
от оронимов	<i>五指山路</i> Учжишань Лу (гора Учжишань)	
от урбанонимов	<p><i>火山口路</i> Хоушанькоу Лу (геопарк вулканического кластера Хайкоу)</p> <p><i>南山路</i> Наньшань Лу (храм Наньшань)</p>	

В. от зоонимов

Дороги, образованные от зоонимов, на Хайнане встречаются нередко. Они получили такие названия либо из-за большого количества животных в этом районе (*牛岭路* Нюлин Лу (бык), *羊栏路* Янлань Лу (баран)), либо из мифов и легенд (*鹿岭路* Лулин Лу (Олень), *凤凰路* Фэнхуан Лу (Феникс)), либо благодаря сходству между изображением дороги на карте и животным *狗岭路* Гоулин Лу (собака) [5].

Г. от фитонимов

Остров Хайнань имеет превосходное географическое положение, поэтому здесь произрастает много видов растений. Годонимы, связанные с фитонимами, отражают разновидности и распространение растений в районах острова. В то же время они передают идею, что жизнь может быть такой же яркой и энергичной, как растения.

Стоит отметить, что *桃李路* Таоли Лу (досл. Дорога Персика и Сливы) не относится к числу названий, образованных от растений, а является метафорой. Слова «персик и слива» обозначают образ ученика или студента, который хорошо учится и добивается отличных результатов. Обычно на таких улицах расположены школы или учебные заведения.

II. 专名 чжуаньмин, образованные от нарицательных существительных, глаголов и прилагательных

От нарицательных существительных:

В Китае при их номинации обычно используются слова с положительными и красивыми значениями. Такие как *光明路* Гуанмин Лу (досл. Дорога Света), *幸福街* Синфу Цзе (досл. Улица Счастья) и т.д. Этот тип названий отражает любовь людей к великим горам и рекам родины, а также их добрые пожелания национального мира, процветания и долголетия.

Слова, связанные с пейзажами, тоже занимают значительное место. Такие, как *蓝天路* Ланьтянь Лу (досл. Дорога Синего неба), *碧海大道* Бихай Дадао (досл. Проспект. Синего моря) и т.д. Голубое небо и синее море рисуют прекрасную картину острова, создавая приятную атмосферу для местных жителей, а также помогают продвигать хорошо известные пейзажи иностранным туристам, тем самым повышая популярность города.

От глаголов: В честь освобождения КНР во многих городах назвали главную магистраль *解放路* Цзефан Лу (досл. освободить), *胜利路* Чэнли Лу (досл. победить).

От прилагательных: *潮平路* Чаопин Лу (досл. безмятежный порт). Люди ожидают, что порт будет тихим и безмятежным.

Номинация годонимов острова Хайнань осуществляется в соответствии с определенными принципами, которые можно условно разделить на следующие категории:

Информативный принцип – в названиях обычно включена определенная информация: категория дороги, географическое местоположение, порядок расположения, форма дороги и др.

Категории дорог разделены на четыре типа: *大道* проспект > *路* дорога > *街* улица > *巷* аллея.

Географическое местоположение: 1. *滨海路* Биньхай Лу (досл. Дорога приморская), *滨河路* Биньхэй Лу (досл. Дорога ближе к реке). 2. При номинации дорог, если дорога слишком длинна, то часто используются иероглифы «*东* восток, *西* запад, *南* юг, *北* север, *中* середина», чтобы указать местоположение определенной дороги в городе или всей дороги. Например, *城南路* Чэннань Лу (расположена в южной части города). 3. В названиях дорог часто используются цифры

для нумерации похожих дорог. Например, *中山二路* (2-я дорога чжоншань).

Форма дороги: если дорога кольцевая, то в названии дороги часто используется иероглиф *环* Хуань, кольцо. Например, *一环路* *Ихуань Лу* (досл. Первая кольцевая дорога), *环岛路* *Хуаньдао Лу* (досл. Окружает остров дорогой) и т. д.

Ассоциативный принцип используется в таких названиях, в которых невозможно применить уличные ориентиры, и тогда такое название является абстрактным обобщением, или ассоциацией с окружающими зданиями, или общей характеристикой дороги. Например, *教育路* *Цзяюй Лу* (досл. Дорога Образования): на этой дороге много учебных заведений. *国贸路* *Гомао Лу* (досл. Дорога международной торговли): на улице много коммерческих зданий, занятых в сфере торговли. *Вэньтань* означает место сбора литераторов, а провинциальная библиотека Хайнаня расположена именно на этой дороге (*文坛路* *Вэньтань Лу*).

Ассоциативно-информативный принцип находится на стыке двух вышеперечисленных принципов. Такие годонимы не только содержат основную географическую информацию, но и имеют богатые характерные коннотации об острове. Большинство из этих годонимов уникальны. Например, *椰乡路* *Есян Лу*. В городе Вэньчан находится уникальный кокосовый лес, поэтому Вэньчан получил название «Есян», т. е. родной город кокоса, *航天大道* *Хантянь Дадао* (досл. Аэрокосмический проспект), Космодром Вэньчана – первая открытая прибрежная космическая база Китая [6]. *鹿城大道* *Лучэн Дадао* – Проспект города оленей. Город оленей – это другое название Саньи, полученное благодаря легенде, поэтому эта дорога расположена в Санье.

Таким образом, проанализировав структуру 445 годонимов острова Хайнань, можно сделать вывод о том, что рассмотренные годонимы имеют значительный лингвокультурологический потенциал. Изучая в перспективе годонимы в ментальном аспекте [7], можно понять особенности природной среды, основные исторические события, культурное развитие и другую важную информацию об острове Хайнань.

Литература

1. *Никонов В.А.* Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. 184с.
2. *Егорова Л.В.* К вопросу изучения годонимов в современной парадигме лингвистических исследований//Вестник Чувашского университета. 2018. №2. С224–233.
3. *Чу Япин, Инь Чжункэ, Сунь Донху.* Базовый курс топонимики[М]. Пекин, 1994. 176с.
4. URL: <https://tieba.baidu.com/p/6266184588> (дата обращения: 10. 04. 2023).
5. URL: <https://t.yinet.cn/baijia/33140821.html> (дата обращения: 09. 04.2023).
6. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/ppFk-BldUzr_uaVMZ9wO4w (дата обращения:10.04.2023).
7. *Дмитриев Л.М.* Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2002. 227 с.

ТРАНСЛЯЦИЯ ЗНАНИЯ И ОПЫТА КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУР

Сытых О.Л., Барнаул (Россия)

***Аннотация.** Статья посвящена анализу механизма передачи знаний и умений в традиционных культурах. Выявлена и раскрыта роль символов, мифологем, стереотипов, повседневного опыта в этом процессе. Акцентируется внимание на особенностях трансляции духовно-практического знания, характерного для традиционных культур.*

***Ключевые слова:** традиционная культура, знание, повседневность, обыденное сознание, мифы, стереотипы, символы, трансляция, практика, передача опыта*

TRANSLATION OF KNOWLEDGE AND EXPERIENCE AS A FACTOR IN THE PRESERVATION OF TRADITIONAL CULTURES

Sytykh O.L., Barnaul (Russia)

***Abstract.** The article is devoted to the analysis of the mechanism of knowledge and skills transfer in traditional cultures. The role of symbols, mythologies, stereotypes, and everyday experience in this process is revealed and disclosed. Attention is focused on the peculiarities of the translation of spiritual and practical knowledge characteristic of traditional cultures.*

***Keywords:** traditional culture, knowledge, everyday life, everyday consciousness, myths, stereotypes, symbols, translation, practice, transfer of experience*

В Конституции Российской Федерации содержится ряд статей, направленных на сохранение культуры народов России. Так, в статье 69, разделе 1 в действующей на 2023 год редакции утверждается, что «Государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия» (пункт 2) [1]. Эта статья регулирует основы отношений государства с малочисленными коренными народами России – теми народами, которые традиционно проживают на территориях, где жили отцы и деды (их предки). Речь идёт о народах, которые сохранили традиционный образ жизни, давно сложившуюся культуру хозяйствования и традиционные промыслы [1].

Забота об этих народах и сохранении их культуры нашли сегодня отражение в политике российского государства, в решениях правительства, принявших ряд программ, направленных на сохранение культурного разнообразия России

20 октября 2022 года был принят Федеральный закон № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации». Этот федеральный закон направлен на реализацию конституционного права каждого гражданина на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям и конституционной обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия» [2].

Большое внимание в этом законе уделяется сохранению традиционных культур народов, населяющих Россию. При этом акцентируется внимание на сохранении духовного наследия соответствующих культур. Особое внимание обращается на повседневные практики и народные праздники. Отмечается необходимость поддержки проектов по популяризации и развитию этнокультур, в том числе фестивалей, выставок, праздников, популяризации новых форм этнокультурной деятельности через сеть Интернет.

Представляется, что этот документ, принятый в России в 2022 г, является своевременным и необходимым, так как глобализация и широкое распространение информационных технологий сделали само существование традиционных культур весьма уязвимым.

В данной статье будет рассмотрен ряд теоретических вопросов, касающихся механизма сохранения традиционных культур, основное внимание обращается на роль трансляции знания и опыта для сохранения и развития традиционных культур.

Отметим здесь, что традиционные культуры были предметом интереса для учёных разных областей знания. В социологическом плане они привлекали внимание М. Вебера, У. Ростоу, А. Тоффлера, Ф. Фукуяму. К проблеме модернизации традиционного общества обращались С.А. Ляушева, В.Г. Федотов, В.Н. Шевелёва.

Активно интересовались этой темой культурологи: В.М. Каиров, Э.С. Маркаряна и др.

Стремясь осмыслить техногенную, информационную цивилизацию, философы: В.А. Кутырёв, В.С. Стёпин неизбежно выходят на её сравнение с предшествующим традиционным обществом и культурными традициями этого общества.

В настоящее время интерес к традиционным культурам становится тем заметнее, чем больше в нём проявляются черты глобализации. Это связано со стиранием ряда традиционных элементов культуры. Многовековая опора на них во взаимоотношениях между людьми начинает расшатываться. Под натиском формирующихся новых привычек, становящихся частью «новой» культуры, начинают отступать сложившиеся социальные практики. Социальный мир движется вперёд, а народы, живущие по традициям, и люди, живущие по новым правилам и новым канонам (в техногенном, информационном обществе), взаимодействуя друг с другом, в своём облике приобретают некоторые новые черты. В традиционных культурах эти изменения по-прежнему мало заметны, но современная цивилизация, с опорой на информационно-технический прогресс, меняется быстро. И импульс этому придают глобализационные процессы.

Несмотря на широкое и разностороннее рассмотрение проблем традиционной культуры, у исследователей по-прежнему нет единства в её определении, нет общепринятого понятия. Для одних исследователей традиционная культура – это народная культура, другие считают, что главное в традиционной культуре её «специфический способ организации жизнедеятельности, основанный на наследовании доминирующих смыслов, ценностей, норм» [3], третьи видят в качестве главной специфической черты традиционной культуры отсутствие в ней динамичности, её постоянство и устойчивость к нововведениям. Объединяющим для всех учёных является убеждение, что в традиционной культуре любые изменения происходят медленно и поэтому фактически не фиксируются коллективным сознанием народа.

Н.Н. Кожевников и В.С. Данилова, обращая внимание на это, как на характерный признак традиционной культуры, пишут, что

«Стереотипы видов деятельности, культурных кодов, традиций в этих обществах необыкновенно устойчивы» [4, с. 36-37]. По их мнению, многие присущие этим обществам характерные черты существуют в настоящее время, в ряде регионов Азии, Африки и Латинской Америки (там же).

Сохранение определённых форм жизнедеятельности, норм и ценностей предков, традиционных социальных практик определяет возможности самого существования традиционной культуры. Значительную роль в этом играет трансляция знаний и опыта, сложившаяся за многие столетия в этих культурах. Тема эта обширная, не стремясь и не претендуя на её всеохватывающее раскрытие, остановимся на нескольких, на наш взгляд, важных моментах, имеющих наибольшее значение для освещения проблемы. Рассмотрим роль символов и мифов в передаче знания от поколения к поколению, покажем значение сложившихся практик и опыта в традиционных культурах, раскроем место и роль стереотипов в повседневных действиях и в передаче опыта и остановимся на ряде социальных групп – носителях и трансляторах умений и знаний.

Говоря о знаниях в традиционной культуре, следует подчеркнуть, что это знание нельзя понимать так, как обычно понимают научное знание (строго обоснованное, теоретически выверенное и т. д.). В традиционных культурах знание фактически становится тождественным умениям и навыкам или приравнивается им.

Ещё до возникновения научных знаний люди обладали многими умениями: они строили свои хижины, занимались земледелием, пасли скот, воспитывали и приучали к труду детей, так, как это делали в их семьях много веков, как их учили их предки. Конечно, постепенно во всю эту деятельность вносилось нечто новое. И в уже известные им от предков приёмы постройки жилья, приручения животных, технологии посева и уборки урожая зерновых вносилось нечто новое. «Опирались они в своей жизни и деятельности на сложившиеся в их семьях отношения, существовавшие тогда народные приметы, на пример старшихородичей и на собственные выработанные навыки» [5, с. 16].

Для традиционных культур на самых ранних стадиях развития общества была характерна жизнь человека в мифах. В этих культурах человек и природа едины. Человек живёт по циклам природы и в природе, а общество свою жизнь и деятельность формирует, ориентируясь на природные циклические изменения. Разные стороны жизни человека, его жизнь в природе, в отношениях с другими людьми, его повседневные практики, его идеалы, соотносимые с нравственными нормами общества (общины), отражаются в мифах. И

через мифы эти образцы транслируются от поколения к поколению. В мифах находят отражение представление людей о добре и зле, образцы плохого и хорошего поведения, о божественном даре в виде огня и ремёсел, а значит, и о новом мире для людей, созданных богами, открывающими им новые сферы деятельности. В мифах присутствуют и этические и эстетические компоненты. Так этические связаны с образцами хороших норм и их воспроизводимостью или с явным оценочным компонентом плохого и хорошего поведения. Нарцисс, постоянно любовавшейся собой, был наказан богами. А жертвенный подвиг Прометея достоин вечной памяти людей. В мифах присутствует и эстетический компонент. Ритуальные магические действия являются частью бытия человека в мифе. Утилитарная теория происхождения искусства связывает в единство рисунки (изображения животных) и овладение навыками охоты. Отражение предметов и вещей мира в мифах носит «конкретно-чувственное», образное изображение. Таким образом, именно через чувственные переживания действительности, в мифах, в которых человек живёт в традиционных культурах происходила передача знания и опыта. Через жизнь в мифах люди переживали события своей жизни, воспринимали и объясняли мир, осмысливали своё место в природном и социальном мире, свое единство с другими людьми. Жизнь человека в мифах – это специфический способ восприятия и объяснения мира, особое понимание места человека в окружающем мире и своего единства с другими людьми.

Постижение смыслов о человеческой гордыне, о большой и бескорыстной любви человек постигал, живя в мифах, которые были пронизаны символами. Мифические существа были образцами человеческих добродетелей и пороков. И эти образцы были частью их мира и органично вписывались в нравственную основу общественного сознания.

Мифологемы были важной составляющей обыденного сознания. Они могли представлять образы, отвечающие «задаче сохранения реального жизненного материала» [6, с. 52].

В традиционной культуре обыденное сознание играет весьма значимую роль в передаче умений и навыков повседневной жизнедеятельности. Ядром и основой обыденного сознания является обыденное знание. Б.Я. Пукшанский, специалист по обыденному знанию, определяет его как знание жизненно-практическое, которое концептуально и системно-логически не оформлено и не требует для передачи специальной подготовки и обучения. Это знание, по его

мнению, – непрофессиональное достояние, принадлежащее всем членам общества. [7, с. 24].

Приобретение знаний и опыта в повседневной жизни происходит как через усвоение навыков деятельности, прежде всего – путём контакта и общения, так и через использование созданных человеком вещей, орудий и инструментов, т.е., с помощью некогнитивных средств.

В традиционных культурах, для которых характерно восприятие мира в целостности, вещи и явления мира полифункциональны. Они имеют не одну, а несколько функций. Они не только служат утилитарной цели, но и несут определённую информацию. Они могут быть символами. «Поэтому традиционная культура использует как семиотические (знаковые) объекты не только язык, миф, ритуал, но и утварь, экономические и социальные институты, системы родства, жилища, пищу, одежду, оружие» [8]. Изготавливая вещи, человек традиционной культуры опирается на природные материалы и их особенности. И в этом процессе создания вещей он не противопоставляет себя природе, а, как бы, ведёт с ней диалог, будто бы спрашивая у неё согласия на своё участие в сотворении нового предмета, основанного на природном начале. Это явление, сформировавшееся в традиционной культуре, сегодня проявляется и у современных мастеров, занимающихся и поглощённых своим ремеслом.

Значительная часть информации всегда воплощалась и воплощается в одежде человека. Это касается практически всех культур, но в разной степени. Для традиционных культур – это знак, несущий информацию о человеке, о времени, о настроении людей и т.д. Этот важный аспект бытия людей, через который мы о них узнаём: вид ткани, орнамент, цвет и форма кроя одежды – это всё знаки, транслирующие знания о человеке и культуре, в которой он живёт. По одежде можно узнать, из какого сословия человек, каков уровень его достатка, какова степень его родства с другими членами этой культуры. У одних народов чёрная одежда – знак траура, у других траур связывают с белой одеждой. В дореволюционной русской культуре красный цвет считался цветом процветания и молодости. Его могли использовать в своей одежде молодые женщины, и не могли – женщины в возрасте. Особая роль в одежде отводилась традиционному народному костюму. Его можно рассматривать как своеобразный социокод, фиксирующий отдельные характеристики конкретной культуры. Народный костюм несёт определённую информацию о культуре, о народе, о времени, к которому он относится. Он является посредником среди типов культур

различных хронологических периодов и разных этнических групп [9, с. 53].

Предметы утвари используются в традиционной культуре не только по их функциональному назначению, но и для передачи представлений людей о мире, космосе, природе. Например, в китайской культуре широко использовалась фарфоровая и медная, бронзовая посуда: чайники и чашки, бронзовые сосуды украшались изображением природы и символикой космоса. Они предназначены были как для использования в повседневной жизни или на праздниках, так и для передачи информации о жизни людей, о разнообразии птиц, о повадках животных.

Таким образом, вещи в традиционной культуре наполнены смыслами, выступают «знаками», передающими знание о мире.

Передача умений, опыта, который фактически слит со знанием и неотделим от него, происходит, чаще всего через непосредственный контакт и общение. Речь идёт о знании, которое М. Полани («Личностное знание») называет знанием демонстрационным (человек демонстрирует «как что-либо надо делать») неявным. По мнению М. Полани, есть много знаний в опыте людей и процедур в искусстве, которые остаются скрытыми. Их невозможно передать вербально, с помощью предписаний, так как таких предписаний просто не существует. И этот опыт может передаваться только от учителя к ученику. И эти знания и приёмы искусства, их передача сужаются до сферы личных контактов и «приводит обычно к тому, что то или иное мастерство существует в рамках определённой местной традиции» [10, с. 86]. Итак, повседневное практическое знание в традиционных культурах оказывается слитым с практической деятельностью и существующими социальными отношениями. Оно отражает структуру деятельности человека достаточно объективно. Но чёткой границы между знанием, отражающим объект, процедурами действий человека и его сознанием, запечатлевшим отражение общественных отношений, здесь нет.

В традиционной культуре практическое знание связано с потребностями повседневной практики человека. Оно необходимо для функционирования повседневной деятельности, её различных видов. Это знание не «онаучено», не связано с наукой. Это относится и к лечению болезней, и к большинству видов ремесла. Человек, который хотел ему обучиться (знанию-умению), чаще всего становился «подмастерьем» у мастера (человека, уже овладевшего определённым искусством: врачеванием, ремеслом и т. п.). Ежедневно наблюдая и участвуя в деятельности по созданию веществ и производству

предметов, человек постепенно (из подмастерья) становился мастером. В современной жизни существуют мастер-классы по обучению ремеслам. И они, как правило, весьма эффективны. Тот, кто хочет овладеть искусством гончара, кузнеца или вышивальщицы на хорошем уровне, часто предпочитает мастер-классы по изучению этого искусства по книгам или сайтам Интернета. Такая передача знания, выработанная в традиционной культуре, используется успешно и в современной постиндустриальной (техногенной, информационной и т.п.) цивилизации. Индивидуальное обучение широко применяется тогда, когда создаются уникальные ремесленные произведения (например, ювелирные изделия или изделия в камнерезной мастерской). Но и при освоении нового оборудования также проводят индивидуальные консультации, помогающие осваивать новые приборы и новые технологии.

В традиционных культурах личное общение, закрепление знания в системе интеллектуальных навыков обеспечивали трансляцию практического знания. Передача знания здесь не зависела от рефлексивных норм и стандартов (в отличие от науки) [См. об этом: 11].

Большую роль в передаче практического знания играют стереотипы. Передать всю накопленную в практической повседневной деятельности информацию достаточно сложно и стереотипизация здесь оказывается весьма полезной. Упорядочивание практической информации, выбор и закрепление наиболее важных ее фрагментов – в этом суть механизма стереотипизации. Накапливаемая информация, благодаря структурированности и сжатости в стереотипе, становится организованным опытом, и поэтому легко усваивается следующими поколениями.

Стереотип даёт образцы норм поведения в конкретной ситуации. Это может касаться приёма пищи, сна, этикета, проведения праздника, воспитания детей и, конечно, трудовой деятельности и т.д. Усваивая стереотипы поведения, каждое новое поколение может их реализовывать по-своему. Но и в рамках одного поколения и реализация стереотипов может иметь некоторые расхождения. В каждом обществе существуют границы терпимости к расхождениям в разных сферах поведения. Стереотипы внутренне присущи человеку, поэтому вина, честь, страх, стыд играют роль внутренних регуляторов поведения.

Можно отметить значимость не только практического, но и духовно-практического знания. Оно также возникает в сфере повседневной жизни и, в сфере общения – прежде всего. Это знание косвенно обусловлено практической деятельностью. Сюда можно

отности религиозное, магическое, знание, выполняющее культово-регулятивную функцию, а также и художественное знание. Опыт социальных отношений обрабатывает и транслирует духовно-практическое знание. Это происходит вне непосредственного материального производства. Не только личное общение, но и межгрупповые, социальные отношения составляют основу этого знания, его воспроизводства и трансляции [11, с. 24]. Убеждения, основанные на опыте и социально-психологических стереотипах (нравственном и эстетическом) выступают средством передачи этого знания. Создание идеалов, эмоционально-образные описания – это основные формы духовно-практического знания. Важно, чтобы оно согласовывалось с системой сложившихся общественных отношений.

Духовно-практическое знание направлено на формирование отношения к обществу и миру, в котором человек существует (практическое знание даёт навыки деятельности в этом мире) [11, с. 24]. Путём создания былин, легенд, сказок, притч, формирования ритуалов, которые есть у всех народов, происходит передача образцов человеческих отношений. Сказки о добре и зле (в русских сказках зло олицетворяет Змей Горыныч, Баба Яга, Кощей Бессмертный, добро предстаёт в образах сестрицы Алёнушки, Василисы Премудрой, Ивана Царевича и других героев сказок). Легенды о подвигах, притчи о находчивости и мудрых поступках – всё это имеет нравственный смысл и содержит нравственные уроки. В сказках и легендах разных народов присутствуют такие (подобные герои). Главное – это смыслы, которые они несут поколениям.

Чувство общности на уровне малых и больших групп, этносов в целом поддерживается, ритуалами, которые позволяют индивиду ощутить свою идентичность. Ритуалы постоянно воспроизводят определённые психоэмоциональные состояния и таким образом транслируют их новым поколениям, соотнося их с конкретными жизненными ситуациями. Существующие и транслируемые ритуалы значимы для социальной адаптации человека.

В трансляции знания в традиционных культурах важным является вопрос о передаче знаний и опыта в различных возрастных и социальных группах.

В передаче умений, опыта, ценностей и образа жизни учёные уделяют внимание межпоколенческому взаимодействию. Так, американский антрополог Маргарет Мид, выделив три типа культуры, характеризует культуру, которая мало подвержена изменениям, и называет её «постфигуративной», характеризуя, в сущности, традиционную культуру. Она пишет: «Постфигуративная культура —

это такая культура, где каждое изменение протекает настолько медленно и незаметно, что деды, держа в руках новорожденных внуков, не могут представить себе для них никакого иного будущего, отличного от их собственного прошлого. Прошлое взрослых оказывается будущим каждого нового поколения; прожитое ими – это схема будущего для их детей. Будущее у детей формируется таким образом, что все пережитое их предшественниками во взрослые годы становится также и тем, что испытают дети, когда они вырастут» [12]. По её мнению, потомкам передаётся в этой культуре главное – чувство неизменной преемственности жизни, и каждое новое поколение хранит верность образу жизни своих предков, не пытаясь что-либо менять кардинально.

Отдельные умения, специфические виды ремесла, сложившиеся виды практик в традиционных культурах тесно связаны с рядом факторов: с гендерными особенностями, с кастовостью, с цеховой организацией и др. Приоритетное влияние того или иного фактора зависит от специфики традиционной культуры, от времени её возникновения и существования. Значимость гендерного фактора особенно проявляется в архаических обществах: мужчины в них традиционно занимались охотой, а женщины домашним хозяйством, и являлись хранительницами очага и, соответственно, свои навыки и умения мужчины передавали мальчикам, а женщины – девочкам. В Древнем Вавилоне и древнем Египте жрецы были хранителями сакрального знания, которое было достоянием только их касты. Отсюда – и эзотерический характер охраняемого жрецами знания. С цеховой организацией была связана передача умений и навыков в период Средневековья. Секреты многих ремёсел (изготовление скрипок, выделка кожи и т.д.) хранились и передавались в гильдиях скорняков (кузнецов, гончаров и др. ремесленников) или в семье, члены которой занимались соответствующими ремёслами и передавали свои знания, умения и навыки по наследству. И в этих цехах ремесленников были мастера, владеющие искусством ремесла, передающие свои знания-умения подмастерьям и ученикам.

Делая выводы по поводу всего вышеизложенного, следует подчеркнуть, что в традиционной культуре трансляция знаний и опыта является основой сохранения самой культуры. Мифы, сказания, былины, наполненные символами, орудия труда и предметы быта, ритуалы и стереотипы – все эти составляющие материальной и духовной культуры являются трансляторами знаний и опыта, через которые и происходит передача культурного наследия от поколения к поколению и его сохранение. Сегодня в этой проблеме остаётся много «белых пятен», которые должны постепенно исчезать по мере

разработки проблемы. Представляется актуальным исследовать взаимосвязь различных элементов материальной и духовной культуры в процессе трансляции знаний и опыта, выявить ведущие элементы в конкретных традиционных культурах, показать как они «отвечают» на вызовы, возникающие в результате культурного взаимодействия и контактов традиционных культур с современной цивилизацией в процессе глобализации и в новой информационной среде. Всё это требует многостороннего исследования специалистов различных отраслей знания (историков, культурологов, этнографов, философов, археологов, лингвистов и др. учёных).

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Последние изменения, дополнения, комментарии. *Режим доступа:* <https://konstrf.ru/69>.
2. Федеральный закон «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» Принят Государственной Думой 4 октября 2022 г. Одобрен Советом Федерации 19 октября 2022г. *Режим доступа:* <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210200005>
3. Тимощук А.С. Традиционная культура: сущность и существование. Диссертация на соискание учёной степени. Н. Новгород. 2007. 402 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/traditsionnaya-kultura-sushchnost-i-sushchestvovanie>
4. Кожевников Н.Н., Данилова В.С. Традиционные культуры в современном мире // Ценности и смыслы. 2011. Вып. 1 (10). С. 36-44.
5. Сытых О.Л. Размышление о генезисе человеческого познания // Социология в современном мире: Наука, образование, творчество. Барнаул. 2014. № 6. С. 13-20.
6. Автономова Н.С. Миф: Хаос и логос // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. М., 1990. С. 30-57.
7. Пукшанский Б.Я. Обыденное знание. Л., 1987.-. 154 с.
8. Садохин А.П. Основные черты традиционной культуры. URL: http://studopedia.ru/8_161775_osnovnie-cherti-traditsionnoy-kulturi.html.
9. Боева О.А. Знаковые функции и символы традиционной народной одежды // Известия Волгоградского

- государственного педагогического университета. 2011. № 3. Том 57. С. 52-55.
10. Полани М. Личностное знание. М., 1985. 344 с.
11. Касавин И.Т. Постигая многообразие разума // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. М., 1990. С. 5-29.
12. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. URL : <http://base.dnsgb.com.ua/files/book/kultura-i-mir-detstva.pdf>

ТРАДИЦИИ КЫРГЫЗОВ И ИХ ПРОБЛЕМЫ В НОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ XXI ВЕКА

Умурзакова Г.К., Джалал-Абад (Кыргызстан)

Аннотация. В статье рассматриваются те обряды, которые связаны с поминально-погребальным обрядом и которые утрачиваются в современном мире.

Ключевые слова: традиция, обряд, пайшамбылык, покрывание головы, флагшток, куудай, пиала, хиджаб, масскультура

KYRGYZ TRADITIONS AND THEIR PROBLEMATIZATION IN THE NEW SPACE OF XXI CENTURY

Umurzakova G. K., Dzhahalal-Abad (Kyrgyzstan)

Abstract: The article deals with those rituals that are associated with the funeral rite and which are lost in the modern world.

Keywords: tradition, ritual, paishambylyk, head covering, flagpole, kuudai, piala, hijab, mass culture

Мы живем в стремительно меняющемся мире. Еще лет 15-20 назад нам было в диковинку видеть женщин в хиджабе, сегодня же они заполнили улицы. Если половина населения поддалась веяниям нового исламского течения, то другая половина приветствует западные ценности, и с каждым годом остается все меньше людей, которые стараются сохранить наши исконно кыргызские традиции. Задача арабского и европейского мира понятна, хотя у них разные одеяния, но одна цель – масскультура, которая, не имея природные корни, уничтожает национальную культуру. Мы станем номинальными кыргызами, ибо забудем свою культуру, и произойдет ассимиляция в другую культуру.

Также мы должны подчеркнуть, что кыргызы, даже приняв ислам, умудрились совместить свои истинную веру (тенгрианство) с исламскими принципами. На протяжении многих веков наряду с

исламскими пайгамбарами, существовали и Тенир, и Умай-эне; были бакшы (шаманы).

В этой статье мы рассмотрим на примере погребально-поминальной обрядности изменения происходящие со временем. Многие обряды мы совершаем автоматически, не понимая глубинной сути обряда. Погребально-поминальная обрядность одна из важных частей традиции кыргызов и она, как другие традиции, гармонично сочетает в себе как исламские, так и доисламские верования, связанные в основном с тенгрианством, где помимо веры в безличного бога, признается культ матери природы, вера в жизненную силу и уважение к предкам, которые могут приходить к своим потомкам на помощь.

Культ предков у кыргызов был тесно связан с тем, что от отношения к духам предков (буквально АР – постоянно, БАК- оберегать, покровительствовать) зависит благополучие и здоровье потомков. Кыргызы верили, что духи предков продолжают свое существование после их смерти и могут влиять на жизнь своих потомков, поэтому и к поминальным обрядам всегда с уважением относились.

Об этом свидетельствуют многочисленные археологические материалы Южной Сибири, Средней Азии и Казахстана.

И именно погребально-поминальные обряды сейчас находятся под угрозой исчезновения. Очень уж много нападков якобы из-за излишеств, хотя, если бы мы задумались, почему наши предки обязательно забивали скот на похоронах. Ведь всегда кыргызы веровали в арбактар, а на поминках забивание скота – это с одной стороны, умиловивление духов предков, ведь, считалось, что все родные души прилетают в день поминок и кормятся запахами блюд, с другой – трапезой кормили всех гостей, прибывших издалека.

1. Флагшток

«Когда меня вызвали домой, сказав, что папа заболел и, повернув в наш переулок, увидела ведра с белым материалом, уже поняла – в наш дом пришла беда...»

Традиция вывешивания куска материала идет с глубины веков, тогда вывешивали через тундук, и цветом обозначали возраст усопшего. Флаг красного цвета, если усопший был молодого возраста, если среднего, то – черного и белого цвета – пожилым.

2. Покрывание головы.

На похороны обязательно приходить с покрытой головой – мужчины должны были надевать калпак, тебетей, женщины же должны быть в платке. К сожалению, все больше встречаются пришедшие с непокрытой головой, в большей мере, мужчины, нежели женщины.

3. Поминальная трапеза.

Поминальная трапеза, в которой более всего заложено уважение к культуре предков, и на который сейчас идут нападки и принята аж целая фатва (решение), которую возвели в государственную программу, хотя Духовное Управление Мусульман Кыргызстана всего лишь является общественной организацией. На поминки пожилых обязательны забой скота – коня и нескольких овец. Ранее не было принято хоронить в тот же день, обязательно дожидались родственников, чтобы они могли попрощаться, предавали земле на третий день. Решением ДУМК сейчас запрещается резать более одного барана, а также рекомендуется предавать земле усопшего в тот же день. И это принудительно вводится, нарушивших штрафуют. Уже по тому, как повсеместно люди сами начинают придерживаться этой фатвы, можно резюмировать, насколько люди поменяли свои приоритеты и начали отходить от своих истоков.

Как мы и упоминали, кыргызы придерживались тенгрианства, в основе которой идет почитание душ (арбаков) и несмотря на то, что поминальная трапеза начинается и заканчивается чтением сур из Корана за упокой души погибшего, смысл традиции сводится к тому, чтобы накормить духов. Согласно поверьям, духи умерших предков покровительствуют оставшимся в живых родственникам, и они будут сытыми и довольными от устроенных в их честь трапез так как питаются запахом приготовленных блюд. «Считается, что если накормить духов, то это облегчает участь человека на том свете», объясняет историк Салайдин Иралиев. По материалам Т.Д. Баялиевой, поминки рассматривались кыргызами не только как знак уважения к памяти покойного и способ «кормления» его души, но и как акт умилостивления, задабривания ее, что, по-видимому, отражало некоторый страх перед душой.

4. Пайшамбылык. Еще пять-шесть лет назад было принято проводить пайшамбылык (четверг) до сороковин. Это проводилось, потому что верили, что по четвергам душа усопших может путешествовать, и в четверг они посещают дом новопреставленного. Поэтому, готовили угощение, приносили жертвоприношение и приглашали духовенство и гостей. Если наследники не проводили, то говорили туз комгондой болуп калды (как будто закапывали соль) (ПМА: Ч. Койчалиев, Б. Молдокуло-ва, А. Б. Темирбаев, А. Токтоболотова).

Сейчас, к сожалению, под гнетом новых исламистов, не отмечают пайшамбылык. Только редкие семьи соблюдают старые традиции. Анализ этого не проведен, хотя, могу сказать исходя из личного опыта. В прошлом году мы проводили брата и маму в последний путь, в это же

время ушли несколько знакомых. Из семи семей только трое отмечали и пайшамбылык, айт. Да и годовщину провели в срок, а не как принято сейчас – через неделю или через двадцать дней.

5. Топурак которуу.

Мы сейчас придерживаемся этого обряда, хотя и не понимаем сути. Мы приходим каждое утро после похорон до первой пайшамбы к изголовью усопшего. Читаем молитвы и уходим. А прежде, близкие подходили поближе к могиле и руками «обновляли» земляную насыпь (топуракты жаңылап коюшкан), опуская вниз землю с вершины этой насыпи. По верованиям кыргызов, так делают для того, чтобы ему было «там» легче, и грех его уменьшался. Если в земляной насыпи есть камни, то их убирают. Также в этой жизни мы очень привязаны к своему телу и нашим братьям и сестрам, душе будет трудно покинуть этот привычный мир и перейти в мир иной. Вот почему его семья и родственники идут к его могиле в первые дни, читают Коран на том месте, где еще не просохла земля, испускают благовония и оказывают поддержку в уходе души без боли и страданий.

По возвращению родственников в дом покойного оставшиеся женщины в юрте, поставленной специально для похорон, издают плач – оплакивание (ПМА: Д. Байганаев).

6. Сакалын алды

Мы знаем, что мужчины, находящиеся в родстве с усопшим, не сбривали бороду в течение сорока дней. И многие стараются сохранить этот обряд. Но мы не сохранили продолжение обряда. В конце сороковин или на другой день близкие друзья приходили домой и читали Коран, дарили скорбящему человеку подарки с пожеланием, чтобы в его жизни не было больше несчастья. Только после этого скорбящий мужчина сбривал бороду. Это называлось «сакалын алды» (сбрил бороду) (ПМА: Ф. Асанбекова, Э. Борубаев, К. Темирбай уулу).

7. Пиала на могиле.

По этому поводу есть интересные сведения. По материалам А. Асанканова, кыргызы с. Тегирменти (Кызыл-Сууйская автономная область Памира) на могилах оставляют большую пиалу или фарфоровую посуду, заполненную водой. Если вода испаряется, то родственники умершего, посетившие могилу, стремятся заполнить ее водой, чтоб она не пустовала. По их верованиям, усопшие питаются водой и много ее пьют. После посещения и прочтения корана-молитвы, родственники покойного наполняют посуду водой и произносят речь «не голодай и не жаждай, пей сколько угодно, я буду постоянно наполнять посуду водой» [2010. С. 350]. В отдельных местах, кроме воды еще клали и еду, чтобы покойник не оголодал.

Сейчас мы просто оставляем пиалу, перевернутую на могиле усопшего, и вряд ли задумываемся, для чего это делаем.

8. Куудай на кладбище.

Еще помнится проведение элдик куудая (народного поминовения для благополучия айыла) на кладбище, сейчас уже реже. И сейчас элдик куудай проводят раз в год или два раза в год, но уже на территории мечети. Эта традиция уходит в доисламскую пору. Считалось, что проведение такого поминального обряда приносит удачу и благополучие айылу, ибо приносит жертвоприношение.

9. Кок кийуу

По традициям предков ношение траура продолжается год. В течении этого времени женщинам не рекомендуется посещать празднества. Не носят золотые украшения. К величайшему сожалению, все меньше и меньше людей, которые соблюдают траур. Если вдову облачали в черный цвет (и облачали вдову торкун родственники женщины), то остальные женщины носили одежду зеленого и синего цвета. Сейчас же одеяния синего и зеленого цвета стали повседневными для многих. Да и если даже носят траур, то один-два месяца, а потом надевают разное. Также не снимают и украшения.

О том, что вдова носила черные одеяния можем прочесть в эпосе «Манас»:

Алган жары Гүлайым,
Калдайтып кара кийгизип,
Кан Көкөтөй зыйнатын
Калайыкка билгизип,
Атанга жүгүн арттырып,
Алтымыштай катынга,
Тегиз кошок айттырып,
Ташкенди көздөй жөнөдү (Каралаев С. Манас. 2. 11).

Вдова его Гүлайым,
В траурном черном одеянии,
Решила провести поминки хана Көкөтөя,
Чтобы людям напомнить о нем.
Нагрузив верблюда всем необходимым,
Велела оплакивать своего мужа,
Около 60 женщинам-кошокчу,
И отправилась в сторону Ташкента.

10. Кошок салуу.

Еще один обряд, который так хотят убрать новоисламысты, – кошок салуу (песнопения).

Кошки бывают разные – свадебные, на сговор девушки, проводы... Погребальные кошки исполнялись в юрте вдовой и близкими родственниками усопшего. Если кошки не звучали или исполнялись очень слабо, для видимости, то женщины этого дома получали порицание.

В кошке восхваляются качества усопшего; звучит напутствие о переходе в другой мир, и чтобы он попал в лучший мир, увиделся бы с родными и был счастлив среди них; также поется о том, как будет нелегко оставшимся без него. По древним законам кыргызов считалось, что кошка как луч соединяет наш мир с миром невидимых, усопшему открывается (освещается) дорога и переход будет легким.

11. Вода.

И просто информация... Мы все знаем, что когда человек выписывается из больницы или приехал издалека, то вокруг его головы начинают крутить посуду с водой, затем заставляют символически плюнуть в воду три раза, затем воду выливают, а посуду переворачивают вверх дном и кладут у входа в дом. Считается, что вода впитает весь негатив и таким образом защитит человека и дом от отрицательного влияния. Наше поколение пока автоматически проводим этот обряд, к сожалению, скоро он канет в Лету...

Литература

1. *Орозбекова Ж.* Поминки в погребальном обряде у кыргызов Тянь-Шаня // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2012. № 11 (5), С. 194-202.
2. *Аалиева Г.* Национальный характер кыргызов: философский анализ. Монография. Бишкек, 2013;
3. *Аалиева Г.К., Аалиева Н.К., Аалиева Ш.К.* Манасоведение. Учебник. Бишкек, 2014.

СТИЛЬ ЛОЛИТЫ КАК СПОСОБ САМОВЫРАЖЕНИЯ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ КИТАЯ

Чжан Мяо, Жалсанова Б.М., Чита (Россия)

Аннотация. В этой статье рассмотрена молодежная субкультура «Лолита», которая стала одним из самых известных молодежных движений в Японии и Китае. Показано, что эта молодежная субкультура создает воображаемый мир, бросает вызов и изменяет представления людей о взрослой жизни, женщинах и детстве в реальном мире. В итоге автор приходит к следующему выводу о том, что стиль Лолиты, который очень популярен среди молодого поколения Китая, являет собой не только модный стиль одежды, но и целую систему мировоззрения.

Ключевые слова: молодежная субкультура Лолита, идентичность, мода, стиль, одежда, Китай, группа, молодёжь

LOLITA STYLE AS A WAY OF SELF-EXPRESSION OF CHINA YOUNG PEOPLE

Zhang Miao, Zhalsanova B.M., Chita (Russia)

Annotation. This article examines the youth subculture Lolita, which has become one of the most famous youth movements in Japan and China. It is shown that this youth subculture creates an imaginary world, challenges and changes people's ideas about adult life, women and childhood in the real world. As a result, the author comes to the following conclusion that the Lolita style, which is very popular among the younger generation of China, is not only a fashionable style of clothing, but also a whole worldview system.

Keywords: youth subculture Lolita, identity, fashion, style, clothing, China, group, youth

В последние годы культура Лолиты получила свое широкое распространение в Китае благодаря Японии. Следует отметить, что первоначально эта молодежная субкультура возникла в китайских сетевых сообществах (Weibo и Douyin).

В этой статье мы попытаемся проанализировать историю развития и характерные особенности субкультуры Лолита в Китае.

Слово «Лолита» связано не только с одноименным романом В. Набокова, но и культурой, музыкой и модой. Одежда в стиле Лолита – это образ, который включает в себя юбки-пачки с кружевным принтом, головные уборы с галстуками-бабочками.

Изначально мода Лолиты пришла из культуры барокко и рококо эпохи Возрождения и представляет собой великолепные наряды придворной моды. Этот стиль представляет собой известную субкультуру Японии, где она возникла в 70-х гг. XX века. Сразу после

появления в Китае субкультура Лолиты была локализована и расширена, и в нее были интегрированы этнические культурные символы Китая (чонсам и Ханьфу). В результате чего образовалась новая ветвь (подстиль) – «китайская Лолита» [1].

В исследовании данной проблематики можно выделить несколько точек зрения японских исследователей. Одни японские ученые фокусируются на вопросах, связанных с модой. Так, в 2005 году Уэда Юко опубликовала книгу «Забавная одежда Лолиты», в которой подробно описывается общий стиль, классификация одежды и правила ношения одежды стиля Лолиты. Другой японский ученый Като Сюнрэнзи обобщила характеристики стиля Лолиты в разные эпохи. Исследователи Хатиман Мориико и Ватанабэ Аска рассмотрели историю развития стиля Лолиты с момента ее возникновения. Еще одна группа ученых обращает свой взор на представителей субкультуры Лолиты. Мацуура Момото впервые указал на субкультурную идентичность еще в 2007 году. Он в своей книге «Мир, я и мода Лолита» подчеркнул, что одежда в стиле Лолиты выступает в качестве символа для девушек. Лолита – это не просто стиль одежды, но еще и способ самовыражения молодых людей, который отражает их отношение к жизни.

Помимо «кукольной» моды, большое распространение в Китае получает организованное сообщество с историей, внутренней культурой, которое функционирует и в реальной и виртуальной жизни (встречи, социальные сети, косплей).

В рамках рассматриваемого стиля выделяют готическую Лолиту, которая представляет собой соединение двух стилей – готической моды и Лолита моды. Подобный подвид возник в конце 1990-х в рамках общественного протеста против беспечных людей. На данное молодежное движение особенное воздействие оказала субкультура *visual kei*.

Знакомство с подобной субкультурой в Китае произошло благодаря Интернету, фильмам, телевизионным передачам, японскому аниме и известным лейблам Pink House, Milk. Сейчас все больше и больше можно встретить на улицах молодых людей, которые используют этот стиль в повседневной одежде.

Данная субкультура формирует воображаемый мир с помощью этого уникального образа жизни, создает воображаемый мир, бросает вызов и изменяет представления людей о взрослой жизни, женщинах и детстве в реальном мире [1].

В сегодняшнее время мода Лолиты имеет отношение не только к современному стилю одежды, но и к особой системе мировоззрения, которая находит отклик у многих почитателей из разных стран мира.

Таким образом, сформированный культ детскости посредством рассматриваемого стиля является специфическим способом ухода от повседневной реальности, где общество отвергает взросление и распространяет гедонистические ценности.

Литература

1. Чэнь Гуй. Техника дизайна одежды в стиле Лолиты // Журнал Чжэцзянского профессионально-технического колледжа текстиля и одежды. № 10 (03). 2011.

СОВЕТСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ МЫСЛЬ 70-Х ГОДОВ И ИДЕИ ДЗЭН-БУДДИЗМА

Александрова О.А., Пендюрина Л.П., Москва, Ростов-на-Дону, (Россия)

***Аннотация.** В статье рассматриваются пути и возможности интерпретации идей дзэн-буддизма в гуманитарном знании 70-х годов в СССР. Интерес к этой проблематике всегда присутствовал в культурной парадигме Советского Союза, но в названный период этот процесс проходил в условиях необходимости достижения взаимопонимания между культурами. Усложнение культурных форм и процессов потребовало преодоления европоцентризма как единственного образа культуры, присутствующего в гуманитаристике того времени, анализа иных культурных традиций, которые были предложены дзэн-буддизмом. Авторы статьи показывают, как «переводились» понятия дзэн-буддизма на язык собственной культуры, и как они трактовались в западной и отечественной культуре.*

***Ключевые слова:** дзэн-буддизм, культура, гуманитарное знание, мировосприятие*

SOVIET HUMANITARIAN THOUGHT OF THE 70S AND THE IDEAS OF ZEN BUDDHISM

Alexandrova O.A., Pendiurina L.P., Moscow, Rostov-on-Don, (Russia)

***Abstract.** The article discusses the ways and possibilities of interpreting the ideas of Zen Buddhism in the humanities of the 70s in the USSR. Interest in this issue has always been present in the cultural paradigm of the Soviet Union, but in this period, the process took place in the conditions of the need to achieve mutual understanding between cultures. The complication of cultural forms and processes required overcoming Eurocentrism as the only image of culture present in the humanities of that time, an analysis of other*

cultural traditions that were proposed by Zen Buddhism. The authors of the article show how the concepts of Zen Buddhism were "translated" into the language of their own culture, and how they were interpreted in Western and domestic culture.

Key words: *Zen Buddhism, culture, humanitarian knowledge, worldview*

Развитие культуры представляет собой сложный и многогранный процесс. Культура есть всеобщее наследие, в ней происходит процесс самоосмысления, «возвращения» духовного мира человека. Движение культуры вперед – это не только преодоление негативного ее содержания и открытие нового, это также возвращение к ее истокам. Поэтому Ж. Деррида был абсолютно прав, когда утверждал, что «возвращение к до-культуре есть не регрессия к культурной примитивности, а редукция определенной культуры, теоретическая операция, являющаяся одной из наиболее высоких форм культуры вообще» [3, с. 99]. Возвращение философских концепций, культурных ценностей, мировоззренческих установок прошлого во многом приводит человека к встрече с самим собой, дает перспективу личностного, культурного и цивилизационного развития. Знание различных идейных концептов, религиозных традиций выявляет импульсы жизненного роста культуры.

Культура не существует вне текстов, вне гуманитарного знания. Гуманитарное знание имеет свою специфику, свой дискурс. Поэтому гуманитаристику необходимо понимать не как простое понятие, а как концепт. Это значит, что в содержательном плане это понятие неотделимо от социальных и культурных корней общества, оно является не только рациональным, но и чувственно-эмоциональным, а также и образным. Кроме того, гуманитарное знание – это нарративное знание, что не исключает его объяснительного характера, причем объяснение часто транслируется в культуре. Можно утверждать, что нарративность гуманитаристики, повествовательность и сюжетность формируют особый тип научности, в котором также присутствуют и ненарративные научные методы, которые составляют основу всего научного знания. Отсюда становится очевидным, что понимание многих установок и принципов гуманитарного знания предполагает осознание различных форм системно-организованных ценностей и смыслов, складывающихся в общественной практике человека.

Культурное поле России всегда было разнообразным, и не последнюю роль в нем играли идеи буддизма. На рубеже XIX-XX вв. интерес российских и советских исследователей касался религиозных представлений и философии классического буддизма, а в 70-80 годах

советские востоковеды начали знакомить советского читателя с идеями дзэн-буддизма. В это время советская гуманитарная мысль остро осознала необходимость диалога с другими культурами. В этот период Запад переживал острый интерес к дзэн-буддизму, что было связано с публикациями на английском языке работ Д.Т. Судзуки, в которых он показал содержательные аспекты дзэн и выявил его роль в формировании японской культуры. Западные мыслители начинали осознавать необходимость нахождения общего языка двух разных культурных традиций. Потребность выявления общезначимых культурных проблем привела к тому, что и в Советском Союзе обществоведы заговорили о неизбежности понимания Другого как условия целостного существования человека.

Одна из первых в советской исследовательской мысли к идеям дзэн-буддизма обратилась Е.В. Завадская (1930-2002), советский востоковед, искусствовед, культуролог. В 1977 г. была издана ее книга «Культура Востока в современном мире», где она актуализировала в отечественной гуманитарной сфере философские и идейные принципы дзэн на примере западной литературы и искусства. Завадская отмечает, что идеи дзэн-буддизма на Западе представляли собой синтез буддизма, даосизма и собственно представлений дзэн и выражались во многих областях культуры: в литературе, живописи, музыке. По ее мнению, ярким интерпретатором дзэнских идей является немецкий писатель Г. Гессе (1877-1962), который показывает близость этических норм и эстетических канонов Востока и Запада. В своем романе «Игра в бисер» Гессе утверждает, что игра способна выступать моделью универсальной языковой системы, заключающей все смыслы человеческой культуры. Сущностью такой игры является служение людям и истине. Гессе считает, что подобное понимание служения присутствовало и в философии Древней Греции (Сократ), и в даосизме, утверждающем принцип дэ – добродетели как явленности Дао, и в конфуцианстве с его концепцией цзюнь-цзы – «благородного мужа». Углубляя свое понимание китайской концепции музыки, Гессе утверждает, что музыку можно представить как некую фигуру. Подлинность музыки можно понимать как ее отсутствие, она есть определенный тип медитации. Фигура музыки представляется как результат глубокого духовного сосредоточения, позволяющего услышать в ней всю полноту существования человека: порядок, мораль, красоту и здоровье. По мнению Завадской, Гессе таким образом обосновывает в романе не просто единство всего, он пытается подчеркнуть необходимость понимания между людьми – европейцем и китайцем, выдвигает идею о диалогической возможности разрешения

всех оппозиций и противоречий путем творчества и, прежде всего, в искусстве.

В 70-е годы образованный человек в Советском Союзе обязательно был знаком с творчеством Дж. Д. Сэлинджера (1919-2010), американского писателя середины XX века. Завадская полагает, что дзэн-буддизм представляет собой ядро мировоззренческих установок этого писателя, и понять его произведения можно через призму идей дзэн. Один из самых известных романов Сэлинджера «Над пропастью во ржи» содержит в себе ту трактовку мира и человека, которая является сутью учения дзэн-буддизма. Это понимание преднамеренности и спонтанности происходящего; внезапности и случайности, как условия постижения истины; идея естественного хода развития всех вещей; переживание главным героем чувства единства со всем миром и всеми людьми; обретение Я как обретение своего Пути.

Человеческая жизнь – это творчество. И Сэлинджер, по мнению Завадской, утверждает мысль о том, что оно не связано с рассудочным знанием вещей, оно есть свобода, объединяющая знание, мысль и деяние. Холден Колфилд, от имени которого ведется повествование, ставит вопрос об истинности бытия вообще и об истинности собственного присутствия в нем. Исходя из идей дзэн-буддизма, Сэлинджер показывает, что ответ на этот вопрос возможен только при ясности ума, связанной с переживанием того, что жизнь человека – это не тягостное выполнение обязанностей, а раскрытие своих способностей, раскрытие лучшего в себе, что объединяет тебя со всем миром.

Завадская не останавливается в своих исследованиях на анализе только литературы. Она полагает, что дзэн обогатил художественный стиль современной эпохи в живописи и музыке.

Например, в живописи под влиянием дзэн были переосмыслены понятия пространства и времени, а также способ организации художественного произведения и способ нахождения выразительных возможностей. Особенно это видно в работах западных художников-импрессионистов. Они используют минимальное число линий для раскрытия сущности изображаемых вещей, употребляют карандаш и тростниковые палочки в написании картин, применяют принцип незавершенности сюжета, подчеркивают роль белого фона как символа невыразимости истины.

По мнению Завадской, музыкальная эстетика Запада под влиянием дзэн-буддизма изменилась не менее, чем живопись. Это проявилось в творчестве австрийского композитора Г. Малера, в его симфонии-кантате «Песнь о Земле», где на материале музыки был выражен дух

чаньского/дзэнского мировосприятия. Завадская перечисляет те приемы, которые использует Малер в симфонии-кантате и которые насыщают ее дзэнским мировидением. Это момент-видение в музыке, передача текучести, неустойчивости движения всего сущего. Содержание стихов, выбранных Малером для этого произведения, также свидетельствует о том, что дзэнская тематика необходимости гармонии человека и мира, «личного долга» перед всем существующим и другими людьми была воспринята композитором очень глубоко.

Таким образом, для Завадской является важным знакомство читателей с альтернативными позициями понимания смысла жизни, не присутствующими в СССР, но позволяющими понять собственные экзистенциальные проблемы в диалоге культур.

В 1979 году в свет выходит монография Т.П. Григорьевой (1929-2014) «Японская художественная традиция», в которой продолжилось знакомство советских читателей с японской культурой и идеями дзэн-буддизма через анализ эстетических ценностей Японии. Григорьева – известный советский востоковед, филолог, выявляет своеобразие японского искусства через сравнение различных периодов развития японской литературы. Она исходит из того, что специфику художественных произведений Дальнего Востока можно выявить исходя из равенства культур, но сравнение не означает предпочтения, а представляет собой, с одной стороны, обретение своих корней, а с другой, возможность добраться до Другого.

Григорьева полагает, что принципы видения мира, используемые в японских художественных произведениях, есть сами его принципы. Этих принципов несколько, и первый из них макото («истина», «искренность»). Под этой категорией понимается подлинная природа вещи, постоянно изменяющаяся и существующая поэтому в разных формах.

Еще одна категория прекрасного – моно-но аварэ («очарование вещей»). Моно-но аварэ фиксирует в вещах и всеобщее, и индивидуальное, выражает переживание вещи при ее созерцании.

Третья категория – югэн («сокровенный», «тайный»). Югэн – это неповторимость вещи, глубоко скрытая ее красота.

Следующая категория – ваби, красота простоты. Ваби представляет собой как бы оборотную сторону югэн, воплощается в обыденных вещах и повседневной жизни, позволяя находить в этом прекрасное и изящное.

Важная роль, по мнению Григорьевой, принадлежит категории саби. Эта категория фиксирует переживание бытия как небытия, олицетворяет одинокость единичности. Саби как концепция красоты

воплощается в поэзии, искусстве садов, чайного ритуала, в живописи и каллиграфии.

Григорьева отмечает, что представление о гармонии в японском искусстве отличается от западноевропейского. Со времен античности гармония в европейском искусстве выражается в соразмерности частей, пропорциональности и уравниженности. В японской системе мышления нет понятия части. Капля океана содержит в себе целый океан, отсюда – любое явление есть целостность, содержащая абсолюта. Поэтому она неделима. Вещи следуют своей природе, они суверенны, и отсутствие крайностей, уравниженность начал есть гармония.

В своей монографии Григорьева не предпринимает детального изложения философии дзэн-буддизма. Дзэн интересует ее как основа мировосприятия культуры Японии, как форма самосознания, как эстетический метод и образ. Поэтому в качестве основных характеристик дзэн она приводит следующие: «Великую веру» (дайсинко), «Великое сомнение» (дайгидан), «Великую решимость» (дайфусин)

Григорьева полагает, что дзэн-буддизм является предельным выражением дальневосточной философии: «одно во всем и все в одном». В дзэн-буддизме внимание концентрируется на единстве всего, единичное есть выражение Единого. Причем просветление есть момент внезапного озарения – сатори. Дзэн открывает мистическое ничто, которое и есть предельная реальность, абсолюта, дао, бесконечность, пустота. В тоже время это есть «вечное присутствие», «самость». Постигание пустоты как подлинной реальности возможно только следуя своей природе через приобщение к Единому. Идея следования своему индивидуальному Пути заострена в дзэн, сам процесс сосредоточения (дзадзэн) приводит в состояние «не-Я», где и происходит слияние с Пустотой, со всеобщим. Такое понимание мира отрицает слово в его западноевропейском значении как сущности, отчужденной от человека. В дзэн слово не творит мир, в нем истина не выражается. Слово порождает дуальность, поэтому искусство дзэн старается обойтись минимумом слов.

Таким образом, и Е.В. Завадская, и Т.П. Григорьева выявляют различные парадигмы существования человека как существа способного осознавать себя тем, что он не есть и чем стремиться быть. Человек рождается наделенный всеми необходимыми силами достижения конечной цели бытия, но не может найти им надлежащего применения. Свобода состоит в том, чтобы реализовать творческие потенции человека. В дзэн-буддизме названные авторы видят один из путей, позволяющих выявить стимулы развития культуры в ином

взгляде на мир, в ином взгляде на гуманитарное начало человека, в котором человек обнаруживает не только, что он есть, но чем он может стать.

Литература

1. Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. М., 1979. 368 с.
2. Завадская Е.В. Культура Востока в современном мире. М., 1977. 168 с.
3. Деррида Ж. Введение // Гуссерль Э. Начало геометрии. М., 1996. 267 с.

ТОПОНИМЫ «КУНЬЛУНЬ», «ТЯНЬ-ШАНЬ» И ПОКЛОНЕНИЕ БОГУ КИТАЙЦЕВ

Чжан Юньфэй, Барнаул (Россия/Китай)

Статья подготовлена в рамках выполнения Госзадания «Тюркский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер – 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

Аннотация. В статье представлены некоторые исторические сведения о топонимах «Куньлунь» и «Тянь-Шань» в Синьцзяне. Топонимы «Куньлунь» и «Тянь-шань», появившиеся с начала исторических записей, в большей степени зафиксированы в мифологических и разнородных исторических материалах. «Куньлунь» и «Тянь-шань» являются топонимами, они связывают поклонения людей и пожелания богам с особыми географическими объектами.

Ключевые слова: культура, топоним, гора, Куньлунь, Тянь-Шань, поклонение Богу

TOPONYMS "KUNLUN", "TIEN SHAN" AND WORSHIP OF THE GOD OF THE CHINESE

Zhang Yunfei, Barnaul (Russia/ China)

Abstract. *The article presents some historical information about the toponyms "Kunlun" and "Tien Shan" in Xinjiang. The toponyms "Kunlun" and "Tien Shan", which appeared from the beginning of historical records, are mostly recorded in mythological and heterogeneous historical materials. "Kunlun" and "Tien Shan" are toponyms, they associate the worship of people and the wishes of the gods with special geographical objects.*

Keywords: *culture, toponym, mountain, Kunlun, Tien Shan, worship of God*

Синьцзян называли «Западным регионом» в древнем Китае. Как узел древнего Шелкового пути, Синьцзян объединил китайскую и

среднеазиатскую культуру. Китайский язык играл важную роль в качестве посредника в обмене между Востоком и Западом на Шелковом пути более 2000 лет. Существует большое количество документов, надписей, рукописей, в которых зафиксированы некоторые китайские топонимы.

С точки зрения происхождения и развития топонимов язык является предпосылкой для развития топонимов. Появление исторических персонажей и развитие истории человечества способствовали изменению топонимов. До возникновения тотемов первобытные люди вели кочевой образ жизни и не имели ни групповых названий, ни названий мест жительства. После того, как тотем был изготовлен, каждая группа людей использовала определенных животных и растения как свой собственный тотем, а также как название группы (племени, нации). Когда каждая группа селилась в каком-либо месте, они использовали имя тотема в качестве названия места поселения, и это дало начало топонимам. Поэтому большинство самых ранних топонимов были тотемными. Как следствие этого, топонимы оказались связаны с традицией поклонения Богам.

В данной статье рассмотрим два топонима: Гора Куньлунь и гора Тянь-Шань.

Гора Куньлунь

Слово «Куньлунь» впервые появилось в «Чтимой книге • Дары Юя» (кит: «*尚书•禹贡*», *первая работа по региону и географии в Древнем Китае*). В оригинальном тексте пишется: «Куньлунь, Сичжи, Цюй и Соу, четыре страны, там все люди носят кожу» [1]. И в «Точной чтимой книге • толкование канонических книг» (кит: «*尚书正•义疏*», *официальная книга династии Тан*) пишется, что «Куньлунь, Сичжи и Цюйсоу — три высокие горы» [1].

Гора Куньлунь – одна из самых почитаемых гор в древнем Китае. Первоначальная космология часто рассматривает высокие горы как священные места: высокие горы ближе всего к небу, и их, скорее всего, представляют как место, где живут боги. Скорее всего рядом находится место Богов. На протяжении тысячелетий ни одна гора не была наделена более таинственным и сакральным значением, чем гора Куньлунь в китайской культуре.

В «Исторических записках • Биография Паркана» (кит: «*史记•大宛列传*», *самая ранняя монография Китая по приграничной и экстерриториальной географии. Паркан – древнее среднеазиатское государство*) говорится, что посланники династии Хань проследили

исток реки Хуанхэ в бассейне Тарима и обнаружили, что истоком реки была гора Южно-Юйтана (ныне Хотан, Синьцзян). Поэтому «император У из династии Хань назвал гору «Куньлунь» в соответствии с записями о горе Куньлунь в «Чтимой книге • Дары Юя» и в «Книге гор и морей» (кит: *山海经*, древнекитайский трактат, описывающий реальную и мифическую географию Китая и соседних земель и обитающих там созданий) и определил реку Юйтан (ныне река Хотан) как источник реки Хуанхэ» [2]. Хотя некоторые документы более поздних поколений называют словом «Куньлунь» определенные горные хребты в других местах, например, гора Цилян, это все же не может поколебать подлинный статус горы Южно-Юйтан как горы Куньлунь (ныне гора Куньлунь).

Китайцы связывают гору Куньлунь с рекой Хуанхэ, изначально из-за воображения и домыслов, кроме того, она отражает древнюю китайскую культуру. Река Хуанхэ – река-мать китайской цивилизации, а гора Куньлунь – самая священная горная цепь в сердцах жителей Китая – величайшая река берет начало у самой священной горы, что очень соответствовало представлениям людей о поклонении небу и земле в то время. В древние времена китайцы жили в бассейне реки Хуанхэ, и они предполагали, что исток самой большой реки, Хуанхэ, должна исходить от самой большой горы на северо-западе. Так сказано в «Чтимой книге • Дары Юя» – «река вытекает из Куньлуня». Как представитель природы, река Хуанхэ с древних времен была объектом жертвоприношений императоров, а Куньлунь, исток Хуанхэ, стал более священной горой. В мифологии гора Куньлунь является местожительством самого великого бога в мире.

Топоним «Куньлунь» имеет два значения: широкое и узкое. Гу Цзеган считает, что «Куньлунь» в «Книге гор и морей» в широком смысле, кажется, «находится в провинции Ганьсу, Цинхай и Синьцзян в сегодняшнем Китае» [3]. Эта интерпретация на самом деле утверждает, что Куньлунь относится к более широкому хребту. Тань Цисян считает, что «Куньлунь» в книге «Пять собраний книг» (кит: «*武藏山经*») расположен на самой высокой вершине гор Цилян на стыке провинций Ганьсу и Цинхай», это в узком смысле [4]. В то же время «Куньлунь» описывается как название алтаря в «Книге за западными внутренними регионами» (кит: «*海内西经*») и в «Книге за Южной границей» (кит: «*海外南经*»), который представляет собой алтарь, посвященный богам. В словаре «Эръя • объяснения холмов» (кит: «*尔雅 • 释丘*») написано, что

«Куньлунь» – это не название какой-то одной горы, все священные горы могут называться «Куньлунь», что является общим названием. Совокупность всех вышеперечисленных факторов привела к изначальной неоднозначности названия «Куньлунь».

Согласно записи «Хуайнань • рельеф местности» («淮南•地形训»): «Гора Куньлунь чрезвычайно высока, и, когда вы подниметесь на нее, вы обретете способность жить вечно и сможете вызывать ветер и дождь. Боги живут на вершине горы» [5].

В древности из-за неразвитости науки воображение людей было чрезвычайно богато, ведь им нужно было дать правдоподобные объяснения некоторым природным явлениям, которые они не могли понять. Когда мы смотрим на гору, видим ее необъятность и недостижимую высоту, нам кажется, что должны быть и другие существа, превосходившие людей в древнее время. Кажется, что они живут на горных вершинах и являются Богами. У них чрезвычайно мощные способности, они вечно молоды и бессмертны.

Люди в древности нуждались в духовной поддержке, им необходимо было присутствие связи между людьми и Богами, но они чувствовали, что Боги не могут долго оставаться на земле. Поэтому они представляли себе горы как временное жилище богов. Так появилась поговорка «священная гора Куньлунь» [6].

Со времен письменных источников название «Куньлунь» на самом деле является названием многих мест. Все документы разных периодов и разных национальностей относятся к определенной горе, поэтому название «Куньлунь» встречается во многих местах Северо-Западного Китая. Топоним Куньлунь произошел из древнекитайского языка. Первоначальное значение «Куньлунь» относится ко Вселенной. Это движущая сила формирования и распространения ранней китайской цивилизации, это общее название обожествленной горы, это также символ поклонения Богам.

Гора Тянь-Шань

Гора Тянь-Шань в древние времена в китайском языке означала «гора небесная», когда многие явления природы не могли быть объяснены, «Небо» было чрезвычайно священо в сердцах предков китайцев. Опасная окружающая среда приносила жителям много трудностей и угроз. Однако именно Небо оказывает наибольшее влияние на существование человека. Столкнувшись с непонятными природными явлениями, люди превращают небо в огромную загадку, обожествляют.

Мысль о поклонении «Небу» как верховному правителю вселенной, хотя и зародившаяся в первобытном обществе в эпоху невежества, до сих пор отчетливо просматривается в китайской лексике. В китайском языке есть много слов, образованных словом «небо». Как словообразовательный материал «небо» занимает в словах незаменимое важное место. Значение слова «небо» в китайской культуре, будь то его расширенное значение или метафорическое значение, также отражает поклонение и восхищение китайской нации небом.

Гора Тянь-Шань охватывает Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Казахстан и Китай. Н.М. Шукина считает, что вне зависимости от того, находятся ли Тянь-Шаньские горы в Китае или странах Центральной Азии, они называются «Тянь-Шань» или в иных транслитерациях этого названия. Исследовательница говорила, что «Тянь-Шань» (Небесные горы), ... – название, утвердившееся с незапамятных времен, также неоспоримо свидетельствует о том, что первооткрывателями этих крупных горных систем были китайцы» [7].

Название «Тянь-Шань» впервые было записано в «Книге гор и морей»: «В Тянь-Шане... есть бог по имени Дицзянь», «Тянь-Шань – местопребывание бога красного света». Когда Юань Кэ перевел «Книгу гор и морей», он аннотировал «Бог Красного Света». Он считал, что так называемый «Бог Красного Света» на самом деле был обожествлением определенного природного явления – страха, следовательно, и поклонения.

Название «Тянь-Шань» зафиксировано в «Старых рассказах Сихэ» (кит: «西河旧事»), цитируемых Ли Сянем из династии Мин: «Белая гора, зимой и летом снег, поэтому ее называется Байшань (озвучает белая гора), а гунны называют ее Тянь-Шань. слезают с лошадей, когда они пройдут Тянь-Шань, и поклониться» [8].

На тюркском языке в династии Тан слово «небо» было переведено на китайский язык как «Дэнгли» (транслитерация), производное от *tāngri* в тюркском и *teŋri* [9] в монгольском. Корень *teŋ* происходит от глаголов «подниматься» и «летать». Это древнетюркское слово, изначально означавшее «подниматься», было переведено как «преданность», «жертвоприношение» и «уважение», поэтому «Тянь» (небо) не только относится к небу, но и отражает божественное начало. История слова – история представлений древних гуннов, тюрков и монголов о поклонении Богам.

В тюркских надписях, найденных на древнемонгольском нагорье, уже есть два слова, *kk* и *teŋri*, что означает «небо». Однако после того, как тюркоязычные народы обратились в ислам, тюркский язык

заимствовал слово *asman* из персидского языка, означающее «небо» [10].

Таким образом, можно сказать, что топонимы «Куньлунь» и «Тяньшань» являются самыми ранними топонимами, зафиксированными на китайском языке в районе современного Синьцзяна с момента письменных источников, что указывает на то, что ханьская национальность была одной из основных этнических групп или коренных жителей, живущих в районе Синьцзяна. Названия «Куньлунь» и «Тяньшань» являются результатом осмысления древних людей о почитании природы и поклонении небу, а затем применяли их к именованию географических объектов.

Литература

1. 余太山 《汉书·西域传》所见 [J]. 新疆社会科学 Юй Тайшань Что вы видели в «Книге династии Хань. Биография западных регионов» // Синьцзянские социальные науки. 1989. №1. С. 70.
2. 牛汝辰. 早期西域底层地名探源 [M]. 北京: 中国社会科学出版社 *Ню Жучень* Исследование происхождения топонимов более начального уровня в ранних западных регионах // Пекин: Издательство Китайского общества. М., 2016. 269 с.
3. 顾颉刚. 中国上古史研究讲义 [M]. 北京: 中华书局 *Гу Цзеган* Конспект лекций по изучению истории Древнего Китая // Пекин: Книжная компания Чжунхуа. М., 2009. 380 с.
4. 谭其骧, 史念海, 邹逸麟. 黄河史论丛 [M]. 上海: 复旦大学出版社 *Тан Цисян, Ши Нянхай, Цзоу Илин* История Хуанхэ // Шанхай: Издательство Фуданьского университета. М., 1986. 250 с.
5. 钱伯泉, 几个新疆地名的渊源和含义 [J]. 新疆地方志 *Цянь Боцюань* Происхождение и значение нескольких топонимов в Синьцзяне // Синьцзянские региональные хроники. 1999. №2, С. 37-43.
6. 牛汝辰, 中国文化地名学 [M]. 北京: 中国科学技术出版社 *Ню Жучэнь* Китайская культурная топонимия // Пекин: Китайское издательство по науке и технологии. М., 2018, 755 с.
7. *Шукина Н.М.* Как содалась карта центральной Азии // Работа русских исследователей XIX и начала XX в. // Государственное издательство географической литературы. Москва. М., 1995, 242 с.

8. Почему Тянь-Шань называется Тянь-Шань? URL: <http://www.jiaoyuz.com/shi/108347.html> (дата обращения: 27.03.2023).
9. 耿世民. 古代突厥文碑铭研究 [J]. 北京: 中央民族大学出版社 *Ду Шиминь* Изучение древнетюркских надписей // Пекин: Издательство Китайского университета Миньцзу. М., 2005, 243 с.
10. 王新青, 郭美玲. 腾格 (Tngri) 考 [J]. 西域研究 *Ван Цинсинь, Го Мэйлин* Изучение слова Тэнгли (Tngri) // исследования запада. 2009. №2. С. 120-123.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО КИТАЯ НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА СУНЧЖУАНСКИХ ЖИВОПИСЦЕВ

Чжао Шуай, Жалсанова Б.М., Чита (Россия)

***Аннотация.** В этой статье рассмотрена краткая история возникновения нового рационализма, который привел к неоклассическим тенденциям в литературной и художественной сферах. По идеологическому содержанию, неоклассицизм и классицизм отличаются, но все же между ними есть черты сходства в плане творческих методов. В работе проанализировано творчество яркого представителя группы сунчжуанских художников Чжан Цзяньцяна, который пишет картины в стиле неореализм. Его творчество сильно отличается от работ мастеров современного искусства, которые доминировали в течение двух десятилетий. В работах и творческих идеях Чжан поднимаются социальные, культурные, политические проблемы.*

***Ключевые слова:** новый реализм, искусство, Китай, художники, неоклассицизм, художественный образ, культура, живопись, картины*

CHINA CONTEMPORARY ART ON THE EXAMPLE OF SONGZHUANG PAINTERS WORKS OF SONGZHUANG PAINTERS

Zhao Shuai, Zhalsanova B.M., Chita (Russia)

***Abstract.** This article reviews a brief history of the rise of the new rationalism, which led to neoclassical trends in the literary and artistic fields. In terms of ideological content, neoclassicism and classicism differ, but nevertheless there are similarities between them in terms of creative methods. The work analyzes the work of Zhang Jianqiang, a prominent representative of the group of Songzhuan artists, who paints paintings in the style of neorealism. His work is very different from the work of the masters of*

modern art who have dominated for two decades. Zhang's works and creative ideas raise social, cultural, and political issues.

Keywords: *new realism, art, China, artists, neoclassicism, artistic image, culture, painting, paintings*

Исторически китайское искусство зародилось в начале 20 века. В то время многие молодые художники, которые учились во Франции и Японии, были знакомы с тенденциями западного современного искусства, и после того, как вернулись в Китай, они вызвали новую волну в современном искусстве в сфере китайской живописи. Однако с началом антияпонской войны китайское современное искусство изменило внутреннюю траекторию самого искусства.

1980-й год является периодом начала китайского современного искусства. В это время было проведено множество выставок, и среди них – «Художественная выставка New Star», «85 Art Trend», «Выставка современного искусства 89».

Затем китайское современное искусство переживало спад после 1989 года. В этот период сунчжуанская группа молодых художников современного китайского искусства за короткий период от трех до пяти лет создали самые авангардные и модные произведения современного китайского искусства. Художники на протяжении нескольких лет много и упорно работали. К сожалению, такое положение длилось недолго по целому ряду причин. Эти живописцы были изгнаны из Пекина.

Китайское общество претерпело изменения после 1989 года. Новый период реформ и открытости, начатый Дэн Сяопином, сделал общую структуру китайского общества фундаментально отличной от прошлого. Китайское современное искусство было подчинено к этому течению, и именно на его основе произошли существенные изменения в китайском современном искусстве. Эти изменения сделали китайское современное искусство полностью ориентированным на рынок, что в итоге способствовало его деградации и разрушению.

Классическая эпоха Китая закончилась из-за воздействия западных литературных и художественных тенденций. Возникло новое китайское движение «Пять-четыре», которое выступало против идей классицизма. Это новое направление литературной и художественной мысли «Пять-четыре» включало в себя идеи романтизма, реализма и модернизма. При этом реализм является основным направлением, в то время как романтизм и модернизм играют лишь второстепенную роль. Это связано с тем, что Китай сталкивается с фундаментальной проблемой преобразования общества.

В этих исторических условиях сформировался новый рационализм, который привел к неоклассической тенденции в литературной и художественной мысли. По идеологическому содержанию неоклассицизм и классицизм отличаются, но все же между ними есть черты сходства в плане творческих методов.

Основой стиля неоклассицизма стали «революционный реализм» и «революционный романтизм». Изначально «революционный реализм» был главенствующим художественным направлением литературы и искусства в Советском Союзе, где был введен для интерпретации реальности и создания художественных образов в соответствии с существовавшей идеологией.

Неоклассические черты в литературе и искусстве 1950-х и 1960-х годов впервые проявились в рационализме, политических концепциях. Эта доктрина стала основой идеологии, литературы и искусства. Во времена культурной революции, вопросы литературы и искусства находились в центре внимания среди политических деятелей.

Следует отметить, что неоклассицизм формирует типизируемые художественные образы, которые обладают единой индивидуальностью и являются воплощениями идей. Неоклассицизм – это возрождение многих стилей и духа классической античности.

Это художественное направление способствует развитию у людей духа коллективизма и идеализма, а также служит источником вдохновения на построение новой жизни. Темы неоклассицизма связаны с политической приверженностью и с созданием революционных исторических тем художниками. Так, в 1950-х и 1960-х годах в Китае появились несколько лучших работ, такие как «Спектр Хунци», «Песня молодежи», «Штормовой дождь», «Хунъянь» и т. д. Подобные работы воплощают дух революционного героизма и играют большую социальную роль.

Ярким представителем группы сунчжуанских художников является Чжан Цзяньцян, который пишет картины в стиле неореализм.

Чжан Цзяньцян – мастер из Синьцзяна с хорошей художественной подготовкой. Смотря на его картины маслом, мы можем прочувствовать прекрасное и грустное настроение, которое отражает слияние западного импрессионизма и китайской традиционной живописи.

Творчество Чжан Цзяньцяна сильно отличается от искусства мастеров современного искусства, которые доминировали в течение двух десятилетий. В работах и творческих идеях Чжан поднимаются социальные, культурные, политические проблемы.

Чжан Цзяньцян считает своей первоочередной задачей с помощью своего творчества показать, что современное искусство осуществило рывок вперед и построило новый тип современного искусства в китайском стиле.

Мы можем наблюдать это в репрезентативной серии его творений, таких как «Прошлое, как дым», «Глобус», «Когда цветут горные цветы», «Образец: слива, орхидея, бамбук, хризантема» и т. д. Так, картины «Глобус» и «Когда цветут горы» посвящены глобальной проблеме загрязнения окружающей среды. Еще более уникальна картина «Образец: слива, орхидея, бамбук и хризантема». Здесь бамбук олицетворяет честность, а цветки сливы олицетворяют высокомерие.

Другими словами, в его картинах представлено столкновение между историей и реальностью, конфликт между идеалами и настоящим. Таким образом, творчество этого художника имеет огромную ценность для современной китайской культуры.

Литература

1. Гао Цюаньси. Современное искусство, культурные точки зрения и неореализм. Комментарии к недавнему творчеству Чжан Цзяньцян.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Чуканова Т.В., Барнаул (Россия)

Аннотация: Целью статьи является теоретический анализ феномена социального благополучия, его составляющих с точки зрения различных подходов и концепций. Исследуются такие показатели и факторы формирования социального благополучия человека, как здоровье и его составляющие – психологическое здоровье, субъективное благополучие, психологическое благополучие. Субъективное благополучие, психологическое благополучие рассматриваются как интегративная характеристика личности, включающая в себя физический, психический, социальный и духовный аспекты.

Ключевые слова: социальное благополучие, психологическое здоровье, психологическое благополучие, субъективное благополучие, критерии субъективного благополучия

FACTORS IN THE FORMATION OF THE SUBJECTIVE WELL-BEING OF THE INDIVIDUAL: THE THEORETICAL ASPECT

Chukanova T.V., Barnaul (Russia)

Abstract: *The purpose of the article is a theoretical analysis of the phenomenon of social well-being, its components, from the point of view of various approaches and concepts. Such indicators and factors of the formation of a person's social well-being as health and its components - psychological health, subjective well-being, psychological well-being are being studied. Subjective well-being, psychological well-being are considered as an integrative characteristic of a person, including physical, mental, social and spiritual aspects.*

Keywords: *social well-being, psychological health, psychological well-being, subjective well-being, criteria of subjective well-being.*

Одним из показателей социального благополучия человека является здоровье и некоторые его составляющие – психологическое здоровье, психологическое благополучие, субъективное благополучие. Поскольку специфика здоровья не может быть ограничена отдельными – биологическими, социальными и духовными аспектами бытия, оно становится предметом междисциплинарного исследования. Обобщая наиболее распространенные научные взгляды на проблему здоровья, как составляющую благополучия, выделяют несколько альтернативных подходов к исследованию этого феномена [2, с. 16].

Важным критерием социального благополучия является субъективное благополучие, которое представляет собой интегральное социально-психологическое образование и определяется через систему представлений личности о себе, своей жизни, отношениях. Особенно важной в формировании благополучия выступает система смысловых образований личности и их качественных связей [4].

Ценностно-смысловые характеристики личности могут выступать применительно к формированию субъективного благополучия двояко: с одной стороны, ряд исследователей считают их включенными в благополучие, рассматривая его как показатель осмысленности (Д.А. Леонтьев), другие – как фактор благополучия (М. Аргайл, В. Франкл). Не случайно поиски смысла, формирование определенной упорядоченности ценностей и смысловых единиц в сознании человека сопровождаются дискомфортным состоянием и ощущением неблагополучия; тем не менее, в ряде случаев, именно эти моменты поиска по прошествии времени могут восприниматься как наиболее продуктивные, благополучные, характеризующиеся понятием «счастье».

Эту особенность можно назвать эффектом отсроченного благополучия, так как прошлое воспринимается более полным, счастливым, если в нем можно отметить большее, по сравнению с настоящим, количество значимых событий. С другой стороны, наличие осмысленной жизнедеятельности планов, реализация которых предполагает опору на смысловые единицы, и, в особенности, убежденность в том, что намечаемое непременно сбудется, является фактором благополучия. Очевидно, что смысловая определенность является фактором благополучия, хотя не до конца ясна качественная характеристика этой связи. Люди, обладающие осмысленностью и пониманием происходящего, имеющие долгосрочные и близкие смысловые перспективы, испытывают дискомфорт и неблагополучие. Очевидно, по мнению А.Н. Леонтьева, это связано с тем, что наличие смыслового поля еще недостаточно для того, чтобы выстроилась определенная целостность, включающая как самого субъекта, так и систему отношений с внешним миром.

Взаимосвязь субъективного благополучия личности и субъективного смыслообразования представляется важной для изучения в социально-психологическом контексте. Речь идет не столько о результате – определенности смысла бытия (т. к. наличие оформленной структуры жизненных смыслов является фактором благополучия), но о стратегиях наполнения этой структуры, о ее качественных составляющих [4]. Действительно, как показано во многих исследованиях (С.Л. Рубенштейна, В. Франкла, М. Аргайла), смысловая определенность выступает регулятором отношений субъекта с внешним миром, а также направлений активности, ее качественных характеристик. Однако, в реальном времени в значительной мере оказывает влияние на субъективное благополучие субъективная оценка конкретных действий, поступков, с точки зрения их значения, смысла. По мнению Р.М. Шамионова, качественное содержание субъективного благополучия, его конструктов, зависит от высших диспозиций личности, ценностно-ориентационных комплексов.

Формирование субъективного благополучия обусловлено социальным познанием. Субъективное благополучие личности – это качественная сторона субъективной реальности, выстраиваемой индивидом на основе социальных норм, установок, а также собственного опыта.

Важным аспектом изучаемой проблематики выступает соотношение представления о смысле жизни. На основе этого соотношения И.А. Джидарьян и Е.В. Антонова выделили два наиболее

общих типа личности – «гедонисты» (основная установка которых – «жизнь выше смысла») и «эвдемонисты» («смысл выше жизни»). Очевидно, что данный подход применим лишь для определенной возрастной группы. Р.М. Шамионов придает особое значение такому фактору субъективного благополучия как смысловая определенность в профессиональной и житейской сферах. Подчеркивает необходимость изучения взаимосвязи благополучия и смысловых образований, обусловленную различными преобразованиями в системе профессиональной деятельности человека и выявлению ее специфики на разных этапах профессиональной социализации.

В зарубежных исследованиях субъективного благополучия прослеживается ориентация на его оценку самим индивидом с позиции ценностей и целей. Поскольку последние всегда индивидуальны, то универсальной для всех структуры благополучия быть не может, значит изучать можно только факторы, влияющие на это чувство счастья и удовлетворенности. В данном контексте употребляется термин «качество жизни, связанное со здоровьем», синонимами для которого являются понятия субъективного состояния здоровья и функционального статуса.

Выделяются такие показатели субъективного благополучия как:

а) самопринятие (позитивное отношение к себе и своему прошлому);

б) автономность (самоопределение и независимость, способность противостоять социальному давлению);

в) компетентность (чувство мастерства и компетентности в овладении средой, осуществление разнообразных видов деятельности);

г) цели в жизни (чувство осмысленности своего прошлого и настоящего, цели в жизни и чувство направленности);

в) личный рост (чувство продолжающегося развития и реализации своего потенциала).

Субъективное благополучие личности неразрывно связано с социальными факторами и постоянно протекающими адаптационными процессами. Такой социально ориентированный подход нашел отражение в психотерапевтической системе А. Адлера, указывающего на то, что психика не может действовать самостоятельно, перед ней постоянно возникают проблемы, связанные с логикой нашей общественной жизни. Требования общества влияют на личность, но редко позволяют ей влиять на общество [3, с. 12; 7, с. 9]. Поэтому, считает А. Адлер, необходимо принять логику общественной жизни как абсолютную истину и инициировать стремление к

солидарности и кооперации с другими людьми, развивая социальное чувство. Подход Адлера представляет собой выражение крайнего социологизма, при котором абсолютизируется социальный аспект адаптированности человека, а общество является единственным полноправным арбитром в вопросах здоровья и болезни [2, с. 98].

Многочисленные психологические теории описывают адаптационные процессы в рамках различных направлений и школ. Представители бихевиоризма подчеркивают исключительно поведенческий аспект жизнедеятельности индивида, а вся феноменология духовной жизни сводится к совокупности поведенческих реакций, которые могут быть либо адекватными по отношению к вызвавшим их внешними стимулами, либо нет. В первом случае поведение будет адаптивным. Бихевиористы уделяют наибольшее внимание адаптационным возможностям группы, по существу игнорируя роль самостоятельной и активной личности (Б. Скиннер, Дж. Вольпе, Р. Хэнкли) [3, с. 42, 364].

Интеракционистская концепция адаптации содержит идею активности адаптирующейся личности, имеющей творческий и целенаправленный характер. Индивид в данном случае помещен не только в систему общественных функций и обязанностей, но и в поле социальных ожиданий других людей, с которыми он активно устанавливает определенные социальные отношения [2, с. 90; 3, с. 145; 6]. Согласно взглядам интеракционистов (Л. Филипс, Т. Шибутани), выделяются два основных признака эффективной адаптированности:

адаптированность в сфере «внеличностной» социально-экономической активности, где индивид приобретает знания, умения, навыки, достигает умения и мастерства;

адаптированность в сфере межличностных отношений, где устанавливаются интимные, эмоционально-насыщенные связи с другими людьми и требуется социально-психологическая компетентность, эмпатия, способность к пониманию и сотрудничеству.

Таким образом, адаптирующаяся личность должна эффективно приспосабливаться не только к системе социальных норм и требований, формирующих культуру конкретного общества, но и к системе межличностных отношений, в рамках которой осуществляются социально-психологические взаимодействия разной степени сложности. В свете интеракционизма процесс адаптивности представляется не как вынужденное приспособление индивида к специфическим условиям окружающей среды, а как полноценное и творческое раскрытие личности во взаимодействии с другими людьми. Согласно этому подходу, способность к установлению эффективных и

гармоничных межличностных взаимоотношений в значительной мере определяет социальную адаптированность, субъективное и психологическое благополучие личности.

Глубинный конфликт социализации заключается не только в подавлении биологических инстинктов и деформации человеческой сущности, но также в неспособности построить доверительные, открытые, основанные на любви отношения с другими людьми, в неумении обрести собственное устойчивое положение в мире людей. Поэтому успешная адаптация в сфере межличностных отношений рассматривается как необходимое условие душевного здоровья и психологического, субъективного благополучия личности (З. Фрэйд, Г.С. Салливан, К. Хорни).

Аналогичный подход, трактующий разнообразные феномены здорового и патологического функционирования психики как производные от социальных связей индивида, заложен в основании транзакционного анализа Э. Берна [1, с. 37]. Согласно его теории, полноценное существование индивида, его психологическое благополучие невозможно без постоянного контакта с социальной средой и представляет собой сложную социальную игру, которая может быть успешной адаптацией, либо привести к психологическому заболеванию. Наиболее целостная и завершенная психологическая концепция адаптации, учитывающая ее индивидуально-личностный аспект, была предложена Э. Эриксеном. Согласно этой теории и концепции идентичности каждая из возрастных стадий развития личности представляет собой возможность усиления адаптационных возможностей, хотя главные достижения и даются ценой кризисов [7; 3, с. 465].

Каждый человек на любой из этих стадий делает выбор между двумя альтернативными способами решения возрастных и ситуативных задач развития. Характер выбора отражается на всей последующей жизни в плане ее успешности, продуктивности, здоровья, благополучия. Жизненные циклы по сути представляют собой витки адаптационной спирали, проходя которые личность выходит на наиболее высокий уровень психологической зрелости.

Васильева О.С. и Филатов Ф.Р. выделяют в качестве основных аспектов адаптационной проблематики здоровья: экологический, нормативный и коммуникативно-интерактивный; а также четыре основных параметра здоровья: приспособленность к природному окружению; нормальность; способность поддерживать функционирование организма и психики на оптимальном уровне; гармоничная включенность в человеческое сообщество [2, с. 102].

Выделенные характеристики обеспечивают здоровое существование человека, его социальное и субъективное благополучие.

Выделяется группа концепций социальной обусловленности нарушений здоровья. Н.М. Римашевская и О.А. Кислицина разработали концепцию различий в состоянии здоровья на основе неравенства и несправедливости. Внимание фокусируется на распределении ресурсов, которые, в конечном счете, воздействуют на неравенство в здоровье, то есть на неравенство в здоровье между социальными группами, находящимися в более или менее выгодном положении. Выделяются несколько детерминант неравенства в здоровье:

поведение, наносящее ущерб здоровью, выбранное самим индивидом (вид спорта, связанный с риском);

временное преимущество одной группы над другой;

поведение, наносящее ущерб здоровью, когда выбор индивидом образа жизни существенно ограничен;

подверженность нездоровым, стрессовым условиям дома в семье и на работе;

неадекватный доступ к услугам здравоохранения;

определяемая здоровьем социальная мобильность, включая тенденцию для больных людей сдвигаться вниз по социальной шкале.

Различия в здоровье, вызванные первыми тремя факторами, обычно не рассматриваются как несправедливость в здоровье, остальные факторы определяются в качестве устранимых и считаются несправедливыми.

Еще одна концепция социальной обусловленности здоровья постулирует, что социальный слой предлагает определенные объективные условия жизни, влияющие на предрасположенность к заболеваниям и продолжительность жизни (Г. Штайнкамп).

В рамках модели стрессовой уязвимости (П. Ормел, П. Неелеман, Д. Виерсм) выделяются главные группы детерминант здоровья: демографические факторы (пол и возраст); психобиологические факторы (сопротивляемость, пластичность индивида); социальные факторы (социальный статус, условия проживания, этничность, семейное положение, социальная поддержка); социально-культурные факторы (жизненные события, стрессовые события). Детерминанты последней группы могут быть, в зависимости от характера их связей с психическим нездоровьем, усиливающими или поддерживающими его.

Различные модели психического здоровья обращены к различным уровням, регулирующим активность субъекта и, соответственно, к различным мишеням воздействия. Б.С. Братусь предложил многоуровневую модель психического здоровья, выделив несколько

уровней структуры личности, каждому из которых соответствует свое понимание психического здоровья. Согласно этой модели, высший уровень личностного здоровья, отвечающий за производство смысловых ориентаций, определение общего смысла жизни, отношение к себе и к другим, оказывает регулирующее влияние на нижележащие уровни, характеризующие степень адаптации и психофизиологическое состояние.

Еще один уровень психологического благополучия – психологическое здоровье, характеризующее процесс и результат нормального развития субъективной реальности в пределах индивидуальной жизни. А. Эллис выделяет следующие критерии психологического здоровья:

1) интерес к самому себе: чувствительный и эмоционально здоровый человек ставит свои интересы немного выше интересов других, в некоторой степени жертвует собой ради тех, о ком заботится, но не полностью;

2) общественный интерес: если человек поступает безнравственно, не отстаивает интересы других и поощряет социальный отбор, маловероятно, что он построит себе мир, в котором сможет жить уютно и счастливо;

3) самоуправление (самоконтроль): способность брать на себя ответственность за свою жизнь и одновременно стремление к объединению с другими без требования значительной поддержки;

4) высокая фрустрационная устойчивость: представление права себе и другим совершать ошибки без обсуждения своей личности или личности другого;

5) гибкость: пластичность мысли, открытость изменениям; человек не ставит себе и другим жестких неизменных правил;

6) принятие неопределенности: человек живет в мире вероятностей и случая, в котором никогда не будет существовать полной определенности;

7) ориентация на творческие планы: творческие интересы занимают большую часть существования человека и требуют с его стороны вовлеченности;

8) «научное» мышление: стремление быть более объективным, рациональным. Регуляция своих чувств и действий посредством реагирования и оценивания их последствий в соответствии со степенью их влияния на достижение близких и далеких целей;

9) принятие самого себя: отказ от оценки своей внутренней ценности по внешним достижениям или под влиянием оценки со

стороны других; стремление скорее радоваться жизни, чем утверждать себя;

10.) риск: эмоционально здоровый человек склонен рисковать оправданно и стремиться делать то, что он хочет, даже когда существует возможность неудачи; он стремится быть предприимчивым, но не безрассудно храбрым.

11) длительный гедонизм: человек ищет удовольствия как от текущего момента, так и от возможного будущего; он считает, что лучше думать как о сегодняшнем дне, так и о завтрашнем, и не одержим немедленным получением удовлетворения;

12.) нонутопизм: отказ от нереалистичного стремления к всеохватывающему счастью, радости, совершенству или к полному отсутствию тревоги, депрессии, унижения своего достоинства и враждебности;

13) ответственность за свои эмоциональные нарушения: склонность принимать на себя большую часть ответственности за свои поступки, а не стремление с целью защиты обвинять других или социальные условия [8].

Изучение различных показателей, уровней и факторов формирования социального благополучия человека (психологическое благополучие; здоровье – психическое и психологическое; социальная адаптация; субъективное благополучие) предполагает в большей степени применение интегративного подхода, в том числе и потому, что здоровье, благополучие рассматриваются как интегративная характеристика личности, охватывающая как ее внутренний мир, так и все своеобразие взаимоотношений с окружением и включающая в себя физический, психический, социальный и духовный аспекты; как состояние равновесия, баланса между адаптационными возможностями человека и постоянно меняющимися условиями среды.

Литература

1. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. Перевод с англ. / Под общей редакцией М.С. Мацковского. СПб.: Лениздат, 1992. 400 с.
2. *Васильева О.С. Филатов Ф.Р.,* Психология здоровья человека: эталоны, представления, установки: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 450 с.
3. Психология. Словарь / Под общей редакцией А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е издание, исправл. и допол. – М.: Издательский центр «Политиздат», 1990. с. 6,12,42,145,364,465.

4. Шамионов Р.М. Субъективное благополучие и ценностно-смысловые образования личности в профессиональной сфере. Известия Саратовского университета. Т.6. №1-2. С. 104-109.
5. Шибутани Т. Социальная психология. / Перевод с англ. В.Б. Ольшанского. Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс», 1999. 544 с.
6. Энциклопедический социологический словарь / Под общей редакцией Осипова Г.В., М.: 1995. с. 9,70,84,191,360.
7. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Перевод с англ. / Под. Общей редакцией А.В. Толстых. М.: Издательство «Прогресс», 1996. – 344 с.
8. Elis A., Dryden W. The Practice of Rational-Emotive (RET). N.Y.: Springer Publishing Company, 1987, P. 18-20.

ПОНЯТИЕ И СПЕЦИФИКА КАЗАХСКОЙ РЕПАТРИАЦИИ

Шакен Б., Астана (Казахстан)

Аннотация. В статье рассматривается динамика и причины изменения в научном обороте таких терминов, как «казахи, проживающие за рубежом», «оралманы», «қандас», «репатрианты», которые являются понятием казахской репатриации и ее эквивалентом. Показана актуальность репатриации и связанных с ней проблем и последствий, возникающих в казахстанских условиях не по принятым в мире формулам, а с использованием индивидуальных (в исторических, региональных, этнических контекстах) специальных теорий и методов. Принимая во внимание правовые и социальные причины которые за последние 30 лет способствовали изменению понятия этническая миграция, можно сделать вывод о несостоятельности научных терминов, возникающих вследствие правового статуса и общественного мнения. Кроме того, в статье приводятся сравнения международного опыта репатриации на примере Израиля, Германии, Польши, Кореи, Японии и т.д. и рассматриваются термины, которые могут охарактеризовать миграционные процессы этнических казахов. Объективная постановка проблемы и определения этнической миграции в отечественной науке создает условия для появления терминов в исследованных в этой области.

Ключевые слова: репатриация, казах, оралман, қандас, правовой статус, этническая миграция, возвратная миграция, диаспора, ирредент, Казахстан

THE CONCEPT AND SPECIFICITY OF KAZAKH REPATRIATION

Shaken B., Astana (Kazakhstan)

Abstract. *The article examines the dynamics and causes of changes in the scientific research over thirty years of such terms as "Kazakhs from abroad", "oralman", "kandas", "repatriates", which are the concept of Kazakh repatriation and its equivalent. The relevance of repatriation and related problems and consequences arising in Kazakhstan's conditions is not based on formulas accepted in the world, but using individual (in historical, regional, ethnic contexts) special theories and methods. Considering the legal and social reasons that have contributed to the change of the concept of ethnic migration over the past 30 years, it can be concluded that the scientific terms arising from the legal status and public opinion are invalid. In addition, the article provides comparisons of the international experience of repatriation on the example of Israel, Turkey, Germany, Russia, Poland, Korea, Japan, etc. and discusses terms that can fully characterize the migration processes of ethnic Kazakhs. The objective formulation of the problem and definition of ethnic migration in Russian science creates conditions for the appearance of terms in research in this area.*

Keywords: *repatriation, Kazakh, Oralman, Kandas, legal status, ethnic migration, return migration, diaspora, irredenta, Kazakhstan*

Introduction

Migration is a global phenomenon. Both the Kazakh land and the Kazakh people have been witnessing of continuous migration for centuries. One of them is the repatriation of ethnic Kazakhs. Researchers of the ethnic repatriation phenomenon note that this phenomenon began to be massively studied in the scientific literature from the second half of the 20th century, it has not yet been fully studied. Because the departure and return of different ethnic groups from their homeland has its own specifics and different trail. There are a lot of questions about how much of the Kazakh repatriation has been revealed in domestic and international science? Or did the terms in science describing this phenomenon fully reflect the essence of the Kazakh repatriation? And is it necessary to explain and compare the situation in Kazakhstan using foreign examples of repatriation (Israel, Germany, Poland, Russia, Japan, Korea, etc.)? Such questions indicate that in the conditions of Kazakhstan, repatriation and its consequences should be resolved not by the world-established formula, but individually (from the point of view of historical, regional, ethnical), using special theories and methods.

Sources and methods

The sources of the topic are the migration laws of the Republic of Kazakhstan, amendments and additions made in different years, and

resolutions of the Council of Ministers. In addition, legal acts of the United Nations and the Organization of International Migration, articles and interviews in the domestic press are also involved.

The article discusses ethnic return migration from an interdisciplinary point of view. In the process of analyzing the problem, the principle of historicity and scientific objectivity is followed. In addition, the methods of historical-typological, problematic, inductive-deductive, systemic, case study and comparative analysis are used.

Discussion

Past 30 years, many research papers and scientific articles on ethnic repatriation have been published. Among them were monographs and doctoral and Ph.D. dissertations, which examined the issue in detail. Scientists have studied the state, nature, and type of repatriation in Kazakhstan and the main directions of migration policy. The return of ethnic Kazakhs and the state after return, adaptation to society, assimilation, employment, psychological condition, and the reaction of the host community were considered by economic, sociology, philosophy, psychology, medicine, pedagogy, linguistics, journalism, and law.

There are historical and ethnographic study on Kazakh repatriates such as A.B. Kalysh and D.B. Kasymova "The way of integration of oralmen in Kazakhstan Society: reality and call" [1] and "The field and meanings of socio-cultural integration of ethnic repatriates" [2], K.K. Nurymbetova "Problems and prospects of repatriation in independent Kazakhstan: a historical analysis (1991-2008)" [3], K.N. Baltabayeva, T.A. Mamashev, Zh.A. Yermekbay, A.Zh. Baimagambetova "The Kazakh diaspora and return to Atameken (1991-2012)" [4], A.S. Seisenbayeva "Repatriates in the Semirechye region: ethno-cultural and migration processes" [5], M.S. Karibayev "Ethnic repatriates in East Kazakhstan: a daily history" [6]. In these books, repatriation policy of the Republic of Kazakhstan, the implemented state programs, migration laws and measures to support repatriates are presented in detail. A complete historiography on migration, diasporic study and repatriation is developed and highlighted the works of domestic and foreign scientists. Kazakh repatriates from different country evaluate their integration into the society of Kazakhstan, focusing on their ethnic identity. Moreover, it is focused on the difficulties of socio-cultural adaptation of Kazakh repatriates to Kazakhstan's society.

Results

The problem of legal status and scientific term. When it comes to calling Kazakhs, who have returned to their homeland "oralman", "kandas", "otandas", first of all, it is necessary to consider the migration law of the Republic of Kazakhstan. This is due to the fact that researchers take as a basis

the interpretation of these terms in the migration laws of the Republic of Kazakhstan.

Before the adoption of state migration laws, acts and regulations of Kazakhstan, the names “otandastar”, “kandasta”, “brothers abroad”, “representatives of indigenous peoples” were used. For example, in the resolution of the Council of Ministers of the Kazakh SSR No. 771 of November 18, 1991, it is written: «the procedure and conditions for resettlement in the Kazakh SSR of *people of indigenous nationalities* wishing to work in rural areas from other republics and foreign countries» [7]. The term “refugees-repatriates” has been used in Article 17, paragraph 3 of the Immigration Act which passed on June 26, 1992 [8]. And in the law of the Republic of Kazakhstan “On Population migration”, adopted on December 13, 1997, the concept of “repatriate-oralman” was used together [9]. In March 2002, amendments and additions were made to the law “On migration of the population”, and in accordance with 1 Article of this law the term “oralman” was used [10].

At a time when opposite opinions began to arise around this term, there were many different proposals, for example, T. Mamashev advocated the idea of the first president of the Republic of Kazakhstan N. Nazarbayev to replace the word “oralman” with the word “otandas” [11].

Some scientists in the country also opposed the use of the concept of “compatriot”. “... if we take the word compatriot, it is clear that we also use this name for people of other nationalities living in Kazakhstan, even if they are not of Kazakh nationality. Because their homeland may also be Kazakhstan” [5, p. 34].

In addition, the name “baurlas” was proposed, and ethnographers such as Zh.O. Artykbayev opposed it, arguing that this name is pronounced in the Kazakh language in relation to other Turkic-speaking peoples [12].

Finally, by the resolution of the Republic of Kazakhstan dated May 13, 2020 No. 327-VI “On amendments and additions to some legislative acts of the Republic of Kazakhstan on the regulation of migration processes”, it was renamed “kandas – ethnic Kazakh and (or) members of the Kazakh family of his nationality who were not previously citizens of the Republic of Kazakhstan, arrived in their historical homeland and received the appropriate status in accordance with the procedure established by this law” [13].

The fact that “oralman” or “kandas” is initially a temporary legal status valid only on the territory of the Republic of Kazakhstan. This is a special status that distinguishes them from other migrants. Only ethnic Kazakhs returning from foreign countries who are not yet citizens of the Republic of

Kazakhstan can get it. In addition, this status gives ethnic Kazakhs returning from abroad a number of special rights (social, economic benefits) and is valid only up to a certain date. That is, according to the law of the Republic of Kazakhstan, Kazakhs who return to the country are deprived of the status of “kandas” in the following cases: “A) after obtaining citizenship of the Republic of Kazakhstan; B) after the cancellation of the permanent residence permit in the Republic of Kazakhstan; C) one year after the date of obtaining the status of kandas” [14]. However, in the scientific literature, this legal status is often used in the sense of social status. That is, even if the legal status of kandas is canceled, they will be considered further on the basis of this concept.

It should be noted that such a trend is also found in other states. For example, in Russia “Sootechestveniki” (compatriots), in Israel “Aliyah” (ascent, going up), in Germany “Aussiedler” (settlers), in Japan “Nikkei” (peoples of Japanese descent from abroad), in Kyrgyzstan “Karilman”, in Korea “Joseonjok” (Chinese Koreans) and “Goryeoin” (Central Asia Koreans), etc. has only value, that is, does not count as an official scientific term.

Although the current name “kandas”, “oralman”, “Kazakh repatriates” refers to Kazakhs who returned from near and far abroad, it is important that there is consistency in scientific terminology, and it is correct to comply with the national standard. “This is due to the fact that the scientific term denotes and classifies a certain scientific concept in the system of terminology, and shows special accuracy of the characteristic features or the relationship with others of the object of termination” [15, p. 13]. Therefore, it should be borne in mind that the unification of terms that describe a single object brings efficiency to research in this area.

At the same time, if we consider the concept of “kandas” as an interdisciplinary term, then it should be able to fully describe and be stable the process of ethnic Kazakhs and return to Kazakhstan, which has become an object of study not only in the field of law, but also in other sciences. It is in the current conditions that it is difficult to say that this result has been achieved.

When analyzing the above data, the concept defining the legal status created to regulate relations between the state and a citizen cannot be a term based on a stable and national standard that characterizes the nature of an individual or a certain group.

The concept of repatriation in science. In the world scientific circulation, the term return migration, ethnic return migration, diasporic return migration and repatriation are often used. Now let's dwell on these concepts separately. First, it means return migration is the process or action of returning to the point of origin or departure.

According to the statistics Department of economic and Social Affairs of the United Nations, "return migrants are people who return to their home country after becoming an international migrant in another country (short or long term) and intend to stay in their home country for at least one year" [16, p. 15].

In the context of International Organization for Migration (IOM), return migration is described as the movement of people who leave their place of residence and return to their country of origin after crossing international borders. It does not matter that there is ethnic migration here. It can also be internally displaced persons within the territorial border of the country, discharged soldiers, transit migrant workers, refugees, or political asylum seekers [17, p. 15]. Despite the unambiguous definition of the concept of return migration proposed by the UN and IOM, it is used in different ways in different countries.

Next, the concept of ethnic return migration emphasizes the ethnic origin of the returning person or group in comparison with return migration. According to G. Sheffer, "ethnic return migration is the return of members of a particular ethnic group to their homeland after living abroad for one or more generations. This is a special type of international migration, because diaspora groups, while maintaining their ethno-cultural identity" at home abroad", after several generations are fully established in the same host society" [18, p. 25].

Another concept that is used to describe return migration is co-ethnic migration. John D. Skrentny, Stephanie Chan, John Fox and Denis Kim point out that co-ethnic is a group of people who are not citizens or citizens of a national state, but who have a common connection by blood and origin [19].

The next term is diasporic return or diasporic homecoming migration. According to the famous American scientist T. Tsuda's interpretation, "diasporic return or diasporic homecoming migration refers to certain political repressions or diaspora ethnic groups scattered across different territories for economic reasons and united by a sense of love for the country of ethnic origin" [20, p. 31].

In general, migration and diaspora are closely related concepts. In migration, the concept of diaspora is used to identify the types of migrant and migrant groups, their causes, and types. Typically, diaspora return migration occurs in three different patterns, the first, economic diaspora, in economics these are also referred to as labor migrants. One such diaspora is the working Japanese, who moved to Brazil masse at the beginning of the 20th century, and the Korean diaspora, who emigrated to America. The examples of these groups T. Tsuda prefers to use the term diasporic return or diasporic homecoming migration.

The second, victim diaspora – peoples who forcibly moved from their country to another place for various political, religious, cultural, ethnic, linguistic, national reasons. Victim diaspora is also called a catastrophic diaspora by some scientists. A striking example of this in migration are the Jews. However, it is common practice to consider the return of Jews to Israel as ethnic return rather than diaspora return.

Third, nonmigratory diaspora is a type of diaspora that occurs not due to migration or change of residence, but due to various political conflicts and border changes of national states due to a contract. The population living here near the border remains on the territory of the neighboring state and is a diaspora, even if they live in their homeland.

Some scholars also refer to diasporic return as ethnic unmixing, that is, part of an ethnic group that lives scattered in other countries. In his dissertation "Migration and ethnic diversity in the Soviet and Post-Soviet space", Youngook Jang notes that until 1991, the national and migration policy of the Soviet Union had a unique opportunity to allow other ethnic groups to maintain their national identity (the status of a National Autonomous Republic), and after the collapse of the Soviet Union, some non-indigenous ethnic groups remained in the diaspora, where they have long lived legally. For example, according to the 1989 All-Union census, the number of people living outside the Republic, "of which it is a titular nation, was 73 million. Of these, Russians are 25 million, and other ethnic groups are 12 million" [21, p. 17].

Another widely used concept, repatriation, which has two interpretations in international law and migration policy, is also closely related to this return migration.

In a narrower sense, repatriation is used in national law as the right of a refugee or prisoner of war to return to the country of which he is a citizen. In a narrower sense, repatriation is used in national law as the right of a refugee or prisoner of war to return to the country of which he is a citizen. And according to the extended interpretation, a repatriate is a person who, for reasons of a socio-economic or personal nature, is a citizen or voluntarily moved to his country of ethnic origin for permanent residence. In this regard, the governments of some countries and their state programs consider repatriation as a kind of return migration, that is, the process of returning to the ethnic homeland. An ethnic homeland often refers to a country or region that people associate with the ethnic origin of their or their ancestors (unless they previously migrated from here). As a rule, this condition is determined by ethnic and religious ties.

However, there are various conflicting opinions among scientists on the area of use of the term repatriation. According to R. Hut, «the concept of

repatriation should not be applied to all Poles from the East, among them there are people who were born, grew up on the outskirts of the territory of Poland and are not bidirectional, but only unidirectional immigrants, that is, Migrants. In this regard, he proposes the term “uojczyzienie – impatriation – impatriation – domestication” to describe the migration to the homeland of a generation of people of the same ethnic group but born in another state» [22, p. 46]. R. Hut notes that he does not support the use of this term in relation to the poles of the East, who, due to the territorial division between Poland and the Soviet Horde, remained on the territory of another state, but lived in his native land.

Description and specifics of the Kazakh repatriation. When analyzing the above examples, the question arises of which term or concept will be appropriate to describe the return of ethnic Kazakhs to our country. Guided by the way in which each term is interpreted in its own way in different states, in the field of science and in the works of individual scientists, the main problem here is not which term is used, but what is important to give an internal content to that term.

Therefore, when determining the return migration of ethnic Kazakhs, it is necessary to come from the following two points: a) external structure-the return of a thing or person to the place to which it belongs in general; b) internal content – the withdrawal at the expense of certain circumstances, that is, the return of a returning individual or group to a country that does not have ethnic ties, but is a citizen, and has ethnic ties, but is not a citizen.

From the point of view of the external structure of repatriation of Kazakhs on the sidelines, all the terms repatriation, ethnic return migration, co-ethnic migration, diaspora return migration can fully reveal this situation. As for the internal content, it is better to start the issue with the historical and territorial location, which was formed due to the departure of Kazakhs abroad from Kazakhstan and stay outside the current borders of Kazakhstan.

G.M. Mendikulova for the first-time classified Kazakhs abroad into two groups: irredenta and diaspora. It is this classification that plays an important role in determining the internal content of the return migration of Kazakhs on the outskirts. In addition, another important point is the concept of historical boundaries. This is because the Kazakh diaspora was formed not only due to emigration, but also due to the change of state borders in different historical and political periods.

For example, the Kazakh diaspora are a group of Kazakhs who have moved from their homeland and settled on the lands of another state. Among them are Kazakhs from Afghanistan, Iran, Turkey, and Europe. As for irredenta Kazakhs, G.M. Mendikulova believes that Kazakhs living outside the territory of Kazakhstan in Russia, China, Uzbekistan cannot be attributed to

the “diaspora” at all. Because they live in their homeland, and they are defined by the term “irredenta” [23].

Therefore, the phrase “return to the modern territory of independent Kazakhstan” would be more appropriate for them than to use the phrase “return to the homeland”. In general, such irredenta groups T. Tsuda refers to the nonmigratory diaspora [20], R. Considered by Brubaker as ethnic unmixing [24].

Now, taking into account these specified features, we will focus on the internal content of the return migration of Kazakhs, in the case of the return of Kazakhs of the Diaspora: A) all returning Kazakhs were not born and did not live in the modern territory of Kazakhstan; B) they are at least the second, third generation born in another country; C) return to the place of origin of their ancestors, to their homeland; and in the case of irredenta Kazakhs: A) not born and did not live in the modern territory of Kazakhstan; B) a group of Kazakhs who lived in their homeland, but returned to the modern territory of Kazakhstan.

Therefore, the return of ethnic Kazakhs to their homeland is the return of ethnic Kazakhs living outside their homeland to the present territory of the Republic of Kazakhstan due to historical and political decisions.

Several types of repatriation of ethnic Kazakhs can be listed as follows:

first, it is voluntary; second – motivated by the direct organization of the Republic of Kazakhstan; third – irredenta and diasporic nature; fourth – permanent, that is, long – term; fifth – long-distance and short-distance; sixth – from various political and cultural backgrounds (Soviet, Islamic, Chinese, Mongolian, etc.).

Conclusion

Since the creation of the migration law of the Republic of Kazakhstan, repatriation of ethnic Kazakhs in the near and far abroad, which has become one of the main directions of this law, has been considered as one of the examples of ethnic migration in both world and domestic science. This ethnic migration has become the object of study of various disciplines, and many works have been published. However, the term contradictions in this literature indicated the need for a scientific concept independent of public opinion and legal status.

Summing up the analysis in the main part, it is proposed to indicate «repatriation of ethnic Kazakhs or Kazakh repatriation» as a consistent scientific term, the external structure of which is based on an international standard, the internal content is supplemented by historical, cultural, regional features of Kazakh repatriation, and its participants – Kazakh repatriates.

References

1. *Калыш А.Б., Касымова Д.* Поле и смыслы социокультурной интеграции этнических репатриантов. Алматы: Қазақ университеті, 2014. 240 с.
2. *Калыш А.Б., Касымова Д.Б.* Пути интеграции оралманов в Казахстанское общество: реалии и вызовы. Алматы: Қазақ университеті, 2013.
3. *Нұрымбетова К.Қ.* Тәуелсіз Қазақстандағы репатриация мәселелері мен болашағы: тарихи талдау (1991-2008 жж.). Алматы, 2010. 128 б.
4. *Балтабаева К.Н., Мамашев Т.А., Ермекбай Ж.А., Баймағамбетова А.Ж.* Казахская диаспора и репатриация (1991-2012) / научный ред. Мажитов С.Ф. Алматы: Елтаным, 2015. 568 с.
5. *Сейсенбаева А.С.* Жетісу аумағындағы репатрианттар: этномәдени және миграциялық үрдістері: филос. док.PhD ... дис. Алматы, 2014. 132 б.
6. *Карибаев М.С.* Шығыс Қазақстандағы этникалық репатрианттар: күнделікті тарихы: филос. док.PhD ... дис. Өскемен, 2021. 235 б.
7. Қазақ КСР Министрлер Кеңесінің 1991 жылғы 18 қарашадағы №771 Қаулысы // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P910000711_
8. 1992 жылы 26 маусымда қабылданған «ҚР Иммиграция туралы» Заңы // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1001223&pos=2;-104#pos=2;-10
9. 1997 жылы 13 желтоқсанда қабылданған ҚР «Халықтың көші-қоны туралы» Заңы // URL: https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/Z970000204_/13.12.1997
10. 2002 жылы наурыз айында «Халықтың көші-қоны туралы» Заңға өзгертулер мен толықтырулар // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1030132&pos=7;-29#pos=7;-29
11. *Мамашев Т.* Оралман емес, Отандас // Қазақ елі, 2008. 26 Маусым. №9-10.
12. *Артықбаев Ж.О.* Оралман, қандас, бауырлас, ағайын немесе отандас. Дұрысы қайсы? // Сұхбаттасқан Б. Ахметұлы. 2019. – 20 қараша. URL: <https://informburo.kz/kaz/oralman-andas-bauyrilas-aauyn-nemese-otandas-drysy-ausy.html?ysclid=ld66h0akdi405177018>

13. 2020 жылғы 13 мамырдағы Қазақстан Республикасының № 327-VI «Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне көші-қон процестерін реттеу мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы» қаулысы // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/archive/docs/Z1100000477/01.01.2022>
14. Қандас статусын қалай алуға болады // URL: https://egov.kz/cms/ru/articles/kandas_rights_conditions?ysclid=lcjk1pk4qx51363726
15. *Скорородько Э.Ф.* Вопросы перевода английской технической литературы Изд. 2. Киев: Киев. ун-та, 1963. 91 с.
16. Glossary on Migration. International Migration Law. IOM. 2019. 15 p. // URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/iml_34_glossary.pdf
17. International Migration Law. Glossary on Migration. Geneva. IOM. 2004. 15 p. // URL: http://publications.iom.int/system/files/pdf/iml_1_en.pdf
18. Sheffer G. From diasporas to migrants – from migrants to diasporas // *Diasporas and ethnic migrants: Germany, Israel, and Post-Soviet successor states in comparative perspective.* Frank Cass, 2003. P. 21-55.
19. *De Tinguay A.* Ethnic Migrations of the 1990s from and to the Successor States of the Former Soviet Union: ‘Repatriation’ or Privileged Migration // *Diasporas and Ethnic Migrants: Germany, Israel, and Post-Soviet Successor States in Comparative Perspective.* Eds. Muenz R., Ohlinger R. Portland: Frank Cass, 2003.
20. *Tsuda T.* Diasporic Homecomings: ethnic return migration in comparative perspective. California: Stanford University Press, 2009.
21. *Jang Y.* Migration and ethnic diversity in the Soviet and Post-Soviet space // A thesis submitted to the Department of Economic History of the London School of Economics and Political Science for the degree of Doctor of Philosophy. London, 2018. 169 p.
22. *Hut P.* Warunki zycja I process adaptacji repatriantow w latach 1992-2000. Warszawa, 2002. URL: <http://www.biuletynmigracyjny.uw.edu.pl/2002>
23. *Мендикулова Г.М.* Казахская диаспора: история и современность. Алматы: Всемирная Ассоциация Казахов, 2006. 343 с.
24. *Brubaker R.* Migrations of ethnic unmixing in the New Europe // *International Migration Review.* 1998. No. 32(4). P. 1047-1065.

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ КУЛЬТУР НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАХСТАНА)

Шаукенова З.К., Курганская В.Д., Алматы (Казахстан)

Статья подготовлена в рамках финансирования КН МНВО РК (BR18574231 «Научно-методологические основы нациестроительства в Казахстане: оценка современных условий, тенденций и проекционных/оценочных моделей развития полиэтнического общества»)

Аннотация. Современный мир характеризуется культурным разнообразием: в мире насчитываются несколько тысяч этносов, которые проживают в границах более чем 200 государств. Подавляющее большинство современных государств являются полиэтничными. Не исключением является и Казахстан, где проживает около 130 наций и народностей. В статье показан высокий потенциал казахстанской культуры в формировании единства казахстанского общества, в построении нового справедливого Казахстана.

Ключевые слова: культурные связи, общечеловеческие духовные ценности, взаимовлияние культур

MUTUAL INFLUENCE OF CULTURES IN THE EURASIAN SPACE (ON THE EXAMPLE OF KAZAKHSTAN)

Shaukenova Z.K., Kurganskaya V.D., Almaty (Kazakhstan)

Abstract. *The modern world is characterized by cultural diversity: there are several thousand ethnic groups in the world that live within the borders of more than 200 states. The vast majority of modern states are multiethnic. Kazakhstan is no exception, where about 130 nations and nationalities live. The article shows the high potential of the Kazakh culture in the formation of the unity of the Kazakh society, in the construction of a new fair Kazakhstan.*

Keywords: *cultural ties, universal spiritual values, mutual influence of cultures*

Великий Шелковый путь как симбиоз культур

В Казахстане культурные связи и межкультурные коммуникации между народами, проживавшими на его территории, зародились в глубокой древности. Многие этнические группы, проживающие на территории современного Казахстана, имеют общее историческое прошлое и долгосрочные экономические и политические связи, связующим звеном в которых служил Великий Шелковый путь. Исследования показывают, что в первых веках до нашей эры Китай и Европа уже обменивались такими товарами, как шелк, фарфор и чай.

Великий Шелковый путь процветал в I-V веке нашей эры. Самый интенсивный товарооборот происходил в VII-IX веках нашей эры, а затем постепенно уменьшается вследствие развития морской торговли.

Караванные пути проходили по территории современного Казахстана. Историк А.Т. Капаева отмечает: «Хозяйственно-культурная и политическая жизнь на территории Казахстана во многом определялась ее географическим положением на перекрестке путей, в первую очередь Великого шелкового пути. Здесь шел процесс взаимообогащения культур. Несомненно, это наложило отпечаток на религиозную жизнь рассматриваемого региона, так как здесь с глубокой древности сосуществовали различные культы и верования, а номады зачастую были носителями этих религий, выступая связующим звеном между различными цивилизациями» [3, с. 61-62].

Казахстанский культуролог М. Ауэзов, много времени посвятивший исследованию культурных аспектов феномена Шелкового пути, видит в нем возрожденческое начало. В одном из интервью, ссылаясь на концепцию «осевого времени» К. Ясперса, он высказывает свое понимание процесса одновременного возникновения именно на Шелковом пути таких великих мифологических систем и религиозно-философских учений, как конфуцианство, даосизм, буддизм, зороастризм и др. По его словам, в землях, охваченных «осевым временем», во времени – от «осевой эпохи» до европейского Возрождения, – в определенной последовательности и причинно-следственной связи происходили ренессансные явления, подарившие высокие смыслы и славу мировому историческому процессу. Как считает культуролог, это было развитие интеллектуально-информационного потенциала взрослеющего человечества, хотя остановки в развитии, регресс, деградация и увядание на этом пути случались в периоды вынужденной капитуляции подлинного знания перед фрагментарным, дробным, эгоцентричным и агрессивным псевдосознанием, отдающим предпочтение дозированной и поэтому, конечно же, искаженной информации [5].

Встреча оазисных земледельческих и кочевых скотоводческих культур на Шелковом пути открыла новый этап в развитии межцивилизационных отношений. Это взаимодействие не наносило вреда ни одной культуре и не строилось по модели вытеснения или замены одной цивилизации другой. Традиционные символы плодородия и возрождения, ритуальная пища, вера в космологическое древо жизни, очистительную силу огня, свадебные обряды и ритуалы,

семейные обряды, связанные с воспитанием детей, различаются у народов на огромной территории лишь в деталях. Сюжеты настолько универсальны и переплетены, что трудно определить, какой компонент культуры принадлежит тому или иному народу.

В настоящее время Шелковый путь получил второе дыхание в проекте «Один пояс – один путь», который был впервые озвучен председателем КНР Си Цзиньпином во время визитов в страны Центральной Азии и Индонезию осенью 2013 года [4]. Инициированный КНР, этот проект может стать стратегией развития международной торговли, экономики и культуры на целом континенте, где проживает едва ли не половина населения земного шара.

Культура в создании общечеловеческих духовных ценностей

В сегодняшнем взаимосвязанном мире каждая национальная культура многочисленными нитями неизбежно связана с другими. В одном из интервью немец-эмигрант, живший в России, а затем в Казахстане, следующим образом охарактеризовал значимость присутствия элементов многих культур в мировоззрении современного человека: «Если меня отправят когда-нибудь в Германию, и у меня отберут коржун⁵ русский и коржун казахский, я страшно обеднею. Я не представляю интерес, благодаря только своим коржунам на самом деле у меня есть русский дух, казахский дух, немецкий дух. И вот такой я – советский немец. А если я буду просто немцем, я буду сразу чувствовать себя обедненным человеком, и мне это не интересно. Я за то, чтобы немцы, которые уехали в Германию, долго помнили, что они – российские немцы и не вытравливали из себя всю русскую, всю российскую культуру, которую они за двести с чем-то лет вобрали в себя. Я – за то, чтобы немцы освоили хорошо немецкий язык, немецкие порядки, всю немецкую ментальность, но при том оставались российскими немцами с русским духом, с казахским духом, с киргизским духом».

В этом высказывании красной нитью проходит очень важная мысль – изолировать свою национальную культуру от других культур – это тупиковый путь для культуры любого народа, а способность одного народа осваивать достижения другого – важный показатель жизнеспособности культуры. Национальная культура должна быть открытой для мира, она не может развиваться вне целостного

⁵ Коржун (каз.) – мешок с подарками, один из атрибутов свадебного ритуала.

исторического контекста, в котором функционирует культура данной эпохи. Смысл культурного движения в том, чтобы на основе общечеловеческих приоритетов открыть простор национальному духовному развитию, свободе национальных культур и языков, с уважением относиться к особенностям каждой культуры.

Взаимопроникновение культур не только обогащает нацию, но и позволяет ей делиться своими духовными ценностями с другими, обеспечивает взаимодействие и взаимопонимание людей, их восприятие инонациональных ценностей, преодолевает деформации в межнациональных отношениях. В Казахстане в сельской местности в местах проживания разных этносов невозможно встретить, например, мононациональную свадьбу, юбилей, причем на них звучит музыка всех народов.

Являясь составной частью мировой культуры, каждая культура взаимодействует как партнер и соучастник в создании общечеловеческих духовных ценностей, развиваясь, по образному выражению М.М. Бахтина, на основе диалога культурных атомов. «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом..., между ними как бы начинается диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур... При такой диалогичной встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, но они взаимно обогащаются» [1, с. 335].

Расширение коммуникативных практик может рассматриваться как положительное явление, способствующее утверждению интернационализированных образцов поведения. В условиях глобализации прозрачность государственных границ и рост культурно-этнической диверсификации внутри самих государств делают невозможной культурную однородность населения. В настоящее время нередко встречается ситуация, когда человек, постоянно проживая в одной стране, имея там семью и определенный социальный статус, выполняет подобную работу и в другой стране. Проживая долгое время в разных странах, например, ученые и преподаватели являются уже представителями нескольких культур, включая в свои коммуникативные практики модели поведения, заимствованные из других культур. Таким образом, принцип исключительной принадлежности каждого человека к одной отдельной культуре постепенно теряет свою актуальность.

Общечеловеческая культура подразумевает наивысший расцвет культуры, сочетающий интересы и идеалы народов мира и

представляющий единую, общепланетарную культуру человечества. Восточные и западные ценности, античные, средневековые, возрожденческие, нововременные системы мировоззрений не уходят в прошлое. Они раскрывают своё смысловое богатство для современного человека только по отношению друг к другу, только в значимости каждой отдельной культуры для универсума культурного бытия.

Создание взаимосвязанной в своих частях мировой экономики стирает различия народов не только в экономике, но и в быту, в национальных оттенках, в психике и культуре, в языках и прочих сторонах человеческой жизни, формируя будущий общецивилизационный образ жизни. Последние кризисные явления в финансовой сфере развитых стран показывают, насколько национальные экономики далеких друг от друга как географически, так и цивилизационно стран взаимосвязаны и взаимозависимы. Сегодня становится все более очевидной невозможность решать экономические, социально-политические, межнациональные и культурные проблемы на основе противостояния, противоборства, провозглашения превосходства одной стороны над другой.

Культуре вообще свойственно воплощать в своем объединяющем сущностном единстве множество различающихся проявлений. По мнению российского исследователя А.В. Гулыги, «современная художественная культура едина, но и многообразна. Многообразие проявляется в существовании субкультур, порожденных различными условиями бытия той или иной социальной группы (класса, нации и т.д.). Единство – в готовности к диалогу, в способности понять другого, усвоить его достижения» [2, с. 14]. В Казахстане такое многообразие культур обуславливается их совместным историческим развитием, сочетанием различных цивилизационных устоев и традиций, перекрещивающейся во многом многонациональностью населения. Причем все эти факторы действовали длительное историческое время, в силу чего они наложили заметный отпечаток на культурные традиции соседних народов, и эти традиции продолжают проявлять себя в нынешнее неустойчивое, кризисное время.

Многонациональные традиции как основа жизнедеятельности казахстанцев

Казахстанское общество содержит большой потенциал для межнационального согласия, и культура в этом процессе занимает свое прочное место. Согласно результатам республиканского социологического исследования 2022 г., посвященного изучению восприятия населением ситуации в сфере культуры и культурной

политики в Республике Казахстан⁶, более половины всех респондентов во всех жизненных сферах – быт, питание, распорядок и образ жизни, хобби, общение, общественная активность – придерживаются многонациональных (казахстанских) традиций и норм.

Значительное большинство респондентов считают, что «единство всех народов Казахстана» является главным фактором сплочения населения ради данной идеи (83,3%). Знание языка и культуры казахского народа всеми гражданами также является важным фактором сплоченности для 69,1% казахов, 62,9% русских, 59,6% респондентов других национальностей.

Довольно неоднозначно оценивают респонденты особенности казахстанской культуры. Примерно четвертая часть респондентов считают, что казахстанская культура обладает высоким потенциалом (26,3%), однако третья часть считают, что хотя потенциал к развитию в культуре присутствует, но он не реализуется в силу разных объективных и субъективных причин (30%). Причем довольно значительная часть респондентов (26,9%) критично оценивает способность казахстанской культуры к быстрым и решительным изменениям в силу ее традиционности и консерватизма, и небольшая часть респондентов (7,7%) утверждают, что потенциал к изменениям не реализуется из-за неверной государственной политики в области культуры.

Позитивные и негативные оценки культурной политики разделились почти поровну. Респонденты, высказывавшие скептицизм в отношении особенностей казахстанской культуры, довольно критически воспринимают проводимую государством культурную политику: 19,9% считают, что она не соответствует требованиям времени и должна быть реформирована, 19,2% утверждают, что проводимая государством культурная политика не отвечает интересам всех слоев и социальных групп общества, а 8,4% – полагают, что государство не уделяет в должной мере внимания развитию духовно-культурного процесса в Казахстане. Примерно столько же отмечают, что проводимая государством культурная политика соответствует

⁶ Социологическое исследование было проведено в июне - июле 2022 года ОО «НИА «ИНСТИТУТ ДЕМОКРАТИЙ» по заказу ИФПР, по республиканской выборке, репрезентирующей взрослое (старше 18 лет) население Казахстана во всех областях страны. Были опрошены 3000 респондентов, 51 эксперт, проведены 15 фокус-групп.

требованиям времени (18,6%), способствует ценностной консолидации казахстанского общества (24,4%).

Самыми слабыми сторонами культурной политики были названы три: отсутствие четкой и понятой системы ценностей, принимаемой большинством общества (23,4%); не учитываются интересы всех слоев и групп населения (22,9%); несоответствие официальной культурной политики реальному состоянию культуры в современном казахстанском обществе (19,4%). Статистически значимой разницы в ответах на эти вопросы различными этническими группами не выявилось.

Заключение

Духовно-мировоззренческие основания социальности, основанные на общечеловеческих ценностях, должны быть положены в основание процессов реформирования казахстанского общества и построения нового справедливого Казахстана, курс на который провозгласил Президент страны К.-Ж.К. Токаев. Только личность, сознательно-свободно идентифицирующая себя в ценностно-смысловых контекстах национальной традиции и в диалоге этнических культур, иными словами – всесторонне и глубоко образованная личность, может развивать выработанные современной цивилизацией демократические государственно-политические, правовые институты и формы самоуправления без утери национально-культурной идентичности. Новый справедливый Казахстан – это утверждение в обществе таких общечеловеческих ценностей и норм общения, которые помогают развитию истинно демократического государства, где отсутствуют проявления национального экстремизма, где нет дискриминации по этническим, расовым и религиозным признакам, где отсутствует сама риторика этнического и другого неравенства и строго соблюдаются права человека и гражданина, принципы гласности и законности. Краткий экскурс в историю взаимодействия культур народов евразийского пространства показывает большой потенциал казахстанского общества в дальнейшем развитии общечеловеческих ценностей и построении нового общества.

Литература

1. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. *Гулыга А.В.* Искусство в век науки. Серия: Философия, экономика, право. М.: Наука 1978. 180 с.

3. Капаева А.Т. Религиозная толерантность в Казахстане: история и современность // Казахская цивилизация: Университет Кайнар, 2013, № 2. С. 61-67.
4. Си Цзиньпин: «Один пояс и один путь» откроет новые горизонты мечты. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0811/c1001-25439028.html>. (Дата обращения: 15.05.2023).
5. Интервью с Муратом Ауэзовым. [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/14194679567226208501>. (Дата обращения: 19.05.2023).

БАЛЛАДНЫЕ ПЕСНИ В ЭТНОКУЛЬТУРЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Щербакова О.С., Барнаул (Россия)

Аннотация. В статье рассматривается вопрос современного бытования балладных песен в этнокультуре русского населения Алтайского края. Представлен анализ фольклорно-песенных материалов экспедиционных записей, проведенных автором статьи в период 1990- 2023 гг. Делается вывод об активном бытовании тематических групп жанра у населения края в конце XX столетия и постепенном его угасании к началу третьего десятилетия XXI в.. Подчеркивается необходимость осуществления творческой работы по освоению балладных песен фольклорными и народно-певческими коллективами с целью сохранения жанра.

Ключевые слова: баллады, балладные песни, этнокультура, русское население Алтайского края

BALLAD SONGS IN THE ETHNOCULTURE OF THE RUSSIAN POPULATION OF ALTAI TERRITORY

Shcherbakova O.S., Barnaul (Russia)

Abstract. The article reveals the issue of the modern existence of ballad songs in ethnic culture of Russian population of the Altai Territory. Presented the analysis of folk song materials of expeditionary records made by the author of the article in the period 1990-2023. The conclusion is made about the active existence of the thematic groups of the genre among the population of the region at the end of the 20th century and its gradual extinction by the beginning of the third decade of the 21st century. The need for creative work on the development of ballad songs by folklore and folk singing groups in order to preserve the genre is emphasized.

Keywords: ballads, ballad songs, ethnic culture, Russian population of the Altai Territory

Русская народная баллада привлекала внимание отечественных исследователей XIX-XX вв., которые рассматривали жанр как эпико-повествовательный и лиро-драматический. Весомый вклад в изучение жанра внесли Н.П. Андреев, В.П. Аникин, Д.М. Балашов, П.Г. Богатырев, В.М. Жирмунский. Ю.И. Смирнов, Н.И. Кравцов, А.В. Кулагина, В.Я. Пропп, Б.Н. Путилов, В.И. Чернышев и другие.

А. Кулагина, характеризуя жанр, пишет: «Баллады – это эпические песни с семейно-бытовой тематикой, в основе которых лежат трагические конфликты... в центре внимания баллад – индивидуальные судьбы людей, в силу исторических или социальных условий попавших в безысходные ситуации» [1, с. 6]. Д.М. Балашов определяет жанр баллады как «повествовательную песню драматического характера... действие сведено к одному эпизоду, изложение кратко и стремительно» [2, с. 10]. В. Я. Пропп отмечает, что сферой народных баллад «являлся мир человеческих страстей, трактруемых трагически» [3, с. 63].

Развиваясь в течение нескольких веков, русская народная баллада впитывала в себя устные предания, сюжеты из жизни и литературных источников. Наиболее распространенной у исследователей является классификация баллад по тематическому принципу или сюжетам, а именно: исторические, социально-бытовые семейно-бытовые, военно-бытовые, баллады о разбойниках, любовные.

Лирические балладные песни до сих пор бытуют в народной среде, в том числе в этнокультуре русского населения Алтайского края. Рассмотрим балладные песни Алтайского края на основе фольклорно-экспедиционных записей автора статьи, проведенных в период 1990 – 2023 гг.

Народные исполнители бытовых певческих Алтайского края не называют балладные песни словом «баллада» и не выделяют их из других жанровых групп необрядовой лирики. Здесь наблюдается отличие бытования баллад на Алтае и, например, на русском Севере, где, по замечанию А.В. Кулагиной, «произведения этого жанра певцы отличают от былин, называя их «стихами» или «песнями», и поют, как и былины, в одиночку или вдвоем-втроем» [1, с. 6]. В связи с этим подчеркнем, что на Алтае стихами (или стишками) принято называть только духовные стихи, исполнение же балладных песен не ограничивается каким-либо количественным составом и является неприуроченным к периоду народного календаря, что схоже с традициями юга России, где «баллады исполняются хором, как протяжные лирические песни!» [1, с. 6].

Одной из наиболее популярных у всех бытовых певческих группах Алтайского края является баллада «Скакал казак через долину». В Алтайском регионе существует множество вариантов, как поэтического, так и музыкального текста этой песни. Её сюжет имеет трагическую основу: влюбленный казак уезжает на службу, заверенный обещанием невесты дождаться его. Вернувшись через год, он от встречной старушки узнает, что ему «казачка изменила, другому сердце отдала», казак от отчаяния «снял с плеча свою винтовку, и жизнь покончил навсегда».

Также общераспространенной в регионе является балладная песня «Отец мой был природный пахарь» на стихи Д. В. Веневитова. Песня связана с событиями 17 мая 1918 года, когда начался мятеж Чехословацкого корпуса, изменивший ход Гражданской войны в России. Изначальной основой для этой песни явилась «Песнь грека», сочиненная в 1825 году талантливым русским поэтом романтического направления Дмитрием Веневитиновым (14 (26) сентября 1805, Москва – 15 (27) марта 1827, Санкт-Петербург).

Баллада с сюжетом «Муж и сын-солдаты вернулись домой, но жена не узнала их» имела активное бытование до начала XXI столетия, в основном в старожильческих этногруппах (Баевский, Петропавловский, Шипуновский и другие районы). Рассматривая данную балладу, А.В. Калугина выделяет несколько аспектов трагического: общенародный, семейный и личный. В данном сюжете «трагическое ... проявляется в раскрытии тяжелой участи народа: двадцатилетняя солдатчина, разлучающая мужа и жену; судьба женщины, считавшей себя вдовой» [1, с. 8].

В певческих группах поздних переселенцев наиболее любимы любовные баллады, в которых жертвой обычно становится обманутая девушка. Это песни с зачином «Я сидела, да все мечтала у открытого окна», «Течёт речка по песку, а за ней протока». Беглянка, вернувшись с новорожденным сыном в дом к матери, не принимается ею, и поэтому единственным выходом для нее является гибель (обычно девушка топится в море). Из баллад, трагический конфликт которых кроется в социальном неравенстве героев, распространены «Деревенская Катя-пастушка», «За грибами все девчонки» (Краснощекковский, Петропавловский районы).

Как у старожилов, так и поздних переселенцев популярны семейно-бытовые балладные песни. В их сюжете трагический конфликт проявляется обычно в трагедии внутри семьи – убийстве невинной жертвы: «Королик молодой» (старшая сестра топит младшую, чтобы овладеть ее женихом) «Из-под бережка, из-под

крутого» (муж избавляется от жены – топит в реке)(Бийский, Каменский, Краснощековский и другие районы).

На Алтае широко известна баллада с литературной основой «Хас Булат». Наиболее интересный вариант песни записан в с. Большая Речка Троицкого р-на Алтайского края. Он распет в стиле крестьянской протяжной песни (медленный темп, вставные гласные (ве(е)сел(ы) си(и)дишь, ду(ю)ма, спо(а)могу, кру(ю)гом, разукра(я)шу) моло(я)дой, скользи(е)ла(я), ру(ю)ка) и междометия (ох, да, эх), огласовки согласных (ве(е)сел(ы), стар(ы), плыл(ы):

«Разбулат удалой, да что(и)-то не ве(е)сел(ы) си(и)дишь?

Ох(ы), ду(ю)ма твоя обуяла, ох(ы), тебя.

Ты не думай думу, да, я ли-то тебе спо(а)могу,

Бедну саклю твою разукрашу, ох, кру(ю)гом».

Одной из редко бытующих является баллада с сюжетом «Муж-разбойник», записанная в селе Усть-Пустынка Краснощековского района Алтайского края. В данной, социальной по тематике балладе, социальный конфликт переплетен с семейным. В результате преступного промысла мужа трагически погибает шурин – брат жены:

«Ни хотела меня мать за полковничка отдать

Отдала меня мамаша за разбойничка. /...../

Ночка тёмна настаёт, воровать милой идёт.

Он по тройке, по четвёрке вороных коней ведёт. /...../.

А моё сердце не стерпело рубашонку развернуть.

Развернула и узнала, на груди её братска кровь.

Ой муж, да ты мой муж, муж разбойничек.

Ты зачем брата убил своего шурина.

А не я его убил, а ночка тёмная».

Музыкальный анализ балладных песен, бытующих в Алтайском регионе, позволил выявить их характеристики: музыкально-поэтическая форма песен строфическая, обычно с формулой $A(a+v)+B(c+d)$ («В лес девчонки», «Из-под бережка», «Хас-Булат»), реже с формулой $A(a+b)+A1(a1+b1)$ («Отец мой был природный пахарь»). Лад песен минорного наклонения с одним устоем, реже секундовой или квартовой переменности. Размер произведений переменный, обычно, двух или трехдольный. Звучат песни в умеренном темпе. Основной напев – широкого диапазона, в мелодике, помимо поступенных и волнообразных ходов, часто встречается восходящие и нисходящие скачки. В целом, данные характеристики отражает общерусские закономерности жанра.

Таким образом, рассмотрение фольклорно-песенных материалов экспедиционных записей, проведенных автором статьи в период 1990 –

2023 гг. позволяет сделать вывод об активном бытовании тематических групп балладных песен, в основном любовной и семейно-бытовой тематики, в этнокультуре русского населения Алтайского края в конце XX столетия и постепенном его угасании к началу третьего десятилетия XXI в. В настоящее время в отдельных локусах пока еще записываются наиболее популярные баллады, они любимы народом, а при их пении у исполнителей возникает чувство сопереживания и сострадания героям. С целью сохранения жанра балладных песен в русской народно-певческой культуре, подчеркнем необходимость осуществления активной творческой работы по его изучению и освоению региональными фольклорными и народно-певческими коллективами.

Литература

1. *Баллады* / Сост., подгот. текста и коммент. Б. П. Кирдана. Вступ. ст. А. В. Кулагиной. Москва: Русская книга, 2001. 464 с.
2. *Русская народная баллада* / сост. Д. М. Балашов. Москва: Современник, 1983. 311 с.
3. *Пропп В.Я.* Поэтика фольклора. Москва: Изд-во «Лабиринт», 1998. 352 с.

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ИНТЕГРАЦИИ ЕВРАЗИЙСКИХ НАРОДОВ

Щукина Р.И., Пермь (Россия)

***Аннотация.** В статье рассмотрены специфика, актуальные вопросы интеграционных процессов и возможные направления и технологии их оптимизации в условиях полиэтничного сообщества Пермского края. Современные тенденции позитивного взаимодействия стран Евразийского сообщества актуализируют практический опыт социокультурной интеграции евразийских народов как в Российской Федерации в целом, так и в отдельных ее регионах. Актуальность заявленной к исследованию в статье проблемы проявляется в обосновании значимости понятия «евразийство» на современном этапе. В теоретическом аспекте основой для раскрытия содержания данного понятия послужили подходы его трактовки в научной литературе. Данный факт обусловил исследование тенденций и направлений эмпирического материала и практического опыта адаптационных процессов, конкретизацию и корректировку их содержательной оценки. В этом контексте акцент сделан на обосновании роли социальных институтов, механизмов, инструментов и технологий взаимодействия, способствующих*

интеграционным процессам и их результативности. При этом выявлены имеющиеся проблемы социокультурной адаптации евразийских народов в условиях региона и предложены пути их решения.

Ключевые слова: евразийство, ценностные аспекты социальная адаптация, трудовая миграция, миграционная политика, миграционные потоки, культурное пространство, национально-культурное общественное объединение

THE ROLE OF NATIONAL-CULTURAL PUBLIC ASSOCIATIONS IN THE INTEGRATION OF THE EURASIAN PEOPLES

Schukina R.I., Perm (Russia)

Abstract. *The article discusses the specifics, topical issues of integration processes and possible directions and technologies for their optimization in the conditions of the multi-ethnic community of the Perm Territory.*

Current trends in positive interaction between the countries of the Eurasian Community actualize the practical experience of the socio-cultural integration of the Eurasian peoples both in the Russian Federation as a whole and in its individual regions. The relevance of the problem stated for research in the article is manifested in the substantiation of the significance of the concept of "Eurasianism" and it at the present stage. In the theoretical aspect, the approaches to its interpretation in the scientific literature served as the basis for substantiating the substantive aspects of this concept. This fact led to the study of trends and directions of empirical material and practical experience of adaptation processes, the concretization and adjustment of their meaningful assessment. In this context, the emphasis is on substantiating the role of social institutions, mechanisms, tools and technologies of interaction that contribute to adaptation processes and their effectiveness. At the same time, the existing problems of socio-cultural adaptation of the Eurasian peoples in the conditions of the region were identified and ways to solve them were proposed.

Keywords: *Eurasianism, value aspects of social adaptation, labor migration, migration policy, migration flows, cultural space, national-cultural public association*

Современный дискурс понятия «евразийство» позволяет констатировать, что в условиях глобализации это понятие не утрачивают своей актуальности, а дискуссии о его сути лишь усиливаются. В связи с данной тенденцией возникает необходимость корреляции содержания евразийства в рамках его гуманистического измерения, определения специфики содержания на современном этапе в аспекте ретроспективного и сравнительно-сопоставительного анализа. В научных источниках наблюдается разновекторная

направленность осмысления содержания этого феномена на разных этапах исторического развития. Анализ различных идеологических коннотаций евразийства приводит к выводу, что его трактовки в современной науке поливариантны и неоднозначны [4, 5].

Это можно объяснить сложностью и многоаспектностью сущностной природы самого понятия евразийства, многообразием и ситуативностью форм и уровней его проявления, разнообразия и взаимовлияния культур евразийских народов. Кроме того, имеют значение и ракурсы рассмотрения социокультурного пространства стран Евразийского континента в различных измерениях, например, в рамках различных исторических эпох или политических условий, а также в трансформации отношений евразийских народов и стран. В этом контексте еще Л. Гумилев подчеркивал: «К сожалению, в XX веке мы <...> начали руководствоваться европейскими принципами, пытались всех сделать одинаковыми. А кому хочется быть похожим на другого? Механический перенос в условия России западноевропейских традиций поведения дал мало хорошего, и это неудивительно» [3, с. 292].

Осмысление ценностных основ евразийства в новых условиях - закономерный процесс. Так, в условиях переоценки тенденций развития современного мира претерпевает изменения система глобальных приоритетов России. К примеру, до 2023 года достаточно сдержанно использовалось понятие «Евразийский континент» как отдельное самостоятельное направление внешней политики России. Сегодня оно стало весьма актуальным и активно обсуждаемым как в науке, так и в управленческой практике, что позволяет говорить о трендовом повороте политики нашей страны на Восток. Данное обстоятельство активизировало научные дискуссии о выраженной евразийской идентичности России и её значимости в евразийском пространстве. Несомненное достоинство данного тренда заключается в том, что, с одной стороны, появляются возможности по-новому осмыслить понятие территориального странового пространства и границ, трактуемых не в традиционном геополитическом аспекте. С другой стороны, нетрадиционные подходы обуславливают активизацию включения в общее региональное поле новых объединений, в том числе национально-культурных общественных институтов, способствующих интеграционным процессам евразийских народов.

Анализ генезиса категории «евразийство» позволяет утверждать, что российские мыслители уделяли пристальное внимание его изучению, разным граням его содержания и социокультурной и

политической значимости. Генезис осмысления данной категории во времени достаточно продолжительный. На современном этапе широкий диапазон и разнообразие механизмов и форматов интеграции в Евразии – уникальное явление, обусловленное сложностями специфики политики, истории, географии и культуры региона. Еще на заседании дискуссионного клуба «Валдай» в 2013 г. В.В. Путин отметил: «Евразийский союз – это проект сохранения идентичности народов, исторического евразийского пространства в новом веке и в новом мире. Евразийская интеграция – это шанс для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального развития, а не периферии для Европы или для Азии» [1]. Неоднократно обращаясь к проблеме евразийства, президент страны, например, в выступлении на церемонии открытия в Пекине в 2019 году Международного форума «Один пояс, один путь» в Пекине В. Путин подчеркнул, что «большая Евразия – это не абстрактная геополитическая схема, а, без всякого преувеличения, действительно цивилизационный проект, устремлённый в будущее» [2].

Разнообразные формы интеграции лучше всего подходят к евразийским реалиям. Однако при этом следует избегать фрагментации, то есть отсутствия взаимной координации или даже превращения во взаимоограничивающие факторы. Некоторые из интеграционных механизмов являются закрытыми или полузакрытыми, в них могут участвовать не все страны региона, и в отсутствие скоординированного развития они могут начать ограничивать друг для друга и влиять на развитие двусторонних экономических отношений между государствами. Большое количество интеграционных механизмов может улучшить экономические отношения в субрегионах, но это не обязательно способствует интеграции в более широком масштабе или в более широком евразийском контексте. Действительно, если мы говорим о том, что на самом деле в основе Евразии лежит некое единство, то без анализа этнических отношений, межнациональных отношений, обойтись невозможно. В нашем плавленом тигле получается достаточно неплохо сосуществовать различным этносам, причём основа этого существования – **русская культура и русский язык**. Именно они становятся универсальным фактором взаимопонимания, взаимопроникновения высокой культуры и науки, где-то даже фактором модернизации. И это принимается большинством народов, которые вовлекаются в орбиту русского влияния. Это не вызывает такого радикального отторжения. Конечно, никакие отношения не могут быть идеальными, бывают войны и конфликты. Но это далеко не

та модель, которая, например, была организована англосаксами в Индии, Юго-Восточной Азии, или французами в Африке, где реально идёт отторжение, где было сопротивление западному колониализму. То есть в пространстве Евразии русская культура не воспринималась как нечто чужеродное, которое требует искоренения по отношению к своим национальным культурам, и во многом это остается до сих пор так, несмотря на существование национальных государств. В евразийстве XXI века мы выйдем, скорее всего, за пределы этой схемы. То есть эта схема, скорее всего, реальна, она как теория уже существует в сознании, она оспаривается или подтверждается, но, тем не менее, в XXI веке она востребована. При этом Пермский край – один из самых крупных полиэтничных субъектов Российской Федерации (проживают более 120 народов и этнических групп) [7]. Однако обострение правоотношений, в том числе и в Пермском крае, происходит на основе обновления этнической структуры за счет весьма активных миграционных потоков. В Российской Федерации разработана и функционирует нормативная база, регламентирующая государственную национальную (этническую) политику с учетом международных стандартов, стратегической целью которой является обеспечение специфических потребностей различных этнонациональных групп в области языка, национальной культуры - то есть создание условий для реализации прав на сохранение этнической самобытности [8]. В условиях демократизации рост этнического самосознания в России (и в Пермском крае тоже) сопровождается повышением порога конфликтности, усугубляющимся вовлечением в межэтнические конфликты молодежи, почва для которых – права человека [7]. По мнению отечественных ученых, глобализация резко обострила проблему национально-культурной идентичности, которая угрожает истреблению малочисленных этносов. Широкий диапазон и разнообразие механизмов и форматов интеграции в Евразии являются уникальным явлением, обусловленным сложной политикой, историей, географией и культурой региона. Разнообразные формы интеграции лучше всего подходят к евразийским реалиям. Однако при этом следует избегать фрагментации, то есть отсутствия взаимной координации или даже превращения во взаимограничивающие факторы. Некоторые из интеграционных механизмов являются закрытыми или полузакрытыми, в них могут участвовать не все страны региона, и в отсутствие скоординированного развития они могут начать ограничивать друг друга и влиять на развитие двусторонних экономических отношений между государствами. Большое количество интеграционных механизмов может улучшить экономические

отношения в субрегионах, но это не обязательно способствует интеграции в более широком масштабе или в более широком евразийском контексте.

Элементами интеграции можно выделить: когнитивный и психологический. Когнитивный элемент включает в себя: усвоение норм, ценностей, правил и форм поведения, восприятие и истолкование той или иной ситуации. Он зависит от: интеллектуального уровня развития; особенностей внимания, мышления, подвижности, нервной системы и когнитивной сферы индивида. Психологический элемент состоит в психической переориентации, под которой понимается выработка оценок и эмоциональной и интеллектуальной обработки ситуации. При этом значительно изменяются: социальные установки индивида, взгляды, отношения, мотивы и цели.

Таким образом, адаптация к условиям жизни в незнакомой социокультурной группе способствует развитию системы высшего образования, сохранению и совершенствованию высокопрофессиональных кадров. Положительная адаптация к образовательному пространству в вузе способствует более быстрой адаптации человека к другим сферам жизни.

Необходимость социальной адаптации трудовых мигрантов в Пермском крае и в г. Перми актуализируется рядом социально значимых причин. Это выраженная тенденция обновления этнической структуры Пермского края, о чем свидетельствуют данные переписей населения региона. Согласно переписи населения 2010 г., на фоне снижения общей численности постоянного населения края (с 2002 года сократилась численность русских почти на 280,2 тыс. человек, татар – на 21,1 тыс. человек и т. д.) возросло число узбеков – с 2 тыс. человек до 4,2 тыс.; таджиков – с 2 тыс. до 3,5 тыс.; киргизов – с 0,2 тыс. человек до 1 тыс. человек; армян с 5,0 тыс. до 5,5 тыс. человек [12]. Вопросы развития сферы межэтнических отношений в современной науке относят сегодня и к теоретическим, и к актуальным практическим проблемам современности. Эта сфера представляет собою сложное многоплановое явление, включающее социально значимые аспекты развития общества. Вместе с тем она вполне самостоятельна и развивается в соответствии с определенными социально-экономическими и политическими тенденциями. Главными предпосылками актуализации межэтнических отношений в постсоветской России стали тенденции развития этнополитической ситуации 90-х годов XX века. К их числу можно отнести, во-первых, процесс модернизации российского общества на рубеже 1980–1990-х годов в целом и сферы национальных (этнических) отношений в

частности; во-вторых, полиэтничность России и Прикамья, стремление народов к этнической и культурной консолидации, рост этнического самосознания народов и этнических групп; в-третьих, усиление роли негосударственных организаций: как составляющая гражданского общества этнокультурные институты стали играть важную роль в этнополитической и социокультурной жизни, в развитии этнических культур и межкультурного диалога. В числе вызовов и угроз и незаконная миграция, и несовершенство системы адаптации мигрантов, и формирование замкнутых этнических анклавов, и региональная экономическая дифференциация и т.д. Усиление межэтнической напряженности, в том числе и на региональном уровне, происходит на основе обновления этнической структуры за счет активных миграционных потоков, что может спровоцировать конфликтные ситуации. «Существенные различия в культуре, в том числе в системе ценностей, структуре накопления и потребления новых мигрантов и местного старожильского населения приводят к возникновению напряженности» [13].

Литература

1. Владимир Путин принял участие в итоговой пленарной сессии международного дискуссионного клуба «Валдай». Тема юбилейного заседания клуба – «Многообразие России для современного мира»// [Электронный ресурс]-Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243>
2. Владимир Путин принял участие во втором Международном форуме «Один пояс, один путь» // [Электронный ресурс]-Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/60378>
3. *Гумилев Л.* От Руси до России. Очерки этнической истории. М.: Айрис Пресс, 2008. С. 292.
4. *Кинева Т.С.* Евразийство в современном идейно-политическом пространстве России Государственное управление. Электронный вестник Выпуск № 18. Март 2009 г.
5. *Ларюэль М.* Переосмысление империи в постсоветском пространстве: новая евразийская идеология // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 34.
6. О государственной программе «Обеспечение взаимодействия общества и власти»: постановление Правительства Пермского края от 3 октября 2013 г. № 1326-п. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req> (дата обращения: 12.03.2023).

7. О краевой целевой программе развития и гармонизации национальных отношений народов Пермского края на 2009–2013 годы: закон № 378-ПК. URL: <http://mk.permkrai.ru/upload/> (дата обращения: 12.04.2023).
8. О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://президент.рф/news/17165> (дата обращения: 14.04.2023).
9. Опыт Пермского края получил высокую оценку. URL: <http://www.permonline.ru/index.cfm?page=1151&newc=17848docme.ru/doc/726742/institut-situacionnogo-analiza> (дата обращения: 16.04.2023).
10. Пермский край должен поделиться опытом с другими URL: <http://permonline.ru/index.cfm?page=1151&newc=8834> (дата обращения: 16.04.2023).
11. Пермь едва не превратилась в Бирюлево. URL: <http://www.59.ru/text/news/745195.html> (дата обращения: 14.04.2023).
12. Портал Всероссийской переписи населения 2020. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>, а также портал Всероссийской переписи населения 2020. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 14.04.2023)
13. *Савва М.В.* Конфликтный потенциал межэтнических отношений на Северном Кавказе//Центральная Азия и Кавказ. Журнал социально-политических исследований. 2004. №3 (33). Центр социально-политических исследований. С. 72-83 (дата обращения: 12.08.2019).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллаева Гюзаль Сайфуллаевна – аспирант, Киргизско-Турецкий университет «Манас» (Бишкек, Кыргызстан), sayfulla-ab@rambler.ru

Абдуллаев Сайфулла Нурмухамедович – д.фил.н., профессор кафедры русского языка, Иссык-Кульский государственный университет имени К. Тыныстанова (Бишкек, Кыргызстан), sayfulla.abdullayev@list.ru

Аманжолова Дина Ахметжановна – главный научный сотрудник, д.и.н., профессор, Институт российской истории Российской академии наук (Москва, Россия), amanzholova19@mail.ru

Артюхин Михаил Иванович – к.ф.н., доцент, руководитель Центра мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров, Институт социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь), art47@mail.ru

Байбосунова Гулзат Усонбековна – старший преподаватель, Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына (Бишкек, Кыргызстан), gulzatbaibosunova@gmail.com

Бендрикова Альбина Юрьевна – канд. социол. наук, доцент, Алтайский государственный медицинский университет (Барнаул, Россия), bendrikova-a@mail.ru

Бобунова Мария Александровна – д.фил.наук, профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия), bobunova61@mail.ru

Бобчак Софья Витальевна – студент, Школа искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия), ismoon_12@icloud.com

Бокаева Айгуль Касеновна – канд. филос. наук, доцент, (Астана, Казахстан), bokayevaigul@gmail.com

Боркошев Меражидин – кандидат педагогических наук, доцент, декан педагогического факультета, Баткенский государственный университет, (Кызыл-Кия, Кыргызстан), borkoshev@mail.ru

Ван Сяоюй – аспирант факультета культуры и искусств, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия), wangxiaoyu@list.ru

Гаврилова Анастасия Сергеевна – студентка, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Москва, Россия), AnastasiaGavrilova-1@yandex.ru

Гао Суйсян – аспирант факультета культуры и искусств, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия), ivanovayuv@gmail.com

Грицких Надежда Викторовна – к.с.н., доцент, и. о. зав. кафедрой культурологии и управления социальными процессами, Иркутский государственный университет (Иркутск, Россия), anris@list.ru

Демидов Владимир Павлович – к.ф.н., доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия), demidov-vp@spbstu.ru

Дмитриева Лидия Михайловна – д.фил.н., профессор, зав. Кафедрой русского языка как иностранного, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), dmitrlm@mail.ru

Долженкова Екатерина – канд. полит. наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы (Санкт-Петербург, Россия), skinx@inbox.lv

Дыгало Екатерина Сергеевна – студентка, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия), ekaterina.dygalo@bk.ru

Егорова Мария Михайловна – младший научный сотрудник Департамента психологии и образования Школы искусств и гуманитарных наук (Владивосток, Россия), mari.yegorova.19@mail.ru

Егунова Валентина Алексеевна – студент, Школа искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия), valentinayegunova343@gmail.com

Жалсанова Баирма Михайловна – к.ф.н., доцент кафедры теории и истории культуры, искусств дизайна, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия), bairma-ts@mail.ru

Замараева Зинаида Петровна – д.с.н., заведующая кафедрой социальной работы и конфликтологии Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия), zinaidazamaraeva@mail.ru

Злобина Юлия Игоревна – к.ф.н., доцент, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), zlobyi@yandex.ru

Ильченко Евгений Иванович – студент, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия), eugenne27@mail.ru

Камчыбек уулу Мырзабек – канд. психол. наук, доцент, директор института социально-гуманитарных наук Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан), myrza.kamchybekov@gmail.com

Каплун Оксана Юрьевна – к.соц.н., доцент, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия), oksil77@mail.ru

Касымова Алма Кабдыровна – доцент, Международный университет Астана (Астана, Казахстан), bokayevaaigul@gmail.com

Кочкорова Гулнур Атамырзаевна (Кызыл-Кия, Кыргызстан), kochkorova73@bk.ru

Красильникова Оксана Сергеевна – старший преподаватель кафедры теории и методики преподавания гуманитарных дисциплин Института образования, отсутствует, Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия), oks-vulf@yandex.ru

Курганская Валентина Дмитриевна – д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник, Институт философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, (Алматы, Казахстан), vkurganskaya@mail.ru

Лазаренко Эльмира Сатывалдиевна – кандидат политических наук, докторант кафедры философии, кандидат политических наук, Кыргызско-российский славянский университет им. Б.Н. Ельцина, докторант кафедры философии им. Академика А.Ч. Какеева (Бишкек, Кыргызстан), elmira.satyvaldy@gmail.com

Максимова Светлана Геннадьевна – д.соц.н., профессор, заведующий кафедрой социальной и молодежной политики АлтГУ (Барнаул, Россия), svet-maximova@yandex.ru

Маленов Александр Александрович – к.п.с.н., заведующий учебно-научной лабораторией, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия), malyonov@mail.ru

Маленова Арина Юрьевна – к.п.с.н., доцент, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия), malyonova@mail.ru

Марков Александр Анатольевич – д.с.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Россия), mark08@list.ru

Матвеенко Маргарита Вячеславовна – студент, департамент психологии и образования, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия), margot.lannister@gmail.com

Моисеева Алина Юрьевна – студент, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия), moiseeva.ay@students.dvfu.ru

Московкина Евгения Александровна – к.фил. н., доцент кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), evgenya.moskovkina@yandex.ru

Мохорова Анна Юрьевна – к.пол.н., доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия), mokhorova@list.ru

Ноянзина Оксана Евгеньевна – к.соц.н., начальник информационно-аналитического отдела ГИВЦ Министерства культуры Российской Федерации (Москва, Россия), noe@list.ru

Нурсултанова Ляззат Нурбаевна – д-р. ист. н, профессор, Международный университет Астана (Астана, Казахстан), 2012nura@bk.ru

Омельченко Дарья Алексеевна – к.с.н., доцент, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), daria.omelchenkok@mail.ru

Осипова Елена Николаевна – аспирант Института гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), el-osipova@mail.ru

Погодин Сергей Николаевич – д.и.н., профессор, директор Высшей школы международных отношений, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия), pogodin_sn@spbstu.ru

Потапов Александр Константинович – к.и.н., преподаватель института СПО, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия), poalexk2187@yandex.ru

Потапова Юлия Викторовна – к.п.с.н., доцент, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия), kardova.jv@gmail.com

Пушкевич Сергей Александрович – научный сотрудник Центра мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров, Институт социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь), pushkevich@gmail.com

Рыбак Наталья Станиславовна – магистрант, Институт социальных наук, Иркутский государственный университет (Иркутск, Россия), nirk2k@gmail.com

Саютина Ирина Петровна – начальник Управления социальной защиты населения по Шелаболихинскому району, аспирант, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), irinasauti@rambler.ru

Сидоренко Игорь Олегович – аспирант, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), sidorenkoigor22@mail.ru

Синенко Екатерина Андреевна – канд. ист. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, (Барнаул, Россия), gorbeleva@yandex.ru

Сун Цзяцзя – аспирант, кафедра русского языка как иностранного, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), dmitrlm@mail.ru

Сытых Ольга Леонидовна – д.ф.н., профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), sytykh@yandex.ru

Третьякова Ольга Сергеевна – педагог, МБОУ «Подсинская СШ» (Абакан, Россия), helga-sonne@yandex.ru

Умурзакова Гульнара Каримовна – преподаватель кафедры государственного и официального языков, Международный университет им. К. Ш. Токтомаматова (Джалал-Абад, Кыргызстан), Lupsia@mail.ru

Чжан Мяо – аспирант факультета культуры и искусств, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия), zhangmiao88@yahoo.com

Чжан Юньфэй – ассистент, кафедра русского языка как иностранного, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), dmitrlm@mail.ru

Чуканова Татьяна Викторовна – к.с.н., доцент кафедры социальной и молодёжной политики, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), chukanova.64@mail.ru

Шаукенова Зарема Каукеновна – д.с.н., профессор, вице-президент Национальной академии наук Республики Казахстан, академик НАН РК (Алматы, Казахстан), zarema_13@bk.ru

Шуай Чжао – аспирант факультета культуры и искусств, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия), zhaoshuai@inbox.ru

Щербакова Ольга Семеновна – к.п.н, профессор, зав. кафедрой народного хорового пения, Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия), olga-uzorie@mail.ru

Шукина Раиса Ивановна – к.ф.н., доцент, кафедра социальной работы и конфликтологии, юридический факультет, Пермский государственный национальный исследовательский университет Пермь, Россия), raisa.schukina@mail.ru

Научное издание

**СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И РАЗВИТИЕ ЭТНОКУЛЬТУР В
ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Сборник материалов

*XI Международная конференция «Социальная интеграция и
развитие этнокультур в евразийском пространстве»*

I

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 31.07.2023.

Дата выхода издания в свет: 1.11.2023.

Формат 64x84 1/16. Усл.-печ. л. 17,3

Тираж 300 экз. Заказ 389.

Типография Алтайского государственного университета:
656049, ул. Димитрова, 6б